

И. ДАВЫДОВ

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ СОВЕТСКОЙ КОСМОНАВТИКИ

И. В. Давыдов

**Триумф и трагедия
советской космонавтики**

Глазами испытателя

Москва
2000
Глобус

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Д 81

Давыдов И. В.

Д 81 Триумф и трагедия советской космонавтики. Глазами испытателя. — М.: "Глобус", 2000 г., 368 с., ил.

ISBN 5-8155-0051-8

Книга хорошо известного советским космонавтам, и не только им, полковника ВВС И.В. Давыдова, автора трилогии "Полет продолжается", "Дыхание бессмертия", "Икары звездных дорог", раскрывает новые страницы истории освоения космоса, повествует о трудностях, с которыми столкнулись первопроходцы, решая проблемы выживания после завершения космического полета, знакомит с новыми именами неизвестных героев, скрытыми прежде за грифом секретности.

Большинство фотографий, представленных в книге, публикуется впервые.

ISBN 5-8155-0051-8

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© И. В. Давыдов, Триумф и трагедия советской космонавтики, 2000 г.

© Издательство "Глобус", 2000 г.

© Составление, редакция, заключительная статья, комментарии, подбор иллюстраций В. А. Привалова, 2000 г.

Предисловие

Рассказать все о космонавтике и космонавтах в одной книге невозможно.

Автор книги Иосиф Давыдов и не стремится сделать это невозможное. Он пытается приоткрыть еще несколько страниц той летописи в истории космонавтики, свидетелем и участником событий которых он был лично сам или слышал из уст людей, которые шли с ним рядом по тернистым, ранее спрятанным за грифами секретности, дорогам космоса.

В космонавтике И. Давыдов не новичок. В начале 1960 года он соприкоснулся с ней на аэродроме «Чкаловский», где проходил испытания «Бассейн невесомости» — самолет ТУ-104, специально оборудованный для экспериментов по невесомости и подготовки первого отряда космонавтов.

Участвуя в обеспечении этих полетов, он познакомился с Владимиром Комаровым, который позвал его в космонавтику. В 1963 году получил назначение в Центр подготовки космонавтов, где и проработал 25 лет.

Все эти годы находился на ответственных направлениях, связанных с безопасностью пилотируемых космических полетов.

Лично был свидетелем триумфальных и трагических финалов космических полетов. Через подразделение, которым он командовал в Центре, прошел весь отряд космонавтов в процессе подготовки к действиям по выживанию после вынужденной посадки в экстремальных условиях различных климато-географических зон.

Читая его повести, рассказы, очерки и зарисовки мы узнаем о людях, которые в труднейших ситуациях, связанных с потерей здоровья, а иногда и жизни не теряли своего человеческого достоинства, своей чести.

И. Давыдов дает свое видение и толкование событий, которое не всегда соответствует официальным сообщениям. Он имеет на это право, ибо был не сторонним наблюдателем, а находился в гуще происходящего, болезненно переживая трагедию России, когда предавалось анафеме лучшее, что принесли в нашу жизнь космонавты и космонавтика.

Все дальше отодвигается время, в котором под покровом тайны прятали не только технические достижения, но и простые человеческие чувства тех, кого судьба вывела на орбиту и тех, кто готовил космонавтов к полету в малоизведанный мир, к безопасному возвращению из него.

События, о подготовке к которым и их осуществлении рассказывает автор, иначе как историческими не назовешь. И очень важно, чтобы они остались в памяти живущих как олицетворение мужества, стойкости целого поколения людей, беспрдельно любивших свою Великую Родину, преданно служивших ей. Иосиф Викторович Давыдов не просто свидетель и непосредственный участник великих событий века. Его можно назвать одним из активных творцов космического подвига нашего народа.

**Генерал-лейтенант авиации,
доктор военных наук, профессор,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза
В. В. Васютин**

О тех, кто не дошел до своего старта

Когда речь заходит о пилотируемой космонавтике, сразу в памяти всплывают лица и имена многих и многих людей, кто не дошел до своего старта.

Еще в 1954 году в первом отчете о своей научной деятельности в АН СССР (в 1953 году он был избран ее членом-корреспондентом) Сергей Павлович Королев загорелся идеей послать Человека в космос и предложил создать ракету-лабораторию для спуска лаборатории и экипажа на Землю. Прошло всего четыре года и группа К.П.Феоктистова из его ОКБ подготовила «Материалы предварительной проработки вопроса о создании спутника Земли с человеком на борту», которые, одобренные и подписанные М.К.Тихонравовым и заместителем главного конструктора К.Д.Бушуевым, были представлены 15 августа 1958 года С.П.Королеву. А 27 мая 1959 года С.П.Королев вместе с академиком М.В.Келдышем направили в правительство докладную записку «О развитии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по освоению космического пространства».

Сергея Павловича Королева по праву можно назвать крестным отцом первого отряда космонавтов. Поддерживая группу медиков, возглавляемую В.В.Лариным, он считал, что первый в космос может полететь военный летчик.

Группу специалистов, которой была поручена эта необычная работа, возглавил легендарный летчик, один из первых Героев Советского Союза, участник полярной

эпопеи по спасению челюскинцев — генерал-лейтенант авиации Каманин Николай Петрович.

Его статус был определен как Помощник Главнокомандующего ВВС по подготовке и обеспечению космических полетов. Заместителем Н.П. Каманина был полковник медицинской службы Карпов Евгений Анатольевич, которому совместно со специалистами Института авиационной и космической медицины было поручено разработать критерии по здоровью космонавта и участвовать в подборе кандидатов на космические полеты. Впоследствии Карпов Е.А. был первым начальником Центра подготовки космонавтов.

И поехала по городам и весям, а точнее по воинским частям ВВС эта группа специалистов, изучая личные дела, летные и медицинские книжки молодых летчиков.

После отбора лучших из лучших с ними проводили беседы и ехали дальше, чтобы снова отбирать лучших из лучших.

А затем начали вызывать в Москву в ЦНИАГ — Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь, что расположился в Сокольническом парке, тех, на ком остановился выбор.

И таких в первом отряде космонавтов оказалось двадцать человек.

О том, как зарождался Первый отряд космонавтов, кто первым прибыл в него, кто возглавил, где жили, с чего начинался Звездный городок, отдельный рассказ.

7 марта 1960 года приказом Главнокомандующего ВВС Главного маршала авиации Вершинина К.А. были первые назначения на должности космонавтов ВВС. С этого дня и считается начало отряда космонавтов.

Потом были и другие наборы из частей Министерства обороны. Среди них оказались и ракетчики, и моряки, и инженеры из Института ПВО.

Вскоре после первых стартов, когда стало ясным, что Человек может жить и работать в космосе, возникла необходимость подобрать специалистов различных профессий для решения обширных исследовательских и испытательных задач в новой для Человека среде обитания.

И потянулись в пилотируемую космонавтику ученые, инженеры, врачи и биологи.

Пройдены огни и медные трубы. Осталось крещение морем.
Космонавт-испытатель Николай Степанович Порваткин
облачен в гидрокостюм «Форель» и готовится к испытаниям в спускаемом аппарате

Он же в скафандре на резиновой шлюпке
после завершения тренировки
Фото из архива Н.С.Порваткина

Это была интеллектуальная элита нации. Они приходили из разных министерств и ведомств: Академии Наук СССР, Министерства общего машиностроения, Министерства авиационной промышленности, Министерства здравоохранения СССР.

В космонавтику шли озаренные мечтой о небе люди. Нарастал темп космических полетов и исследований. И рядом со славой и удачей шли беда и боль, утраченные грезы, драмы и трагедии.

Сколько этих славных людей, прошедших через горнило отбора, не дошли до своих стартов?!

Причины были разные.

Испытатель Владимир Гайдуков и космонавт Валерий Илларионов
в зоне малярийных субтропических болот
готовят укрытие из парашютной ткани спускаемого аппарата

Подорванное в испытаниях и исследованиях, а всего обидней — в быту здоровье, отдельные пункты автобиографии, такие как национальность или судимость и местонахождение родственников, конфликты с начальством в борьбе за справедливость. Многие из них так и остались дублерами.

Валерий Илларионов захватил все необходимое
и покинул спускаемый аппарат

И в первую очередь хотелось бы назвать имена женщин-космонавтов, которым кто-то мудрый дал имя: «Звездные женщины».

Через сколько физических и духовных испытаний прошли эти порой хрупкие и нежные создания, поддерживая на протяжении многих лет форму готовности к полету.

Были среди них и такие, кто пожертвовал своим женским личным счастьем ради счастья полета и не обрели ни того, ни другого.

Об этих женщинах-космонавтах отдельный рассказ.

У космонавтов Елены Ивановны Доброквашиной
и Екатерины Александровны Ивановой
небольшой перерыв между тренировками.
Для фотокора можно и улыбнуться
(в середине — инструктор, он же автор книги)

А сейчас хочется назвать имена не дошедших до своего старта и начать со Звездных женщин.

После жесткого отбора в марте-апреле 1962г. в первой женской группе космонавтов осталось пять человек. Из них в космос поднялась единственная Валентина Владимировна Терешкова. Вместе с ней готовились к полету студентка Рязанского педагогического института парашютистка Жанна Дмитриевна Еркина (по мужу — Сергейчик); Татьяна Дмитриевна Кузнецова — сотрудница Московского института радиоэлектроники, член сборной страны по парашютному спорту (по мужу — Пицхелаури); Валентина Леонидовна Пономарева, инженер Отделения прикладной математики АН СССР, занималась самолетным спортом; Соловьева Ирина Баяновна, инженер проектно-конструкторского бюро треста «Уралэнергомонтаж», член сборной страны по парашютному спорту.

Из двадцати пилотов, набранных в первый отряд военных космонавтов (МО СССР) в марте-июне 1960 года не дошли до старта по разным причинам восемь человек:

Аникеев Иван Николаевич, Бондаренко Валентин Васильевич, Варламов Валентин Степанович, Заикин Дмитрий Алексеевич, Карташов Анатолий Яковлевич, Нелюбов Григорий Григорьевич, Рафиков Марс Закирович, Филатьев Валентин Игнатьевич.

В СССР существовал не один, а несколько отрядов космонавтов (Центра подготовки космонавтов ВВС, космонавтов-испытателей Головного конструкторского бюро ракетно-космической корпорации «Энергия», космонавтов-испытателей Института медико-

биологических проблем, космонавтов-испытателей летно-исследовательского института им.М.Громова). Создавались также группы космонавтов-испытателей космической техники и проводился целевой набор космонавтов для различных проектов — в частности— полета на кораблях «Восход», «Восход-3» по научной и медицинской программам, для полетов с участием женщин, для программы «Буря», для полета в космос первого советского журналиста и другие). Особняком в этом ряду стоял так называемый отряд космонавтов Академии наук. Именно особняком, ибо несмотря на неоднократные постановления, этот отряд как постоянное формирование так и не был создан, хотя теперь известны те, кто входил в этот небольшой коллектив. Считается, что первый набор в отряд АН СССР был 22 мая 1967 года. В отряд зачислили четверых: двух научных сотрудников Института земного магнетизма и радиоволн АН СССР: Рудольфа Алексеевича Гуляева и Ординарда Пантелеймоновича Коломийцева (они ушли из этой группы после завершения общекосмической подготовки в 1968 году), Фаткуллина Марса Нургалиевича — старшего научного сотрудника этого же института, который прекратил подготовку в 1970 году по собственному желанию из-за, как он считал, ее бесперспективности.

Еще один кандидат в космонавты — Валентин Гаврилович Ершов — научный сотрудник Института прикладной математики, был отстранен от подготовки в 1974 году по состоянию здоровья (по его же мнению — за отказ вступить в КПСС).

Однако, по-настоящему, наверное, этот список кандидатов в Отряд АН СССР должен был бы открывать заведующий лабораторией Института автоматики и телемеханики АН СССР Георгий Петрович Катус, который приступил к подготовке на корабле «Восход» еще 1 июня 1964 года и был дублером К.П. Феоктистова.

Во втором наборе в отряде космонавтов в 1963–1964 годах появились также инженеры, летчик-испытатель и один штурман. Из 16 также 8 человек остались на Земле и уже никогда не поднимутся в околоземное пространство:

Буйновский Эдуард Иванович,
Воробьев Лев Васильевич,
Воронов Анатолий Федорович,
Гуляев Владислав Иванович,
Колодин Петр Иванович,
Кугно Эдуард Павлович,
Куклин Анатолий Петрович,
Матинченко Александр Николаевич

Списки эти мы надеемся продолжить в следующей книге.

Старт с различных ракурсов

Старт в космонавтике это наиболее ответственный, наиболее опасный и наиболее эффектный участок космического полета. Его, порой, годы ждут космонавты, находясь в постоянной готовности и напряжении. Старта ждут все те, кто создавал, снаряжал и готовил к полету ракеты, космические корабли и станции... С волнением, затаив дыхание, ждут все присутствующие на космодроме и за его пределами команду: «Ключ на старт!»

Мне посчастливилось видеть старты космических кораблей и станций с разных расстояний и в разное время суток. Видел я и удачные и аварийные старты. Зрелище это поистине фантастическое и грандиозное и навсегда фиксируется в памяти...

Особенно запомнился ночной старт станции «Салют». За день до старта готовились списки людей, допущенных на площадку, откуда производился запуск...

В гостинице «Космонавт» на семнадцатой площадке города Ленинска никто не спит, несмотря на глубокую ночь. Приближается время отъезда. Светятся огни на улицах Ленинска, да красные огни на телебашне. Небо звездное. Ночь душная. Если отойти в сторону от огней гостиницы к открытому летнему бассейну и поднять голову, глядя на бесконечный звездный мир, разверзшийся над тобой, то в преддверии космического старта приходят философские размышления: как могущественен человек и как он мал и

пока еще слаб в этом просторе Вселенной... Но размышлять долго не приходится. Призывно звучит сигнал автобуса и все устремляются в его салон. Распахнуты ворота семнадцатой площадки, выпуская автомашины с членами Государственной комиссии. Следом за ними, неуклюже разворачиваясь на двух крутых поворотах выходят автобусы, которые тоже направляются на смотровую площадку. В них те, кому также позволено сегодня прикоснуться к ночному таинству...

И вот кавалькада вышла на прямую как стрела автостраду, ведущую от Ленинска к площадкам запуска. За пределами контрольно-пропускного пункта колонна стремительно набирает скорость и устремляется в темноту степи, разрывая мрак светом фар. Мелькают километры. В автобусах оживленно беседуют, но никто не говорит о предстоящем старте. Все хотят сами воочию увидеть это таинство и не портить его словоблудием. Ведь каждый воспримет это по-своему...

И вдруг кто-то говорит: «Вот она красавица!» Взгляды всех в автобусе направлены в указанную сторону. Еще до места пуска много километров, но прожекторы высветили белое тело ракеты. Она издали стройна и изящна. Не видно ферм обслуживания и от этого кажется, что ракета светится каким-то внутренним вездомным светом. Но по мере приближения создается впечатление, что ракета подвешена на лучах прожекторов и от этого такое громоздкое техническое сооружение, которое мы видели днем, кажется таким легким, стремительным, воздушным — дунь на него и оно устремится в черноту ночи навстречу сверкающему скоплению звезд...

Автобус въехал на стоянку недалеко от смотровой площадки. Здесь уже много легковых машин, несколько автобусов.

Завершающий момент этой длительной и кропотливой работы приехали посмотреть многие из тех, кто готовил этот старт космической станции: и академики, и конструкторы, и инженеры, и монтажники, и ракетчики, и космонавты.

Члены Государственной комиссии поднимаются на смотровую площадку. Отсюда отчетливо видна ракета, схваченная фермами обслуживания. Теперь ее вид гораздо внушительней — она не так легковесна, как казалось из ночной степи...

Из динамиков, установленных здесь на площадке, доносится несколько монотонный голос, ведущий отсчет времени до старта, сообщающий о выполнении отдельных операций на завершающем этапе перед пуском...

На борту корабля «Тамань». Короткий инструктаж
космонавт Виталий Иванович Севастьянов (слева) запускает ракету

До старта еще много времени. После дороги и наступившей в степи ночной прохлады люди проголодались. Здесь в мобильном кафе можно подзаправиться: съесть несколько шашлыков и запить их минеральной водой и чем-нибудь покрепче, запасенным в кейсах и свертках. В очереди за шашлыками можно увидеть людей разной служебной лестницы от монтажников до Генерального Конструктора ранга академика. Никто не тяготится этим соседством в очереди, ибо люди давно знают друг друга в деле: раздаются приветствия, шутки. Кто-то у кого-то за несколько шампуров шашлыка выторговал отсрочку в сдаче изделия. И все-таки над всем этим шутивым гомоном довлеет монотонный голос, ведущий отсчет времени. А оно неумолимо приближает те секунды, когда прозвучит команда: «Зажигание!» И начнется необратимый процесс...

И вот они последние секунды. Шашлыки и разговоры — в сторону. Все взгляды устремлены на ракету. Фермы обслуживания отведены. Теперь только кабель-мачта, как пуповина, неразрывно соединяет ракету с наземным комплексом и всеми техническими сооружениями, участвующими в запуске. Ракета вытянула свою длинную шею и приготовилась как бы к взмаху крыльями. И от этого напрашивается новое сравнение, и кто-то его вслух произносит: «Лебедушка!» Действительно, что-то очень земное в этом сравнении с уже почти неземным творением рук Человека...

И вдруг все померкло. Одновременно выключились все прожекторы. Из динамиков уже не монотонно, а восклицательно-торжественно звучит: «Зажигание!» И почти тотчас земля под ногами вздохнула, а затем слегка заходила, как будто просыпаясь. Неожиданно воздух уплотнился и придавил барабанные перепонки, как будто мы попали в камеру с избыточным давлением или нырнули на глубину в три метра. Все органы чувств человека стали воспринимать начало старта. И прежде всего глаза. В темноте появилась сначала белая вспышка. Затем вокруг нее образовался ярко-алый ореол, который стал светлеть, превращаясь в гамму радужных красок. Эти сполохи разноцветных оттенков, как северное сияние, загуляли по темной степи. Неожиданно этот разноцветный комок света превратился в яркий слепящий в ночи диск солнца...

Еще мгновение и вновь вспыхнули прожектора. Теперь лучи их выхватили огромные клубы дыма и пыли, которые поднимались к вершине ракеты. Сейчас они доберутся до головы и исчезнет «лебедушка». Но не тут-то было. Гордая белая шея вытягивается и вырывается из этого хаоса огня, дыма, пыли и звуков. Видно как отвалилась последняя сцепка с землей — кабель-мачта. Оборвалась пуповина от тела матери-Земли, и дитя начало самостоятельное существование. Ракета на какое-то мгновение зависла, как бы размышляя: лететь дальше или плавно опуститься на прежнее место. Нет, никакая сила уже не может ее опустить. В нее вдохнули жизнь и теперь только вперед в сверкающую звездами черноту...

Ничего из рекомендаций наставников не будет упущено.
Космонавт П.И.Климук (второй справа) и Мирослав Гермашевский (ПНР)
к тренировке на море готовы

Прожекторы продолжали вести тело ракеты. А она, своим солнечным светом забивая их и отталкиваясь, уходила в самостоятельную жизнь...

На смотровой площадке люди вздохнули в момент зажигания и только сейчас кто-то выдохнул: «Пошла, родимая!» Если бы всем стоящим на смотровой площадке замерить пульс и давление, то у большинства оно показало бы в такт ракете скачок вверх...

А монотонный голос сообщает: «26 секунда — системы работают нормально; 48 секунда — системы работают нормально. Выведение идет нормально и устойчиво...»

«Ура! Идет родимая!» — раздаются восторженные голоса и люди поздравляют друг друга. А вспыхнувшее над степью искусственное солнце разливает свой свет, освещая округу. Все дальше уходит «солнце», и степь теперь тускнеет и погружается в ночь, глаза продолжают следить за уходящим в черноту ярким крестом, образованным связкой работающих ракетных двигателей. Крест постепенно превращается в точку, которая вдруг погасла, но через мгновение вновь вспыхнула более ярким огнем. Это включилась вторая ступень ракеты-носителя. Неожиданно на том месте, где погасла первая ступень, на черном небе появилось нежно-голубое облачко с рваными краями, обрамленное ярко-белой каймой. Как будто кто-то бросил в небо голубой платок с кружевной оторочкой и он беспорядочно падает вниз...

Взгляд перебегает с облачка на светящуюся точку. Теперь ее трудно различить среди проступающих по всему небу звезд. А вот она и совсем пропала, и через несколько секунд на черном небе появилось еще одно облачко: теперь уже розовое. Его края четкой белой

каймою отделили черноту от нежно-розового комка. И еще долго висели эти два неожиданно появившихся искусственных облачка-платка: голубой и розовый. Постепенно они погасли — растворились в серой дымке приближающегося рассвета...

Люди покидали смотровую площадку. Шли к машинам. И только чуть заметный запах каленого воздуха продолжал напоминать о пуске ракеты...

Но старт ни одной ракеты, ни одной станции нельзя сравнить с запуском пилотируемого космического корабля. И не потому, что он чем-то внешне очень отличен от беспилотных пусков. Дело в том, что эмоционально окружающими и непосредственными участниками запуска он воспринимается иначе.

Мне приходилось быть свидетелем многих пилотируемых пусков, но каждый воспринимается как первый. До сих пор не могу привыкнуть к тому, что на верху красно-белого огнища под головным обтекателем находятся люди — мои товарищи, которые уходят за пределы Земли. И учащается пульс от волнения за их жизнь, и радость за их победу, победу всех нас, причастных в той или иной мере к подготовке корабля, станции и экипажа...

О некоторых чисто зрительных восприятиях старта пилотируемых кораблей, которые особенно запомнились, хочется рассказать и поделиться эмоциями...

Старт Петра Климука и Виталия Севастьянова на корабле «Союз-18». Май 1975 года. Степь еще окончательно не выгорела. Пуск намечен на вечернее время. Облачность. Над площадкой запуска (с Гагаринского пуска известной как двойка) — знойное пепельное море. Впервые предоставлена возможность посмотреть запуск сверху с борта самолета сопровождения. За полчаса до старта самолет сопровождения АН-12 набирает высоту шесть тысяч метров и выходит на ИПМ — исходный пункт маршрута. Делаем проход над стартом. Очень слабо просматривается ракета, несмотря на свои достаточно большие размеры. Солнце валится за горизонт. Мы разворачиваемся так, чтобы солнце не слепило. Теперь оно сзади. В последний момент на развороте вижу как оно заходит за кромку земли. И сразу же степь становится мрачно-серой. Блики, которые гоняло по ней солнце, пропадают, и однотонный фон обволакивает огромное пространство. Самолет выходит на ИПМ и берет курс на стартовую площадку. И вдруг грязно-серая однотонность степи нарушается светлой вспышкой. Потом вспышка на мгновение пригасает, но глаза, схватившие ее, теперь следят за ней неотступно. Алый огонь вновь ярко проступает, но тут же начинает обволакиваться бело-серыми клубами дыма и пыли. И все-таки через эту завесу с высоты отчетливо просматривается розовый блеск, который подсвечивает ракету. Видно как она медленно уползает из вскипающей пены, поднятой мощью работающих ракетных двигателей. Скорость ракеты нарастает. И вот уже клубящаяся дымно-пылевая пена отстает, оставаясь внизу, а ракета с кораблем на острие идет ввысь, пробивая своей громадой тонкие кучевки облаков. Еще несколько секунд и ракета набрала высоту, на которой находится наш самолет. Как она величественна и стройна. Как будто схватившись за ее основание и, не желая его отпускать, стелется бело-розовый след инверсии. Ракета мигмом проскочила высоту, на которой летит наш самолет, а в следующее мгновение, выскочив из тени Земли, она засверкала в лучах солнца, которые из-за горизонта перехватили ее на большой высоте и повели дальше за пределы атмосферы. След инверсии оборвался, а через остекление кабины самолета виден алый крест, уходящий ввысь. Еще несколько секунд и он растаял в темнеющей синеве небосклона...

Морозный декабрьский вечер. Приближается ночь. Группа поисковиков на аэродроме Караганды ждет старта «Союза-13». Взгляды всех направлены на юго-запад. Приближается время старта. Все боятся, что огни города скроют старт, ведь до него совсем даже не близко. И вдруг из-за горизонта на фоне темного неба появляется голова чудовищного зверя. С помощью фотоаппаратов с высокочувствительной пленкой пытаемся зафиксировать это сказочное чудовище. А оно стремительно надвигается. Впечатление такое, будто огромная кобра пляшет под свирель какого-то еще более гигантского музыканта. Вот она выползла, выставив свою гремучую голову, пострадала всех, кто ее видел, а потом голова отделилась от туловища и исчезла, но еще долго на темном фоне небосклона извивалось ее громадное обезглавленное тело...

Ночью стартуют Владимир Ковалёнок и Александр Иванченков. Они трудно, очень трудно шли к этому старту, но об этом отдельный разговор. Я же хочу продолжить рассказ о стартах с разных ракурсов их видения мною. Сейчас мы с Анатолием Симаковым — врачом ЦПК стоим на краю аэродрома в Державинске, что в ста километрах от областного центра в Казахстане города Аркалык. Молотят лопастями воздух вертолеты поисковой группы, готовые немедленно подняться в случае неудачного старта. Ждем появления в небе стартующего из Байконура корабля. И вот из-за линии горизонта выскакивает белая светящаяся точка.

— Вот корабль! — восклицает Симаков.

— Не может быть! — возражаю ему. — Этот уже на орбите, а тот, который мы ждем, должен только набирать высоту...

Следим за ней и не замечаем, как из-за горизонта на небосклон выползает красный язычок. Кто-то от вертолетов кричит:

— Вот! Идет! Идет, родимая!

Мы тоже видим корабль. Неожиданно язычок пропал. Ждем. Почти тотчас там, где пропал алый огонек, появилась белая вспышка. Это включилась вторая ступень ракеты-носителя. Сразу по очень темному небу вслед за кораблем начинают расползаться четыре хвоста. Ракета уходит все выше, светлой точкой утопая на фоне звездного неба. А по небосклону распластался огромный светящийся вуалехвост. Такое впечатление, что декоративная рыба необыкновенных размеров плавает в темном аквариуме...

Космическая «кобра» раздула свой капюшон в ночном небе.

Таким видится с Земли след ракеты после старта.

В полет пошли П.И.Климук и В.В.Лебедев

Описанные старты вызывали какие-то приятные воспоминания и положительные эмоции. Но дважды мне приходилось видеть неудачные пуски. Надо сказать, что зрелище это вызывает чувство внутреннего ужаса от двух мыслей: рушатся и сгорают в яростном пламени ракетного топлива труды и надежды очень многих людей и жутко от того, что вырвавшееся из повиновения творение рук человеческих превращается в неуправляемый вулкан, извергающий пламя и пепел, способные поглотить их создателей...

Знаете, каким он парнем был?!

О Гагарине рассказано так много, что кажется больше и добавить нечего. Однако, его популярность в мире столь высока, а след, оставленный им, так необычайно ярок, что интерес к его личности с годами ничуть не убывает. Поколения землян будут с теплом и нежностью вспоминать и перечитывать все, что связано с русским героем, первым кто широко распахнул дверь в Неведомое. Нейл Армстронг, американский астронавт, ступивший на Луну, сказал: «Он всех нас позвал в космос!»

Юрий Гагарин стал символом бурного двадцатого века, путеводной звездой на фоне страшных открытий и событий, связанных с возможным уничтожением Человечества.

И вот уже в наше время, в самом конце века, в стране, которая первой послала своего сына в космос и стала на путь преобразований, началось нечто странное и чудовищное. Средства массовой информации пытаются оболгать и опорочить космонавтику и космонавтов. И что самое отвратительное — обрушились на Юрия Гагарина. Наверное потому, что мертвые не могут ни в суд подать, ни призвать к ответу. Что это? Заказ злющих врагов наших или ненависть к собственной стране и ее достоинству, приоритетам и славе?

И прежде чем рассказать о том, каким он парнем был, добавить несколько эпизодов из личных воспоминаний, из личных встреч приведу примеры неподдельной злобы пигмеев к великану, позволю коснуться только некоторых из множества гнусных фальсификаций, состряпанных на потеху нашим ненавистникам. Новая Россия должна знать своих Геростратов. Отвечу на те выдумки, клевету и обман, которую позволяют горе-репортеры, никогда не знавшие и не видевшие Юрия Гагарина и даже родившиеся после его гибели.

Я много раз задавал себе вопрос: Почему? Почему под обстрел взят Юрий Гагарин? Сын Земли, сын нашей Родины. Стреляют вроде бы свои. За что? Неужели ради дешевой сенсации и заработка иудинных сребреников нужно оболгать и предать все то святое, что родилось на русской земле.

«Подарочек» всем народам России и мира преподнесла «Комсомольская правда» 12 апреля 1997 года — в день Космонавтики. Именно этот великий для человечества день и был выбран для позорного дела. Тот самый день, про который художник Рокуэлл Кент писал в апреле 1961 года: «...Пусть человечество чтит день полета Юрия, как день всеобщего мира. Пусть празднуют его по всей земле с музыкой и танцами, песнями и смехом, как всемирный праздник счастья».

Материал, помещенный на страницах «Комсомолки», бил, что называется наповал: «Гагарин забыл после приземления имя Королева». Автор «откровения» — Людмила Корчагина. Но просто лгать не так-то просто: кто поверит безвестной писачке? И она прикрывается, поступает прямо-таки иезуитски, вкладывая грязную ложь в уста уважаемого в космонавтике человека — доктора медицинских наук Виталия Воловича. Когда он прочитал, что «После приземления капсулу с Гагариным около часа не могли отыскать. Когда примчались и открыли люк, Гагарин лежал с закрытыми глазами. Все были перепуганы, думали, что космонавт погиб. Начали судорожно снимать скафандр, резать шнуровку...» его чуть не хватил удар. С такой беспардонной ложью он столкнулся впервые. Он был возмущен до предела низостью души и полным незнанием предмета, о котором взялась судить корреспондент. Она даже не удосужилась посмотреть космическую энциклопедию, спросить свидетелей тех славных лет космонавтики, чтобы открыть для себя, невежи, что первые шесть космонавтов: Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский и Валентина Терешкова катапультировались из капсулы кораблей серии «Восток» на высоте 4,5 тысячи метров и опускались на землю как парашютисты на собственные ноги. Первыми кого Юрий Гагарин встретил на Земле, на поле колхоза «Ленинский путь», юго-западнее г. Энгельса Саратовской области, неподалеку от деревни Смеловки были пожилая женщина и девочка: колхозница Анна Акимовна Тахтарова с внучкой Ритой. Кадры кинохроники зафиксировали встречу Гагарина, его полет в самолете вместе с Виталием Воловичем и спортивным комиссаром Иваном Борисенко. Весь мир видел эти кадры. Он видел веселого и радостного сына Земли, вернувшегося на родную планету.

Какой злобной нужно быть женщиной с перевернутой психологией, чтобы так беззастенчиво врать: «В медицинском центре, куда привезли первого космонавта, его

обступили врачи. И хотя все приборы показывали нормальное функционирование организма, лишь немного было повышено давление, мозг дал сбой. Гагарин не смог вспомнить месяц и число, забыл имя Королева. Но постоянно говорил о жене и девочках.

Дезориентация в пространстве и времени продолжалась примерно неделю. Все это время Юрий Алексеевич — человек обычно очень общительный и веселый — был молчалив и грустен. Потом молодость взяла свое. Даже за официантками начал ухаживать».

Читаешь эту грязную ложь и думаешь, что у Людмилы Корчагиной «мозг дал сбой». Не хочется думать, что у главного редактора и редколлегии «Комсомольской правды» произошло то же.

Кто присутствовал в столице 14 апреля 1961 года помнит, как Москва раскрыла объятия сыну земли русской. Пожалуй, только 9 мая 1945 года столица видела столько ликующих людей, столько светящихся счастьем и радостью глаз. Кортёж машин двигался к Красной площади, окруженный всенародным восторгом. Радостный и счастливый Юрий Гагарин поднялся на трибуну мавзолея вместе с главой государства Никитой Сергеевичем Хрущевым. Стихийно возникшее торжество вылилось в праздничную демонстрацию на Красной площади. Народ приветствовал своего сына, а он с радостью простирал к нему руки в порыве благодарности за то, что ему доверили это великое свершение Человечества. А вечером был праздничный салют. Москва салютовала великой победе человека над силами природы, гению своего народа.

Размышляя над причинами, порождающими перевертышей и лгунов, я неожиданно для себя вспомнил письмо канадского юноши Ирвинга Лазара, адресованное Юрию Алексеевичу. Среди вопросов, с которыми он обратился к Гагарину, были и такие: «Если личные интересы требуют солгать, — предположим, что сложились такие обстоятельства, — нужно ли лгать вопреки принципам или нужно говорить правду? Далее. Я считаю, что способных людей больше, чем мест на которых они могут проявить способности. Выходит для того, чтобы добиться успеха, нужно «перерезать горло другому». Считаете ли Вы это правильным и если да, то справедливо ли это?»...

Я нашел в своих архивах копию ответа Юрия Алексеевича Ирвингу. В письме были такие слова: «Ты спрашиваешь, нужно ли лгать, когда этого требуют личные интересы? Нет, Ирвинг, я думаю нужно быть честным и говорить то, что ты действительно думаешь. Тогда ты будешь уважать себя сам и заслужишь уважение других. Я думаю, что смелым и сильным человеком, настоящим мужчиной может быть правдивый человек. Тот кто лжет, не станет настоящим другом, ему никогда будет нельзя довериться. И если мне суждено когда-нибудь стартовать на ракете в космос вдвоем, то мой товарищ будет человеком, который никогда не солжет ради личной выгоды.

...А насчет «перерезать другому горло», то в таком случае победителем всегда будет тот, у кого больше кулак или больше денег. Но тогда, как ты сам понимаешь, хорошее место займут люди, которые вовсе недостойны его. Принцип «резать другому горло» — бесчеловечен...» — так ответил Великий человек планеты Земля юноше, начинающему жить.

К сожалению, не только Л.Корчагина оклеветала космонавтику и Юрия Гагарина. Из газет можно узнать, что «Юрий Гагарин, первый космонавт, ныне заключенный спецлечебницы», что погиб он, «вылетая пьяным на охоту». И это на истребителе МИГ-15!

Особенно много толкований причин гибели Юрия Гагарина. И все с примесью грязи и вранья.

Не хочется тратить время и бумагу на анализ их домыслов. Хочется рассказать о Гагарине то доброе, что он и его подвиг принесли в нашу жизнь. Хочется рассказать о том, каким он парнем был, каким он остался в нашей памяти, памяти очевидцев, живших с ним рядом и работавшим...

Его любил весь мир

Юра среди людей

*Юра — олицетворение вечной молодости
нашего народа. В нем счастливо
сочетаются
природное мужество, аналитический ум,
исключительное трудолюбие.*

Главный Конструктор, академик С.П. Королев

Человечество стояло на пороге Новой эры — Космической. В конструкторских бюро, на космодроме Байконур, в Центре подготовки космонавтов шла большая работа...

В том, уже далеком 1961 году на подмосковной платформе Чкаловская, можно было видеть сравнительно небольшую группу людей, которые собирались в ожидании электрички. Зеленые вагоны поглощали этих людей для того, чтобы выпустить на остановке «Первомайская» (ныне переименованной в честь легендарного летчика Георгия Бахчиванджи). По выбитой узкой бетонке к платформе подъезжали автобусы и увозили этих людей. Оставшиеся в электричке пассажиры с любопытством наблюдали за этими автобусами и доверительно сообщали непосвященным: «Это к космонавтам дорога». А дорога эта, начиная от Чкаловской через каждые пятьсот метров отмечалась знаком, запрещающим проезд: что еще больше пробуждало любопытство. Бетонка уходила в лес, где притаились небольшие служебные здания. Это и был Звездный тех дней... Приехавшие расходились по своим рабочим местам и начинался очередной напряженный трудовой день, связанный с подготовкой космонавтов. Готовились к работе нехитрые по современным меркам тренажеры, исследовательские стенды, предназначенные для подготовки первых космонавтов. Работы было много. Все было новым, непознанным, да

вообще мало кто представлял, как поведет себя человек, его организм в столь специфических условиях космического полета. А время старта приближалось...

* * *

Космический корабль, который потом назовут «Восток», существенно отличался от беспилотных машин, ранее выходивших на орбиту с манекенами. Полностью автоматизированные системы беспилотного корабля были доработаны таким образом, чтобы человек, в случае надобности, мог взять управление на себя и выполнить ряд необходимых операций — на то он и пилотируемый...

Эти последние перед стартом месяцы в Звездном были особенно напряженными: предстояло все доработки в корабле перенести на тренажер и тут же отрабатывать элементы ручного управления, чтобы довести действия космонавта до автоматизма, как при полетах на самолете. Но была существенная разница в технике пилотирования самолета и космического корабля. Нужно было приобрести навыки космонавта, не потеряв при этом навыки летчика.

Отсчет времени до 12 апреля шел уже на месяцы и их оставалось совсем мало. Этот период в своей жизни Юрий Гагарин отмечал как полный огромного творческого вдохновения и подъема. Ожидание чего-то нового, совершенно необычного прибавляло бодрости и силы, помогало выдержать огромную моральную и физическую нагрузку...

Говорят, что люди по своему складу характера делятся на «жаворонков» и «сов». Юрий безусловно относился к типичным «жаворонкам». В эти весенние дни он поднимался с первыми лучами солнца. Он любил эти ранние утренние часы. Поднимался легко и быстро. Через несколько минут в спортивном костюме выбегал из подъезда и направлялся к реке. Синий лед еще сковывал воду, и от него веяло бодрящим холодом. Легкая пробежка отгоняла остатки сна, поднимала настроение накануне трудного рабочего дня, когда необходимо было сосредоточиться, чтобы не упустить никакой мелочи, ибо в любом полете, а особенно космическом, нет незначительных мелочей. Нужно было осваивать многое из того, о чем раньше даже слышать не приходилось а не то чтобы иметь дело. Необходимо было изучать совершенно новые науки, связанные с жизнедеятельностью человека в космическом пространстве, вникать в работу систем жизнеобеспечения и получать практические навыки на наземных имитаторах.

Происходило интенсивное насыщение и перенасыщение клеток мозга, которое могло неблагоприятно отразиться на психике человека. Поэтому особое внимание врачей было направлено на снятие психических нагрузок и на поиски рациональных и эффективных способов обеспечения уставшего организма полноценным отдыхом. Прежде всего это был глубокий и спокойный сон. Поэтому сон космонавтов, находившихся на непосредственной подготовке, был взят врачами под особый контроль, для чего их на несколько дней помещали в профилакторий.

Сам факт сна в профилактории, да еще под контролем неусыпных датчиков не доставлял, конечно, особого удовольствия. Но Гагарин терпеливо помогал медсестрам размещать датчики на теле. Не раздражался, если у них что-то не получалось и процедура затягивалась. Он уважал труд и понимал, что каждый из сотрудников Центра подготовки космонавтов делал в эти дни посильное для него дело, из которого рождался общий успех подготовки первого космического старта человека. Всем своим видом он старался показать, что даже такое малоприятное занятие, как взятие различных физиологических проб, для анализа крови к примеру, не доставляет ему особых неприятностей.

«Отдадим еще порцию кровавых теляц на алтарь медицинской науки!» — шутил он во время проведения над ним очередной «экзекуции».

До первого космического старта оставались уже считанные дни...

Контакты с людьми у Гагарина проходили на какой-то удивительно легкой волне. Юрию необходимо было пройти очередную медицинскую проверку после очень трудного дня: были прыжки с парашютом, а потом еще и тренировки вестибулярного аппарата. Этого комплекса нагрузок вполне хватало, чтобы взбудоражить нервы любого человека...

Юрий пришел в профилакторий явно уставший. Но, зайдя в комнату, где готовили аппаратуру для контроля за сном, он весело проговорил:

— Ну и выплюсь я сегодня под неусыпным оком этих игрушек с вашими добрыми напутствиями...

Зная о напряжении прошедшего дня, врач с сомнением покачал головой. Гагарин по пояс разделся и смиренно подставил свое тело и голову под датчики, которые наклеивали с применением спирта.

— Ох! С устатку граммов пятьдесят бы этой жидкости для полнокровного сна, — проговорил Юрий с иронией глядя на врача. А тот отрицательно закачал головой. Когда процедура наклейки датчиков закончилась, Гагарин, взглянув на медсестер и лаборанток, сочувственно сказал: — Эх, девчонки, мне-то спать, а вам дежурить!

Ему пожелали спокойной ночи, и Юрий ушел в свою комнату отдыха. Там он подсоединил датчики к аппаратуре контроля, по возможности удобно, насколько позволяла система проводов, опутавшая его тело, устроился в постели. Он всегда был терпелив к превратностям жизни: тревожное детство и юность приучили...

Несколько минут самописцы фиксировали деятельность бодрствующего организма, а потом пошли сигналы спокойно спящего человека.

— Умеет же Юра так быстро отключаться! — удивился врач.

Так до утра сигналы самописцев и не изменили своих показаний. Всю ночь он проспал на одном боку. Гагарин умел себя настраивать на длительный и напряженный труд, но также искусно мог давать себе команду на полный отдых. Врачи неоднократно отмечали его умение управлять собой...

Утром свежий и бодрый он появился в лаборатории, чтобы снять датчики. От вчерашней усталости не осталось и следа. Зато лаборантки, у которых не ладилась работа с самописцами, были перемазаны чернилами и выглядели утомленными после бессонной ночи.

— Эх, вы, пехота! Отдохнуть бы вам сейчас. Придется походатайствовать перед начальством, чтобы отгул вам дали за такую работенку. Счастливо, пехота! Я побежал трудиться.

До старта оставались дни...

На космодроме Байконур все было к нему готово. Вывезли ракету. Она стояла на стартовой позиции «двойки» — места запуска пилотируемых кораблей, гордо подняв на самую верхнюю точку своего стройного, могучего, устремленного вверх тела, великое детище человеческого ума — космический корабль «Восток».

В ту весеннюю ночь, когда шли последние предстартовые приготовления, отдавались последние распоряжения, проверялись и перепроверялись системы, обеспечивающие запуск, среди всеобщего напряжения и волнений в домике для космонавтов безмятежно спал лишь один человек, которого знал небольшой круг людей, на которого пал выбор Государственной комиссии Советского Союза, доверившей ему первый полет в космос...

И вот ранним утром два космонавта — основной и дублер — прибыли в лабораторию, где должны были одеваться в свои космические доспехи — скафандры. Специалисты помогли одеваться Юрию Гагарину и Герману Титову. Зашнуровали и загерметизировали скафандры, уложили в карманы теплозащитных костюмов удостоверения космонавтов. И тут произошла заминка...

Дело в том, что в памяти советских людей были еще свежи события менее чем годичной давности, когда в праздничный день 1 Мая над территорией СССР был сбит американский самолет-шпион У-2. Пилотировавший его летчик Пауэрс покинул поврежденную машину и на парашюте спустился на землю в высотном костюме, в общем-то напоминавшем по форме скафандр.

Кто-то из присутствующих в зале подготовки к полету космонавтов вдруг вспомнил об этом событии и полушутливо-полусерьезно, глядя как идет проверка скафандров на герметичность, сказал:

— Вот спустится в этом снаряжении Юра с неба где-нибудь в поле и пока достанет удостоверение космонавта, ему, не разобравшись, какой-нибудь колхозник в степи в лучшем случае надаст тумачков, а в худшем ткнет вилами. Перспективка прямо скажем неважная.

В первый момент эта мысль всех несколько ошарашила. Но решение пришло почти мгновенно. Реализацию его поручили Виктору Тиграновичу Давидьянцу — знали, что у него хороший почерк.

В зале запахло нитрокраской. С небольшой баночкой и кисточкой в руках Виктор подошел к Гагарину полулежавшему в кресле.

— Сейчас, Юра, мы сделаем так, чтобы все еще издали увидели, что ты — гражданин Советского Союза. Юрий улыбнулся:

— Давай, старина!

На белом шлеме космонавта стали появляться алые буквы — СССР. Виктор отклонился, чтобы со стороны оценить свою работу. Судя по всему, он остался доволен. Из-под сдвинутого лицевого остекления шлема на него смотрели задорные глаза Гагарина:

— Смотри, не капни краску на нос!

— Все будет в порядке, Юра! Как настроение?

— Отличное! Пока еще не верится!

Виктор еще подправил надпись. Алые буквы на шлеме, подсыхая, становились рубиновыми:

— Цвет, прямо как у кремлевских звезд!

Гагарин посмотрел в зеркальце на правой руке скафандра:

— Отлично, старина! С таким почерком только великие документы выписывать!

Виктор с кисточкой и баночкой краски подошел к Герману Титову. Лицо Германа было чуть опечаленным.

— Ты что, Гера, расстроен? — спросил Виктор.

— А как ты думаешь?

— Так ведь через два месяца твой старт. Виктор начал старательно выводить «СССР» на шлеме Титова:

— Вот видишь, Гера, я на Юрии потренировался и у тебя получается более величественно и красиво.

— Успокаиваешь?

— Так ты же второй и очень скоро.

— Слушай, Виктор, кто открыл Америку?

— Христофор Колумб.

— Правильно. А кто был второй? Виктор растерянно промолчал.

— Да нет же, старина, я бесконечно горд и рад, что это случится сегодня и случится у нас в стране, а не в какой-то другой. И я счастлив, что являюсь соучастником этого события. А написал ты действительно красиво, — сказал Герман Титов, посмотрев в зеркальце, и улыбнулся откровенной дружеской улыбкой. До старта оставались минуты...

Перед тем как подняться на острие ракеты, где под головным обтекателем Гагарина ждал готовый к полету космический корабль, Юрий обратился ко всем жителям планеты Земля:

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно вам сказать в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Быть первым в космосе, выступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем? Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня — первым проложить дорогу Человечеству в космос. Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем Человечеством, перед его настоящим и будущим. И если я тем не менее решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания Коммунистической партии и советского народа. Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив.

Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях.

После доклада Председателю Государственной комиссии о готовности к полету и короткого прощания с друзьями Юрий Гагарин с несколькими специалистами вошел в подъемник лифта, который понес их к вершине ракеты. Вышли на площадку на фермах обслуживания. В скафандре становилось уже жарко. Скорее в корабль, где система вентиляции и кондиционирования создадут комфортные условия. Люк корабля открыт. Олег Ивановский — ведущий специалист по первому пилотируемому пуску от фирмы Главного Конструктора Сергея Павловича Королева и ведущий специалист с завода «Звезда» Федор Востоков помогли Гагарину занять место в кресле космонавта и подсоединиться к коммуникациям корабля. Востоков заботливо расправил привязные ремни:

— Располагайся удобней, Юра. Тебе в этой позе придется просидеть почти два часа.

— Не переживайте, друзья, просижу. Все будет в порядке.

Федор Востоков еще раз перепроверил подсоединение скафандра к системам жизнеобеспечения корабля и надежность фиксации в кресле:

— Счастливо, Юра! Ждем на земле!

Юрий приподнял руку и приветственно помахал ею, ибо через остекление скафандра услышать его было не возможно.

Ивановский закрыл люк корабля. Проверил защелкивание замков люка. Затем закрыл люк головного обтекателя, скрывшего корабль. Теперь можно покинуть фермы обслуживания: корабль к полету готов...

И вот уже в бункере Сергей Павлович Королев выдал последнюю команду: «Зажигание!» Вздогнула земля космодрома и в эфир над планетой полетело восторженное гагаринское: «Поехали!»

Это утро стало началом эры пилотируемых космических полетов.

Родная планета восторженно встречала своего героя. Была дорога и площадь, устланные цветами. Был огонь праздничного салюта великой победе человека над силами природы. Вспоминаются слова, сказанные Юрием перед стартом: «Вся моя жизнь кажется мне одним прекрасным мгновением». Мгновение это, отданное людям, пролетит сквозь века, а Гагарин всегда будет молодым среди людей...

* * *

Из-за служебной командировки он не смог вовремя попасть на свадьбу к друзьям. А свадьба была веселой. В Звездном родилась еще одна семья... Через день после свадьбы в квартире молодоженов раздался звонок. В дверях стоял Гагарин с ношей на плече:

— Принимайте гостя! — чуть запыхавшись, сказал он. — Пропотел, пока бегом поднимался к вам на пятый с этим «ящиком».

Друзья обнялись.

— Очень рад видеть вас вместе. Хорошие вы ребята! А меня извините, что на свадьбу не попал. Очень хотел, но, увы, не смог, — говорил Юрий, разворачивая упаковку. — Это вам мой подарок.

На столе поблескивал новый приемник.

Первый разведчик космоса возвращается к людям.
Апрель 1961 г.
В салоне самолета

— Посидеть и поговорить к вам забегу в следующий раз, а то я прямо с самолета. Мне домой надо: Валюшу и девочек повидать — соскучился. А еще надо сегодня на прием в одно посольство...

— Мы, Юра, обязательно ждем тебя в любое время, чтобы ты вместе с нами отметил начало нашей новой жизни, — сказала Жанна, видя как он пятится к двери.

— Как ты все успеваешь? — удивился Валерий, когда они спустились к машине.

— Нужно успевать. Иначе жить нельзя. Уж очень задолжал я людям.

Вышли во двор. На маленьком катке мальчишки играли в хоккей. День был солнечным с легким морозцем. В спортивного покроя костюме Гагарин выглядел молодым пареньком. От неожиданной мысли лицо его приняло озорное выражение.

— Дай шайбу бросить разок, — попросил он у ближайшего мальчишки. Тот подозрительно взглянул на него: не отберет ли? Но, узнав Гагарина, с удовольствием протянул клюшку. Юрий прицелился, и шайба, к восторгу ребят, затрепетала в сетке ворот. Второй бросок был менее удачным, и шайба, пролетев рядом со штангой, попала в дерматиновую сумку проходившей старушки. Рассерженная бабуся не дала слова вымолвить:

— Чертяка здоровый! С мальцами играет, да еще озорует!

— Извините, бабушка, я нечаянно! — оправдывался Юрий, густо краснея.

— Я вот нечаянно сейчас огрею этой сумкой. Будешь знать как баловать!

Юрий выслушал сердитую речь, еще раз попросил прощения, и смущенно попятился к машине. Взревев мотором черная «Волга» рванулась с места и набрала скорость...

Один из мальчишек с огорчением сказал:

— Эх, бабушка, Гагарина прогнала! Старушка встrepенулась:

— Как же это я, старая, сослепу не признала его — сыночка нашего...

Дарить людям счастье

В год пятидесятилетия Юрия Гагарина на торжественном собрании в Звездном, посвященном этой дате, выступали ветераны Центра подготовки космонавтов, бок о бок работавшие с Юрием с самых первых дней существования Центра. Проникновенно и тепло говорил Алексей Леонов. Голос его, усиленный мощным динамиком, торжественно-печален. Ему трудно говорить о Гагарине в прошедшем времени, и он переходит на настоящее: «К моменту прихода в отряд космонавтов Юрий Гагарин состоялся как Человек. И если бы он не стал космонавтом, то его бы знали как прекрасного летчика, металлурга, колхозника или учителя. В свои двадцать семь лет, предшествующих космическому старту, он многое успел узнать и прочувствовать. Суровые дни фашистской оккупации, трудное послевоенное время досрочно сформировали характер молодого человека, с ранних лет ставшего на путь самостоятельного труда, на путь познания жизни. Его отличали умение почувствовать чужое горе, беду, умение вовремя прийти на помощь. Выбор на Гагарина выпал не случайно: он был лучшим среди нас...»

На трибуну Петр Климук приглашает одного из старожилов Звездного — медработника Майю Ефимовну Почуеву. Она волнуется: воспоминания переполняют ее. Сейчас здесь, в зале, заполненном людьми, устремившими на нее свои глаза, говорить трудно:

— Юра Гагарин был красивым душой человеком. Он любил людей и старался, чтобы радость и счастье их не омрачались мелкими обидами и невзгодами. Он умел дарить людям радость.

С Майей Ефимовной удалось поговорить за пределами торжественного собрания и через призму времени ее глазами взглянуть на целый ряд событий из жизни Юрия Гагарина. В силу своих служебных обязанностей ей приходилось сопровождать Первого космонавта в зарубежные поездки и поездки по нашей стране. Она была соседкой по лестничной клетке и большим его другом, другом его семьи.

Жажда дарить людям счастье проявилась в Юре еще до полета и стала неуголимой после того, как он увидел Землю со стороны. Он не скрывал своей великой благодарности людям, непосредственно подготовившим первый полет и давшим ему право на него, он не скрывал своей любви ко всем людям труда планеты Земля.

Гагарин любил работать; не чурался и грязной работы: засучив рукава, мог полезть в неисправный двигатель автомобиля, застрявшего на дороге, или копать с велосипедом соседского мальчишки, с которого соскочила цепь.

Однажды, уверовав, что каждый человек за свою жизнь должен посадить хотя бы одно дерево, Юрий Гагарин в различных местах нашей Родины и за рубежом посадил десятки деревьев. Растет Мировой сад Гагарина, цветут и плодоносят его деревья. В Сочи, в парке Ривьера, есть магнолиевая аллея известнейших людей. Среди растущих там магнолий есть и дерево, посаженное Гагариным. До кроны его дотянуться невозможно: все нижние ветки и листья оборваны. И трудно обвинить кого-то в кощунстве — просто людям, увозящим с собой лист от этой магнолии, хочется увезти память о Первом космонавте, прикоснуться к подвигу...

Вскоре после полета Юрий вместе с семьей приехал в Сочи отдыхать. Трудно, правда, было назвать это отдыхом, ибо не проходило дня без встреч с людьми, без встреч с детьми. Он очень любил детвору, пионерию и всегда радостно шел на эти встречи, стараясь увлечь их в огромный мир познаний: звал не только в космонавтику, звал в мир

открытий. Перед каждой встречей он внутренне собирался, готовился. Нет, он никогда заранее не писал каких-то тезисов, докладов и шпаргалок: он и так знал, о чем будет говорить с людьми. Но к одной такой встрече Юрий Гагарин не мог готовиться спокойно: он чувствовал себя растерянно, он волновался. Ему предстояло лично познакомиться с людьми из легенды. О чем говорить, как одеться?

Быть в форме с геройской звездой? Удивлять этих людей он не мог и не хотел.

Именно поэтому встреча произошла непринужденно и просто. Юра подошел к машине легко по-летнему одетый и утонул в объятиях легендарного командарма Первой конной армии — Семена Михайловича Буденного. Юрий с восторгом смотрел на полководца гражданской войны, с чьим именем были связаны многие его детские восприятия. И не верилось, что это не со страниц книг и не с экрана смотрит на него простой, доступный в гражданское одетый добродушный человек. Хотелось ему рассказать о многом, а еще больше слушать. А Семен Михайлович шутил, разговаривал об обычных делах, о жизни на отдыхе. И время от времени как бы невзначай спрашивал о полете...

Потом приехал Климент Ефремович Ворошилов. Встреча началась несколько неожиданно. Вошли в комнату, где располагалась семья Гагариных. Многие из присутствующих старались как-то занять или рассмешить маленькую дочь Гагарина — Галочку; увидев это, Климент Ефремович попросил: «Не трогайте ребенка. У нее все должно быть естественным. Не надо вызывать у девочки искусственных эмоций: она будет плохо спать и доставит много хлопот родителям».

Такой неожиданной простотой, чуткостью и вниманием Климент Ефремович сразу задал спокойный и доброжелательный тон встрече. Он не старался втянуть Юрия в разговор о космическом полете. Многие детали подготовки к полету и его осуществление были ему известны. Просто встретились два поколения на стыке великих событий, происходивших в мире.

Гагарин не скрывал своей любви и признательности к этим поистине легендарным людям, стоявшим у истоков зарождения и становления великой республики Советов. А они платили ему взаимностью за то, что в его лице видели поколение достойных продолжателей начатого ими дела...

С.П.Королев о Ю.Гагарине: «Он мне как сын!».
Встреча на отдыхе в Сочи

Довольно частыми во время отдыха в Сочи были у Гагарина встречи с Сергеем Павловичем Королевым, или, как его в ту пору называли таинственно, СП. Королев, как правило, появлялся один, без сопровождения, и Юрий, завидев его, радостно улыбался.

Сергей Павлович обнимал его за плечи, и они уходили в дальние аллеи парка. Возвращался с этих встреч Гагарин каким-то одухотворенным, светящимся, переполненным идеями и мечтами, которыми с ним делился Главный Конструктор...

Мы звали его Володей

Многокилометровая очередь печально двигалась к Центральному Дому Советской Армии и по мраморным ступенькам поднималась в Краснознаменный зал, обтекая урну, над которой возвышался портрет человека в форме военного летчика. В траурном карауле стояли летчики-космонавты.

И вдруг очередь замерла, когда, поравнявшись с урной, пожилая женщина, шедшая на костылях, опустилась на колени и поползла к портрету с огромной гвоздикой в руке. Ее поношенные плащ и обувь говорили об очень малом достатке, а на гвоздику она, видимо, истратила последнее.

Она прикоснулась к портрету, положила гвоздику и на коленях замерла в скорбном молчании. Неожиданно она как будто выдохнула из груди: «Зачем же тебя, сынок! Лучше б меня бог прибрал!» Так же на коленях она вернулась к оставленным костылям. Ей помогли подняться, и очередь вдоль портрета и урны возобновила свое движение.

Народ прощался со своим Героем — первым павшим на дороге Космоса — Владимиром Михайловичем Комаровым — Дважды Героем Советского Союза, летчиком-космонавтом СССР.

Он ушел из жизни полный сил, здоровья, замыслов и надежд. Он остался в памяти с грустной улыбкой, глядевший портрета над урной. Остался в памяти молодым...

В день его семидесятилетия хочется вспомнить о нем и рассказать людям новых, подросших за три десятилетия поколений, каким был Володя Комаров в жизни.

* * *

Черная «Волга», подъехавшая к Дому радиовещания и звукозаписи, ничем не отличалась от подобных ей легковых автомобилей, заполнивших стоянку. И все-таки внимательные ребячьи глаза сумели заметить ее необычность. Когда машина остановилась, из нее вышел полковник в парадной авиационной форме и быстро исчез в дверях Дома радио. В автомобиле остался водитель.

Сначала к «Волге» подошли двое мальчуганов с портфелями в руках и сдвинутых на затылок фуражках.

— А правда с Вами приехал космонавт Владимир Комаров? Я его узнал, — задорно спросил один из них.

— Да, Владимир Комаров, — не без гордости за своего пассажира подтвердил шофер. И это было его ошибкой.

— Ага! Что я говорил? — воскликнул мальчишка.

— Я всех космонавтов знаю в лицо, — торжествовал он.

Ребята отошли в сторону, и о чем-то посоветовавшись, стремглав бросились в подъезд соседнего дома. Через несколько минут они появились, но уже в сопровождении целой ватаги своих товарищей. В руках у каждого были открытки, книжки, марки. Эта компания остановилась рядом с машиной. Ребячий телеграф действовал безотказно. Толпа мальчишек и девчонок росла. К ним начали присоединяться и взрослые. «Волга» оказалась осажденной со всех сторон.

Время шло. Водитель заволновался. Он не представлял, как пробьется Комаров через толпу любопытных и жизнерадостных поклонников.

Комаров появился на ступеньках Дома радио и стремительно направился к ожидавшей его машине, но, натолкнувшись на живую ребячью плотину, остановился.

— Владимир Михайлович, подпишите, пожалуйста, — сказал тот, который узнал его первым, и протянул марочный блок. За ним послышались еще просьбы:

— Пожалуйста, дядя Володя!

Отступать было некуда, и Комаров, вытащив ручку, расписывался на книгах, открытках, газетах, марках. А он спешил, он очень торопился — опаздывал на важный прием. Владимир Комаров не мог оттолкнуть ребятшек, и, обращаясь к ним, сказал:

— Я очень спешу, ребята! Присылайте ваши открытки ко мне в Звездный. Я обязательно всем подпишу.

Космонавт сел в машину, и она медленно стала пробираться через толпу. Когда вырвались на простор автостреды, шофер рукавом вытер пот с лица и, глядя на Комарова, проговорил:

— Зря я признался, Владимир Михайлович, что это Вы подъехали. Вот ребятня и осадила машину. Любят они Вас.

— Мечту они любят. Космонавтику любят. И открытки подписать надо, — задумчиво сказал Комаров, смотря на стремительно бегущий асфальт.

А потом в Звездный пришли сотни писем. И каждому в ответ возвращалась открытка или марка с автографом космонавта. Комаров сдержал свое обещание.

* * *

Шумная ватага охотников с ружьями и рюкзаками направилась к автобусу, стоявшему у одного из домов Звездного.

— Подождем Володю, — предложил кто-то из охотников.

— Сегодня он что-то задерживается. Это на него не похоже. В это время в окне автобуса показалось улыбающееся лицо Комарова:

— Ну, что, ребята, скоро поедem или кого ждем? — спросил он.

— Вот это да! Володя, ты здесь? А мы тебя дождаемся...

Комаров остался верен себе. Он не мог позволить, чтобы из-за него что-то задерживалось, он не опоздал, а наоборот — пришел первым. Рассаживались. Путь к охотничьим угодьям был дальним. Автобус взревел мотором и, покинув Звездный, устремился в подмосковную ночь. И тут посыпались охотничьи байки.

Смеялся Володя негромко, но искренне. Глаза весело поблескивали. Он любил эти забавные истории, которые раз от разу дополнялись новыми смешными подробностями. Всю дорогу автобус содрогался от взрывов хохота.

Приехали к охотничьему домику. С шумом вывалились из автобуса. И тут обнаружили, что у Комарова кроме ружья и патронташа ничего нет.

— А где же твоя охотничья сумка? Забыл что ли? Куда дичь девать будешь? — допытывался Максимыч.

— Да нет, не забыл, не взял просто. А дичь?.. — Володя развел руками и улыбнулся.

Зашли в охотничий домик. Главный егерь предложил Комарову для ночлега отдельную комнату.

— Ну, уж нет! Среди ребят веселей, и столько басен наслушаешься, что потом на неделю смеха хватит. Да и утром резвей одеваться. А то второпях еще и разбудить забудут, тогда ищи их.

Володя прекрасно понимал, что о нем не забудут, но от ребят уходить не хотел. Он как-то ровно дружил со всеми. И его уважали. Почти до рассвета не утихал гомон в комнатах охотников.

Заснули на часок. Как только забрезжил рассвет, пришли егеря. Слышался лай собак. Над озером стелился туман...

Охотники расходились на зорьку. Старший егерь предложил Комарову быть напарником, но Володя вежливо отказался. Он любил эти рассветные часы на охоте проводить один. И не потому, что чурался людей, нет. Он охотился по-своему.

Об этом необычном способе охоты Владимира Комарова рассказывал бессменный секретарь общества охотников из Звездного — Максимыч.

В то утро он увидел, как в камышовой глухомани опустилась утка и селезень. Максимыч знал, что туда, в довольно топкое место, ушел Володя в своих высоких охотничьих сапогах, и ждал, когда загремят выстрелы. Но их не последовало, Максимыч, недоумевая, стал пробираться через заросли камыша. Вот то место, где приводнились утки. Осторожно раздвинув стебли камыша, он увидел, как в маленькой заводи по зеркальной глади воды, распуская легкую рябь, плавали утка и селезень. Стоило только нажать курок, и оборвалась бы эта прекрасная идиллия. Максимыч привычно прицелился, но вдруг над самым ухом услышал тихий голос:

— Не стреляй, пожалуйста.

Максимыч оглянулся на голос. В охотничьем азарте он и не заметил, что находился в двух шагах от застывшего в камышах Комарова. Ружье его было опущено, и он зачарованно смотрел на птиц. Селезень плавал вокруг утки, время от времени чистя свои переливающиеся всеми цветами радуги перышки.

О чем думал в эти минуты Владимир Комаров? Быть может о неповторимой красоте родной планеты с такими вот яркими, сочными уголками, которые не рассмотришь с космических высот, а может быть о будущих исследователях Вселенной, которые многие годы будут лишены счастья созерцать мир, давший им жизнь. Он был мечтателем. Где-то рядом прогремел выстрел. Птицы испуганно встрепнулись, и, скрываясь за камышами над самой водой, полетели к дальнему краю озера.

— Не сердись, старина, что я лишил тебя такого охотничьего удовольствия. Уж очень жаль было их убивать в этот момент, — виновато проговорил Комаров.

А Максимыч и не сердился. От интонации Володиного голоса у него тоже вдруг пропал охотничий азарт, и он совсем по-иному взглянул на это чудесное утро, полное ярких, живых красок. Где-то в заводи плеснула щука, разгоняя по воде круги.

— Наверное, сцапала карася, — заметил Комаров. Он умел видеть и слышать природу. А над озером началась пальба. Охотничьи страсти разгорались...

К полудню все собрались у домика. Кому на этот раз повезло, у тех в ягдташах было по несколько уток. Возбужденные охотники шумно делились впечатлениями. Один из егерей, обращаясь к Владимиру, сказал:

— Вам, смотрю, не повезло. А я вот селезня и утку стукнул. Они как раз с того места снялись, где Вы стояли. Во красавица, — и он бросил на траву двух мертвых птиц.

Максимыч взглянул на Комарова. Лицо Владимира передернулось, а глаза стали грустными, грустными.

— Да, не повезло... — чуть помедлив, он добавил: — Не повезло птицам.

Егерь посмотрел на Комарова, но так ничего и не понял. Сели за стол перекусить перед обратной дорогой. Каждый выложил в «общий котел» все, что захватил с собой из дома. И снова начались возбужденные разговоры: кто удачно поохотился, а кому нечем было особо похвастаться. Вспоминали забавные случаи из предыдущих, и из только что

прошедшей охоты. Владимир с удовольствием слушал эти охотничьи байки. Он любил и умел слушать...

И снова мерно гудит мотор автобуса. В пути, когда притомившиеся и почти неспавшие эту ночь охотники, наконец, утомонились, Володя подсел к еще не успевшему задремать Максимычу. Разговорились о жизни пернатых. Володя с интересом расспрашивал об их повадках и был немало удивлен, узнав, например, что клесты выводят птенцов зимой в трескучие морозы. Максимыч пояснил:

— Еловые шишки зимой закрыты и полны семян. Клест сильным клювом крошит их и добывает пищу птенцам, в то время как самка согревает их. Весной шишки раскрываются и семена выпадают, но к этому времени птенцы уже сами способны летать и кормиться.

— До чего же умно распорядилась природа! — удивился Комаров. Он вез домой свою «добычу» — «убитые ноги» и множество впечатлений.

* * *

Весь мир открыл объятия экипажу «Восхода». И космонавты щедро делились с людьми своими впечатлениями о полете, рассказывали, что нового им удалось увидеть и сделать за пределами Земли.

Одна из зарубежных поездок привела космонавтов во Францию. Париж приветливо встретил экипаж «Восхода». Газеты пестрели фотографиями Владимира Комарова, Константина Феоктистова, Бориса Егорова. В столицу Франции на Международную авиационную выставку прибыло множество делегаций из разных стран, но наибольшим вниманием пользовалась, конечно, советская, так как в ее составе был первый экипаж многоместного космического корабля.

Герои первых стартов.

Стоят: Ю.Гагарин, В.Быковский, Б.Егоров, П.Беляев,
П.Попович, В.Комаров. Сидят: К.Феоктистов, В.Терешкова,
А.Леонов, А.Николаев, Г.Титов

Устроители выставки всячески старались, чтобы участники ее не скучали. Лучшие гиды сопровождали членов делегаций при посещении музеев и достопримечательных мест Парижа.

В один из дней советской делегации было предложено посмотреть на Париж с борта теплохода, проплывающего по Сене. Теплоход отошел от пристани. На палубах было многолюдно: день выходной, и многие французы проводили время на реке, отдыхали, наслаждались свежим воздухом и пейзажами Парижа.

Когда участники прогулки узнали, что на борту теплохода находятся русские космонавты, они живо устремились к ним, с западной непосредственностью разглядывая людей, недавно побывавших за пределами Земли.

К космонавтам потянулись руки с открытками, книжками, газетами. Всем хотелось получить автограф покорителей звездных трасс. Вдруг Владимир Комаров увидел девочку лет пяти-шести. Она стояла перед ним, растопылив пухлые пальчики повернутых вверх ладонями рук, и показывала, что у нее ничего нет, а на глазах девчушки готовые брызнуть слезы. Комаров еще раньше, пока ему удавалось оставаться незамеченным публикой на теплоходе, обратил внимание на семью французов, сидевших у борта. Плотный мужчина лет сорока, миловидная женщина лет на пятнадцать моложе его. И рядом с ними весело щебетала их маленькая черноглазая дочь. Она задавала уйму вопросов, и родители, видимо, не очень тяготились ими, каждый раз подробно отвечая девочке.

И вот сейчас перед Володией стояла их маленькая щебетунья, готовая расплакаться от того, что ей нечего было протянуть русскому дяде-космонавту, как это делали окружающие ее люди.

Комаров на мгновение растерялся. Но кто-то из друзей пришел на выручку. Ему передали традиционный русский сувенир — маленькую матрешку. Володя перевернул деревянную красавицу и на доньшке мелким, но четким почерком написал: «На память парижанке от космонавта Комарова». Затем он протянул игрушку и ласково погладил девочку по волосам. Приплясывая и что-то весело мурлыкая, счастливая малышка побежала к родителям, которые не сдерживали своего восторга и, благодарно улыбаясь, кивали Комарову.

Момент, когда Володя передавал матрешку девочке, запечатлели десятки фото— и кинокамер. И уже в вечернем выпуске газет появились фотографии.

* * *

Идея создания нового корабля, а точнее целой космической системы, с помощью которой можно было бы производить на орбите сборку комплекса, способного достичь Луны, созрел у Сергея Павловича Королева еще задолго до полетов «Восходов». И теперь в цехах шло превращение идей и конструкторских разработок в металл.

На стапелях сборочного цеха шла отладка пока что беспилотных кораблей серии «Союз». И первым кандидатом на пилотируемый полет «Союза» Сергей Павлович Королев назвал Владимира Комарова. Государственная комиссия утвердила его командиром корабля «Союз-1».

Объясняя это решение, командир отряда космонавтов Юрий Гагарин говорил:

— С моей точки зрения, очень хорошо, что выполнение столь сложного задания поручено именно Комарову. Выбор очень удачный. Это высокообразованный, отлично тренированный космонавт. Необходимо подчеркнуть, что выполнять программу он будет не просто как летчик-космонавт, а как человек, ставший за несколько лет космической подготовки специалистом своего дела. Инженерный космический профиль стал для него профессией. Подобная деталь очень важна, если учесть характер нынешнего задания.

Но увидеть старт своего детища — «Союза» — С.П. Королеву не довелось. Его жизнь трагически оборвалась на операционном столе...

Преемником С.П. Королева стал академик Василий Павлович Мишин, который был назначен на пост Генерального конструктора решением ЦК КПСС. Королев при подготовке каждого пилотируемого полета добивался максимальной проверки и доводки систем корабля в предваряющих его беспилотных полетах. И только после того, как надежность корабля приближалась к единице, принимал решение послать в космос человека. Королев был жесткий, уверенный в себе человек, и до конца принципиально отстаивал свое мнение, не взирая на ранг оппонентов — будь то Генеральный Секретарь ЦК КПСС или член Политбюро. И с ним считались. К его мнению прислушивались. Мишин, к сожалению, этими качествами не обладал. Давая интервью журналу «Огонек», он признался, что поддавался давлению сверху, когда политика вмешивалась в решение технических вопросов. Зададим себе вопрос: могло ли не быть трагедии с Володией Комаровым? И можно ответить: да, могло не быть!

Шли плановые испытания беспилотных кораблей. Было проведено три пуска, и ни один не был до конца удачным. Выявлялись все новые и новые недоработки. Они устранялись, но стопроцентной уверенности в удачном запуске корабля с человеком на борту не было.

После третьего беспилотного пуска, спускаемый аппарат сел на лед Аральского моря, расплавил толщу льда и затонул.

Причины неудачи были определены, и требовался контрольный — четвертый пуск, чтобы проверить, все ли рискованные для пилотируемого полета недостатки устранены.

Но приближалась очередная годовщина со дня рождения Ленина, и в ее ознаменование лидеры стран социалистического лагеря решили собраться на конференцию в Карловых Варах.

Нужна была очередная сенсация в Космосе, чтобы поднять престиж этой конференции. За реализацию этой задачи взялся член Политбюро ЦК КПСС Дмитрий Федорович Устинов.

Полет нового корабля «Союз», да еще стыковка двух кораблей с переходом через открытый космос из одного корабля в другой могли послужить очередным доказательством превосходства социалистической системы, и еще больше укрепить единение стран соцлагеря вокруг могущественного СССР.

Устинов, со свойственной ему твердостью и жесткостью, стал форсировать события. То и дело созывались важные совещания. Бросались огромные средства на ускорение процессов подготовки кораблей к полету. Напряженно работали конструкторское бюро имени С.П. Королева и смежники. В Центре подготовки космонавтов шли интенсивные тренировки экипажей космических кораблей.

Планировалось, что в космос будет запущен сначала корабль с одним космонавтом на борту, а через двое суток — второй с тремя космонавтами.

Корабли должны были состыковаться, и два космонавта перейти из корабля в корабль. Забегая вперед, можно сказать, что это уникальный эксперимент в космосе был осуществлен на кораблях «Союз-4» и «Союз-5». Мало кто знал о том, что каждая поездка Устинова в КБ подстегивала события, подталкивая Генерального конструктора Мишина к принятию роковых решений.

Одно из последних совещаний на высшем уровне подвело окончательную черту под этим вопросом.

Итак, в кабинете у Мишина находились: Д.Ф. Устинов, В. Комаров и В. Волков.

Устинов вел совещание:

— Академик Мишин, готовы ли Вы запустить «Союз» к Карлово-Варской конференции?

— Думаю, что если и какие-то отказы и мелкие недоработки и проявятся в процессе полета, то могут быть учтены и даже исправлены. Полет ведь испытательный. Но в целом корабль готов, — сказал Мишин, — и в полет его можно посылать.

— А что думает по этому поводу космонавт Комаров? — тихо спросил Устинов, сверкнув взглядом через линзы очков.

— Мне кажется, что машина еще сырая. Ни одного надежного беспилотного запуска не было. Следует устранить имеющиеся недостатки и проверить ее в четвертом беспилотном полете, а уже потом можно и лететь, — ответил Комаров.

Устинов повернул голову к Мишину.

— Я свое мнение сказал. Корабль к испытательному полету готов.

Устинов устремил свой взгляд на Комарова.

— Я свое мнение тоже сказал.

— Ну, вот что, товарищ Комаров, если не полетишь, снимем звезды и с груди и с погон...

Такой поворот разговора не взволновал космонавта, страшило другое — он знал, что в случае отказа в этот полет пойдет его друг, его дублер — Юрий Гагарин.

И Комаров согласился на полет.

Перед отлетом на космодром Володя еще раз пришел на тренажер, где отрабатывался наиболее сложный элемент в технике пилотирования «Союза» — стыковка. Высокая ответственность за порученное дело заставили его придти на тренажер в столь позднее время. Еще и еще раз с помощью группы, обеспечивающей тренировку, убедиться в том, что полученные им в процессе тренировок навыки пилотирования космического корабля не подведут его в космосе.

Володя просил задавать ему наиболее сложные режимы стыковки, и раз за разом уверенно выполнял их.

Но вот и последний наиболее сложный этап пилотирования пройден: корабли состыковались. Усталый, но довольный покинул Комаров кабину спускаемого аппарата и направился в пульттовую, где собралась группа, обслуживающая тренажер.

— Спасибо вам, ребята! Прилечу, расскажу, как все это было в космосе. — Он пожал всем руки на прощанье.

Начальник тренажера (автор очерка) — товарищ Комарова еще по Испытательному институту имени Чкалова, пошел проводить до выхода из тренажерного корпуса.

— Как настроение, Володя?

Уловив тональность вопроса, Комаров ответил:

— Машина сырая, но лететь надо...

Вышли из тренажерного корпуса. Апрельская ночь зажгла звезды над Звездным, звенела капель.

— Удачи тебе, Володя!

Обменялись крепким рукопожатием, и Комаров пошел по дорожке, ведущей в городок.

23 апреля 1967 года ТАСС сообщило об успешном запуске космического корабля «Союз-1», который пилотировал Владимир Комаров.

Сразу после выхода на орбиту начались сюрпризы. Не вышли солнечные батареи. Корабль закручивало, рабочего тела (горючего) для остановки вращения не хватало. И, тем не менее, он продолжал выполнять сложную и обширную программу испытаний корабля.

От встречи на орбите отказались сразу. Рисковать «Союзом-2» с космонавтами Быковским, Елисеевым и Хруновым Генеральный конструктор Мишин не решился.

В день выхода на орбиту «Союза-1» участники Карлово-Варской конференции «бурными и продолжительными» аплодисментами встретили радостное сообщение. Особенно радовался Устинов — его заслуга.

А тем временем драма на орбите продолжала разыгрываться все новыми отказами в технике. Из-за неполадок в снабжении электроэнергией сокращался срок работы систем жизнеобеспечения. Было принято решение: сажать корабль.

Через сутки корабль вышел на свой последний виток, и Комаров включил тормозную двигательную установку. Несмотря на нарастающие перегрузки он продолжал вести репортаж.

На высоте 11 километров начала вводится основная парашютная система. Но из-за недостаточной жесткости парашютного контейнера при резком перепаде давлений между кабиной и контейнером основной парашют был сжат и вышел только частично. Автоматика дала команду на ввод запасной парашютной системы. Но купол запасного парашюта закрутился вокруг неотстреленного основного, и корабль с огромной скоростью ударился о землю. Двигатели мягкой посадки горели внутри спускаемого аппарата.

Володя погиб...

Он пал жертвой политических амбиций нашего партийного руководства, но до конца выполнил долг испытателя.

В те дни, прощаясь с другом, Юрий Гагарин сказал:

— Мы научим летать «Союз». В этом я вижу наш долг — долг друзей перед памятью Володи. Это отличный, умный корабль. Он будет летать. Мы сядем в кабины новых кораблей и выйдем на новые орбиты.

Скоро исполнится тридцать три года с того дня, как первый «Союз» вышел на орбиту бороздить космическое пространство. В дальнейшем в космосе побывали десятки кораблей этой серии. «Союз» стал базовым кораблем при проведении сложнейших космических исследований с использованием орбитальных станций. На нем отлетали многие наши и международные экипажи.

И в каждое из этих космических свершений вложена душа и жизнь Володи Комарова. Его полет продолжается!

Оклеветанный космос

После выхода в свет № 52 за 1991 год газеты «Аргументы и факты» многие читатели были, мягко говоря, удивлены, а те из них, кто был непосредственным свидетелем и участником описанных в газете событий просто возмущены.

После этой публикации я лично считаю, что этой газете больше подошло бы название «Вымыслы и домыслы». А теперь поговорим не столько об аргументах, сколько о фактах. Беседа, записанная корреспондентом газеты «АиФ» А. Биневым с летчиком-космонавтом Алексеем Леоновым, представлена в искаженном виде. Проще говоря — это клевета на многие тысячи честных тружеников, работавших долгие годы в области космонавтики, и, наконец, попрание памяти павших на неизведанных дорогах космоса.

Чтобы не быть голословным, предлагаю читателям вернуться к статье, помещенной в «АиФ» «Мы спаслись, а они погибли». Прочитав некоторые выдержки из записанной там беседы. На вопрос А. Бинева о полете на Луну Леонов якобы отвечает: «Американцы же всадили в свою программу (имеется в виду лунную) сразу 25 миллиардов долларов. Куда нам было до них! И все же мы могли облететь Луну раньше их, но произошел целый ряд досадных случаев: то перепутали плюс на минус при монтаже, то облегчили один прибор, который потом замкнул, то «дядя Вася» сунул заглушку не туда, куда нужно... А еще помешали робость, трусость многих, кто отвечал за это, да еще и пьянство!»

Читаешь эти строки и удивляешься, не веришь, что эти слова принадлежат Алексею Леонову. Так вдруг, ни с того, ни с сего облить грязью всех и вся! Ему ли, Леонову, человеку, допущенному в те времена всеобщей засекреченности ко всем документам, материалам новейших космических проектов, во все закрытые конструкторские бюро, лаборатории, цеха и на полигоны, не знать, с каким нечеловеческим напряжением работали конструкторы всех рангов от академиков до рядовых, рабочие в цехах, где изготавливались космические приборы и агрегаты, сборщики и монтажники в цехах сборки кораблей и в монтажно-испытательном комплексе непосредственно на космодроме, испытатели на полигонах. Это был адский труд на износ многих и многих тысяч людей. И это вовсе не для красного словца сказано. Великий энтузиазм, порожденный прорывом человека в космос, поддерживал и давал силы этим трудовым коллективам, работавшим на самом острие советской науки и техники. Сколько в то время сделано было открытий, найдено блестящих технических решений...

Космонавтика тех времен, да, собственно, и сейчас тоже — это все еще неизведанные, непроторенные дороги. Да, видимо, так оно всегда и будет, пока Человек устремляет свой взор к звездам. Будут на этом пути ошибки, просчеты, будут разочарования и новые надежды, будет горечь невозможных утрат.

Мы так за последнее время привыкли хаять все свое, родное, что кажется, уже просто потеряли чувство меры. Ну почему бы и американцам тоже не обвинить своих специалистов в области космонавтики в разгильдяйстве, в пьянстве, в трусости, следуя логике некоторых наших горе-критиков. Ведь и у них все шло не так уж гладко. Так, после стыковки корабля «Джемини» со ступенью ракеты «Аджена» получилась такая закрутка, что астронавт Гриссом едва произвел расстыковку, а после приводнения, из-за того, что люк корабля был выбит волной, он едва не утонул. Вирджил Гриссом покинул тонущую капсулу и оказался на надувной лодке в океане среди акул, и с большой вероятностью мог бы погибнуть. Во время наземных испытаний корабля «Аполлон» в результате короткого замыкания в кислородной атмосфере бытового отсека заживо сгорели сразу три астронавта — Гриссом, Чаффи и Уайт. Во время приводнения корабля «Аполлон» после завершения совместной программы «Аполлон-Союз» на борту «Аполло» нарушилась герметичность азотной магистрали, из-за чего экипаж едва не погиб.

Идем дальше. Вот событие уже сравнительно недавних лет. Во время старта по программе «Шаттл» взорвался корабль «Челленджер» с семью астронавтами на борту. И не было ведь там нашего «дяди Васи». Были вполне естественные и объяснимые ошибки, сложности, недочеты, недоработки различных систем. Это неизбежные издержки всего нового, передового, что всегда связано с созданием и испытанием новейшей техники. Я

знаю историю космонавтики не понаслышке. Лучших двадцать пять лет моей жизни были отданы космонавтике. С 1963 года по 1989 год — вопросам, связанным с имитационным тренажером, служащим для отработки процесса стыковки космического корабля в наземных условиях — одного из ответственных элементов космического полета. Дальнейшая моя работа на протяжении последующих двадцати лет была посвящена проблемам безопасности космических полетов на этапах старта, выведения на орбиту, спуска, посадки и действиям космонавтов в случае вынужденной посадки в экстремальных условиях безлюдной труднодоступной местности различных климатических и географических зон. Приходилось участвовать в испытаниях систем спасения и приземления, руководить исследованиями по созданию и отработке методик выживания человека в экстремальных условиях, а затем опробовать их на себе в качестве испытателя, проводить теоретические занятия с космонавтами, а также тренировки по выживанию на море, в горах, в пустыне, в условиях Крайнего Севера для приобретения ими практических навыков.

За эти годы в составе оперативно-технических групп поисково-спасательной службы ВВС пришлось встретить из космоса более двух десятков кораблей и участвовать в наиболее сложных спасательных операциях при внештатных посадках. Все это, я считаю, дает мне право вывести читателей из заблуждения, в которое их ввел корреспондент «АиФ» А. Бинев, выбрав из беседы с А. Леоновым самую, что называется, «чернуху».

Попытки встретиться со Старковым успеха не имела. Максимум, которым пришлось удовлетвориться — общение с А. Биневым.

Показываю ему второй (первый у него уже был) вариант моего комментария к его публикации с припиской бывшего начальника Центра подготовки космонавтов, Заслуженного летчика-космонавта Георгия Берегового, подтверждающего, что многие факты, приведенные в материале А. Бинева, искажены и требуют немедленного опровержения. Публикация на страницах «АиФ» моего комментария устранила бы вольный или невольный обман читателей и во многом помогла бы им установить истину. Но А. Бинев непреклонен.

— Времена громких фамилий и авторитетов прошли! — комментирует он приписку Г. Берегового.

— А как же тогда быть с авторитетом Леонова?

— А что Леонов? Он мне тут аж два часа магнитофонной ленты наговорил, — гордо заявляет Бинев.

— Так Вы хотя бы согласовали с ним перед публикацией текст беседы. Ведь нельзя же было давать материал в таком виде на аудиторию, какую имеет «АиФ».

— Я не нашел его, а материал уже был готов. Так что согласовывать некогда было.

Вот так. Поэтому еще раз вернусь к «АиФ» № 52. Я хочу, устранив искажения и вымысел, допущенные А. Биневым из-за возмутительной небрежности при подготовке им материала, попытаться представить эти факты в их истинном свете, защитив тем самым добрые имена честных тружеников космонавтики и память погибших на ее нелегких дорогах.

Теперь по порядку. В составе экипажа Леонова, да и вообще в отряде космонавтов никогда не было «космонавта-исследователя П. Колобина», а был Петр Иванович Колодин. Будем считать это досадной опечаткой, но за ней — личность человека, которого обидели. Читаем дальше. «Ведущим летчиком-испытателем назначили В. Кубасова», — утверждает «АиФ». Но ведь это тоже неверно — Валерий Кубасов был назначен бортинженером корабля «Союз-11» и станции «Салют».

Дальше — больше: «За три дня до старта у Кубасова вдруг обнаружили самый настоящий туберкулез», — якобы сообщает А. Леонов А. Биневу. (Хотел бы я увидеть лицо А. Бинева, если бы он прочитал в газете с многомиллионным тиражом информацию о том, что у него, к примеру, обнаружили СПИД). Это уже чистейшая клевета на медиков Центра подготовки космонавтов и Института медико-биологических проблем, в ведении которых находится контроль за состоянием здоровья космонавтов. Стало быть, проморгали, подумает читатель.

В действительности же за три дня до старта во время углубленного медицинского обследования космонавтов у Валерия Кубасова было обнаружено на легких затемнение, как позже выяснилось, аллергического происхождения.

Полет готовился продолжительный, и очень осторожный человек, Николай Петрович Каманин, узнав об этом, решил не рисковать и предложил заменить основной экипаж на дублирующий. Об этом он немедленно сообщил экипажу Добровольского. И произошло это не за десять часов, как утверждает «АиФ», а за двое с половиной суток до старта. Экипаж в составе Георгия Добровольского, Виктора Пацаева и Владислава Волкова продолжил интенсивную подготовку к полету в качестве основного экипажа. И совсем не надо Леонову или Биневу бросать тень на Владислава Волкова: «Тогда мне дали в экипаж Владислава Волкова. Я очень ругал его за то, что он хоть и дублер, но к полету не готов».

Владислав Волков был к полету готов и добросовестно выполнил его до конца. И никто перед стартом не собирался давать его в экипаж к Леонову. С самого начала было принято решение — в случае болезни или других причин снятия с полета одного из членов экипажа менять экипаж полностью.

Впоследствии В. Кубасов выполнил еще два полета: по программе «Союз-Аполлон», кстати, вместе с Леоновым, и в качестве командира советско-венгерского экипажа.

Ну, а история гибели Владимира Комарова — это вообще чистейший воды обман и безграмотность. И называть катастрофу «досадным случаем», на мой взгляд, по крайней мере, неэтично. Несколько подробнее хотелось бы рассказать об этой трагедии и показать всю нелепость измышлений «АиФ».

Идея создания и проектная документация кораблей серии «Союз» закладывались С.П. Королевым. При его жизни начались различные виды испытаний систем корабля. Очень сложно шла программа летных парашютных испытаний, в процессе которых разбилось несколько натуральных макетов спускаемых аппаратов, сброшенных с самолета для проверки работы автоматики и парашютной системы корабля.

После смерти С.П. Королева темпы испытательных работ не снизились. Однако, сменивший его на посту Генерального Конструктора академик В.П. Мишин таким непререкаемым авторитетом, какой был у Королева, не пользовался и поэтому часто подвергался мощному давлению сверху при принятии тех или иных решений. Вот как он об этом сам говорит в интервью, данном «Огоньку»:

— Не было такого времени, чтобы мы работали спокойно, без гонки и давления сверху. Малограмотные, толком ни в чем не разбирающиеся высокопоставленные чиновники считают, что выполняют свой долг, если людям, не успевшим вытирать пот с лица, кричат: «Давай, давай!»

1967-й год. Приближались Первомайские праздники. А накануне в апреле планировалась Карлово-Варская конференция глав государств и партий социалистического лагеря. Привычным стало салютовать таким «эпохальным событиям» новыми космическими достижениями. Над ценой таких «салютов» чиновники из партийного аппарата особенно не задумывались, а только подгоняли.

Все, кто готовил апрельский старт двух «Союзов», понимали, докладывая «наверх» насколько еще не готова машина. Но пресс сверху давил...

Прежде чем вернуться к публикации в «АиФ» о «подробностях» гибели Володи Комарова, хотелось бы, отодвинув время на 25 лет назад, привести рассказ двух врачей-испытателей (очевидцев и непосредственных участников событий), входивших в состав оперативно-технической группы поиска, которая базировалась на аэродроме вблизи города Орска. Вот что говорят Олег Бычков и Виктор Артамошин:

»В шесть часов утра вся поисково-спасательная служба была приведена в готовность № 1. Поднялись в воздух поисковые вертолеты и самолеты. Вскоре наш вертолет с оперативно-технической группой (ОТГ) в полном составе на борту вышел в район предполагаемой посадки спускаемого аппарата (СА) «Союз-1».

Командир одного из поисковых самолетов АН-12 сообщил командиру вертолета о том, что видит в воздухе «Союз-1». Моментально все места у иллюминаторов были заняты членами группы. Но увидеть в воздухе снижающийся СА не удалось. Командир вертолета начал энергичное снижение. Затем последовал резкий разворот вертолета

вправо, и многие члены группы увидели приземлившийся среди зеленого поля СА. Он лежал на боку, рядом был виден парашют. И сразу же сработали двигатели мягкой посадки корабля. Это встревожило специалистов, находившихся на борту вертолета, так как двигатели должны были включиться перед посадкой СА у самой земли.

Вертолет приземлился в 70–100 метрах от СА, над которым стояло облако черного дыма. Все ринулись к аппарату. И только подбежав к нему, поняли, что помощь космонавту уже не нужна. Внутри аппарата разрастался пожар. Со стороны двигателей мягкой посадки, в нижней части СА, прогорело дно, и струйки раскаленного жидкого металла вытекали на землю.

Группа спасателей немедленно приступила к тушению пожара. Пенные огнетушители не помогли, пришлось забрасывать землей. За время тушения произошло полное разрушение аппарата, и это место приняло вид земляного холмика, под вершиной которого лежала крышка люка-лаза.

Врачи ОТГ приступили к работе — сняли лопатой верхний слой земли с вершины холмика до крышки люка-лаза СА. После выемки земли и отдельных деталей приборов и аппаратуры было обнаружено лежавшее в центральном кресле тело космонавта. Очистили от земли голову с остатками сгоревшего шлемофона. Врачи констатировали смерть от множественных травм черепа, позвоночника, костей. Тело погибшего было доставлено в Москву. Результаты патологоанатомического исследования подтвердили предварительное заключение врачей о том, что космонавт погиб вследствие больших перегрузок, возникших при ударе корабля о землю. Воздействие огня и высокой температуры было вторичным.

Осмотр специалистами места катастрофы позволил им сделать следующие выводы о ее причинах.

После выхода и раскрытия купола вытяжного парашюта, его усилия не хватило, чтобы вытянуть основной парашют. По команде автоматики системы приземления стал вводиться дублирующий — запасной парашют. Но из-за крутящего момента начали закручиваться стропы запасного парашюта — его купол не наполнился, что привело к увеличению скорости снижения СА до 26–30 м/сек, т.е. более 200 км/час.

На месте гибели корабля остался небольшой холмик земли, на который кто-то из летчиков со спасательных вертолетов положил авиационную фуражку. Теперь там памятник Владимиру Комарову, сделанный солдатскими руками. Таковы факты, подтвержденные очевидцами и документами комиссии.

Как же трактует эту катастрофу «АиФ»? Привожу в самом сокращенном виде начало и конец изложения корреспондента. «А с Комаровым произошел досадный случай. Его корабль, пролетав сутки, пошел на посадку... Он упал со скоростью 26 м/сек. Это около 100 км/час. Свалился на лед Аральского моря, лед растаял и корабль провалился. Потом его вытащили».

В середине же данного повествования дается довольно подробное описание действительно «досадного случая», имевшего место в январе 1967 года при запуске беспилотного корабля «Союз», предшествовавшего пилотируемому полету «Союза-1» (Комаров полетел в апреле). Корабль этот, благополучно спустившись на парашюте, из-за ряда технических неполадок действительно затонул в Аральском море и потом был поднят. Только последствия этой неудачи не были столь трагическими, поскольку на борту находились не живые люди, а манекены. Но это, видимо, не такая уж важная подробность для корреспондента «АиФ» А. Бинева, с завидной легкостью жонглирующего фактами.

И завершающий аккорд сплошного вымысла — это описание сравнительно недавних событий. «Был случай, когда Владимир Титов и Геннадий Стрекалов при старте были вынуждены катапультироваться».

Сразу хочу сказать, что на кораблях серии «Союз» установки для катапультирования в принципе не предусмотрено. Последнее катапультирование в космонавтике было из корабля «Восток-6», когда корабль покидала Валентина Терешкова. А Геннадия Стрекалова и Владимира Титова спасло не катапультирование, а система аварийного спасения (САС), которая за секунду до взрыва ракеты-носителя увела космический

корабль от стартовой площадки, и он благополучно приземлился в километре с небольшим от огромного кострища, в котором плавильсь металл и бетон.

К сожалению, в последнее время в наших газетах участились случаи публикаций, искажающих истинные события, и не только в космонавтике, где вместо фактов появляются сплошные вымыслы и домыслы. Но публикацией материала А. Бинева «АиФ», пожалуй, переплюнула всех. Если уж такие известные тысячам людей (причем, специалистам в своем деле) факты так беспардонно могут быть извращены, небрежно перепутаны и перевераны, то как же можно после этого доверять зачастую сенсационным сообщениям газеты, степень соответствия истине которых установить бывает весьма затруднительно. Вот и думает незадачливый читатель, развернув свежий номер «АиФ», какую же еще «лапшу» навешает она ему на уши на этот раз. Единожды солгав, кто тебе поверит...

Вкус жизни

От этих воспоминаний у меня, как условный рефлекс у собаки, сначала сохнет в горле, а потом начинается обильное выделение слюны, которая переполняет рот. События, связанные с пустыней, вызывают настолько тревожные и болезненные ощущения, что кажется невероятным участие в испытаниях, которые выпали на мою долю, на долю моих товарищей. Здесь я познал высокое чувство товарищества и взаимовыручки, встретился с подлостью и человеческой слабостью, с мужеством и стойкостью. В пустыне я впервые отчетливо почувствовал, что могу стать убийцей и не просто убийцей, а мясником, способным рубить человека на мелкие части...

А теперь по порядку хочется рассказать о том, что пришлось увидеть, понять и прочувствовать лично мне, и тем кто окружал меня в этих жестких испытаниях в раскаленных песках, где отрабатывались методики по выживанию в пустыне с предельно ограниченным запасом воды.

Возникает вопрос: а зачем все это делалось? Четвертую часть суши планеты Земля занимают пустыни с раскаленными зыбучими и бродячими песками, с потресканными от зноя каменистыми плато и нагорьями. Над всеми этими безжизненными, безводными пространствами ежедневно пролетают тысячи больших и малых самолетов, накручивают свои витки космические корабли и станции...

И если в небе случится беда, требующая немедленного прекращения полета, то велика вероятность вынужденной посадки в эти безжизненные и опасные, огромные по площади регионы нашей планеты.

Первую пробу своих сил, как специалист по средствам спасения и подготовки космонавтов к выживанию в экстремальных условиях после вынужденной посадки, я провел без подготовки — экспромтом. Группа космонавтов летела в Туркмению в город Мары на астронавигацию. Руководитель занятий штурман Николай Романтеев легко согласился включить меня в состав группы. Быстро подготовил задание на командировку. В нем значилось: изучить возможность проведения тренировок в пустыне.

Состав группы космонавтов по возрасту и воинским званиям был разношерстным, но цементировал его старший группы космонавтов сверхкоммуникабельный и жизнерадостный Георгий Добровольский (будущий командир корабля «Союз-11», трагически погибший).

Чтобы легче было рассказывать, перечислю всех участников полета на астронавигацию: от предприятия «Энергия» имени С.П. Королева космонавты Николай Рукавишников, Олег Макаров, Виктор Пацаев (погибший на корабле «Союз-11»), от Центра подготовки космонавтов подполковник Лев Воробьев (он так никогда и не полетит), старший лейтенант Петр Климук (ныне генерал-полковник, начальник Центра подготовки космонавтов) и я в звании майора.

В Мары летели на самолете АН-12. По дороге на дозаправку сели в Актюбинске. На аэродроме осмотрели стоявший там только что начавший летать на местных авиалиниях самолет «Морава».

Вечером прилетели в Мары. Темнело и, хотя уже светили звезды, на нас из дверей самолета дохнуло сорокаградусной жарой. Сразу вспотели. Асфальт под ногами расползлся. Разместились в гостинице и, не теряя времени, поехали подальше от огней городка.

Николай Романтеев установил приборы и начал занятия. Звезды с одной стороны выползали из-за горизонта, с другой стороны, как в планетарии прятались за барханами. Сириус, Альдебаран, Бетельгейзе. Названия звезд и созвездий в голосе Николая Романтеева звучали как-то загадочно, хотя все знали очертания созвездий и их место на небосклоне.

Каждый час испытуемые выходят на связь

К утру стало чуть прохладней и, когда восходящее солнце погасило звезды, космонавты пошли отдыхать. Я же из наблюдателя превратился в главное действующее лицо. Договорился с врачом погранучилища понаблюдать за экспериментом, который я сам и придумал. Врач, прослуживший в Туркмении двадцать шесть лет, с сомнением пробурчал: «Сейчас в городе в тени +46°C, на полигоне +52°C в тени, а на солнце +75°C, ну, а на песочке +90°C будет. Вообще-то, вольному воля, если охота — поехали».

Газик выскочил из города на шоссе в сторону Ашхабада. Дышать раскаленным воздухом становилось все трудней.

— Тут нужно пару деньков адаптироваться, а потом уже двигаться в пески. Может вернемся? — предложил врач, видя, как я отворачиваюсь от тугого горячего потока, бьющего в лицо.

— В этом весь смысл. Ведь если произойдет вынужденная посадка, то о какой адаптации может идти речь.

— Ну, что же, вольному воля, — повторил врач. Приехали на полигон. С вышки спустился солдат-пограничник. Он с удивлением посмотрел на меня. Я был в легкой летней рубашке, брюках и штиблетах. В карманах брюк носовой платок, расческа и никому не нужный в этих песках кошелек.

Уже первый переход через барханы дал практический опыт. Я проваливался в песок. Идти было трудно. Да и, набившийся в штиблеты песок, жег ноги и мог очень быстро натереть волдыри. Вытряхнув песок, я по такырам (твердым площадкам между

барханами) стал обходить барханы. Так, петляя между ними, я удалялся от вышки, на которой остались пограничники и врач.

Один из солдат покрутил у виска.

— Нет, он не чокнутый, — сказал врач. — Это испытатель от космонавтов. Хочет понять, как можно выжить в пустыне.

Я иду уже больше часа. Чтобы не хватил солнечный удар, из платка, завязав уголки, сделал что-то наподобие панамы. Это уберегало от прямых солнечных лучей. С каждым шагом идти становилось все трудней. Перед уходом от вышки я взвесился. Я чувствовал, как из организма уходит влага. Подмышками от выступившей соли появился зуд.

Приближался конец второго часа моего движения по пустыне. Вот уже и пули перестали попадаться. Врач перед моим уходом в пески сказал, что от крупнокалиберных пулеметов пули улетают до трех с половиной километров.

Я впервые обернулся назад. Такыр, на котором я стоял, был окружен барханами. Вышки не было видно. Проваливаясь в песок, я забрался на самый высокий бархан и увидел шесть вышек. Они сгруппировались в связки по три и расположились вдоль горизонта. Я растерялся. К какой идти? Вдруг над вышками взлетели ракеты. К какой же все-таки идти? Прицелился на вторую справа. Я понимал, что становлюсь жертвой миража и галлюцинаций от перегрева организма. Во рту горечь, язык пересох и утолщился. Казалось он заполняет весь рот и хочет задушить меня.

Вторая ракета, взлетевшая над вышками, показала, что я ошибся. Более яркий след шлейфа от ракеты оказался у первой вышки, во второй группе из трех. Кроме того, я заметил небольшой сдвиг солнца от вышки. Теперь быстрее туда, где есть вода. От жажды начало подташнивать и заболела голова. Глаза уже перестали слезиться от солнца, потому что влага ушла из организма. И теперь жгла веки выступившая соль.

Я начал понимать, какую глупость сделал, организовав этот эксперимент-самоистязание. Пришлось отказаться от прямого движения к вышке. Каждое карабканье на бархан приводило к потере сил и увеличению жажды. Я знал, что за мной следят в бинокли и придут на помощь. От сознания, что помощь близко, слабела воля. Неотвязная мысль: нужно упасть на песок, они решат, что мне плохо, и прибегут с водой, помогут выбраться из этой песчаной трясины... Но пойдет слух, что испытатель из Центра подготовки космонавтов смалодушничал и отказался от борьбы. Эта мысль подстегивала меня, и я шел уже пятый час в песках... Вот, наконец, и утрамбованная дорога. Надеюсь, последние триста метров пройти бодро. Но бодрости нет что-то. Я вижу, как солдат-пограничник бежит ко мне навстречу с протянутой в руке фляжкой. И вот мои потрескавшиеся, опаленные губы прикоснулись к воде. Большого, чем в это мгновение, блаженства я в своей жизни не испытывал.

Иосиф Давыдов с Вячеславом Перфилкиным
опробывают теплозащитные костюмы

Участники экспедиции на выживание в пустыне.
Испытатели в набедренных повязках за трое суток потеряли 9 и 14 кг соответственно

Пью глоток за глотком. Солдат смотрит на меня и растерянно улыбается. Фляжка почти мгновенно опустела. Подходит врач. Лицо его встревоженное:

— Такие шутки плохо кончаются!

Слегка поддерживая, он ведет меня к вышке, где на столе стоят два, извлеченных из колодца, прозрачных, трехлитровых бутылка воды.

Зов жажды, зов обезвоженного тела торопит сделать рывок, прыжок к этим бутылкам. Они подавляют чувство собственного достоинства, чувство гордости. Я с трудом преодолеваю этот инстинкт и подхожу к воде. Бутылек в руках. И тут прорвало! Я, захлебываясь, пью. Чувствую, как плещет мне на опаленные веки, в глаза прохладная влага. Она растворяет выступившую соль. И от этого появляется резь. Я пугаюсь и несколькими пригоршнями промываю глаза. И снова пью, пью... Я не замечаю встревоженных лиц врача и пограничников. Допив первый бутылек, я потянулся ко второму.

— Подожди, идем взвесимся, — зовет врач.

Не хочется ждать, хочу пить! Мои глаза боятся выпустить из поля зрения второй бутылек. Подхожу к весам, становлюсь. Врач взвешивает и качает головой.

— Посмотри на градусник, — приказывает он солдату. Тот подходит к навесу и оттуда кричит:

— Пятьдесят четыре!

Мне «повезло» — этот эксперимент я проводил в один из самых жарких дней в этом году в Марах. За пять часов перехода в пустыне я потерял почти десять килограмм.

Допиваю второй бутылек. Чувствую, что желудок уже заполнен водой. Но глаза видят воду и просят пить. И я пью. Боюсь выпустить бутылек из рук. Организм постепенно насыщается влагой.

Космонавты Михаил Бурдаев (стоит) и Владимир Коваленок определяют место по Солнцу

Потом, не однажды, вспоминая эту ситуацию, я анализировал свое психическое состояние. Несмотря на то видимое спокойствие, с которым я подходил к воде, думаю, что, если бы мне поставили в тот момент условие: становись на колени и на коленях ползи к воде — я, скорее всего, стал бы на колени и пополз. Ни самолюбия, ни гордости у меня не хватило бы, чтобы при наличии воды умереть от жажды. Это был психологический стресс, который зафиксировался в памяти. И до сих пор от таких воспоминаний у меня сначала сохнет во рту, а потом обильно выделяется слюна. Видимо, это — на всю оставшуюся жизнь.

Через полчаса езды мы оказались в тени чинар вблизи струящихся арыков. А еще через несколько минут в объятиях быстротекущего мутного Мургаба, протекающего недалеко от погранчища.

В гостинице меня ждала приятная неожиданность. Я застал всю нашу группу в холле в белых намоченных простынях, обдуваемых вентилятором. На столе стоял жбан с пивом. — Тебе персонально, — Коля Рукавишников указал на холодильник.

Там стояли два запотевших графина с пивом. Космонавты с любопытством наблюдали, как я опустошил их.

Вечером на рыбалке я рассказывал всем об эмоциях этого дня.

Но на этом мои встречи с пустыней не кончились. Говорят: «Лиха беда начало!»

Вернувшись из командировки, я узнал, что группа испытателей из Института авиационной и космической медицины улетела в пустыню под Бухарой для проведения экспериментов по выживанию в интересах авиации. Возглавлял и руководил этой экспедицией начальник лаборатории выживания Виталий Волович. Поскольку нам предстояло отрабатывать методику поведения в пустыне для космонавтов, мне не составило большого труда убедить руководство Центра послать меня в командировку.

С аэродрома «Чкаловский» самолет со специалистами авиационной и космической медицины летел в город Каган под Бухарой. Вместе с ними полетел и я. После Мары мне казалось, что я уже все знаю о пустыне. Но так только казалось. Виталий Волович к моменту нашего прилета провел серию экспериментов и готовил к работе еще три группы испытуемых. Ему как раз не хватало одного испытуемого в экипаже. Он предложил мне сходу включиться в эксперимент, но предупредил, что в приказе на оплату за всю серию экспериментальных воздействий я не предусмотрен.

— Если хочешь обрести опыт, будешь работать задарма. Эксперимента наешься вдоволь, а денег не получишь. — Я согласился.

В сорока километра от Кагана в песках есть место под названием «Колодец Сайдак». Здесь и расположилась бригада: проводившая эксперименты. На берегу небольшого озера с берегами, заросшими камышом, разбит базовый лагерь экспедиции.

В сумерках подъезжаем к месту базирования. С дороги боимся съехать, чтобы не завязнуть в песках или не провалиться на одном из такыров. Идем за барханы к озерку. Темнеет. Звезды как будто выползают прямо из барханов. Ночью пустыня быстро оживает. И первыми поднимаются полчища озверевших комаров, чтобы насладиться свежей кровью, неуспевших защититься людей и животных. Где-то за барханами видны блики костра. Но главным маяком к базовому лагерю являются звуки гитары и голоса испытуемых, поющих песню.

Двое суток без воды.

Июль 1973 г.

Испытатели Владимир Воронов и Михаил Коновалов (справа)
после эксперимента

Вкус жизни — вкус воды. А ее почти не осталось.
И цена нашим мукам — 60 копеек в час

Выходим из-за барханов в сопровождении роя комаров. Ближе к костру они отстают, отгоняемые дымом и запахом мази, которой намазаны, сидящие у костра. Здравствуемся, знакомимся. Есть не хочется. Пьем чай. Волович ставит задачу на завтрашний день, готовит задание на эксперимент. Прошу ребят спеть песню о пустыне и их лаборатории выживания.

Прежде чем продолжить рассказ о событиях последующих дней, хочу привести слова этой песни, ибо в них сконцентрировано в юмористической форме отражение многих проблем, которые решались восьмой непотопляемой, непромокаемой, негниблемой, непогибаемой лаборатории (как они себя называли) в песках Кызыл-Кум.

ПУСТЫНЯ

Вокруг барханы и холмы,
Горячим солнцем сожжены,
И поросли колючками густыми...
И даже овцы и верблюды
Колючку эту не жуют - Пустыня, брат,
пустыня, брат,
пустыня.
С утра сдыхаем от жары,
Ночами — гложут комары,
Мы тешим душу фразами густыми...
Мы пьем не воду — кипяток,
Ну, что поделаешь, браток -
Пустыня брат,
пустыня брат,
пустыня.
Нам говорят, что бродят тут
И скорпион и каракурт
И от гюрзы душа от страха стынет...
Но если хочешь выживать,
Терпи и пой едрена мать -
Пустыня, брат,
пустыня, брат,
пустыня.

С приходом первого луча
В пески плетутся три врача, -
Работ подобных не было донине...
Температура, пот и вес -
Все представляет интерес -
В пустыне, брат,
в пустыне, брат,
в пустыне.
И как в делах заведено,
Все зафиксируем в кино,
А, не сумеет Вася, — будет дыня...
Хватай Афатов свой «Конвас»
И направляй его на нас -
Пустыня брат,
пустыня, брат,
пустыня.
Получим воду из песка,
Валяй, ребята! — цель близка!
Ее добудем средствами простыми...
А Сашке с Вовкой свет не мил,
Копают целый ряд могил -
В пустыне брат,
в пустыне, брат,
в пустыне.
А, Леша, для оравы всей,
В болоте ловит карасей
И не впадает никогда в унынье...
Хоть не велик его улов
И обгорел он — будь здоров!
Пустыня, брат,
пустыня, брат,
пустыня.
Сегодня, завтра и вчера -
Песок и ветер и жара
И рацион с консервами сухими...
Но если хочешь выживать,
Терпи и пой едрена мать -
Пустыня, брат,
пустыня, брат,
пустыня.
Под парашютом на песке
Лежу в печали и тоске,
Меж гибелью и жизнью посредине...
Пускай от жажды высох рот
И лишь одна душа поет -
Пустыня, брат,
пустыня, брат,
пустыня.

Недолгий и тревожный сон прервало восходящее из-за барханов солнце пустыни. Как только оно полностью выбралось на небосклон, исчезла ночная прохлада, и сразу дохнуло жаром: пески набирали солнечное тепло и отдавали его в окружающий воздух.

Волович определил мне и солдату-испытателю из его института место проведения эксперимента и радиус передвижения.

Когда солнце достигло зенита, то есть в момент наибольшего солнцепека, руководитель дал команду испытателям выйти на исходные позиции и начать эксперимент.

Солдат-испытатель показывал, как соорудить с помощью парашюта и песка тент — укрытие от солнца. Я набирался опыта. Ведь впереди у меня были серьезные задачи по отработке методики действий космонавтов в пустыне с поправкой на факторы воздействия космического полета. Этого в своих экспериментах Волович не предусматривал: он работал чисто на авиацию. Я же выступал в роли ученика и старался во все вникнуть: и в организацию экспериментов, и в методику, и в эмоции.

Первая проба показала, что максимальная потеря влаги организмом происходит при создании тента-укрытия. Но без него находиться под прямым воздействием солнечных лучей смерти подобно. Приходится из двух зол выбирать меньшее. Нужно думать, как сберечь влагу в организме.

Приведу записи из журналов испытаний.

Буркун (третий день эксперимента): «Жажда сильная. Привкус крови во рту, уксусный привкус. В голове тяжесть, слабость, усталость. Страшно мучает жажда. Ночью лежал на песке и от этого чувствовал удовольствие».

Жерновков Р.: «Не могу сказать, что я волнуюсь перед экспериментом. Более того, уверен, что выдержу. К эксперименту готов».

12–00 второго дня эксперимента. Жарко, сильный ветер сохнут губы, хочется пить. Болит голова, тяжесть в голове. Ве тер с песком мешает жить. Есть совсем не хочется. Во рту не приятно, горько. Слабость при малейшей физической нагрузке

12–15 третьих суток эксперимента. Пить хочется страшно. Теперь я остался один. Очень тяжело. Стоит заснуть в забытии: вижу сны про воду. Просыпаюсь от того, что пью и пить хочется еще больше. Как часто бывает во сне: никак не добьешься того, чего хочешь, а впрочем, и не только во сне.

Очень тяжело. А кто сказал, что должно быть легко. Вот блестящая возможность проверить свою силу воли. Решено: буду ждать до последних сил... Во рту горько, пустота в желудке, Но это не пограничное состояние. Ясно, что нужно увеличить воду за счет снижения, нет не снижения, а полной замены продуктов на воду. Пища не нужна. Неужели это было непонятно до сих пор. (Прорыв эмоций. Испытатель под воздействием жары забыл, что бывает и очень холодно. И тогда на передний план в Арктике, например, выходит пища, а не вода).

Во сне купался, но прохлады не чувствовал. Был даже дома, жене обещал принести кваса, но дежурный врач не дал возможности напиться, а жаль... Отрезки времени субъективно оцениваются значительно большими, чем в действительности, происходит переоценка временных интервалов. Это следует связать с отрицательными эмоциями, вызванными этой проклятой жарой, ветром, песком, а еще больше — неутоленной жаждой... После глотка воды становится лучше лишь во рту, а жажда сохраняется или даже усиливается. Надо терпеть. И я терплю. Страшно надоело все: и ветер, и жара, и песок, и вообще вся эта Средняя Азия!»

Светличный: «Жажда такая, что мочи нет. Какие-то боли в пояснице. Когда лежишь, хочется встать. Встанешь, через пять минут хочется лечь. После того, как выпил воды, захотелось выйти из эксперимента, хотя чувствовал себя хорошо. Время тянется очень медленно. Смотришь на часы и думаешь, они встали. Прислушаешься, идут! Думаешь, прошел час, посмотришь на часы, убеждаешься, что прошло пять минут».

Милованов: «Мне лично кажется, что с глотками воды приходит жизнь. Аппетита нет. Боязнь вызвать жажду травмирует психику.

Снился сон. Просил у солдат воды, но они на глазах у меня пили и не дали. Сволочи! Встает солнце — такое нежное, даже не верится, что оно может так палить.

Страшная жажда, но еще хуже экономия воды. Жарко. Хочется пить и еще раз пить...»

Георгиев: «Сразу после приема малых доз воды начинается тошнота и головокружение. Самочувствие отвратительное, хочется окунуться в ледяную воду. Жажда постоянная».

Голованов: «При закрытых глазах видится: купаюсь в бассейне, пью газировку или ем арбуз. Самое критическое состояние в 15–00. Чувство вялости, нервозность буквально на все: на солнце, песок, потерю здоровья, на время, которое медленно бежит, на врачей.

...Слюны мало, чтобы увеличить ее — взял в рот металлическую заклепку. Чувство голода не исчезает. Не ем, боясь, что это повлечет за собой дополнительный расход воды».

Теперь немного о своих впечатлениях. Рядом со мной под тентом, лежал солдат-испытатель.

На третьей сутки, как только взошло солнце и началось пекло, он вдруг сказал: «Все — я больше не могу. Будем выходить из эксперимента». От его решительности я растерялся. Вид у него был бодрый. Я-то думал, что дрогну первым, ибо был уже на пределе.

— Может еще потерпим? — спросил я. Приказывать я не мог.

— Нет, не потерпим! — Он тряхнул флягой с остатками воды.

— Ведь есть еще вода.

— Вот сейчас допьем ее и тут же выходим.

— Нет, не выходим, до финала осталось шесть часов.

— Ну и сидите эти шесть часов, а я пошел, с меня хватит.

Он поднялся с песка, сделал шаг от тента. На моих глазах открыл флягу и начал пить. Пил он жадно, с наслаждением. Я закрыл глаза, но сквозь звон в ушах и нестерпимую боль, слышал бульканье, которое угнетающе давило на сознание. Приоткрыв глаза я увидел его, глотающего последние капли воды. Я отвернулся, но тут мой взгляд остановился на лежащем рядом с радиостанцией и ракетницей мачете. Моя рука инстинктивно потянулась к его ручке. Я вдруг поймал себя на страшной мысли: мне хотелось сначала зарубить солдата, а потом кромсать его тело. Ужасное видение пронзило меня как молния. Через несколько секунд я услышал его удаляющиеся шаги. Слава богу, что он быстро уходил. Я осознал страшную для себя мысль, что в экстремальной ситуации с помутившимся от жесткого физического воздействия сознанием способен на кровавое убийство.

И только сознание своей вины заставило меня довести эксперимент до конца. Виталий Волович не знал об этом и для завершения эксперимента посадил ко мне врача из дежурной смены. Вот так все это было.

Тепловой удар.
Кум-Султан — самое жаркое место в Союзе.
Июль 1973 г.

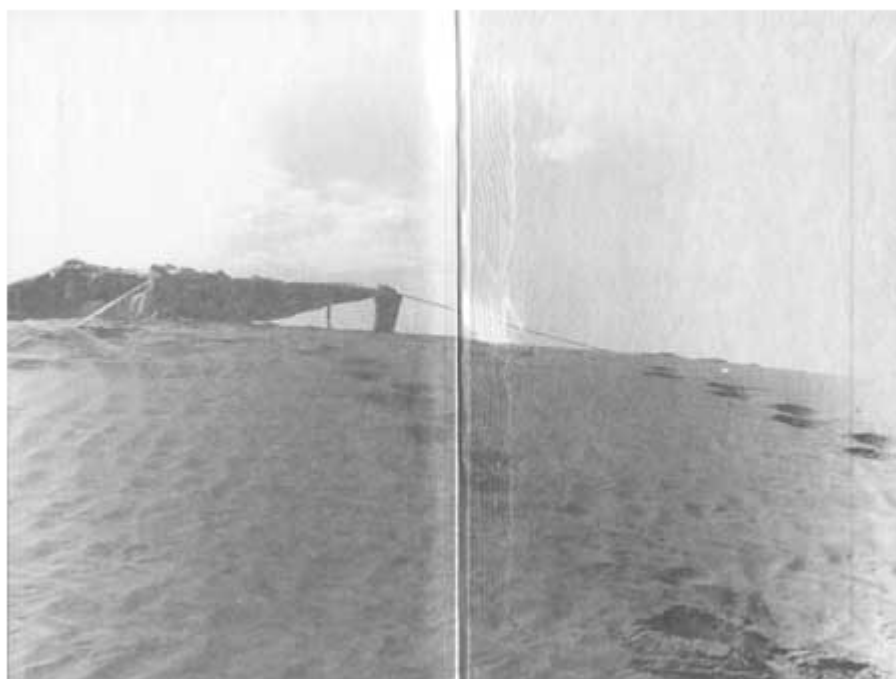

Укрытие перестроено.
Ждем поисковиков

В предыдущем повествовании я очень много внимания уделил собственным эмоциям, переживаниям и некоторым размышлениям. Попытался их пропустить через призму своего мозга с тем, чтобы вникнуть, анализировать и сопереживать дальнейшие события, связанные с участием других людей — испытателей и космонавтов в эксперименте, исследованиях и тренировках.

Говорят дурак учится на собственном опыте, а умный на чужом. Первый опыт дурака был получен в Мары, второй частично был приобретен под Бухарой в районе озера Колодец Сайдак.

Теперь предстояло разработать и экспериментально проверить методику подготовки космонавтов к действиям в случае вынужденной посадки космического корабля в пустыне с учетом психофизического состояния человека, попавшего в экстремальную ситуацию в космосе и подвергшегося воздействию факторов космического полета. Кроме того, предстояло проверить носимый аварийный запас «Гранат-6», и подготовить рекомендации по его совершенствованию. Опытные люди, проводившие немало научно-исследовательских работ, говорят, что начинать их можно тогда, когда они сделаны на семьдесят процентов.

У меня есть личный опыт пребывания в пустыне Кызыл-Кум в районе городов Мары и Бухара. Прежде чем начать свой научно-исследовательские изыскания пришлось перелопатить массу научной и художественной литературы, в том числе и книгу великого писателя и летчика Антуана де Сент-Экзюпери.

И вот все документы, предшествующие началу проведения исследований подготовлены. Лечу в Ташкент. Директивой Главнокомандующего ВВС предусмотрена помощь и поддержка силами и средствами авиации Туркестанского военного округа. В штабе авиации округа встречаюсь с Командующим авиации генерал-лейтенантом Алексеем Микояном. Он в очень добрых, дружеских отношениях с Начальником Центра подготовки космонавтов генерал-лейтенантом Георгием Береговым и поэтому, настроен доброжелательно. Это очень кстати, потому что без его помощи нельзя было рассчитывать на успех. На следующий день появляюсь у первого секретаря Бухарского обкома компартии Узбекистана Каюма Муртазаевича Муртазаева. Человек он безмерно озабоченный проблемами области и особенно сбором хлопка. В семь утра он уже в обкоме, и дальше по пыльным, раскаленным солнцем, дорогам разъезжает по районам области. И так до десяти вечера. Такое напряжение каждый день нужно уметь выдерживать, а он выдерживает, даже с сердцем, уже однажды пронзенным инфарктом. В недавнем прошлом он был одним из секретарей ЦК комсомола, который шефствовал над космонавтикой и Звездным городком. Влюблен в космонавтику. У него есть алая майка с надписью «Каюму Муртазаеву в знак вечной дружбы» с автографом Юрия Гагарина. Майками поменялись после дружеской встречи по волейболу между отрядом космонавтов и ЦК комсомола.

Муртазаев берет на себя все заботы о быте испытательной бригады. Это для нас очень существенно. Весь после изнурительных экспериментов в пустыне нужен полноценный отдых.

И вот все готово к началу работ. В Ханабад, где находится аэродром ПВО, прилетает самолет ЦПК с бригадой испытателей и снаряжением. Вертолетом МИ-6 Каганского вертолетного полка перебазировемся в город Каган. На следующий день без адаптации намечен эксперимент. Около известного мне Колодца Сайгак, разбиваем базовый лагерь. Руководит всей работой мой начальник Виктор Васильев, но он целиком ориентируется на приобретенный мною опыт.

В комплексе с психофизиологическими исследованиями запланировано проведение испытаний носимого аварийного запаса «Гранат-6» и дистиллятора (приспособления из пленки для добывания воды из песка пустыни). Помните слова песни?

»Добудем воду из песка

Валяй, ребята — цель близка

Но нет ее, голубушки, поныне

А говорят: «что без воды: и не туды и не сюды».

В пустыне, брат, в пустыне, брат, в пустыне.

Решено также попробовать различные комбинации одежды космонавтов, входящей в НАЗ. Расчет на то, что чем теплей и плотней одежда, тем меньше теплопотери и больше защита от солнца. Узбеки ведь по жаре ходят в теплых ватных халатах, под ними микроклимат. Не учли только, что узбеки в самый солнцепек сидят в чайхане или под чинарой и пьют чай. Мы же в теплозащитных костюмах, предназначенных для защиты от холода, выбираемся на солнцепек, когда в тени плюс сорок восемь-пятьдесят градусов, а на солнце все восемьдесят пять. Однако наша методика по периодическому кратковременному проветриванию пододежного пространства дает свои результаты: потеря влаги организма уменьшается, стало быть продлевается срок выживания в пустыне.

Усугубляем ситуацию: поверх теплозащитного костюма одеваем гидрокостюм «Форель». Рассчитываем, что, таким образом, сократим теплопотери. И это действительно так. Но гидрокостюм не только не выпускал влагу, не выпустил он и тепло. Результат налицо — один из самых стойких испытателей Виктор Касатиков получает тепловой удар. Это нас напугало. С мертвенно-бледным лицом и синевой вокруг рта и носа Виктор в беспамятстве доставляется к озеру и в простыне опускается в воду. Врачи в поте лица

трудятся, чтобы привести его в сознание. И это довольно быстро удается. На берегу, укрытый простыней, Виктор вдруг начинает стучать зубами. Оказывается, что быстрое испарение воды резко понижает температуру тела. Вскоре он приходит в норму, но теперь его как испытателя использовать нельзя. Он чувствует себя без вины виноватым и на подбадривающие жесты и слова реагирует болезненно, особенно тогда, когда видит, как товарищи идут в эксперимент.

С группой поддержки он готовит снаряжение и выполняет другие бытовые работы в базовом лагере. С трудом удается убедить его, что понимая, что он здоров, не можем послать его в эксперимент по формальным мотивам: а вдруг...

Виктор несколько успокаивается, когда на другой день досрочно по объективным причинам выходят из эксперимента Виктор Воронов и Михаил Коновалов.

Ночь, проведенная в пустыне под вой шакалов, шуршание насекомых и писк зверьков (краснохвостой песчанки, торбоганов, сусликов), а также звуки комариного и mosquitoного сонмища, отрицательно сказалась на психике. Так Миша Коновалов стойко переносил жару под тентом, но не смог выдержать присутствие безобидных жуков скарабеев. Они у него вызвали стойкое чувство омерзения. Он готов был сидеть под солнцем, но не соседствовать под тентом с фалангой, скорпионом или другой живностью. И это несмотря на то, что он охотник.

Виктор Воронов не мог перенести жару и вбиваемый ветром в кожу, нос, рот, глаза песок. Страх потерять здоровье, и все ранее перечисленные факторы дали сбой в психике. И, если по физиологическим показателям, по малой влаготере и не сгустившейся крови можно было продолжать эксперимент, то по психологическим факторам врачи рекомендовали его прекратить.

Уже через два часа, сидя на берегу озера, они смеялись над своими эмоциями. Но для нас было очень важно понять, насколько совместимы должны быть люди в экстремальных условиях, чтобы выдержать психологическую атаку внешней среды.

Это был первый этап экспериментов и исследований, проводимых Центром подготовки космонавтов в пустыне с целью разработки и проверки методики подготовки к действиям, в случае вынужденной посадки в пустыне.

Итак, мы завершили этот этап написанием методических указаний, по которым можно было начинать тренировки космонавтов. Согласно методике такую тренировку выполняют космонавты на этапе общекосмической подготовки.

В середине июля 1978 года Центр подготовки космонавтов провел первые тренировки в пустыне под Бухарой. Начинать с космонавтов, у которых до полета еще были годы подготовки, Это были молодые, здоровые, жизнерадостные военные летчики и инженеры, которые с интересом воспринимали все то, что им не пришлось прочувствовать и узнать в училище и строевых частях, где они проходили службу перед тем, как попасть в отряд космонавтов.

О тренировках в пустыне можно было бы рассказывать много и долго, характеризуя восприятия каждого испытуемого, степень воздействия экстремальных условий на его организм и психику. Но я остановлюсь на эпизодах, которые оставили неизгладимое впечатление в сознании непосредственных участников тренировок, и тех, кто их организовывал и обеспечивал.

По условиям, определенной методикой, тренировка начиналась без адаптации к экстремальным условиям — что называется с корабля на бал. И это у нас получалось. С самолета, прибывшего из Москвы, где было прохладно, космонавтов везли в пустыню, где температура в тени достигала 46°C, а сам песок прогревался до 85°C.

* * *

Прежде чем рассказать о полной драматизма тренировке, едва не обернувшейся трагедией, расскажу о событиях, в которых все разворачивалось спокойно, по-деловому и в то же время с осторожностью. Надо сказать, что психология космонавта, уже летавшего в космос и ставшего Героем резко отличается от поведения тех, кто еще в космос не летал. Это связано прежде всего с тем, что первый стал знаменитостью, с мнением и желанием которой вынуждены считаться все, а второй не летавший переступал через собственное достоинство, ради того, чтобы не вызвать нареканий, которые могут повлиять на

дальнейшие события, связанные с включением его в программу непосредственной подготовки к полету.

Организаторы тренировок — методисты и инструкторы не могли не учитывать этих факторов и применительно к ним строили свои взаимоотношения с испытуемыми. Задача непростая — дать полный объем навыков и при этом учесть индивидуальность каждого космонавта, чтобы не умалить его человеческое достоинство и не поступиться своим.

К сожалению, в процессе длительной работы в ЦПК я многократно сталкивался с ситуацией, когда перед Героями лебезили, стараясь ублажить их, и наплевательски относились к тем, кто формировал их и готовил в Герои.

Чтобы не продолжать этот непростой разговор о взаимоотношениях в ЦПК все-таки перейду к рассказу о восприятии пустыни космонавтами и в процессе тренировок, и о тех драматических событиях, о которых упомянул ранее.

Начну с дневниковой записи участника тренировок, которая, пожалуй, точнее всего рассказывает о положительном резонансе, вызванном у человека, впервые столкнувшегося с экстремальной ситуацией, ранее известной только по книгам.

С некоторой литературной правкой приведу отчет космонавта Васютина Владимира Владимировича, ныне летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза, профессора, доктора военных наук, генерал-лейтенанта.

А в ту далекую уже теперь пору (1978 г.) летчик-испытатель 2 класса майор Володя Васютин прилетел в составе группы космонавтов в город Каган под Бухарой.

Самолет ЦПК, на котором летели космонавты на тренировку приземлился в Каршах (Ханабад). Там базировался полк ПВО и с утра шли плановые полеты истребителей МИГ-21.

Из Кагана (под Бухарой) мы на вертолете прилетели в Карши, чтобы забрать космонавтов. В это время здесь произошло ЧП. Шли полеты. На одном излетавших истребителей над пустыней остановился двигатель. Летчик вынужден был катапультироваться. На парашюте благополучно приземлился в пустыне, но, не имея опыта выживания, он не снял высотного костюма, не построил укрытия от солнца, а решил идти в сторону аэродрома. Его искали у места катапультирования, а он по самому солнцепеку шел через пески. В результате его нашли через четыре часа под барханом. Он погиб от теплового удара. Имея элементарные навыки выживания в условиях пустыни, он остался бы жив и продолжал бы летать и служить.

Этот случай особенно укрепил нашу уверенность в необходимости всесторонней подготовки космонавтов к выживанию, и, в частности, в пустыне. Да и трагизм происшедшего почти на глазах, наложил отпечаток на отношение прилетевшей группы к тренировке.

В 10 часов 15 минут вертолет МИ-8 с космонавтами на борту взял курс на самую жаркую точку в пустыне Кызыл-Кум под названием Кум-Султан, что в переводе означает Царь Песков. Итак, отчет Васютина В.В. с моими комментариями. «18.07.78. В 10–50 произошла высадка из вертолета в сердце песков на такыре. В 11–00 улетел наш вертолет. Раскрыли огромный купол парашюта от космического корабля и начали кроить его для постройки убежища, предварительно сняв скафандры и переодевшись.

Одновременно оценили местность. Такой пейзаж видим впервые. Это рождает интерес не только к новой обстановке, как к новому листу, но и к работе, которая проводится в этом плане без условностей, реально.

Мы находимся на твердой, потрескавшейся поверхности такыра. Вокруг нас песчаные барханы высотой 3–5 метров, длиной 50–100 метров и шириной до 20 метров.

На ближайший бархан вынесли многослойный тент размером 2 на 2 метра. Работа по его изготовлению заняла 1 час 15 минут, и это на солнцепеке.

В 12–15 начали постройку укрытия. В 12–40 укрытие было закреплено, подперто столбами из сапог, заполненных песком. Из-под тента выгребли верхний горячий слой песка (примерно 20 сантиметров) до кажущейся прохладности. Заодно убрали и живность, затаившуюся в песке: скорпионов, жуков скарабеев. До сеанса связи заложили под тентом, достав из носимого аварийного запаса радиостанцию и ракеты.

Все это время мела песчаная поземка. Она попадает через «пескорез» (приспособление из парашюта для отвода летящего песка) и под тент. Очень пригодились летные очки.

Все, что я вижу с момента прилета в Бухару воспринимаю с интересом. Я бы сказал, в тесной связи с тем, что я знаю из прочитанного и увиденного в кино о жизни народов Востока, Средней Азии. Это, прежде всего далекое прошлое и времена гражданской войны. Особую созвучность своим ощущениям нахожу в произведениях замечательного человека, и выдающегося летчика Антуана де Сент-Экзюпери. Не единожды оказываясь в пустыне при самых разнообразных обстоятельствах, он увязывал свои действия, страдания, стремления и даже миражи с познанием себя, с познанием человека и окружающего его мира, воспевая отвагу и упорный труд, клеймя дилетантство и предательство, анализируя к чему в жизни приводит и то и другое. В самые тяжелые для себя моменты он сохранял отзывчивость к людям, удивительно сочетая в себе большую практичность и философский подход к ситуации, и ее месте в жизни вообще.

14–05. Провели сеанс связи. Поочередно выходили из-под тента. Убедились, что под ним температурный режим немного сноснее. Громадная разница в температуре подстилающего песка.

А вообще, шутили мы, пляжик узбеки отгрохали что надо!

15–05. Выживание ведем пассивное. Лежим под тентом и беседуем. Самочувствие нормальное. Пульс у меня 78 ударов в минуту.

С «Океаном-2» (условный позывной экипажа) — мы земляки по прошлому месту службы и почти по месту жительства. Поэтому нам интересно поговорить о новой службе, и что нового обнаруживаем в себе от ее воздействия. Вот в данном случае говорим, что находимся в пустыне и занимаемся хотя и не простым, но увлекательным делом. Есть чувство заинтересованности и стремление выполнить задачу качественно.

17–05. Сеанс связи. Боремся с жарой. Лежим под тентом, неподвижно».

Отчет Васютина В.В. заканчивался выводом: «Считаю, что группа поставленную задачу выполнила. На всех этапах старались следовать разработанной методике и убеждались, что она верна».

Подробно пересказывать дневник нет смысла. Хочется отметить, что группа стойко перенесла экстремальное воздействие пустыни, не потеряв психофизиологической устойчивости.

Анализ тренировки, проведенный инструкторами, успокаивал: космонавты серьезно воспринимали данную экстремальную ситуацию и старались максимально выжать из нее пользу для себя на будущее.

Не ожидали мы, что впереди при работе с другой группой, нас ждет разочарование. Драма, которая разыгралась в песках Кызыл-Кум, достойна подробного описания.

День отдыха перед отлетом домой был прекрасен. Первый секретарь Бухарского обкома партии Каюм Муртазаевич Муртазаев сделал все для того, чтобы космонавты после столь тяжелой тренировки хорошо отдохнули. Осмотрели достопримечательности древней Бухары, побродили по восточному базару, купили сувениры для дома и друзей. Был и вечер отдыха с шашлыками, восточными сладостями и фруктами.

Перед сном наслаждались прохладой бассейна, над которым свисали огромные грозди винограда. Выпивать после изнурительной жары никому особенно не хотелось. Играли в бильярд, смотрели телевизор и радовались тому, что испытание на жаропрочность уже позади, а завтра ждет дом со своими хлопотами и трудностями.

На следующий день утром космонавты на вертолетах улетели в Ханабад, откуда самолет ЦПК должен был увезти их в Звездный.

Через день должна была прилететь очередная группа, но уже через Самарканд. А мы тем временем готовили материальную часть к продолжению тренировок.

Мой заместитель Володя Гайдуков должен был снова выдвинуться с группой обеспечения в район Кум-Султана. Я вылетел встречать космонавтов до наступления жары.

Сверху Самарканд, один из древнейших городов Земли, как будто вырастает из песков пустыни. Как в волшебной сказке по велению джина из бутылки появляются

дворцы и минареты, окруженные зеленью садов и лазурью водоемов. Дымка и марево над городом еще более усиливают ощущение сказочности, видения и миража. Но вертолет идет на посадку, и сказка превращается в быль.

Вскоре после нашего прибытия в Самарканд на стоянку зарулил наш ТУ-134, привезший Василия Лазарева и очередную группу молодых космонавтов, прилетевших на тренировку.

Уже через час мы снова в Кагане. Там намечено провести предварительную подготовку. По дороге к месту занятий Володя Титов — старший группы космонавтов — полусуто-полусерьезно предлагает заехать на рынок, купить пивка и арбузов и посмотреть на пустыню. А завтра отбудем номер, получим зачет и полетим домой.

— Мы — летчики-испытатели, люди с соображалкой, посмотрим, как вы строите укрытия и все остальное, а завтра все просто повторим, — с некоторым юморком под одобрительные кивки всех остальных космонавтов, говорит он.

Такое отношение к тренировке и испытанию, которое готовит им пустыня, вызвало у меня чувство протеста:

— Ну, вот что, летчики-испытатели, засучивайте рукава и делайте как я и другие инструкторы. А завтра посмотрим, на что вы способны.

Солнце в зените. В тени +42°C, песок нагрет до +80°C. От барханов дышит жаром. Мы, инструкторы, уже адаптировались к таким условиям. Вновь прилетевшим наука дается с трудом, а главное без желания. Это вызывает у меня чувство тревоги. Неужели они не могут понять, что это не для меня, а для себя они делают.

Предварительная подготовка этой группы космонавтов меня не устраивает, но я понимаю, что требование повторить вызовет полный негатив во взаимоотношениях и может сорвать тренировку.

Врач-психолог Эльтузар Замалетдинов (ныне доктор психологических наук) советует не настаивать на повторе: пусть попробуют воспользоваться тем, что приобрели. «По-моему, за их бравадой, таится страх и неуверенность. Посмотрим, что будет утром», — говорит Эльтузар.

Утром меня подстерегает очередное неприятное событие: у одного из космонавтов повышенная температура. Причину врачи определить не могут. Представитель Института психологии кандидат психологических наук Наталья Крылова высказывает мысль, что это симуляция. Но четко понимаю, что в том случае, если на тренировке с ним что-то случится, то виноват буду я. Основная группа обеспечения во главе с Володией Гайдуковым на машинах еще до восхода солнца ушла в пески, чтобы ко времени нашего прилета развернуть в районе Кум-Султана базовый лагерь. Посовещавшись с врачами, принимаю решение всем вылетать в Кум-Султан и на месте определить два условных экипажа. Летим в район высадки в песках. В вертолете очень жарко. Перед выходом из него космонавты должны одеть скафандры: это приближение к реальной ситуации, в случае вынужденной посадки в песках.

После эксперимента.
За весовщика — автор

Тренировка завершена.
На переднем плане испыталы В.В.Перфилкин и Е.Н.Хлудеев.
На вершине бархана — Э.Г.Сванидзе, Н.В.Крученок и автор

По дороге тот, у кого была повышенная температура, добивается того, что на носовом платке появляется кровь. Он недвусмысленно дает понять, что тренироваться не может. Это вызывает саркастические улыбки двух психологов.

Принимаю решение. Первый экипаж: Титов — командир, и двое космонавтов из его группы; второй экипаж — один инструктор из моей команды и космонавты с издержками здоровья. Тренировку наметили провести вблизи базового лагеря по сокращенной программе, не требующей психологической подготовки.

Я умышленно не называю фамилий других космонавтов этой группы, ибо те суждения, которые сложились у психологов, врачей и методистов-инструкторов могут быть отчасти предвзяты из-за желания видеть в космонавтах суперменов, а не простых

людей со свойственными им слабостями, страхами и инстинктом самосохранения и просто нежеланием делать сомнительную на их взгляд, опасную и ненужную работу.

В 10–30 подлетаем к месту высадки первого экипажа. Выбрасываем на бархан купол парашюта, блоки НАЗа. Космонавты в скафандрах выходят в пустыню. Им предстоит нелегкое испытание. К тому же они к нему морально не подготовились, а, значит, будет трудней вдвойне. Я понимаю сложность ситуации, и второй экипаж думаю посадить в непосредственной близости от базового лагеря. Садимся у небольшого озерка, образованного бьющей из скважины горячей водой. Здесь уже разбил базовый лагерь Володя Гайдуков. Это очень надежный товарищ, стойкий испытатель и хороший организатор. Делюсь с ним своими сомнениями. «Не рискуй!» — советует Володя. — Из-за одного симулянта можно загробить все дело. Пусть себе сидит в лагере, попивает чаек и ест арбузы, пока его товарищи в пекле».

Дедков же настаивает на тренировке и уходит за барханы с одним из инструкторов. Впереди у нас двое тревожных суток, и у космонавтов, и у инструкторов-испытателей. Василия Лазарева нет. Его оставило руководство области для встреч с пионерами и школьниками. Вся полнота ответственности ложится на меня.

Через два часа на вертолете летим посмотреть, как обустроился первый экипаж. Укрытие от солнца и песка построено плохо. Тент мало снижает температуру. Без злорадства объясняю, что, если бы на предварительной подготовке они вникли в суть, то трудностей у них было бы меньше. Советую завтра после утреннего перехода построить другое надежное укрытие, а пока придется терпеть. Признательности в их глазах я не вижу.

— Может, хватит? Мы все поняли и ощутили, — говорит один из космонавтов.

— Ну, если поняли, то грамотно доведите все до конца. Иначе не могу поставить вам зачет по тренировке, — останавливаю я. Вижу в глазах озлобленность и неприязнь. Обидно конечно. Ведь не для себя мы стараемся. Для них. Мы уже многое испытали, и у нас еще предстоят встречи с пустыней при испытаниях и отработке нового неприкосновенного аварийного запаса «Гранат-6». Но у этой группы космонавтов на уме другое. Они думают, что испытание им устроено из наших интересов. Такого поворота никто не ожидал. Четыре предыдущих группы благодарны за науку, а от этой видим только неприязнь.

Что делать, такова жизнь?! Мы снова взлетаем, и оставляем космонавтов в пустыне в преддверии надвигающейся ночи и ветра, который, как правило, дует перед заходом солнца, вбивая в кожу мелкие золотистые песчинки, от которых появляется зуд.

Ночь проходит сравнительно спокойно. Несколько раз взлетаем, чтобы связаться с космонавтами по радио, и отработать взаимодействие с вертолетом при использовании светосигнальных средств; ракет и сигнального огня.

Необычная обстановка пустыни, нервный напряг, возникший из-за моральной неподготовленности группы не позволили и им заснуть. И к утру они порядком подустали и физически и эмоционально. Но главное они поняли, что шутить с пустыней опасно. Мучила жажда. Если помните слова одного из испытателей, что не так страшна жажда, как необходимость экономить воду. Другой же сказал: «У воды вкус жизни». Да, именно вкус жизни держал в нервном напряжении эту группу космонавтов. Они, молодые летчики, прошедшие отбор в отряд космонавтов, вкусили все прелести службы в Звездном городке и боялись потерять эту жизнь из-за укуса какого-нибудь паука или змеи. Кто знает, пригодятся ли им когда-нибудь навыки, приобретенные в пустыне, а потерять здоровье вероятность есть, а вместе с ним и уже полученные блага. Эта логика не летчика-испытателя, а обывателя на мой взгляд и поставила группу Владимира Титова на грань эмоционального и психологического срыва, что и подтвердилось при продолжении тренировки.

Утром совершили пеший переход, и до начала солнцепека построили на вершине бархана новое более, совершенное укрытие. Кто знает о чем они говорили в это время. Но, тем не менее, экипаж Титова к полудню дрогнул. Давала знать жара, но, прежде всего психологическая неустойчивость. Неожиданно в эфире прозвучал призыв о помощи. На связь вышел командир экипажа Владимир Титов. Взлетаем. Через пять минут вертолет

был над укрытием на бархане. Запросили необходимость посадки. Титов подтвердил, что обстановка на земле требует прибытия врача. Подходим к укрытию. Вид у космонавтов растерянный. Владимир докладывает, что у одного из его товарищей кровотечение из носа. Врачи осматривают всех и не находят противопоказаний к продолжению тренировки. Олег Бычков — врач из Института космической медицины и летчик, ранее проходивший отборочную комиссию в отряд космонавтов, констатирует, что ковырянием в носу можно вызвать кровотечение и это не следствие перегрева или теплового удара. Задаю вопрос космонавту, готов ли он продолжить тренировку или по самочувствию хочет прекратить ее. Он настаивает на прекращении, и в сопровождении врачей направляется к вертолету.

«Может быть и с нас хватит?» — задает вопрос Володя Титов. Другой космонавт молчит и хмуро смотрит на меня.

Я отвечаю отказом, ибо не вижу причин для срыва тренировки. Тем более, что повторить ее будет непросто, поскольку вся группа обеспечения уже месяц работает в пустыне и люди на пределе.

Улетаем в базовый лагерь. Здесь все подготовлено на случай оказания помощи при тепловом ударе или укусе ядовитыми насекомыми и змеями. Кроме того в областной больнице выделена палата на случай оказания любой срочной медицинской помощи. Даем вволю напиться «пострадавшему», и врачи проводят его осмотр. Все показатели в норме. Смотрю на космонавта, может быть он запросится к товарищам, оставшимся в пустыне? Но нет. Он берет подстилку и ложится в тень вертолета отдыхать. Для него тягости тренировки кончились. Через пару часов он присоединяется к вертолетчикам, играющим в преферанс. Я стою в стороне с психологом и наблюдаю за выражением лиц молодых космонавтов находящихся в базовом лагере. Они довольны и беспечны: удалось уйти от опасной и напряженной тренировки.

Проходящий мимо нас борттехник вертолета бросает фразу: «Разве это космонавты. Это слюнтяи!» Слова его бьют по нашему самолюбию, но ответить нечего.

Тренировка Титова и второго члена его условного экипажа продолжается. Несколько сеансов связи подтверждают, что у них все нормально, но энтузиазма в словах не слышно. Приближается ночь. Утром конец тренировки и для них, но никто не знает, что готовит нам всем ночь.

В полночь взлетаем, чтобы отработать элементы взаимодействия космонавтов со спасательным вертолетом и процессе поиска. Над пустыней взлетают сигнальные ракеты. Летим на них. Сейчас должен вспыхнуть алый сигнальный огонь, показывающий место нахождения космонавтов и площадку для посадки вертолета. Вспышка сигнального огня, а затем какое-то неестественное, непривычное его горение, и тут же по радио голос Титова: «Прошу немедленно экстренной посадки. У нас ЧП».

Командир вертолета включает фары, посадка ночью не предусмотрена и опасна, однако идем на снижение. Лопасты поднимают пыльно-песчаный вихрь, в котором ничего не видно. Командир вертолета в этой круговерти мастерски сажает машину. Подбегаем к космонавтам. Напарник Володи Титова корчится от боли: у него обожжена рука. В темноте ночи он дважды нарушил инструкцию, неправильно сработал сигнальным патроном, к тому же не одел защитную перчатку, и пламя температурой в тысячу градусов ударило ему в ладонь. Врачи оказывают первую помощь. Бежим в вертолет. Взлетаем. Впереди видны огни Бухары. Через двадцать минут садимся рядом с областной больницей.

Осмотревший ожог врач успокоил меня: «Через две-три недели сможет нормально работать, но кожа с ладони сползет».

Настроение мерзопакостное. На фоне ранее успешно проведенной с четырьмя группами космонавтов работы эта тренировка с группой Титова сплошное ЧП. И все из-за того, что они летели сюда не проверить себя на прочность и жаростойкость, а развлечься и посмотреть на экзотику пустыни.

В гостинице сидим с Василием Лазаревым. Мысли грустные.

— Что будем делать? — спрашиваю его.

— Объективно доложим руководству. Считаю, что надо гнать их из космонавтов, — говорит Лазарев. — Такие сломаются в другом, более серьезном деле, что может повлечь за собой последствия.

Мне сказать нечего и я молчу.

Утром о происшествии докладываю в Центр подготовки. Оставшийся за начальника Центра генерал Андриян Николаев срочно высылает самолет.

— Прилетайте. Разбираться будем дома, — как всегда лаконичен Николаев.

Грустным был этот перелет. Еще и еще раз мысленно я перепроверял себя, может быть отказаться от всех этих тренировок, может прав был Зинченко, говоривший, что захотят жить — выживут.

Нет и еще раз нет. Тренировки на выживание нужны, прежде всего, потому, что выдержка и устойчивость в непредвиденной ситуации могут пригодиться и в космосе. Эти тренировки космонавтов, готовили их к более сложным испытаниям, закаляли характеры мужчин. И это я слышал ото всех, кто прошел эти испытания. Сейчас же передо мной сидели понурые, хмурые люди, которые ждали приговора от старших товарищей и начальников. Я тоже ждал приговора тому тяжелому делу, которое затеял со своими товарищами ради успеха космических полетов и на которое меня нацелил погибший Володя Комаров.

К вечеру самолет заходил на посадку на аэродром Чкаловский. Пеленой дождя была накрыта взлетная полоса. Мы ворвались в эту пелену, и по иллюминаторам поползли горизонтальные полосы воды. Самолет зарулил на стоянку. На земле дождь был несильный. После почти месячного пребывания в пекле Средней Азии от дождя было как-то уютно и радостно. Он охлаждал страсти и снимал горечь последних дней пребывания на юге.

Сегодня радость встречи дома, а завтра у меня очень сложный, полный драматизма и неприятностей день. Утром предстоит разбор тренировок с последней группой космонавтов. Перед работой встречаюсь с Василием Лазаревым. Он сообщает, что у него уже состоялся разговор с Андрияном Николаевым, результатом которого может быть отчисление всей последней группы из отряда космонавтов. Такой результат меня совсем не устраивал. Я готовил их к трудностям в работе в космосе, а получилось, что привел их к отлучению от этой работы. Настроение прескверное. На разбор последней тренировки собрались в кабинете Николаева. Космонавты из последней группы выглядели поверженными, организаторы тренировок, — и, прежде всего я, виноватыми. Победителей в этом разговоре не предвиделось. Все чувствовали себя скверно.

Докладывал о результатах тренировки Василий Лазарев. Психологи дали анализ происшедшего. Вывод был тяжелый. По психологической устойчивости к экстремальной ситуации космонавты группы в настоящий момент не способны выполнить космический полет. По моей просьбе психологи смягчили формулировки, обошли острые углы, не были категоричны в принятии решения руководством Центра. Уж больно обидно было потерять пять космонавтов, выбранных из тысяч летчиков. Хотелось сберечь их.

Руководивший разбором тренировки Андриян Николаев и присутствовавшие на этом совещании Павел Попович и Алексей Леонов (первоотрядники, прошедшие через горнило подготовки к первым полетам, когда их бросали из «огня да в полымя», проверяя на прочность и стойкость не только организм человека, но и характеры людей, их готовность на самопожертвование ради большого общечеловеческого дела) быстро поняли наши уловки смягчить вину космонавтов. Они высказывались резко и непримиримо, говорили даже о предательстве дела, которому служат космонавты. Приговор был суровым — отчислить из отряда.

Затем слово предоставили руководителю последней группы. Я ждал, что он начнет искать изъяны в организации тренировки, валить вину на врачей и методистов, может быть даже доказывать никчемность таких испытаний.

Мы, в свою очередь, уже подготовили контраргументы и доводы, подтвержденные наукой, опытом других людей и конкретными показателями состояния здоровья участников тренировки.

Но выступление командира группы обезоружило всех, и руководство Центра — Николаева, Поповича и Леонова, и меня со специалистами, участвовавшими в подготовке и проведении тренировки.

Володя Титов коротко, сдержанно и с плохо скрываемым волнением говорил:

— Мы благодарны группе специалистов и инструкторов, преподавших нам тяжелый урок по проверке мужества, стойкости и выдержки. Тренировки в этих труднейших условиях, в которых участвовали специалисты Центра и смежных организаций, были организованы и проводились на высоком методическом уровне и с большой надежностью в обеспечении безопасности. Мы все в этом убедились. И наша беда, и наша вина в том, что мы переоценили свои возможности, и недооценили те трудности, с которыми столкнулись. Мы оказались морально и психологически не подготовленными к таким испытаниям. Видимо, сработал инстинкт самосохранения. Про себя мы решили так. Может быть нам никогда и не потребуется эта наука, а потерять здоровье можно. И это привело одних к малодушию, а других — к перестраховке.

Для нас всех это тяжелый урок. И мы все очень надеемся, что если выводы и решение руководства будут не столь категоричны, то мы докажем, что способны продолжать работу по выбранному нами в жизни пути. Мы искренне понимаем свои ошибки и постараемся их исправить. Это испытание помогло нам на многое взглянуть другими глазами.

Такая позиция группы участников неудачной тренировки резко смягчила и мнение руководства Центра и нас, специалистов, готовившихся отстоять правильность своих методик, проверенных на собственном опыте, но в более жестких испытаниях, чем те, которым мы подвергали космонавтов.

Заканчивая разговор об этой, на мой взгляд специфичной группе космонавтов, побывавшей на тренировке в пустыне, хочется сказать, что они продолжили службу в отряде космонавтов, но, к сожалению приходится констатировать, что только один из них — Владимир Титов выполнил несколько космических полетов, в том числе и с американцами на «Шаттле». Жизнь другого трагически оборвалась во время испытательного полета на истребителе, когда он до конца боролся за жизнь машины и не пощадил свою. Остальные по разным причинам, были отчислены из отряда космонавтов. Видимо, пустыня явилась тем самым катализатором, на котором проверялась стойкость не только в экстремальной ситуации, но и в жизни тоже...

Только не в горы

Спускаемый аппарат космического корабля приближался к земле. Бело-оранжевый купол огромного парашюта плавно опускал капсулу на склон большого холма. У самой земли сработали двигатели мягкой посадки (ДМП). Сноп пламени вырвался из-под днища СА, парашют обмяк, освободившись от нагрузки, и мягко опустился на землю, окутанный пылью, поднятой работой двигателей

В следующее мгновение СА наклонился, подпернутый парашютом, который вновь наполнился порывом ветра, и начал скатываться по склону. Сработали пиропатроны отстрела стренг. Парашют отцепился от СА и его понесло ветром в степь, пока он не распластался в ней огромным бело-оранжевым пятном. А тем временем СА, разгоняясь, катился по склону, подпрыгивая на уступах. Перед обрывом глубокого оврага он еще раз подскочил и рухнул в провал в земле.

Это был очередной испытательный сброс на полигоне Чауда вблизи Феодосии, в котором проверялась работа системы посадки кораблей серии «Союз».

В спускаемом аппарате на креслах космонавтов находились манекены и контрольно-записывающая аппаратура, фиксирующая работу систем.

Расшифровка самописцев показала, что ударные перегрузки после посадки подпрыгивания аппарата превысили допустимые для переносимости человеком. Если бы вместо манекенов были люди, финал мог быть трагическим. Экипаж в лучшем случае был бы травмирован, в худшем — погиб.

И сразу появился ряд проблем, которые нужно было решать. Техника выполнила свою задачу: система посадки благополучно привела корабль к земле. А что же дальше? Как примет земля и что произойдет с экипажем, если посадка будет в горы.

Над этой проблемой задумались и специалисты КБ имени С.П.Королева и инструкторы Центра подготовки космонавтов, отвечавшие за подготовку космонавтов в случае вынужденной посадки в экстремальных условиях различных климатогеографических зон.

Необходимо было разработать методики по подготовке космонавтов к действиям экипажей космических кораблей в случае вынужденной посадки в горах. Эти методики необходимо было проверить на практике, а уже затем начать тренировки.

Первую пробу сил в горах специалисты ЦПК имени Ю.А.Гагарина решили провести в Таджикистане в районе высокогорного поселка Мин-Куш. Здесь уже работали в интересах авиации сотрудники Института авиационной и космической медицины.

Поскольку условия вынужденной посадки в горах летчика после катапультирования и космонавта резко отличались, да и состояние организма человека после длительного космического полета существенно отличается от состояния здоровья летчика, постановка экспериментов, методика их были различны.

Предстояло, пользуясь поддержкой хорошо организованной экспедиции врачей и испытателей Института авиационной медицины, сделать пробу сил по проведению работ по методикам и программе ЦПК.

Самолет сел в аэропорту Манас, что недалеко от Фрунзе, и маленький автобус ПАЗ, заполненный нашей группкой испытателей и снаряжением, понес нас через горные теснины по серпантину дороги, ведущей в Душанбе. По дороге перегоняли на летние пастбища большие отары овец. Поэтому дорога к перевалу на Сусамырскую долину была заполнена пылью, запахами и блеянием баранов разных возрастов. Худые, с мощными лапами и громадными челюстями волкодавы, с подрезанными ушами и хвостами, не давали этому многочисленному овечьему народу разбежаться в разные стороны, подкусывая за курдюки и хвосты непослушных и подтаскивая отставших и ослабевших ягнят.

Почти два часа мы медленно, чтобы не задавить, протискивались через этот живой поток, текущий вверх в горы. И вот, наконец, вырвались на свободную дорогу и покатали к перевалу под рассказы, песни под гитару и советы Володи Алексеева (к сожалению, не состоявшегося космонавта) — альпиниста и наиболее опытного среди нас человека по пребыванию в горах.

При подъезде к Мин-Кушу нас остановил милицейский кордон, предупредив о том, что в поселке отмечено несколько случаев заболевания холерой и что, возможно, будет объявлен карантин на сорок дней. Короткое замешательство в наших рядах, не возвращаться же с пустыми руками, проделав уже путь из Москвы в три с половиной тысячи километров. Тем более что там, в Мин-Куше, уже работает группа наших товарищей.

Как ответственный за работу от Центра подготовки космонавтов принимаю решение въехать в поселок. Назад дороги нет.

Бригада специалистов Института авиационной медицины, уже более месяца работающая в горах, с радостью встретила нас. Еще бы, приехали с новостями, новыми свежими идеями и с черным московским хлебом и «Столичной» водкой.

Побросав рюкзаки и разгрузив наше снаряжение и огромный купол от космического корабля, мы дружной ватагой направились в шашлычную, где уже румянились на углях десятки шампуров, заполненных мясом. Это по просьбе наших друзей местный духанщик подготовил встречу дружественных организаций. Огромная миска горной черемши и лука, выставленная нашими друзьями, и привезенные нами из Фрунзе овощи и фрукты дополнили стол дружбы...

Допоздна травили анекдоты, смеялись, пели песни. Веяло прохладой от белых снежных шапок пятитысячников, окруживших поселок.

Прозрачность воздуха такая, что, несмотря на полнолуние, все небо усыпано гирляндами звезд, заполнившими огромный купол над городком. Одни звезды уползали в

горы, другие выползали на небосклон, заполняя бисером созвездий промежутки из нотных знаков звезд.

Как только солнечные лучи воткнулись в снежники, отразившийся в них свет побежал по горам и стремительно ворвался в поселок, поднимая всех на ноги.

Мы начали готовиться к проведению экспериментов. Врачи авиационной медицины взяли с собой все оборудование для проведения клинических исследований. Поэтому избежать лишних дырок в пальцах и венах не удалось. Пришлось сдавать кровь и прочие отходы от деятельности организма.

Итак, все медицинские пробы и тесты сделаны. Теперь: «Лучше гор могут быть только горы!» — девиз Владимира Высоцкого становится нашей путеводной звездой. С нашим космическим снаряжением мы перемещаемся в район, где начнется трехсуточный эксперимент по выживанию в случае посадки космического корабля в горах. В нашем распоряжении НАЗ «Гранат-6» — носимый аварийный запас и купол парашюта. Разбиваемся на два условных экипажа. В одном — Володя Алексеев со Славой Перфилкиным, в другом — я с Колей Порваткиным. Задача наша достаточно проста: по умозрительно разработанной методике выжить с имеющимся в нашем распоряжении снаряжением трок суток. В процессе эксперимента проанализировать состояние здоровья и поведенческую деятельность космонавтов, как ослабленных космическим полетом, так и травмированных в результате посадки, но способных перемещаться и пользоваться средствами корабля и подручными средствами. Поскольку эксперимент проводился на высотах, близких к трем тысячам метров, мы находились в зоне, где растут деревья. Поэтому проблем с заготовкой дров не возникало. Изначально по условиям эксперимента считалось, что космонавт не должен уходить с места посадки, чтобы не усложнять работу поисковикам. Необходимо было выбрать место с хорошим обзором и легко обнаруживаемым со спасательных самолетов и вертолетов. А главное, продержаться и сохранить здоровье в условиях непогоды до тех пор, пока тебя не обнаружат и спасут. Пеший длительный переход для космонавтов в методике не предусматривался. Зато нужно было построить надежное укрытие, способное защитить от холода и дождя и, с другой стороны, в таком месте, чтобы не быть сдутым шквальным ветром и не попасть под лавину, камнепад или оползень. Это совсем не простая задача, если по условиям эксперимента ограничивался радиус на местности приложения своих усилий и оценивались затраты на их реализацию. При этом необходимо было рассмотреть и опробовать целый спектр деятельности на местности с добыванием воды и пищи.

Надо сказать, что поскольку вся наша экспедиция была организована летом и деятельность совершивших вынужденную посадку в горах оценивалась для летнего периода, то давать рекомендации на все случаи жизни не приходилось. И ежу ясно, что в зимних условиях все будет намного сложнее и опасней.

Володя Алексеев — наш маг и волшебник.
От любой болезни вылечит

Итак, мы начинаем эксперимент с Николаем Порваткиным. Это спокойный, очень выдержанный человек с очень высоким жизненным потенциалом. Жилистый, смуглый, чем-то напоминающий местных аборигенов, физически сильный и выносливый. Он, как и Володя Алексеев, участник практически всех наших испытаний и экспериментов на выживание.

Вместе с Николаем отрезаем от громадного расстеленного купола парашюта куски для постройки укрытия и подстилки. Сворачиваем их. С помощью строп делаем что-то наподобие рюкзаков и совершаем небольшой переход на водораздел между двух небольших горных речушек. Отыскиваем место с хорошим круговым обзором. Ласковое горное солнце располагает к отдыху на траве. Кругом много горных цветов, на склонах у ручьев обилие черемши и горного лука. Делаем запасы всего съедобного, учитывая, что подножный корм облегчит нам выживание с небольшим пищевым рационом, входящим в НАЗ. Впереди нас ждет ночь, а с ней и пронзительный ветер с холодом, которым дышат снежинки, особенно с заходом солнца.

Собираем дрова. Рубим с помощью мачете сухие сучья, готовим место для костра. Отбираем несколько палок для распорок импровизированной палатки, которую сооружаем из парашюта. Кромку обкладываем камнями, но вовремя одумываемся: при сильном ветре такой булыжник может быть подброшен парашютом и тогда мало не покажется. Камни заменяли кольями. Периодически обмениваемся опытом с помощью радиостанции и голосами со Славой и Володей. Коля Порваткин — человек капитальный, и мы тратим немало усилий на постройку укрытия. Это нам впоследствии сторицей окупилось.

На период начала наших экспериментов в космическом корабле и НАЗе было очень слабое теплозащитное снаряжение. ТЗК-10 — теплозащитный костюм, обеспечивал пребывание на холоде при температуре минус 5°C без ветра не более 12 часов. Нам же предстояло прожить трое суток и не околеть. К вечеру мы окончили приготовления для

ночи. Солнце ушло за вершины гор, и по склонам поползли тени и холодные потоки воздуха.

Решили до наступления темноты костер не разжигать. Опробовали нашу палатку, подстилку и покрывало, сделанные из парашюта. Пришли к выводу, что большого тепла они не дают. И сразу появилась рекомендация по совершенствованию теплозащитного снаряжения, способного защитить космонавтов от очень низких температур и ветра. А пока нам предстояло довольствоваться тем, что есть.

Ночь в горах наступает быстро. Чтобы не продрогнуть, стали разжигать костер. Из-за малого количества кислорода в высокогорье операция эта потребовала немало усилий, ибо даже сухие сучья и ветки разгорались плохо. А что же делать, если бы они были мокрыми? Попробовали использовать для разжигания мокрых веток сигнальный огонь от ПСНД-30 — патрона сигнального ночного-дневного. Мощное пламя от факела быстро разожгло дрова. Это может быть рекомендовано только в крайнем случае во время дождя и сильного ветра.

Космонавты-испытатели Николай Порваткин
и Владимир Алексеев вызывают вертолет

После тренировки в горах Тянь-Шаня.

Слева направо: Иосиф Давыдов, Николай Драй (ведущий конструктор завода «Звезда»), Анатолий Алексеев (ведущий конструктор СКБ ЗиЛ)

На костре подогрели воду. На высоте в горах она закипает быстрее при температуре ниже $+100^{\circ}\text{C}$. С лепестками горных цветов заварили чай. Основной рацион для нас составили горный лук и черемша. Заели это кусочком шоколада из НАЗа и растворили кубик сублимированного творога. Впереди у нас трое суток. Поэтому экономим продукты и анализируем свое состояние. У костра тепло, но как только уходишь из зоны его действия, холод вползает под одежду и спать совсем не хочется. Сидим спина к спине, разговариваем. Таким образом греемся и коротаем время. Сегодня уже нам ночь не кажется такой экзотической, как вчера в компании, когда можно выпить и закусить.

Спать совсем не хочется. Казалось бы, большая куча сучьев быстро тает. Чувствуем, что до утра может не хватить. Выходим на связь с соседями. Днем они поленились, и дрова у них быстро кончились. Нарушаем условия эксперимента об автономии. Володя и Слава перемещаются к нам. В компании веселей, но все равно холодно. К рассвету и наши дрова закончились. От холода спасаемся приплясыванием и физзарядкой. И вот оно, наконец, долгожданное теплое горное солнце. Володя и Слава уходят в свой лагерь. На солнышке они залегли отсыпаться. Мы же с Николаем совершаем пеший переход вверх с перепадом по высоте на шестьсот метров. Мы добрались до высоты четырехтысячника. Шли вверх налегке в полетных костюмах. Даже куртки поснимали. На вершине обнаруживаем ствол можжевельника в виде огромного белого паука. Какими-то судьбами его много лет назад занесло сюда. Кору, наверное, смыли дожди и снега. Горное солнце выбелило, а ветра выгладили поверхность так, что ствол был похож на скелет диковинного древнего животного. Сели отдохнуть, разговорились. И не заметили, как из-за пятидесяти тысяч выползла туча. Мы и опомниться не успели, как с порывами ветра из тучи вырвался снежный заряд, и за несколько минут он покрыл весь склон, по которому мы поднимались, пятнадцатисантиметровым слоем снега, спрятав под белым покрывалом прекрасный альпийский луг с горными цветами, черемшей и луком.

Врач Наталья Крылова тестирует испытателя

Космонавты-испытатели Н.Порваткин и В.Алексеев
переправляются через горную реку в Тянь-Шане

К такому повороту событий мы не были готовы: не взяли с собой ни радиостанцию, ни ракет.

Снежно-ветровой шквал мгновенно налетел и так же быстро умчался, оставив после себя белый саван, который под лучами солнца стал на глазах таять.

Встревоженные нашим отсутствием, Володя и Слава начали пускать ракеты. Чтобы успокоить их, мы пошли вниз. Снег по траве уползал из-под ног. Мы на пятой точке, как на санках, скатывались вниз, прихватывая по дороге на заднице колючки и репейники, которые потом помогали друг дружке вытаскивать под подначки и хохот Володи и Славы.

Однако это событие было своего рода уроком и напоминанием, что с горами шутки плохи, что опасность может подстеречь там, где ее меньше всего ожидаешь. Этот опыт тоже лег в копилку наших знаний и рекомендаций в методику подготовки космонавтов.

Возвращались после первого трехсуточного эксперимента довольные и уставшие. Адаптирование к среднегорью прошло быстро и незаметно. Спускаясь в поселок Мин-Куш, по дороге заглянули в магазины. В одном из них обнаружили дефицитные по тому

времени гитары, дубленки и японские синтепоновые куртки. Занимая друг у друга деньги и устраивая складчину, купили три гитары и пару дубленок. Вечером предстояла обмывка приобретенного.

Когда небритые и обросшие испытатели, навьюченные рюкзаками со снаряжением, и с гитарным музыкальным сопровождением шли по поселку, из домов выскакивали дети и молодые люди, у которых присутствие нашей группы вызывало любопытство и удивление. Все знали, что в составе группы есть крупные ученые и космонавты, а тут идет горластая смеющаяся ватага, похожая на бродяг.

Навстречу нам неожиданно попала заведующая, она же и продавщица единственного в поселке винно-водочного магазина, красивая яркая блондинка по имени Надя. До нашего приезда испытатели из Института авиационной медицины не раз поднимали за полночь супружескую пару, чтобы добавить к столу «на посошок» пару — тройку бутылок спиртного. Молодая супружеская чета шла им навстречу, ибо группа врачей и испытателей не доставляла больших хлопот городку, да и к тому же многим поправила здоровье и дала полезные рекомендации. Желая польстить красивой молодой женщине, Алик Мнацаканян — врач, испытатель и исполнитель бардовских юморных песен вдруг, набрав аккорд только что купленной гитары, пропел: «А нам нужна одна Надежда. Одна на всех, мы за ценой не постоим». Вместо лести получилась пошлая двусмысленность, и все захохотали. Надежда зарделась, а Алик растерялся, поняв это. Надя, показав комбинацию из трех пальцев, пригрозила: «Вот вам в нерабочее время!». Алик быстро нашелся:

— На колени, пошляки! На колени перед нашей богиней. Прощения просим, прощения молим.

По команде все опустились на одно колено.

— Черт с вами, приходите, когда угодно, — еще больше краснея от смущения прокричала Надя, увидев этот спектакль и быстро удаляясь.

Сдав все анализы, объединенная команда врачей, лаборантов и испытателей направилась к шашлычной. Приближаясь, мы не чувствовали аромата жареного мяса и заволновались. Выйдя на базарную площадку, мы увидели шашлычную, забитую крест-накрест досками. Стоявший здесь милиционер пояснил, что духанщик весь последний месяц продавал шашлыки из собачьего мяса, которое ему поставляли, отлавливая бездомных собак. Так мы все приобщились к изысканному корейскому блюду.

Для набора статистики решили повторить эксперимент, но с более продолжительным переходом из среднегорья в долину рек и выживанием у воды. Получили опыт форсирования горных речек и обхода лавино- и камнепадоопасных участков. Правда, здесь мы нарвались на очередную глупость и преступную халатность государственного масштаба. Несколько лет назад до нашего приезда в поселок Мин-Куш здесь функционировал урановый рудник и зона для особо опасных преступников, приговоренных к расстрелу. Породу и отходы рудника вывозили в ущелье и сбрасывали, даже не оградив это место и не поставив на нем знаки радиационной опасности...

Рудник закрыли. Вход в него забетонировали, а вот место сброса породы знали только местные жители, которые называли его «Ущельем смерти». Мы же организовали здесь базовый лагерь. На наше счастье проходивший высоко по склону ущелья охотник предупредил нас об опасности. Мы быстро собрались и покинули это зловещее место, которое могло стоить всем нам здоровья и жизни. Пришлось прекратить эксперимент досрочно и принять по стакану спирта: опыт многих первых атомщиков показывал, что это помогает организму понизить дозу радиации...

Через два дня мы покидали один из самых высокогорных поселков. Прощаться пришли многие жители, которым в меру наших сил и возможностей была оказана медицинская помощь. Мы оставляли добрую память в одном из самых отдаленных уголков нашей уже разорванной на части Родины.

Опыт, полученный специалистами ЦПК в этой непродолжительной работе совместно с сотрудниками Института авиационной и космической медицины, позволил сделать вывод о необходимости продолжения этих работ с целью выработки рекомендаций для действий космонавтов, совершивших вынужденную посадку в горах.

Однако сразу стало ясно, что в летнее время это не самая сложная ситуация, потому что есть возможность перемещения, добывания пищи и воды, постройки укрытий и собирания топлива для костра.

Все эти плюсы исчезали в случае посадки в горы зимой. И это мы должны были проверить сами, анализируя опыт многих людей, побывавших в горах зимой, и преломить этот опыт для космонавтов с учетом особенностей космического полета и снаряжения корабля и космонавтов.

Работу решили провести поэтапно в Заилийском Алатау, вблизи столицы Казахстана Алма-Аты и в Киргизии на Тянь-Шане вблизи поселка Тамга и города Державинск.

Надо сказать, что руководство Казахстана в лице премьер-министра Нурсултана Абишевича Назарбаева и командование Среднеазиатского военного округа в лице командующего генерала армии Лященко Николая Григорьевича на запрос Центра подготовки космонавтов о проведении наших работ в этом регионе дало положительный ответ и обещало всемерную помощь

В Алма-Ату для переговоров прилетели с Заместителем начальника Центра по летно-космической подготовке Алексеем Леоновым, который лично знал Нурсултана Назарбаева.

В те, теперь уже далекие времена, когда космонавтика была любимой народом и местом приложения сил многих сотен тысяч людей, острием научно-технического прогресса, славой и доблестью страны, ее любимым детищем, многие вопросы организации и проведения работ решались путем взаимной поддержки и бескорыстной помощи...

Уже через несколько дней самолеты с испытательной бригадой и снаряжением для проведения экспериментальных исследований совершили посадку в Алма-Ате.

Работу предстояло начать в горах Заилийского Алатау в районе горнолыжной базы Чембулак и перевала Молодежный.

Провели рекогносцировку на местности. Все позволяло создать экстремальную ситуацию и проверить возможность действия в ней.

По дороге от Чембулака к перевалу «Молодежный» было все: и лавиноопасные участки, и камнепадоопасные осыпи, и языки ледников, и глубокое с обрывистыми берегами ущелье с ревущей на ее дне горной рекой...

Здесь появилась возможность комплексовать ряд работ, в том числе и отработать действия спасателей, как на земле, так и в воздухе.

Сколько пришлось провести организаторских мероприятий и доводов для более мелких начальников, чтобы убедить их, а затем получить разрешение на десантирование с вертолетов спасателей в горах к месту, где необходимо оказывать помощь космонавтам, а заодно и проверялась возможность оказывать помощь всем, терпящим бедствие в горах.

В процессе этих работ испытали и проверили НАЗ «Гранат-6» — носимый аварийный запас с первыми экспериментальными теплозащитными костюмами ТЗК-14, сделанными на основе синтепонопуховой набивки, что резко повышало теплозащитные свойства по сравнению с теми, что проверялись в Мин-Куше.

Чтобы определить способность космонавтов после полета выживать в экстремальной ситуации решили довести испытуемых до состояния сходного с тем, в котором космонавты возвращаются к Земле. Для этого в окружном госпитале организовали постельный режим для десяти испытуемых. При этом создавался отрицательный угол наклона для головы. Это приводило к оттоку крови от ног к голове. А длительное двенадцатисуточное лежание приводило к ослаблению вестибулярного аппарата и снижению двигательной мышечной активности.

Вот таких ослабленных длительным лежанием людей мы и привезли на место проведения экспериментов.

Сразу стало понятным, что космонавт, вернувшийся из полета и ослабленный им, не сможет совершать пешие переходы до адаптации сначала к условиям тяжести на Земле после невесомости, а затем уже к условиям гор с кислородным голоданием и рядом климатических и природных факторов, действующих на организм человека. Таких как резкие перепады температур, сильный и холодный ветер, снежные и каменные завалы,

очень трудные подступы к воде, отсутствие топлива для костра и многие другие факторы, действующие на психику человека: одиночество, беспомощность, малоподвижность, солнечная радиация, снижающая остроту зрения и вызывающая повышенную возбудимость и нервозность.

Мы искали рекомендации на преодоление всех этих отрицательных факторов и находили их.

В целом испытатели стойко переносили перегрузку на организм и психику, что позволяло сделать вывод о том, что космонавты, совершившие вынужденную посадку в горах, справятся с экстремальными ситуациями.

Теперь предстояло на практике проверить действенность наших рекомендаций для использования инструкции и в методике подготовки космонавтов.

Программой этих работ предусматривалось на завершающем этапе провести тренировки космонавтов. Докладывая в ЦПК о готовности к проведению тренировок.

Алексей Леонов сообщает, что на тренировки с космонавтами прилететь не может и роль руководителя поручает мне.

Два дня отдыха бригаде, проводившей эксперименты, позволили ознакомиться с достопримечательностями Алма-Аты.

По методике космонавты, прилетевшие из Москвы, должны были без адаптации, как будто спустились из космоса, сразу начать тренировку. Мы старались приблизить все к реальности. Сразу с самолета группа космонавтов была доставлена в горы.

Чтобы усложнить условия тренировки и повысить психологическую нагрузку, а также расширить диапазон принятия самостоятельных действий применительно к обстановке, приняли решение начинать тренировку ночью, в потемках. Другими словами, не показав броду, сунули в воду.

Имитация посадки в горы, да еще и ночью, была не надуманной, ибо было не мало ночных стартов, и при этом участок выведения проходил над горами. Опыт аварийной посадки Лазарева и Макарова на склон горы Теремок-3 в Алтае был тому реальным подтверждением.

В полной темноте космонавтов вывели в район предполагаемой посадки. Шли в скафандрах по краю ущелья. Внизу ревела горная река. По гулу и рокоту воды можно было предположить, что ущелье глубокое и опасное. Это добавляло осторожности в принятии решения космонавтами на передвижение в потемках. Они, конечно, предполагали, что мы их умышленно не подвели ни под камнепад или лавину, что в принципе могло случиться при посадке в горы. Поэтому, чтобы не угодить под неприятности возможных в темноте ошибок, все три группы космонавтов решили остаться на тех местах, где их оставили инструкторы. Решение, безусловно, было правильным, ибо любое неосторожное действие могло привести к непоправимым последствиям.

Перемещаясь в пределах полутора — двух метров, космонавты организовывали временный лагерь, чтобы утром принять правильное решение о дальнейших действиях.

Сняли скафандры, переоделись в полетные и теплозащитные костюмы и, тесно приткнувшись друг к другу, за байками и анекдотами, ждали утра, ибо обсуждать сложившуюся ситуацию было бессмысленно, не понимая, что тебя окружает.

Зато рассвет компенсировал неприятности ночи. Космонавты увидели вокруг себя экзотическую обстановку. Небольшая площадка, на которой они находились, представляла собой альпийский луг с разноцветьем и разнотравьем. Над ней возвышался острореберный скалистый утес, по краю которого, огибая его, сползал язык ледника. В трех-четырёх метрах от них обрыв ущелья, подойдя к краю которого и осторожно заглянув вниз, можно было увидеть бьющуюся в теснине и ревущую от неволи и кипящую от гнева заключенная в скалах горную реку. Уже многие тысячелетия она рвется из этих каменных оков, но безуспешно. И только где-то там далеко, ближе к равнине, она выскакивает из заточения и успокаивается, превращаясь из ревущего разгневанного зверя в добрую прозрачную студеную реку со снующими около берегов и перекатов мальками радужной форели.

По условиям тренировки космонавты должны были выбрать безопасное место и создать надежное укрытие с тем, чтобы его могли найти спасательные самолеты и вертолеты. Отработка элементов взаимодействия со спасательными средствами входила в методику тренировок. Для того чтобы можно было выполнить это упражнение, условный экипаж в составе космонавтов Юрия Малышева и Юрия Романенко, принял решение нарезать куски купола парашюта и с блоками НАЗа и импровизированными рюкзаками, сделанными из строп, совершить небольшой пеший переход в сторону перевала Молодежный, где организовать лагерь, легко обнаруживаемый с воздуха.

Другая группа из летчиков-испытателей, проходящих подготовку по программе «Буран», Юрия Шеффера, Сергея Тресвятского и Виктора Заболотского должна была совершить пеший переход к площадке возможного десантирования спасателей и тоже построить укрытие из подручных средств.

Памир. Врач Олег Рюмин
проводит контроль здоровья Владимира Алексеева

День прошел в заботах. Нужно было подготовиться к следующей ночи, чтобы не мерзнуть и не испытывать на себе превратности погоды в горах. К вечеру было построено укрытие и со всей округи собрано все, что может гореть.

Как только солнце ушло за горы и его последние лучи отсвечивали на вершинах снежников, с ледников потянуло холодом, а затем пронзительный ветер не оставил и следа от благодушия теплого дня.

Разожгли костер, но сорвавшийся откуда-то с высоты воздушный поток притащил за собой тучу, из которой струи дождя сбили пламя, а затем погасили и угли. Стало еще холодней. Космонавты от дождя забились в импровизированное, сделанное из нескольких слоев парашюта укрытие и, одевшись в гидрокостюмы «Форель», чтобы не промокнуть и не околеть, стали ждать утра следующего дня, когда в воздухе должны были появиться самолеты и вертолеты, а с ними и долгожданное возвращение к прелестям уюта и тепла цивилизации гостиницы Алма-Аты.

Но природа и погода решили после полуночи проверить космонавтов на прочность и стойкость. Дождь, хлеставший с неба и образовавший потоки воды, бегущие со склонов, перешел в град, а еще через некоторое время в обильный снегопад. Повзаимодействовать с поисковым самолетом, который гудел где-то в вышине за этой небесной хлябью, не

представлялось возможным. Нужно было сохранять тепло и беречь батареи радиостанции и светосигнальные средства для надежного контакта с последующей эвакуацией.

Снегопад усиливался. Приходилось стряхивать снег с импровизированной палатки, чтобы не оказаться погребенными и не задохнуться. О том, что такое может случиться, космонавты были предупреждены и точно выполняли меры безопасности.

Когда забрезжил рассвет, и они вылезли из укрытия, то увидели, что весь этот прекрасный альпийский луг с эдельвейсами, черемшей и луком накрыт белым саваном, через который пробивались отдельные ростки.

Яркий солнечный свет, отражаясь от снега, слепил глаза. Пришлось из НАЗа доставать солнцезащитные очки и сигнальное зеркальце для взаимодействия с поисковыми средствами.

Утром как «манна небесная» появился поисковый самолет, который засек радиосигнал маячковой радиостанции «Прибой-УМК», входящей в состав НАЗа, и вышел на ее привод. Когда он пролетал над космонавтами, они подали сигнал ракетой, который был замечен летчиками поискового самолета АН-24. По наводке самолета пошли спасательные вертолеты, рокот которых был услышан космонавтами, и они начали активную демаскировку своего укрытия, чтобы их быстрее обнаружили. Вертолеты уверенно шли на приводной сигнал радиостанции, и, когда вертолет выскочил из-за вершин гор, Юрий Романенко пустил сигнальную ракету. Взлетев на триста метров, ракета повисла на маленьком парашюте и ярким алым светом обозначила местонахождение космонавтов. Вертолет направился к месту ее пуска и, когда он приблизился, Юрий Малышев разрядил патрон с оранжевым сигнальным дымом, который показал направление ветра над землей. Вертолет сделал круг и вновь вышел в точку, с которой провел десантирование спасателей. С точностью до метра парашютисты на управляемых куполах опустились рядом с космонавтами. Дружеские рукопожатия еще несколько секунд назад незнакомых людей были своего рода салютом взаимодействия и взаимопонимания. Термоса с горячей пищей и чаем сразу подняли настроение. Через два часа, свернув снаряжение и свой лагерь, космонавты вместе со спасателями спускались в гостиницу в горнолыжной базе Чембулак, где предстоял разбор тренировки, а затем на автобусе спуск через Медео в Алма-Ату и возврат в нормальную без экзотики жизнь. Но из этой тренировки они вынесли опыт, который так необходим тем, кто раскручивает свою спираль жизни в пятом океане. Уставшие, довольные благополучным исходом тренировки, которая явилась еще одним этапом подготовки к крутым дорогам космоса...

Можно было бы, пожалуй, закончить на этом эпопею и сформулировать просто: если уж вынужденная посадка, то только не в горы.

Однако испытательная и исследовательская работа были продолжены по предложению Специального конструкторского бюро завода имени Лихачева, которое должно было проверить комплекс спасательных машин, предназначенных для поиска и спасения космонавтов в любых климатических и погодных условиях, в том числе и в горах.

Одновременно представлялось возможным проверить НАЗ «Гранат-6» в новой комплектации и наработать опыт взаимодействия вертолета по наведению на терпящих бедствие спасательных машин. Кроме того, определить способы и методы длительного выживания в горах и форсирование горных рек с использованием снаряжения космонавтов.

Такую работу мыслилось организовать и провести на Тянь-Шане вблизи высокогорного озера Иссык-Куль...

Командующий Среднеазиатским военным округом генерал армии Николай Григорьевич Лященко дал согласие всемерно оказать помощь в проведении этой работы.

Опорной точкой был выбран военный санаторий в поселке Тамга на берегу Иссык-Куля.

Спасательные машины совершили стремительный бросок от Москвы до Фрунзе. Испытатели и снаряжение для проведения экспериментов в высокогорье на самолетах АН-12 и ИЛ-76, приземлились на аэродроме Манас.

Космическая и земная «Голубая птица» СКБ ЗиЛ

Через несколько часов кавалькада специальных машин и автобус под удивленные взгляды отдыхающих въехала в ворота санатория. Быстро разгрузили подсобное имущество, и уже час спустя машины по Тамгинскому ущелью мимо отвесной скалы, по которой струилась вода, с поэтическим названием «Слезы барса», устремились по серпантину дороги к перевалу Сары-Майнок, высота которого 3442 метра. Чем выше в горы, тем тяжелее идут машины. Асфальт скоро перешел в проселочную дорогу, размытую горными потоками. Повороты дороги настолько круты, что спасательным машинам «Голубые птицы», приходится несколько раз сдавать назад с тем, чтобы подняться на очередную ступень дороги. Моторы перегреваются, приходится останавливаться и ждать. Испытания техники начались сходу, испытания для людей еще впереди. В процессе подъема к месту нашего базирования — комендатуре погранзаставы родился первый куплет нашей песни, которая полностью освещала этапы нашей нелегкой, а порой и полной драматизма работы:

Внизу остались разноцветные кибитки,
Машины зиловцев натруженно ревут,
Им тоже нужна кислородная подпитка,
Тогда они наверняка не подведут.
Еще немного, еще чуть-чуть.
А переход он трудный самый.
Я а с Тянь-Шаня в Москву хочу,
Я так давно не видел маму...

Кислородное голодание сказывается и на технике, и на людях. Головные боли, головокружения, прежде всего, у тех, кто сидел за рычагами управления спасательных машин. На одном из наиболее крутых поворотов, когда возникла необходимость сдавать назад с тем, чтобы вписаться в разворот почти на сто восемьдесят градусов, пассажирская «Голубая птица» (ПЭУ-1) начала сползать в пропасть. После резкого торможения из-под задних колес начал сползать кусок дороги, не рассчитанный на подобный маневр. Двумя другими парами из шести ведущих колес машина уцепилась за дорогу. Мы, как горох, посыпались из салона. Опытный водитель-испытатель Виктор Иванов ювелирными движениями рычагов управления увел от осыпи и спас машину. В дальнейшем в подобных ситуациях на дороге в машине оставался только водитель-испытатель.

Наконец мы добрались до домиков комендатуры погранзаставы. Встреча с пограничниками была очень радушной. Зная о нашем прибытии, они подстрелили горного козла с саблевидными рогами. Понимая, что принятие спиртного в высокогорье может отрицательно сказаться на организме испытателей и вызвать непрогнозируемую реакцию,

на торжественном ужине в казарме пограничников тосты произносились под ароматный чай, настоящий на двух десятках горных трав. Это добавляло бодрости, юмора и повышало тонус.

На нашем дружеском мероприятии присутствовали пастухи-киргизы, которые гоняли скот по альпийским лугам и снабжали нас ароматным козьим и коровьим парным молоком. В дальнейшем они с любопытством и интересом наблюдали за нашими экспериментами по выживанию в горах и порой давали очень ценные советы. Бартером в наших очень доброжелательных отношениях были капроновые стропы и куски капроновой парашютной ткани.

Киргизы научили нас определять скрытые осыпи и камнепады, рассказали, где в горах нужно строить укрытие, чтобы избежать ливневых потоков и оползней. Все это складывалось в копилку наших знаний для подготовки космонавтов к действиям в случае вынужденной посадки в горах.

В процессе контактов с местным населением происходили любопытные, смешные и юморные события, которые легли в основу некоторых куплетов нашей горной песни:

Который день нам нет житья от аксакалов,
Собаки, яки, да коровы по горам,
А в этих горах кислорода очень мало,
Что даже двигаться не хочешь по утрам...
Внизу река ревет как бешеная львица,
А сверху снег идет и камнепад.
А мне б в киргизочку на десять дней влюбиться,
И в лучшем виде возвратиться мне назад.

На высотах до 3000 метров разноцветьем и разнотравьем раскинулись альпийские луга, но полное отсутствие деревьев ставило в очень трудное положение тех испытателей, которые имитировали вынужденную посадку в горах. Очень слабое теплозащитное снаряжение, в которое мы облачились, ночью во время сильного ветра со снежных вершин, да к тому же сопровождаемого дождем и снегом, приводило к переохлаждению. Топлива для костра было так мало, что каждую ночь до утра приходилось находиться в движении, чтобы не замерзнуть, а это физически выматывало. Когда выходило солнце, падали в изнеможении на полотнище из купола парашюта и отогревались. А когда вместо солнца с неба крапал мелкий противный холодный дождь, одевали гидрокостюмы «Форель» и забирались в импровизированное укрытие из парашюта и строп, а там отсиживались, укутываясь в тот же капроновый парашют.

Для того чтобы как-то отогреться в высокогорье при отсутствии топлива, решили попробовать использовать как горючее тот же капрон от огромного тысячеметрового купола парашюта и его стропы. Разжечь его с помощью водо-ветроустойчивых спичек не удавалось: не хватало температуры горения. Попробовали это сделать сигнальным огнем от патрона ПСНД-30 (патрон сигнальный ночной-дневной). Температура от него в 1700°C разжигала костер, собранный из топлива, в основе которого была ткань парашюта. Поддерживая огонь можно было отогреться, закипятить воду. Но выделявшийся при этом диоксин приводил к удушью. Стало быть, такой костер можно разжигать на хорошо проветриваемом месте, а отогреваться нужно с наветренной стороны, чтобы не отравиться удушливым диоксином. Эту рекомендацию можно использовать только в крайнем случае, зная устойчивое направление ветра и ни в коем случае рядом с укрытием, в которое может попасть удушливый продукт горения капрона. В двухсуточном эксперименте с Женей Хлудеевым мы первую ночь, спасаясь от холода, жгли капрон и наглотались диоксины, от которого болела голова, и появились тошнотворные признаки. Поэтому рекомендации по применению капрона в качестве топлива оставили только на крайний случай, когда без него можно замерзнуть.

На вторую ночь искали другие горючие материалы естественного происхождения: высохший помет животных, траву и мелкий кустарник, которого совсем немного в горах.

На третьи сутки решили проверить и другую нашу рекомендацию. После адаптации к высокогорью после вынужденной посадки нужно было совершить пеший переход к источнику воды: реке или ручью. Кроме того, необходимо было выбрать место, легко

обнаруживаемое с вертолета и самолета и в то же время безопасное от превратностей погоды, способной вызвать камнепад, лавину или сползание селя. Одновременно предстояло искать подножный корм в виде лепестков цветов, съедобных корней, горного лука и черемши.

Спустившись к реке с перепадом по высоте на тысячу метров, мы после двух суток невзгод оказались как в раю: в избытке сухих дров, съедобные травы, вода из реки, которую можно было нагреть в изобилии. К нашему космическому пищевому рациону появилось дополнительное питание.

Попытки подстрелить из пистолета Макарова, входящего в НАЗ, какую-нибудь живность: сурка, птиц или видимого на большом расстоянии горного козла не увенчались успехом. Становилось ясным, что в НАЗ должно входить специальное оружие, способное защитить экипаж космического корабля от диких опасных животных: рыси, барса, медведя, волка, но и пригодное для охоты на мелких животных и птиц.

У реки наши дороги пересекались с другим условным экипажем Володи Алексеевым и Колей Порваткиным. Обменялись опытом пребывания в высокогорье. Мнения по поводу одежды, оружия и другого снаряжения в горах совпали.

У реки Володя Алексеев обнаружил «Клондайк» — естественные плантации «Золотого корня», ботаническое название которого «Родиола розовая», а по-местному киргизскому «Байрам корень». Он порекомендовал его нам как съедобный и для убедительности на глазах, как морковку, съел несколько корней. К тому же он сообщил, что «Золотой корень» значительно поднимает жизненный тонус ослабленных людей и улучшает мужскую потенцию. Мы с Хлудеевым последовали его рекомендациям, увеличив таким образом ассортимент нашего питания.

На следующий день, когда трехсуточный эксперимент был закончен, врачи, анализируя наше состояние, сделали вывод, что оно было крайне утомленное и ослабленное почти тремя сутками без сна, холодом, кислородным голоданием, недостаточным питанием и повышенной опасностью потерять или подорвать здоровье.

Во время разбора врачами и экспериментаторами проведенных исследований появились объективные сомнения о потенциальной возможности нас — испытуемых, как мужиков, от поедания Золотого корня. Для восстановления нормального тонуса организма, чтобы можно было продолжить испытания необходим был продолжительный сон в нормальных человеческих условиях.

Было принято решение спуститься на три дня в санаторий, провести углубленное медицинское обследование, отдохнуть с тем, чтобы продолжить второй этап испытаний и экспериментов с участием прилетевшего на аэродром экипажа поискового вертолета МИ-8.

По дороге в Тамгу под гитару Володи Алексеева пели песни из цикла горных песен Владимира Высоцкого и Юрия Визбора. Тут же на злобу дня родился очередной куплет нашей испытательской на мотив песни Михаила Ножкина «Последний бой». Куплет этот был посвящен самому опытному из нас в горах Володе Алексееву.

У нас есть маг от всех болезней Алексеев.

Он проповедовал нам корень Золотой,

А этим басням никогда я не поверю,

А я с гарантией надеюсь лишь на свой.

Еще немного, еще чуть-чуть,

А переход он трудный самый,

А я в долину, в Тамгу хочу,

Я так хочу увидеть даму.

С куплетами вновь рожденной песни мы въехали в санаторий. Обросшие, с темными подглазьями, похудевшие, счастливые. Мы вернулись из гор с опытом, который пригодится нам в последующих экспериментах, поможет космонавтам, летчикам и многим людям, которых беда неожиданно застанет в горах.

Трехдневная передышка наступила для людей. Лихачевцы продолжали испытывать свои «Голубые птицы» на разных режимах и маршрутах. Наиболее жестким условием в испытаниях было движение по руслу горных рек против течения. Переходы с колес на

гребные винты амфибии и наоборот требовали огромного мастерства и мужества от водителей-испытателей. Возникали и тупиковые ситуации, когда машина, зажата в тиски скал, останавливалась перед непреодолимым препятствием: водопадом в два-три метра высотой. И тогда приходилось задом сползать по реке до места, которое позволяло обойти препятствие и продолжать движение вперед в горы. Такое роковое сползание чуть однажды не кончилось трагически. Не успели на глубокой воде перейти на гребной винт. Машину развернуло поперек реки. Немного проплыв так, она наткнулась на подводные камни. Мощный горный поток, почуяв возникшее на привычном за многие десятилетия пути препятствие, решил расправиться с неожиданно появившейся плотиной. Напряг свои мощные водяные мускулы и решил опрокинуть и разбить о скалы изящное творение людей, оказавшееся на перекате беспомощным, ибо гребные винты повисли в воздухе, а колеса не доставали дна, чтобы вцепиться в эту опору и противостоять потоку.

В тяжелейших условиях и ледяной воде зиловцы с машины сопровождения, стоявшей на берегу, заводили трос с тем, чтобы с помощью лебедки можно было снять машину с каменной отмели и не распороть ей брюхо.

Сноровистые смелые ребята: порой даже в столь опасных экстремальных условиях не теряли чувства юмора и с чисто русскими шутками и прибаутками делали смертельно опасную работу.

Прибывшие на испытания в горы фоторепортеры ТАСС Альберт Пушкарёв и АПН — дядя Саша Моклецов были свидетелями этих захватывающих дух событий и фиксировали уникальные кадры на пленку.

В дальнейшем талантливый фоторепортер Альберт Пушкарёв, искавший изюминку в этих испытаниях, сподвигнул нас на человеческий эксперимент в горах по преодолению водной преграды в снаряжении космонавтов: скафандрах и гидрокостюмах «Форель». После чего в нашей горной балладе появился новый куплет.

Четвертый день нам нет житья от Пушкарева

В скафандрах в воду он загнал нас как овец.

Спасибо наше дяде Саше Моклецову,

Что от Альберта нас избавил наконец.

В процессе форсирования рек в космическом снаряжении с применением строп парашюта выявились дополнительные чисто прикладные возможности скафандра по защите космонавта от травм и кратковременного воздействия ледяной воды. Во время отработки элементов переправы в воду в скафандре сорвался Женя Хлудеев — мой напарник по первому эксперименту. Горный поток мгновенно подхватил его и понес. Страхочный капроновый фал из стропы парашюта натянулся и развернул Хлудеева вдоль течения, что резко ослабило напор воды и площадь тела ударяемого о камни. Плавательный ворот поддерживал его голову на поверхности, устраняя вероятность захлебнуться кипящей ледяной пеной, которая в первый момент ворвалась под головное остекление скафандра. Медленно и аккуратно мы подтягивали Евгения к берегу. Он в свою очередь старался избежать столкновения с торчащими из-под воды подводными камнями, вокруг которых раскручивались маленькие и большие водовороты. Эти вращающиеся водяные конусы, острием свои уходящие в глубокие ямы-омуты, старались затянуть в себя Хлудеева вместе с поплавками. До этого мы видели, как водовороты затягивали в свою ледяную пучину довольно большие ветки деревьев и даже бревна и выплевывали их внизу по течению, предварительно сняв с них шкуру и обломав ветки о каменный наждак дна. Не нужно быть фантазером, чтобы представить, как разделалась бы стремнина реки с каждым, кто угодил бы в ее подводные каменные жернова.

Мы вытащили Хлудеева и предприняли все меры, чтобы этого не повторилось. А попросту поискали место, где переправа была спокойной и безопасной Киргиз-пастух, наблюдавший эту картину, рассказывал, что овец и лошадей, попавших в подобную ситуацию, как впрочем, и людей, находили далеко внизу по течению, обглоданных в урчащей каменнозубой пасти с повисшими кусками белого вымытого водой мяса и сухожилиями. Людей после такой обработки рекой опознать не удавалось.

Пришли к выводу, что форсировать горные речки надо как можно выше, где они уже, или уже совсем в долине, где и поток шире и скорость течения меньше.

После трех суток отдыха начали готовить испытателей к новым экспериментам. Углубленное медицинское освидетельствование показывало, что несколько испытателей по состоянию здоровья не могут участвовать в следующей серии экспериментов. Они вошли в состав дежурных бригад, обеспечивающих продолжение работ.

В программу испытаний входила отработка методов поиска в горах при тесном взаимодействии спасательных машин и вертолетов. Для этого две группы испытателей должны были подняться в труднодоступные горные районы, а «Голубые птицы» с вертолетами, наводя друг друга, должны были приблизиться к терпящим бедствие в горах настолько, чтобы врачам и спасателям можно было пешим ходом добраться до них, оказать медицинскую помощь и провести эвакуацию.

В течение трех суток прилетевшие из-под Алма-Аты вертолетчики совершали полеты в горах, готовились к совместным с нами испытаниям и взаимодействию. В одноэтажном небольшом корпусе полубарачного типа, где расположилась наша группа, шел довольно длинный коридор, по одну сторону которого были комнаты с тремя-пятью кроватями. Случилось так, впрочем, потом я понял не случайно, в одну комнату с экипажем вертолета из четырех человек пятым попал водитель зилковского бензовоза, которого за бороду с сединой молодые водители-испытатели шутливо называли папаша Хэмингуэй.

За сутки до продолжения работ в горах с участием вертолета вечером перед отбоем ко мне подошел командир вертолета молодой капитан и, немного смущаясь, но по уставному обратился:

— Товарищ полковник, мы завтра либо сами разобьемся, а если вы с нами полетите, заодно и вас уьем! Я насторожился:

— А в чем дело? Вы не готовы летать в горах?

— Мы летать готовы, но я прошу вас зайти к нам в комнату, увидите.

— Ну, пойдемте, посмотрим.

Когда мы вошли в комнату, где спали вертолетчики, я услышал какие-то невероятные громкие звуки и увидел, что издает их папаша Хэмингуэй, сладко спящий на широкой кровати. В своей жизни я видел и слышал многих храпунов, но такие трели со свистом, бульканьем, улюлюканьем и рычанием я слышал впервые. Я от души громко рассмеялся. Мой смех у всех четырех вертолетчиков не вызвал ответной реакции. Они молчали «как рыба об лед» и хмуро смотрели на меня.

— И так уже четвертую ночь, — говорил командир вертолета. — Сначала мы от души хохотали, потом начали психовать и будить его. Через одну-две минуты он засыпал и вновь выдавал такие невероятные, совсем не соловьиные трели. У нас такой недосып, что летать без риска нельзя.

Я разбудил папашу Хэмингуэя и попросил его взять постель и лечь на диван в коридоре.

Вертолетчики благодарно закрыли дверь. Немного поговорив с папашей, я пошел в свою комнату спать. Проходя по коридору, я обратил внимание, что все двери были открыты.

Через некоторое время я услышал шум и, открыв дверь, выходящую в коридор, увидел, что у дивана, где спал папаша, собрались все обитатели нашего корпуса, кроме вертолетчиков. Дружный хохот не мешал папаше Хэмингуэю выдавать свои трели. Я понял, что создалась специфическая экстремальная ситуация, которая может привести к неврозу всей бригады испытателей. Пришлось будить папашу Хэмингуэя и просить его за компенсацию в виде ста граммов спирта спать в неудобной позе в кабине бензовоза.

Таким образом, довольно безобидно был нейтрализован дополнительный отрицательный фактор психологического характера. На следующий день две группы испытателей начали восхождение в противоположные стороны Тамгинского ущелья.

»Тамгин-камень» — памятное место для многих космонавтов и испытателей.
Здесь, в Барском ущелье на Исык-Куле,
перед тренировками космонавты оставляли автографы

Решили совместить испытание с добыванием такого дефицитного природного лекарственного препарата как мумие. Добравшись до исходной позиции на «Голубых птицах», испытатели начали восхождение.

Через четыре часа мы должны были добраться до запланированных мест в горах и к этому времени должен быть подлететь вертолет. Но к тому времени, когда мы достигли расчетной точки, ущелье заполнили сползшие с ледников облака, которые плотные туманом заполнили теснины гор. Рассчитывать на прилет вертолета не приходилось. Пришлось оставить на выживание Володю Гайдукова и Юрия Тимофеева, а самим отступить в долину к «Голубым птицам». По дороге пытались с помощью винтовки с оптическим прицелом сбить несколько висящих как груши на недоступных карнизах серых образований мумиё, но найти их не удалось. Добраться под карниз без специального снаряжения для скалолазов было невозможно, да и опыта у нас такого не было. Пришлось довольствоваться только созерцанием уникального явления природы.

Туман плотно сел в ущелье и зацепился за скалы мелкой морозящей пылью, заполняя в укрытия испытателей, кабины машин и одежду всех участников этой работы.

Ночь прошла в ожидании, что утром туман развеется, и вертолет прилетит для начала этого финального эксперимента. Но к утру туман еще более уплотнился. Двигаться в горах в этом липком молочном воздухе было небезопасно. Видимость такая, что не видно конца вытянутой руки, как будто бы она погрузилась в пену.

Итак, еще одни сутки. Вертолет не поднялся в воздух из-за запрета, пришедшего из Алма-Аты.

Становилось не весело. И тут появился новый куплет в нашей горной балладе:

Средь туч и снега выживаем на утесе.

Одна надежда — вертолетчики найдут.

В горах летают лишь отважные пилоты.

Мы в них уверены, они нас всех спасут.

К утру третьих суток с гор подул ветер. Он погнал туманные облака к Иссык-Кулю и освободил Тамгинское ущелье. Вертолетчики, изнывавшие от беспомощности, быстро отреагировали на изменение погоды и поднялись в воздух. Вскоре мы услышали рокот вертушки. Он приближался. Включили спасательную радиостанцию «Прибой-УМК». Каково же было наше удивление, когда вертолет, уверенно направившийся к нам, вдруг круто развернулся и пошел, удаляясь в противоположную от нас сторону. Было слышно (в горах очень хорошая слышимость), как он в другом конце ущелья галсами ведет безуспешный поиск...

К счастью, соображающих в радиотехнике и прохождении радиосигналов в нашей группе оказалось предостаточно. Кто-то высказал предположение, что радиосигнал, многократно отразившись в горах, увел вертолет в другую сторону. Предложили выключить радиостанцию. Вертолет, потеряв сигнал на приборе радиоконцентра, начал визуальный поиск. И вскоре стал приближаться к нам. На развороте каждого галса мы видели горящие посадочные огни вертолета. При очередном галсе, когда стали вновь видны огни, то есть глаза экипажа направлены в нашу сторону, мы подали сигнал ракетой. Экипаж обнаружил ее и подтвердил это пуском сигнальных ракет со своего борта. Таким образом, образовалось визуальное взаимодействие, которое позволило вертолету наводить «Голубые птицы».

Володю Гайдукова и Юрия Тимофеева вертолет обнаружил по радиосигналу. Таким образом, мы отработали все виды взаимодействия. Работа наша в горах подходила к концу. Предстояло набрать статистику. Но выводы были неутешительными. Мы обрели опыт для действий космонавтов в случае вынужденной посадки в горах. Этот опыт позволил внести коррективы в инструкцию по пользованию средствами, входящими в состав носимого аварийного запаса «Гранат-6». Но сочетание всех отрицательных факторов, с которыми мы столкнулись, позволяет сказать: «Если уж и случится вынужденная посадка в экстремальных условиях, так только бы не в горы».

Но как показала практика, на этапе выведения корабля при отказе второй ступени ракеты-носителя посадка в горах оказалась реальностью. Об этом в главе «Случилось, как предсказал».

Через морскую купель к звездам

В одной популярной песенке есть слова: «Три четверти планеты моря и океаны. Все остальное — острова». Для тех, кто решал задачу посадок космических кораблей, слова песенки становились своего рода исходными данными для определения технических средств и систем, обеспечивающих надежное возвращение космонавтов на Землю. Американцы выбрали воду, точнее акваторию океанов, а мы сушу в безлюдных районах Казахской степи, или Нижнего Поволжья. Были выбраны полигоны и расчетные точки посадки кораблей. Но приходилось заботиться и о тех непредвиденных случаях, когда требовался экстренный сход с орбиты и посадка в экстремальных условиях любого региона планеты при неблагоприятных погодных условиях, когда приход спасательных средств можно было ждать долгие часы, а может быть и несколько суток.

Наши космические корабли: «Востоки», «Восходы» и «Союзы» должны были обеспечивать посадку и на акватории морей и океанов, так как вероятность вынужденной посадки на воду очень высока.

О том, как проводились испытания космических кораблей на случай посадки на воду и о тех, кто проводил эти испытания, пойдет мой рассказ.

Морские испытания космических кораблей, а точнее спускаемых аппаратов, на которых космонавты возвращаются на Землю, проводились на акватории Черного моря в районе города Феодосия.

Участниками этих испытаний были представители ряда организаций, чьи системы обеспечивали приводнение и жизнедеятельность экипажа после вынужденной посадки на воду. За техническую часть испытаний отвечали специалисты Конструкторского бюро имени С.П.Королева и Испытательного института имени В.П.Чкалова, подготовкой

испытателей занимались Институт медико-биологических проблем (ИМБП), Институт авиационной и космической медицины и Центр подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина.

Корабль проверялся на живучесть, плавучесть, а люди на выдержку, стойкость и мужество.

Программой испытаний предусматривалась оценка живучести спускаемого аппарата (СА) в экстремальных условиях моря до 5–6 баллов его волнения и различных температурах воды. На долю же людей-испытателей выпадали жесточайшие условия воздействия на организм морской качки в ограниченном объеме СА с повышенным уровнем углекислоты в атмосфере корабля, а затем покидание СА в условиях невероятной болтанки и действие на плавучесть после покидания.

«Железяка», как мы в шутку иногда называли СА, не всегда выдерживала испытания, а каково же приходилось людям, находившимся внутри.

Несколько слов о технике проведения экспериментов. Спускаемый аппарат готовится к испытаниям в трюме лесовозов, которые входили в состав поисково-спасательной бригады кораблей ВМФ, затем краном переносится на палубу на специальную подставку и после размещения в нем испытателей сбрасывается за борт для проверки работоспособности систем, функционирующих после приводнения, и отработки инструкции по действиям экипажа после приводнения.

Во время проведения одного эксперимента еще на ранних этапах морских испытаний едва не произошла трагедия. Решили сократить время подготовки эксперимента и посадить экипаж испытателей в СА в трюме, с тем, чтобы сразу на стреле крана опускать за борт. Несколько экспериментов прошло удачно. Но однажды случилось непредвиденное. Качка лесовоза на волне передалась спускаемому аппарату и, когда его понесли над палубой к борту, трос, на котором висел СА, соскользнул с крюка подъемного крана и спускаемый аппарат с высоты 12 метров полетел вниз. К счастью, не в трюм. Ударившись о перила борта, он упал в море. Аппарат глубоко нырнул, затем всплыл, как всплывают кашалоты, вытолкнув перед собой вспененную воду. Конструкция СА выдержала и удар о воду, и нагрузку на люк после погружения — он оказался закрытым. Все, находившиеся на палубе, замерли: а что же там с людьми-испытателями? Секунды ожидания превратились в часы. Каждый мгновенно представил кабину СА, заполненную поломанными, стонущими испытателями. И тут по связи донесся голос Олега Бычкова, командира условного экипажа СА: «Кажись, все живы и не поломаны. Как будто чувствовал, что так может случиться, и приказал привязаться еще в трюме. Слава Богу, что в море упали, а не в люк трюма. Было бы хуже». Полный оптимизма голос Бычкова вывел всех из оцепенения. СА срочно подняли на палубу, чтобы убедиться в целостности испытателей и бортовых систем корабля.

Инструктор И.Давыдов показывает летчикам ВВС ГДР
Зигмунду Йену и Эберхарду Кёллнеру как нужно
правильно покидать спускаемый аппарат в случае приводнения

Испытатель покидает спускаемый аппарат

Сам факт падения и события, происшедшие за ним, были настолько скоротечны, что никто не успел по-настоящему испугаться: ни испытатели, ни организаторы эксперимента. Испытателей подвергли углубленному медицинскому освидетельствованию, эксперимент отложили на следующий день, а все собрались в кают-компании, чтобы еще раз обсудить методику и тактику проведения испытаний с учетом происшедшего.

Расскажу о целом ряде отдельных и комплексных экспериментов, в которых был непосредственным исполнителем-испытателем или организатором с участием других испытателей.

Гостиница «Астория» была своего рода причалом и приютом для испытателей авиационной и космической техники различных научно-исследовательских и испытательных институтов и организаций, проводивших уникальные работы на морских и сухопутных полигонах в районе города Феодосии.

Здесь уже в районе полигона Чауда проводились летно-морские испытания космической техники, а затем и тренировки космонавтов.

Долгое время представителям Центра подготовки космонавтов и организаций, создававших космическую технику, въезд в город был предельно ограничен. Это были засекреченные люди, и появление их в городе было нежелательно и жестко контролировалось службами режима и КГБ.

Такая дискриминация длилась довольно долго, хотя один из филиалов Государственного испытательного института ВВС имени В.П.Чкалова находился в городской черте, и прибывающие в командировку на испытания люди должны были становиться на учет, а затем их направляли в гостиницу поселка Кировское в двадцати пяти километрах от города, и только счастливицам разрешалось поселиться в «Астории» и то не в самых лучших номерах.

Космонавты и сопровождавшие их на испытания и тренировки специалисты каждый раз вынуждены были проходить довольно унижительную процедуру регистрации контроля и проверок.

Среди космонавтов и испытателей начался ропот из-за неблагоустроенности и необходимости ежедневных поездок, отнимавших много времени и сил.

Узнав об этом, Юрий Гагарин, довольно часто бывавший в Феодосии, решил разубить этот гордиев узел. Его переговоры с руководством КГБ и режима, а затем и городскими властями дали положительный результат. Город Феодосия и его гостиницы открылись для людей, прибывавших на работу и особенно зимой, когда курортный сезон кончался. Вернувшись с тяжелой, напряженной и изнурительной работы с полигонов, испытатели в приемлемых человеческих условиях могли отдохнуть, чтобы завтра снова отправиться в штормовое море или холодрыгу и слякоть сухопутных полигонов под снег с дождем и пронизывающий мокрый ветер.

В большинстве своем это были люди молодые, одаренные и увлеченные интересной, необычной и перспективной, связанной с испытанием космических кораблей и освоением космоса работой. Это были энтузиасты и мечтатели, которые бытовые неурядицы отодвигали на задний план. Добираясь с полигонов в гостиницы, они кучковались по номерам и с помощью спирта, дешевого сухого вина и песен под гитару расслаблялись, чтобы утром снова напрячься для работы. Славное то было время. Не быт, не деньги вылезали на передний план, а радость и счастье быть пионерами в этом великом стремлении первооткрывателей, первопроходцев.

Мне посчастливилось видеть этих людей, жить с ними рядом, переносить те же трудности и вместе с ними участвовать в испытаниях.

Обо всем этом можно было бы рассказывать бесконечно: о полных драматизма часах и мгновениях, когда решались вопросы личностного и общечеловеческого характера. И все это на фоне стремления людей добиться результата и цели порой ценой своего здоровья, а иногда и жизни.

Попытаюсь от общих слов перейти к конкретным событиям, чтобы отдать на суд читателя факты, свидетелем и участником которых я был сам.

Основной задачей специалистов ЦПК было определить степень безопасности космонавтов в случае приводнения СА, отработать инструкцию поведения экипажа космического корабля в момент посадки на воду, в период дрейфа и при необходимости покинуть СА; действия на поверхности воды до прихода поисково-спасательных средств. И все это в штормовом море. В комплексе с этими задачами отрабатывалась методика подготовки космонавтов после приводнения.

Опыт проведения серии длительных экспериментов по пребыванию в СА показывал, что нахождение привязанными в кресле испытателей на волне, приводит к очень сильному вестибулярному раздражению и дискомфорту, а попросту к рвоте, приводящей к крайнему психофизиологическому расстройству. Необходимо было определить возможность смены позы в СА, находящемся в штормовом море.

В поговорке: «Ждать у моря погоды» — имеется в виду хорошей погоды. Мы же ждали и дождались штормовой. Долгое время оперативный дежурный военно-морской

базы не давал разрешения выйти на катере в море, чтобы пересечь на базовый корабль, где находился СА.

И вот мы в море. Подошли к флагманскому кораблю бригады ПСС «Челюскину». Сама процедура перехода по штурмтрапу с катера на большой корабль достаточно эмоционально напряженная, потому что при ошибке в действиях можно оказаться раздавленным между бортами двух кораблей или покалеченным. Принимались, конечно, все меры предосторожности: выбрасывались между бортами кранцы — резиновые баллоны, устраняющие удар борт о борт.

После перехода на палубу лесовоза вышли в район испытаний. Первыми в эксперимент пошли Слава Перфилкин и его товарищ по Институту космической медицины Васильев. На море была пятибалльная зыбь с поперечной ветровой волной, что резко усиливало вестибулярное раздражение, а, кроме того, создавалось непрогнозируемое вращение СА с резкими провалами между волн.

Акватория Черного моря.
Кандидаты на полет легли в дрейф

Мирослав Гермашевский,
летчик ПВО Польской Народной Республики,
чувствует себя на воде как в невесомости

Двухчасовой эксперимент подходил к концу, а Перфилкин и Васильев так и оставались привязанными в креслах, не рискуя изменить позу. Надо сказать, что опыт участия Перфилкина во многих морских испытаниях показал, что у него природой подаренный загрубленный вестибулярный аппарат и любая качка для него как развлекательное пребывание на качелях. Вспоминается эпизод, когда еще с двумя испытуемыми Славка Перфилкин в течение двенадцати часов находился в СА. Оба его товарища заполнили мешки для рвотных масс, а он в это время уминал пищевой бортовой рацион. С побледневшими лицами испытатели молча ждали очередного приступа рвоты, а Славка тем временем попивал воду из бачка и рассказывал анекдоты и напевал песенки.

Очередная шутка могла закончиться драматично.

— Что-то вы ребята притихли. Есть захотелось. Может блеванете, а я закушу.

Шутка вызвала у обоих приступ рвоты. В желудке уже не было пищи, поэтому шла желчь. Переждав какое-то время, один из испытателей — мастер спорта по штанге сказал:

— Еще одна такая шутка и из СА тебя, Славка, вынесут покойником.

Славка увидел ненависть в глазах партнеров по эксперименту и замолк. Он понял, что от угрозы до дела не так уже далеко.

И вот спускаемый аппарат с Перфилкиным и Васильевым на борту «Челюскина». Открыли люк. Из аппарата вылезли испытатели. Отдышавшись на палубе, на свежем морском ветру, они стали рассказывать о работе систем корабля. Мы же ждали от них рекомендаций по перемещению внутри СА и занятию более благоприятных поз при длительном дрейфе на волне.

Но рекомендаций не последовало. Они так и не отвязались, боясь, что их побьет о твердые конструкции интерьера корабля.

На вопрос: «Почему они не отвязались и не попробовали изменить позы внутри СА?» Славка ответил с некоторым вызовом:

— Вот вы сейчас пойдете и отвязаетесь, а потом расскажете, как это получилось.

— Ну, что ж, попробуем! — сказал я.

У нас предстоял повтор эксперимента вместе с Михаилом Бурдаевым — космонавтом, которому так и не суждено было полететь, хотя по своей подготовке и уровню знаний он был готов к полету. Его теория, что космонавт должен быть суперменом, подтверждения не получила. Все космонавты были, остаются и будут из костей и мяса, со своими трудностями, эмоциями, но люди, нацеленные всей своей жизнью в отряде космонавтов на полет, в котором нужно с достоинством выполнить поставленную программой задачу. И вот с таким, как выяснилось, не суперменом, я оказался внутри СА на шестибальной волне. Первое время, пока проверяли работоспособность систем, дотягиваясь до различных кнопок и пультов, состояние дискомфорта было незначительным. Слегка подташнивало. Я видел, что, стараясь, чтобы я не заметил, Михаил подвинул к себе мешок для рвотных масс. Я это сделал раньше, боясь при приступе острой тошноты, не успеть и облевать корабль, который потом тяжело будет довести по микроклимату до исходного состояния, потому что внутренняя обшивка корабля впитывала запахи тел и пота испытателей. Не случайно мы называли аппарат «собачником». После длительного пребывания в нем адаптируешься к запахам, а сначала кажется, что чувствуешь дух всех, кто здесь был до тебя...

К середине второго часа пребывания в аппарате вся программа по работе с системами была исчерпана и мы с Михаилом, как кузнечики, выставив коленки, сидели, привязанные к креслам, не решаясь отвязаться и приступить к изменению поз. На момент начала эксперимента у меня был вес сто двенадцать килограммов и рост 192 сантиметра, у Михаила Бурдаева при росте 180 сантиметров идеальный вес 78 килограммов. В общем оба не хлипких человека и разворачиваться в ограниченном объеме СА, который непрерывно крутило и бросало, ставя с головы на бок, с бока на другой бок и ноги, а затем снова на голову, когда под собственной тяжестью провисаешь на привязной системе,

спасающей тебя от ударов о приборную доску и стальную обечайку люка. Казалось, только в такой позе и можно спастись от ударов, но не от изнуряющей качки и затекающих от неподвижности органов тела, зажатых ложементом. Неподвижность вызывала сначала затвердение от напряжения мышц, а затем судороги, сопровождавшиеся нестерпимой болью. Нужно было искать другие позы.

Оставался еще час эксперимента. Можно было дотерпеть. Но тогда нет рекомендаций для экипажей кораблей, которые могут приводниться в экстремальных ситуациях. А наша работа в этот момент направлена именно на то, чтобы решить эту задачу.

Я взглянул на Михаила как раз в том момент, когда нас очередной раз поставило на голову, а затем крутануло вбок и мы начали проваливаться в проем между качающимися мышцами волн моря.

— Ну что, Миша, попробуем отвязаться? — обратился я с вопросом к Бурдаеву. — Ведь они перед нами этого не сделали. Я имел в виду Перфилкина и Васильева.

— Для чего? Чтобы доказать им, что мы можем?

Налет суперменства у Михаила отошел на задний план, а на передний выполз инстинкт самосохранения и он вылился в вопрос на вопрос.

— Ради этого доказательства я не стал бы затевать этот эксперимент. Наша задача куда более важная: получить опыт пребывания в штормовом море и практически отработать наиболее выгодные с точки зрения длительного выживания позы в аппарате, чтобы изложить этот опыт на бумаге и передать всем космонавтам отряда, — мой довод подействовал на Михаила и он решительно согласился:

— Ну что ж, давай поэкспериментируем. Только как?

— Миша, отвяжись и ложись поперек кресел. В момент нашего диалога аппарат на волне приподняло, накренило и закрутило так, что мы вновь оказались головой вниз, висящие на привязной системе, упирающиеся затылком в заголовник ложемента кресла.

— Может быть, ты первым отвяжешься? — беззлобно, но, криво ухмыльнувшись, предложил Михаил.

— Как ты думаешь, кому будет хуже, тому, на кого свалилось восемьдесят килограммов, или тому, на кого упадет сто пятнадцать.

Михаил понял, о чем я говорю, и, выждав момент, когда очередная волна поставила СА в нормальное положение, расстегнул замок привязной системы и лег поперек корабля под приборную доску в нижнюю часть кресел. Я помог там закрепиться, подсунув ему под голову мягкие укладки из гидрокостюма и теплозащитного костюма. Распрямившись, Михаил почувствовал себя немного лучше. Онемевшие ноги заполнялись кровью и от этого сразу становилось легче на душе. Он с сочувствием смотрел на мой кузнечиковый вид. Как в той песне: «Сидел кузнечик коленками назад». Затем Михаил помог мне выйти из ложемента кресла и тоже лечь поперек аппарата. Теперь мы расположились валетом. По затекшим ногам разбегались тысячи мурашек, освобождавших зажатые капилляры сосудов и возвращая ногам, да и всему организму устойчивость. Поза была найдена. Так можно было долго находиться в СА. Мы были довольны. Можно было заканчивать эксперимент. Мы слышали, как моряки завели гак крана в устройство для подъема СА на палубу. И вдруг спускаемый аппарат стремительно понесло вверх, наклоняя на бок и переворачивая. Затем по люку корабля раздался тяжелый удар, который оглушил нас. Финал эксперимента мог оказаться трагическим. Прежде, чем натянулись троса подъемного устройства «Паук», на лесовоз накатилась большая волна, которая прошла под кораблем, а затем навалилась на СА. Разница в амплитудах провала и гребня волны пришлась в сумме на СА. Стокилограммовая болванка отвеса кранового устройства ударила по люку. И он выдержал. Если бы от удара крышка люка провалилась, возможно, что не было бы написано этих строк. Но все обошлось. Через несколько минут СА был на борту лесовоза и старший помощник командира корабля, руководивший подъемом, просил у нас прощения за то, в чем был и не был виноват. Разве мог он спрогнозировать такое сочетание отрицательных факторов.

Владимир Ремек (ЧССР)
«пробует на вкус» соленую воду

— Есть повод выпить сегодня за здоровье, — констатировал Перфилкин. — Если бы «железяка» не выдержала, вы бы почувствовали себя рыбками в аквариуме.

Таким образом, был отработан один из элементов пребывания экипажа в СА в случае вынужденного приводнения в штормовом море.

Но таких элементов было десятки. Из них складывалась инструкция по действиям экипажа, совершившего посадку на акваторию морей и океанов. После вынужденной посадки на озеро Тенгиз зимой, когда едва не погибли космонавты Зудов и Рождественский из-за увеличивавшегося крена при вводе запасной парашютной системы, необходимо было повторить это на испытаниях. Этот случай не анализировался и не проверялся в морских испытаниях раньше. Считалось, что такое сложение аварий, как посадка на запасной парашютной системе, да и еще к тому же на воду практически невероятна. Однако дальнейший анализ показал, что событие не настолько уж невероятное. Возникла необходимость проверить это и устранить.

Представители Генерального Конструктора в лице Константина Феоктистова были категорически против. Специалисты Центра подготовки космонавтов, отвечавшие за безопасность экипажа на этапе посадки, требовали провести доработки спускаемого аппарата, а затем проверить их на морских испытаниях. К сожалению, спор технический начал перерастать в спор идеологический. Во время доклада в Военно-промышленной комиссии Феоктистов высказал мысль, что представитель ЦПК полковник Давыдов своими придирками хочет сорвать темпы космических полетов. Запрещенный удар из-за угла.

К.П.Феоктистов, включенный в состав
космонавтов-испытателей Головного конструкторского бюро
ракетно-космической корпорации «Энергия», на тренировке

Вместе со своим начальником генералом Почкаевым я был вызван в Кремль.

Мне было понятно, что нужно иметь безотбойные доводы, которые можно было противопоставить безусловному авторитету Феоктистова, как космонавту и заместителю Генерального Конструктора. Я пошел на риск, за который в случае формального подхода, мог получить много служебных неприятностей. Из совершенно секретного отчета я извлек фотографию и положил ее к себе в удостоверение личности.

Когда мы вошли в Кремль, в кабинет одного из заместителей председателя ВПК, он поднялся навстречу и тепло поздоровался с генералом Почкаевым. Я представился ему.

— Так вот он, возмутитель спокойствия, стремящийся сорвать темп космических полетов. — Докладывайте, полковник, — доброжелательный тон располагал к прямому и честному разговору.

— Существо вопроса Вы уже знаете. Я попробую привести доводы, которые не вызывали бы у Вас сомнения.

— Ну, ну, приводите! Посмотрим!

Я вытащил из бокового кармана тужурки удостоверение личности и, развернув его, вытащил фотографию. В верхнем углу ее отчетливо было видно «Сов. секретно». Я протянул фотографию. Заместитель председателя взял ее и некоторое время рассматривал. Затем перевел взгляд на меня.

На фотографии было видно, что три четверти крышки люка-лаза в СА находятся в воде. Я задаю вопрос:

— Как вы думаете, даже не ослабленный длительным космическим полетом космонавт, а здоровый подготовленный человек, а точнее экипаж из трех человек сможет покинуть СА до тех пор, пока он не погрузится в воду?

Заместитель Л. В. Смирнова снова перевел взгляд на фотографию:

— Аргумент более чем убедительный. Дальнейших разъяснений не требуется. Иван Николаевич, — обратился он к генералу Почкаеву, — готовьте письмо за подписью

Главкома ВВС на имя Председателя ВПК Леонида Васильевича Смирнова, а мы попробуем правильно разрешить этот спор.

И действительно вопрос решился в пользу повышения безопасности космонавтов и проведения доработок СА. Правда, Константин Феоктистов до начала испытаний пытался доказать нецелесообразность их проведения, за что КБ «Энергия» чуть не заплатило жизнью одного из своих испытателей, едва не утопив его в СА при проведении эксперимента по покиданию с полупогруженным в воду люком.

Мы же, в свою очередь, до начала испытаний с использованием тренажера «Океан», предназначенного для проведения морских тренировок, решили до ближайшего космического полета повторить ситуацию на озере Тенгиз с целью выработки рекомендаций по покиданию СА.

Эксперимент в рамках научно-исследовательской работы решили провести на водоеме в районе поселка Фронтное вблизи города Феодосия, недалеко от филиала Центра летно-испытательного института. Подготовили СА к эксперименту. В качестве испытателя я решил выступить сам и взять вторым своего заместителя Володю Гайдукова. Слишком велик был риск, чтобы посылать других испытателей. Володя в скафандре, я в гидрокостюме «Форель» заняли места в спускаемом аппарате. Страховку эксперимента организовали с помощью двух спасательных машин (ПЭУ — поисково-эвакуационная установка) завода Лихачева.

Одна из машин начала буксировку, другая с минуты на минуту должна была подойти из летно-испытательного Центра. Но подход второй машины страховки задерживался по неизвестным причинам.

Мы с Володей начали перегреваться в своем невентилируемом снаряжении. Нужно было принимать решение: либо остановить эксперимент и отбуксировать аппарат к берегу, а значит, потом все начинать сначала, либо начинать эксперимент с высокой степенью риска. Мы были зажаты временем и программой испытаний, а к тому же дальнейшее пребывание в невентилируемом снаряжении могло привести к тепловому удару. Я принял решение начать эксперимент до прихода ПЭУ. Открыли люк, и в него хлынула серо-бурая жидкость. Володя закрыл герметичное остекление скафандра. Теперь в нем можно было дышать только три минуты воздухом, который находился между телом и оболочкой. Поэтому первым покидал СА я. Жижа хлынула в лицо, стекая по гидрокостюму, стала стремительно заполнять капсулу. СА от моих движений к люку еще больше наклонился, и поток заливал Гайдукова. Второй машины страховки не было, и приподнять аппарат не было возможности. Риск потерять друга подтолкнул меня. Преодолевая поток, я вывалился из аппарата. Через несколько секунд Володя выскочил за мной и, оказавшись на плаву, открыл остекление головного шлемофона, под которым уже начал задыхаться от скопившейся углекислоты. В следующий момент СА, приняв в себя порцию мутной болотной воды и жижи, пошел на дно. Нас подхватили на единственную машину страховки и повезли на берег. Здесь я увидел приближавшуюся из-за бугра вторую машину. Когда начали выяснять причины опоздания, стало понятным, что за них надо, как минимум, гнать виновников в три шеи, а может быть и отдать под суд. Оказалось, что начальник службы режима Феодосийского летно-испытательного Центра (ЛИЦ) майор Рудольф Кузнецов, воспользовавшись своим служебным положением, решил не выпускать машину страховки до тех пор, пока его личную машину не заправят задаром дефицитным бензином. Вот такое крохоборство могло стоять нам жизни.

Не переодеваясь, в грязном гидрокомбинезоне я предстал перед начальником летно-испытательного центра генералом Александром Васильевичем Пресняковым, Героем Советского Союза, получившим это звание за подвиги в годы Отечественной войны. Великолепный человек, прошедший через огонь, смерть, испытания самолетов, с двух моих гневных фраз понял, что произошло. Выводы были таковы, что с этого дня нам больше никто не решался ставить палки в колеса наших испытательных работ и подготовке космонавтов к действиям в случае вынужденной посадки на акваторию.

Генерал Пресняков дал зеленую улицу нашим делам. И надо отдать должное, большинство феодосийских офицеров и специалистов содействовали нашим работам. И делали они это от души, потому что видели в космонавтике знамя Родины.

В этом очерке не случайно достаточно много внимания уделено испытаниям на море и отработке методик подготовки космонавтов. Это были тяжелые, полные драматизма дни и месяцы. Можно было бы рассказывать о многих событиях, проходивших на грани риска здоровью и жизни испытателей. В процессе этих испытаний был пожар на борту спускаемого аппарата, нарушение герметичности и затопление, изменение устойчивости аппарата при различных его модификациях.

Все эти недостатки выявлялись и устранялись в процессе испытаний или в процессе подготовки к очередному космическому полету.

Особым разделом морских испытаний была проверка космического снаряжения, входящего в состав носимого аварийного запаса НАЗа и специальных средств, предназначенных для действий космонавтов на плаву после покидания СА. Скафандр, который выполняет основную роль: защита космонавта от глубокого вакуума в случае разгерметизации кабины в космосе, должен был решить задачу спасения после покидания СА на плаву.

Задача оказалась не простой. Скафандр с поэтическим названием «Сокол», который стал обязательным снаряжением на борту кораблей серии «Союз» после трагедии с экипажем корабля «Союз-11», должен был защитить не только от проникновения воды, но и от холода в случае посадки зимой на акваторию.

Такие испытания на первом этапе были проведены на заводе «Звезда» в бассейне, а затем испытателями Центра подготовки космонавтов в натуральных условиях холодного моря.

Январский холод из Центральной России перекочевал в Крым. У берегов Феодосии образовалась кромка льдов. Из-за снежных заносов было прервано на несколько дней движение поездов до Феодосии, шоссейная дорога, связывающая Симферополь с Феодосией, тоже не функционировала. Но время не ждало. До старта очередного корабля оставалось меньше месяца, и до этого нужно было провести испытания.

Приехали поездом в Симферополь. Заснеженный вокзал. На поезде приехали немногочисленные отдыхающие, которые могли добраться до санаториев Южного берега по действующей трассе с помощью троллейбусов и автобусов. Нам же предстояло пробиваться на Феодосию с помощью вездеходов.

О сложившейся ситуации знали в облисполкоме и Крымском обкоме партии. Каково же было наше удивление и радость, когда у поезда на вокзале нас встречал Александр Мефодьевич Рощупкин — председатель Крымского облисполкома.

— Переночевать придется в гостинице. На ночь я вас из города не выпущу. А утром двумя вездеходами будем пробиваться через перевалы на Феодосию.

Категоричность и доброжелательность тона Рощупкина не давала возможности возразить в данной ситуации, хотя у нас на завтра планировался выход в море и начало испытаний.

Спать легли рано. В утренних сумерках пришли вездеходы, и начался наш путь в Феодосию. Отдельные фрагменты этого пути можно было бы, пожалуй, сравнить с нашими работами в Воркуте и Тикси. Дорога, которую мы проскакивали в нормальных условиях за два — два с половиной часа, преодолевалась почти восемь часов. Мы сразу же отправились на причал, где ждал в готовности буксир Феодосийской военно-морской базы. Быстро перегрузились и, ломая тонкий лед, буксир повез нас к базовому кораблю — сухогрузу «Тамань», который ждал нас на рейде на чистой воде.

Через час с небольшим мы уже на палубе «Тамани» разворачивали снаряжение и готовились к началу испытаний. Температура воды в море +2°C, температура воздуха над морем — 14°C, волна три балла. Лучшего для испытаний снаряжения не придумаешь и худшего для человека, пожалуй, тоже не придумаешь.

Но тонкое хлопчатобумажное белье, поверх которого одет капроновый с внутренней резиновой оболочкой скафандр, не создавало даже иллюзии теплозащиты для тела испытателя, тем не менее, предстояло проверить все в натуральных морских условиях и не на спокойной воде в бассейне завода «Звезда».

Первым в ледяную воду прыгает Володя Гайдуков. Даже у стоящих на палубе в теплом летном обмундировании специалистов и испытателей мороз пробежал по коже,

когда он погрузился в воду, а затем всплыл. Как только он открыл остекление скафандра, ибо в закрытом можно было через пару минут задохнуться, гребень волны хлестнул ему в лицо, через шейную шторку проник под скафандр к телу. Володя наполнил плавательные поплавки и начал дрейфовать по воле волн. Следом за ним шел спасательный катер. Через полтора часа пребывания среди волн, которые даже нам, стоящим на борту «Тамани» показались вечностью, у Володи появились судорожные явления. Можно было пропустить момент и получить холодовой шок у испытуемого. Врач, наблюдавший за Гайдуковым, по объективным показателям прекратил этот получасовой эксперимент. Стало ясно, что в скафандре на плаву в реальных на сегодняшний день условиях пребывания более часа чревато смертельной опасностью. Поэтому покидание спускаемого аппарата в скафандре в случае вынужденной посадки зимой, скажем, в Охотское или Баренцево море, допустимо только в том случае, если сразу после приводнения идет стремительное затопление космического корабля и времени на переодевание в теплозащитный костюм и гидрокостюм «Форель» нет.

Сразу после подъема на борт «Тамани» Володя Гайдуков был отправлен в парную. Сидя рядом с ним, я видел, как по его телу пробегали судорожные волны, и тело покрывалось мурашками. Он жадными глотками пил очень горячий чай и только через полчаса пребывания в парной у него появились капельки пота. Стакан почти не разведенного спирта и постель в теплой каюте «Тамани» оставили без последствий на этот раз здоровье мужественного человека и испытуемого Володи Гайдукова. Впоследствии этот и многие другие эксперименты с его участием дали свои всходы. Сейчас он пожинает плоды тревожной молодости, но никогда не жалуется и не сетует на те дела, которые были им сделаны во имя Родины, во имя Космонавтики. Мы были поколением увлеченных и целеустремленных. Жили под девизом «Жила бы страна родная и нету других забот!» А космонавтика была в ту пору для мужественных, стойких и гордых за свое Отечество. Сейчас над людьми, подобными Володе Гайдукову, смеются. Вспоминаются слова стихотворения:

Позор, позор Отечеству изгоев,
Где подвиги становятся виной.
Страна, своих презревшая героев,
Не может быть великою страной.

Немного затянувшееся повествование о морских испытаниях спускаемых аппаратов космических кораблей хотелось бы дополнить несколькими лаконичными эпизодами о подготовке космонавтов к действиям в случае приводнения. Такие тренировки проводились практически со всеми космонавтами, как нашими, так и иностранцами. И, как правило, в составе штатного экипажа, готовящегося к ближайшему полету. Прежде, чем рассказать об этих нескольких эпизодах, хочется привести слова дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Николая Николаевича Рукавишникова: «Морские тренировки я сравнил бы с микрополетом в космос по эмоциональной, физической и психофизической напряженности. Они дают возможность проверить совместимость людей в экипаже и позволяют почувствовать взаимопонимание и уверенность в товарище по полету. Особенно это проявилось в драматической ситуации, которая сложилась в космосе во время советско-болгарского полета с Георгием Ивановым».

Закрепление полученных знаний идет и на воде.
Сейчас пиропатрон для наведения вертолета будет приведен в действие

Подготовка к космическому полету космонавта из Монгольской Народной Республики была облегчена тем, что оба кандидата на полет и основной Гуррагча и дублер учились в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е.Жуковского и были ее выпускниками. Поэтому языковой барьер преодолевать не пришлось, и к тому же аэрокосмическая терминология им была знакома. Несколько раз менялся кандидат на этот полет в качестве командира корабля. Первоначально в состав этого экипажа был включен командир отряда космонавтов Борис Волинов. С ним на морские тренировки прибыл в город Феодосию Гуррагча. Сойдя с трапа самолета, Борис Волинов с некоторой ехидцей и иронией проговорил:

— Между прочим Гуррагча плавать не умеет.

С отрядом космонавтов у меня и моего отдела сложились дружеские доброжелательные отношения. Нас объединяло понимание космонавтами жизненной необходимости наших тренировок. Многие из них даже принимали участие в испытаниях, где присутствовал определенный риск потерять или подорвать здоровье, в то время, когда главной задачей космонавтов удержаться в отряде было здоровье. Трудности испытаний и нелегких тренировок объединяли нас, и, когда возникали проблемы с руководством управления, отряд становился на нашу сторону.

И вот сейчас передо мной на аэродроме Кировский под Феодосией рядом с командиром отряда космонавтов стоял виновато улыбающийся Гуррагча.

— Боря, это же не по моей кафедре. Это же подготовка отдела физкультуры.

Они должны были научить его плавать. Не умеющего плавать я к тренировкам допустить не могу с точки зрения безопасности.

— Это твои трудности. Отменяй тренировки и докладывай в ЦПК, — с некоторым злорадством сказал Борис и взглянул на растерянного Гуррагчу.

— Я научусь, я очень быстро научусь, я хочу полететь, — чисто, с правильной расстановкой ударений, проговорил Гуррагча.

— Конечно, научишься. Только не бойся воды и слушай меня.

Уж очень хотелось помочь этому человеку, в глазах которого были отчаяние и мольба. С аэродрома мы, не заезжая в гостиницу, поехали на Золотой пляж Феодосии.

Первый вход в море по некрутому берегу дался легко. Гуррагча улыбался. Но как только под ногами у него пропало дно, он сразу хватанул дозу морской воды. Я поддержал его, и мы пытались плыть вдоль берега. Одной рукой он вцепился мне в

бицепс. Он плыл не дыша, но при каждом открытии рта хватал очередную порцию морской воды. Вышли на горячий песок. У Гаррагчи посинели губы, его тошнило от морской воды. Отлежавшись на песке, мы снова и снова входили в воду. Борис безучастно с иронической улыбкой наблюдал за нами.

— Ты молодец, Гуррагча. У тебя все получается. К вечеру ты будешь плавать и завтра начнем тренировку, — подбадривал я.

На бицепсах моих рук и предплечье через загар стали поступать синие отпечатки пальцев Гуррагчи: с таким усилием он хватался за меня, как за спасательный круг.

К вечеру мы мало продвинулись в обучении, и я понимал, что слишком большой риск допускать его к тренировкам. Но зато я понял, что страх Гуррагчи перед морем и его глубиной пропал, а это главное.

Первый космонавт Монголии Жугдэрдемедийн Гуррагча вырос далеко от моря. Но он сумел породниться с этой стихией и бесстрашно прошел тренировки на выживание при приводнении

Судьба милостиво отнеслась к монголу.

Ночью задул сильный ветер, разыгрался шторм, который гнал в Феодосийский залив крутую волну, исключавшую выход в море. Я доложил в ЦПК и получил указание задержать экипаж космонавтов до успокоения моря и провести тренировки.

Утром с Гуррагчой мы вышли на набережную Десантников. Море бросало на берег 5–6 балльные волны. В детстве я очень любил купаться в штормовом море. Я знал, как войти в него и выйти из него.

Берег у Феодосии песчаный. Риск разбиться о камни отсутствует. Я разделся, переждал очередной накат и нырнул в надвигающийся вал. И все это на глазах Гуррагчи. Затем несколько раз повторил вход и выход из моря. Страх в глазах Гуррагчи сменился восторгом. Он радовался каждой моей схватке с морем.

— Ну, а теперь раздевайся, и пойдем вместе. Он сначала подумал, что я шучу.

— Давай, давай, быстрее, — поторапливал я.

Выждав малую волну, мы вошли в море и затем вместе взлетали на гребни волн. Он продолжал хлебать воду, но уже не так активно, как в первый день. С малой волной вышли на берег, отлежались и снова в море. Теперь он шел с охотой и без страха. Два дня клокотало море, устроив мне и Гуррагче экзамен: мне на умение учить людей побеждать слабости и страх, ему — на мужество и стойкость. На третий день море стихло. Мы рано утром с Гуррагчей вышли на набережную Десантников. Море едва шевелилось.

— Ну, что, Гур, видишь буюк. К нему и обратно поплывешь сам. Я буду рядом. Если устанешь, возьмешься за мои плечи, и поплывем вместе. Но старайся делать все сам. Понял?!

Он утвердительно кивнул головой и улыбнулся.

Мы поплыли к буйку. Я плыл так, чтобы он в каждое мгновение мог взяться за меня. Он это чувствовал и плыл. Подержавшись за буюк, поплыли к берегу. Вышли из моря, Гуррагча обхватил меня за плечи, ткнулся лицом мне в мокрую грудь. Я не видел его слез, но мне кажется они были, слезы счастья и радости, которые были незаметны на мокром лице.

Мы снова и снова плыли к буйку. Оделись, пошли в гостиницу. У входа Борис Волинов спросил:

— Ну, что, будем тренироваться или летим домой?

— Будем тренироваться, а потом полетим домой, — с радостной улыбкой проговорил Гуррагча.

Не знал монгольский космонавт, что море готовит ему новое испытание.

На рейде Феодосии ждал подготовленный к проведению тренировок специальный поисково-спасательный корабль «Баскунчак», на борту которого находился тренажер «Океан», предназначенный для тренировок космонавтов по действиям в случае вынужденного приводнения.

Как только бригада, обеспечивающая тренировки, и космонавты прибыли на борт «Баскунчака», он снялся с якоря и вышел в море в район тренировок.

Процесс тренировки состоит из двух этапов. Первый, когда имитируются условия, требующие немедленного покидания СА в скафандре. Это может быть в случае разгерметизации корабля и его быстром затоплении или в случае пожара на борту. Второй, когда условия в СА позволяют находиться в нем длительное время с тем, чтобы можно было снять скафандр, одеть полетный костюм, теплозащитный костюм, гидрокостюм «Форель» и уже после этого покинуть спускаемый аппарат, взяв с собой бортовую документацию и НАЗ «Гранат-6» — условное название носимого аварийного запаса.

Оба эти этапа тренировки имитируются инструкторами, и космонавты применительно к обстановке начинают действовать, ведя репортаж с помощью бортовых средств связи.

Итак, СА с космонавтами на борту крановым подъемным устройством выносятся за пределы «Баскунчака» и бросается в море.

К моменту прихода в район тренировок ветер поднял волну до трех баллов. Спускаемый аппарат начало раскручивать и бросать из стороны в сторону, вызывая при этом сильное вестибулярное раздражение. Борис Волинов к этому времени совершил два космических полета, неоднократно участвовал в таких тренировках. Поэтому ему все, что происходило, было привычно и понятно. Для Гуррагчи все было впервые. Поэтому руководитель тренировок приказал ему вести репортаж: «Пусть привыкает». А Борису Волинову нужно было выходить на связь только по необходимости.

Как только произошло приводнение, Гуррагча доложил:

— Парашютные стренги отстреляны. На борту корабля все нормально. Корабль произвел посадку на акватории Черного моря в заданном районе. В иллюминаторах плещется голубая вода. Состояние моря близкое к трем баллам. Видны медузы, рыбки. Очень красиво и приятно. Готовимся к длительному дрейфу.

Но «красиво и приятно» сразу же после начала свободного дрейфа превратилось в беспорядочное вращение и бросание на волне. К тому же инструкторы дали вводную на отказ бортового питания. Погасли светильники, выключились вентиляторы. Прекратилась подача свежего воздуха. В корабле появились первые признаки удушья.

И вдруг Гуррагча прекратил репортаж. Инструктор запросил:

— «Океан-2» (позывной Гуррагчи на время тренировки) ведите репортаж. Какая обстановка в СА? Ответа не последовало.

— «Океан-2», доложите самочувствие и обстановку на борту СА. Приготовьтесь к покиданию.

Снова молчание и снова запрос с борта «Баскунчака».

— «Океан-2», Гуррагча, ведите репортаж.

Тишина. Только слышно тяжелое дыхание, да какое-то бульканье, усиленное динамиком на пульте управления тренировкой.

— Я «Океан-1». Вести репортаж он не может. У него состояние дискомфорта. В СА очень душно. Готовимся к покиданию. Одеваем плавсредства, — вышел на связь Борис Волинов.

По бортовой инструкции и по заданию на тренировку первым покинуть аппарат должен командир, а затем, выбросив герметичный мешок с документацией и блоки НАЗа, должен покинуть космонавт-исследователь. Они должны сплыться на воде, соединиться фалами и дальше продолжать дрейф по поверхности моря, взаимодействуя со средствами ПСС ВВС и ВМФ.

Руководитель тренировки дал команду на покидание и через несколько минут открылся люк спускаемого аппарата. Из него появился не Борис Волинов, как ожидалось, а бледное, схожее по цвету с цветом скафандра, лицо Гуррагчи. Это его выталкивал из спускаемого аппарата командир корабля. Монгольский космонавт очень сильно укачался, и поэтому его движения были замедленными. После того, как он покинул аппарат и оказался в воде, бодрости прибавилось. Он наполнил поплавки плавательного ворота. Буквально следом за ним Борис Волинов, выбросив герметичный мешок и блоки НАЗа, сам покинул СА. Через несколько минут он догнал Гуррагчу, которого волны отнесли в сторону метров на пять. Они соединились и продолжили тренировку уже на плаву.

Тренировка на следующий день, хотя была и продолжительнее, но на более спокойном море, и опыт, полученный накануне, позволил в полной мере отработать навыки действий экипажа в случае приводнения.

Впоследствии, уже после космического полета, который монгольский космонавт выполнял вместе с Владимиром Джанибековым, он вспоминал, что тренировка на море далась ему тяжелее, чем весь космический полет, но была очень хорошей подготовкой к тем трудностям и неожиданностям, которые ждали его в космосе. Он получил хорошую закалку на мужество и стойкость.

Если в вышеупомянутом эпизоде я встретился с неопытным, малоподготовленным к трудностям летной профессии человеком, то в другом случае было все по-другому.

На тренировку в морской купели прилетели два опытейших летчика-испытателя из Летно-испытательного института имени М.М.Громова. Люди, за плечами которых были тысячи часов в воздухе, сотни испытательных полетов и десятки испытанных в небе самолетов и образцов авиационной техники, решили, что прилетели в Феодосию на легкую полуувеселительную прогулку с купанием в море.

Анатолий Левченко и Александр Щукин готовились к первому испытательному полету на космической системе «Буран», которая шла вдогон американской системе «Шаттл».

Прилетев к вечеру в Феодосию, они следующим утром должны были участвовать в длительной тренировке, связанной с переодеванием и покиданием СА после шестичасового дрейфа на борту аппарата.

Когда мы ехали с аэродрома «Кировский» в Феодосию, я по дороге, чтобы не терять время, начал инструктаж в объеме предварительной подготовки к тренировке. Саша и Толя слушали меня и улыбались. Мои наставления и указания они воспринимали всерьез, а трудности, о которых шла речь, казались им шуточными.

Им, прошедшим через горнило летных испытаний, казались наивными мои предупреждения, что завтра они будут испытывать не технику, а самих себя, причем в непривычных и очень специфических условиях.

Я советовал им пораньше лечь спать, отдохнуть и ни в коем случае не принимать спиртного.

— Ты знаешь, у нас с Сашей с утра было два испытательных полета. Был достаточно большой напруг, и мы немножко расслабимся, тем более что у нас в Феодосии много друзей. Не переживай. Завтра все будет в лучшем виде. Проведем сразу две тренировки — и длительную, и короткую. Сэкономим время, чтобы послезавтра отдохнуть на пляже и покататься в море, — с улыбкой говорил Анатолий Левченко.

— Успокойся, все будет в лучшем виде. У нас бывали дела и похлеще. Выкручивались! И здесь мы тебя не подведем, — поддержал Анатолия его друг по экипажу и по жизни Саша Щукин.

— Ну, смотрите, мужики. Отслеживать ваш режим я не собираюсь, но предупредил, чтобы плохо не было.

Приехали в гостиницу «Астория», когда на улице уже горели фонари. Южная ночь наступает быстро. У входа в гостиницу, а точнее в ресторан «Одиссей» толпились люди, гремел джаз, на набережной прогуливались отдыхающие. Вся обстановка располагала к отдыху, а не к мыслям о завтрашнем дне. Завтра будет завтра, а сегодня курортный город и множество друзей испытателей, живших в гостинице, тянули к потере бдительности. И они ее потеряли. К двенадцати часам ночи я встретил их, хорошо выпивших в компании других летчиков-испытателей из летно-испытательного института имени В.П.Чкалова, когда они заходили к одному из них в номер, чтобы принять под занавес вечера по дозе спиртянского и услышать какой-нибудь новый анекдот.

Увидев укоряющий взгляд, Анатолий Левченко обнял меня за плечи и проговорил:

— Старина, все будет в порядке, а мы как стеклышки! Утром, когда садились в «Рафик», чтобы ехать на причал, кто-то, потянув носом воздух, проговорил:

— Сейчас бы огурчиком соленым закусить. Увидев помятый вид моих подопечных, я заволновался и обратился к врачу. Он успокоил:

— Пока будем идти к базовому кораблю, пока будем переходить в район тренировок, все проветрится на морском воздухе, и я не думаю, что придется отбивать тренировку.

Вышли на буксире из порта. Свежий ветер с берега гнал легкую волну, которая чем дальше в море увеличивалась и темно-синяя даль уже вспенивалась белыми барашками. Это означало, что состояние моря приближалось к 3–4 баллам.

Медицинский осмотр и контроль не давал противопоказаний к тренировке. Началась подготовка спускаемого аппарата и снаряжения, и, когда мы бросили якорь в районе тренировок, Левченко и Щукин были уже готовы занять место в СА с тем, чтобы «оседлать» волну.

Все шло по плану. Стрела корабельного крана вынесла аппарат за пределы палубы. Прошла команда на отстрел стренг, и СА затрепетал на волне, раскручиваясь в разных плоскостях и кувыркаясь.

Бодрые голоса Анатолия и Александр настраивали на успех сегодняшнего дня. Перспектива в один день провести две тренировки, а затем день отдохнуть на пляже всех вдохновляла.

Бригада, обеспечивавшая уже почти месяц тренировки космонавтов, изрядно устала.

Подплываю к французскому космонавту Жан Лу Кретьену,
только что покинувшему спускаемый аппарат.

А он, совсем слабым голосом: «Как же мне было плохо!»

А тем временем пущенный в свободный дрейф СА на сложной поперечной по зыби волне выполнял такие непрогнозируемых пируэты, что я представил, какие ощущения у экипажа. Прошло полчаса. Было слышно в динамиках тяжелое дыхание космонавтов, и репортажи становились короткие и обрывочные. На вопрос:

— Как себя чувствуете?

Последовал короткий и почти злой ответ:

— Пока терпим!

Но терпения этого хватило не надолго. После вводной о том, что в СА отключилось бортовое питание, а стало быть и прекратилась подача воздуха и перестали работать вентиляторы, неожиданно прозвучал в динамиках голос Анатолия Левченко:

— Готовимся к экстренному покиданию!

Рассчитывая, что тренировка будет длительной, мы подняли на борт корабля водолазов, обеспечивающих страховку во время покидания.

Буквально через несколько минут с борта СА последовало сообщение:

— Готовы к покиданию! Открываем люк.

По тревоге прыгали в воду водолазы-аквалангисты, спускали на воду спасательные надувные лодки ЛАС-5М, в катер, находившийся у трапа прыгнул старпом корабля вместе со своей командой.

Мы не успели выстроить такую отработанную на многих тренировках схему обеспечения безопасности, как открылся люк СА и из него один за другим, нарушая методику покидания, буквально вывалились Левченко и Щукин. Благо у СА находилась надувная лодка с гребцом, врачом и аквалангистом.

Мы продолжили тренировку, но вынуждены были отказаться от упражнения по взаимодействию со спасательным вертолетом, который по плану тренировки должен был прилететь только через четыре часа.

Весь день, все наши чаяния на завтра пошли насмарку.

Через полчаса космонавты были доставлены на корабль, и он, подняв якорь, направился на Феодосийский рейд.

После душа и медицинского осмотра космонавтов во флагманской каюте корабля собрались на разбор тренировки. Лица у всех хмурые. Существовала определенная схема проведения разбора, но она была нарушена по инициативе Анатолия Левченко. Обращаясь к руководителю тренировок, он попросил слово первым:

— Мы перед вами всеми и перед командой корабля очень виноваты. Все, что вы скажете в упрек нам, будет правильным и не вызовет ни у кого из нас никаких оправданий. Нас обо всем, что может произойти, предупреждали. Но возобладала самоуверенность. Мы получили жестокий урок. Одна большая просьба простить нас, разрешить продолжить тренировки и большая благодарность за ваш труд, за вашу науку.

Такое самобичевание двух прекрасных людей и отличных летчиков-испытателей всех расслабило. Инструктора, врачи, моряки готовились к злему разбору, а говорить оказалось не о чем.

Пришли на рейд, сошли на берег. Вечером продолжал греметь оркестр, прогуливались курортники, но уже в девять часов вечера уставшие от эмоциональной и физической нагрузки, летчики-испытатели — космонавты Анатолий Левченко и Александр Щукин спали.

Следующий день прошел на «ура». Несмотря на штормовое море, все тренировки прошли успешно. Вечером бригада, обеспечивавшая тренировки, отправилась отдыхать на Золотой пляж. Через некоторое время подъехали Анатолий Левченко и Саша Щукин. Один тащил ящик водки, другой бутылку вина.

— Давайте обмоем наше крещение в морской купели. Спасибо Вам, друзья, за науку, — говорил Анатолий, когда все собрались за столом у дядьки «Черномора» (так звали в шутку директора турбазы «Золотой пляж» — Александра Григорьевича Горбаня), который давал нам возможность отдохнуть после напряженной работы и вместе с нами радовался нашим успехам, и вместе с нами огорчался, когда нам не везло.

После ужина мы с Анатолием и Сашей отошли к кромке прибоя, где под шум моря только мы могли слушать друг друга.

— Что случилось, ребята? — Задал я вопрос, мучивший меня два дня, хотя я догадывался о причине неудачного дня.

— А случилось все почти так, как ты нам предсказывал в автобусе. Через пятнадцать минут пребывания на волне расстроенный недосыпом и спиртягой вестибулятор стал сдавать. Потянуло на блевотину. Терпели, сколько могли. А когда ты выключил дыхательную вентиляцию, стало совсем худо. Облевать кабину СА, чтобы после нас туда никто не влез, и заставить вас вымывать и убирать за нами мы не могли. Такого позора в нашей жизни не было, и такого срама мы бы не перенесли. Нам бы после этого друзья и недруги прохода не дали. Вот мы и решили не позориться, — говорил Анатолий Левченко.

Через некоторое время после этих событий Анатолий Левченко в составе экипажа Владимира Титова и Мусы Манарова на корабле «Союз ТМ» прибыл на станцию «Мир». Сразу после посадки на корабле «Союз ТМ», которая была достаточно жесткой, он сел за штурвал самолета ТУ-154, чтобы определить состояние летчика после длительной невесомости и воздействия факторов космического полета. Эти эксперименты проводились в интересах программы «Буран».

К сожалению, эти два прекрасных летчика-испытателя ушли из жизни. Анатолий Левченко после жесткой посадки получил травму мозга, которая дала свои результаты.

Через две недели после похорон друга Саша Щукин, выполняя испытательный полет, погиб. Так драматично сложилась судьба двух друзей, двух прекрасных мужественных людей.

Морские тренировки являлись своего рода психологической проверкой на совместимость людей в экипаже. Такая проверка давала почву для размышлений и анализа врачей о психологической устойчивости и взаимопонимании в экипаже и возможность прогнозировать его работоспособность и взаимозаменяемость в процессе длительного полета.

Володя Ковалёнок (ныне генерал-полковник, начальник Военно-Воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е.Жуковского) по поводу морских тренировок говорил:

— Когда тебя в замкнутом объеме загоняют в экстремальную ситуацию, воздействующую на тебя одновременно и эмоционально, и физически, начинают

возникать озлобленность и раздражительность, которые могут привести к непрогнозируемым для самого себя действиям.

И вот тут на помощь приходят дружелюбие, слаженность и терпимость, которые так необходимы экипажу космического корабля, выполняющего особенно длительный полет и сталкивающийся с трудностями, находящимися за пределами человеческих возможностей, а порой и с риском для потери здоровья и жизни.

Морская тренировка в большой степени дает возможность прочувствовать это и понять себя.

Если тебе очень плохо и ты в состоянии дискомфорта — тошноты и удушья — находишься на грани психологического срыва и все-таки находишь силы, чтобы помочь товарищу, находящемуся рядом, и думаешь о его здоровье больше, чем о своем, такой экипаж имеет право на существование, имеет право на космический полет и способен выполнить программу.

Было несколько экипажей, в которых кандидаты на полет в процессе морских тренировок не смогли проникнуться чувством сочувствия и сострадания к товарищу, а чувство безгливости переросло в чувство неприязни. Такие экипажи распались, и кандидаты никогда не полетели.

Драма на озере Тенгиз

Этому экипажу не везло с самого начала и до конца... Началом невезухи можно считать случай, когда Вячеслава Зудова ударило током от плохо заземленной электронной машины. Наступила клиническая смерть. Усилиями врачей-реаниматологов его вернули к жизни и тут же решили списать из космонавтов и летчиков. И хотя все медицинские показатели пришли в норму, врачи, видимо, все же решили перестраховаться. А вдруг? Ведь была же реанимация! Кто знает, что произошло в организме и психике космонавта? Слава начал борьбу за то, чтобы остаться в отряде космонавтов. Он проходил одни тесты за другими. Институт медико-биологических проблем, Институт авиационной и космической медицины и Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь взяли за тщательную проверку его организма.

Вячеслав Зудов выдержал этот, пожалуй, самый трудный в жизни экзамен, когда надежда сменялась отчаянием, а отчаяние надеждой. Он снова в отряде...

Но прошло некоторое время, прежде чем его включили в состав экипажа. Немалую роль в том, что Вячеслав Зудов начал подготовку к полету сыграл академик Владимир Николаевич Челомей, в КБ которого разрабатывалась совершенно секретная станция «Алмаз», предназначенная для военных исследований в космосе. В.Н. Челомею нужны были военные летчики и инженеры, способные вести длительные военно-технические эксперименты и исследования в космосе. Таким образом, наряду с другими военными экипажами для станции «Алмаз», был сформирован экипаж в составе: командир Вячеслав Зудов, бортинженер Валерий Рождественский.

Челомей рассудил, что за одного битого — двух небитых дают. Но не учел другого — фатального невезения. В таких случаях говорят: «Игра судьбы». В процессе непосредственной подготовки Зудов и Рождественский жили, как говорится, душа в душу. Полное взаимопонимание, хотя один был летчиком, другой — водолазом-подводником. Возможно, именно этот симбиоз во многом способствовал дружной работе в необычайно трудных экстремальных ситуациях.

Валерий Рождественский пришел в отряд космонавтов из военно-морского флота. Его работа водолазом была чем-то сродни космической в плане воздействия на организм и психику.

Итак, сформированный для работы на станции «Алмаз» экипаж Зудов-Рождественский вылетел на космодром. Началась предстартовая подготовка, которая велась в МИКе (монтажно-испытательном комплексе) космодрома непосредственно в корабле и на семнадцатой площадке города Ленинска в гостинице «Космонавт». Первые

зимние холода в том году в Казахстане наступили рано. Задули студеные, пронзительные ветра, закружили вьюги. Но в день старта природа сделала перерыв, чтобы выпустить корабль, а затем снова разгулялась по просторам Казахстана снежными бурями и ветрами.

Как и полагалось, за трое суток до начала полета спасатели сосредотачивались в Караганде и Кустанае. Проводили подготовку спасательных комплексов на случай неудачного старта или досрочной посадки.

Непосредственно за район старта и зону полигона отвечала группа спасателей, базировавшаяся на аэродроме города Ленинска. А как уже говорилось, невезуха для экипажа корабля «Союз» началась прямо до старта. Не вовремя подошли заправщики ракеты. Пришлось сдвигать время старта, а заправку вести, когда экипаж был уже на борту корабля.

За час до пуска усилился ветер, который слегка покачивал стройную сигару ракеты, зажатую в конструкциях ферм обслуживания. Во время запуска, когда отошли фермы обслуживания, и белое солнце в клубах дыма засверкало под основанием ракеты, ветровой напор настолько раскачивал и заваливал ракету, что наблюдавшие за телеметрией специалисты боялись, как бы не сработали датчики концевых выключателей по угловым отклонениям, фиксирующие аварийную ситуацию. В этом случае мгновенно вступила бы в действие система аварийного спасения и увела бы корабль от падающей ракеты-носителя. Но автоматическая система управления тягой двигателя выровняла ракету в момент отрыва от стартового стола и не позволила ей отклониться на разгоне. Старт прошел успешно, и на космодроме облегченно вздохнули, когда через десять минут пришло сообщение, что работает третья ступень ракеты-носителя и корабль выходит на орбиту.

Космодромные страсти закончились. Начинались ЦУПовские (Центр управления полетов) волнения и заботы поисковиков. Через сутки должна произойти стыковка корабля со станцией. Это сутки напряженной работы специалистов ЦУПа и непрерывной готовности спасателей. В том случае, если стыковка не состоится, а такое уже бывало, начиналась их полная неожиданностей работа: ведь вынужденная посадка могла произойти в любой точке планеты по пятьдесят вторую параллель. И тогда спасатели должны устремиться на самолетах и вертолетах к месту посадки независимо от погодных условий. Их задача спасти космонавтов и корабль.

За сутки до старта техника и люди спасательного комплекса, а это самолеты, вертолеты, оперативно-техническая группа, команда технического обслуживания перебазировались из города Кустаная в город Аркалык и провели тренировку на случай аварийной вынужденной досрочной посадки корабля.

В день старта за полчаса до него в воздух поднялись самолеты и вертолеты сопровождения. Из радиоинформации стало ясно, что старт и выведение на орбиту корабля прошли успешно. После часа пребывания в воздухе самолеты и вертолеты пошли на посадку. Теперь уже на земле спасатели продолжили дежурство во время двух первых витков, то есть трех часов, пока космический корабль проходил над районом их ответственности. Затем оно переходило на следующие регионы, и можно было менять степень готовности, расслабиться и отдыхать.

Через сутки, в день предполагаемой стыковки, из ЦУПа стали поступать тревожные сигналы. «Земля» с помощью корректирующих команд подвела корабль к станции на расстояние, когда должна была вступить в действие радиолокационная система «Игла», обеспечивающая поиск, сближение и стыковку в автоматическом режиме. Но «Игла» не сработала как требовалось, и сразу возник вопрос о досрочной посадке.

В Аркалык прилетел генерал Николаев. Он и рассказал о подробностях отказа. «Земля» подогнала корабль к станции на расстояние не только радиолокационной, но и оптической видимости. Однако, не настолько близко, чтобы космонавты могли перейти на ручное управление и приступить к стыковке.

Посадку предполагалось провести в ночное время на третьи сутки в районе города Аркалык. По условиям запуска дневная посадка в районе штатных полигонов могла быть проведена только на седьмые сутки, а системы жизнеобеспечения корабля могли работать

только трое. За два часа до посадки подувший порывистый северный ветер принес резкое похолодание и снежные заряды. Спасатели готовились к ночной работе, но не рассчитывали на столь сложные условия.

Когда из ЦУПа пришло сообщение, что над южной оконечностью Африки включена тормозная двигательная установка и корабль пошел на спуск, вертолеты со спасателями взлетели. Правда на земле произошла заминка. Руководитель оперативно-технической группы подполковник Силаев решил максимально облегчить вертолет, сняв с него несколько человек. Среди них были представители Центра подготовки космонавтов генерал Николаев и подполковник Чекин — начальник особого отдела Центра. Однако Николай Чекин решительно отказался покинуть вертолет. И это во многом предопределило ситуацию. Присутствие на борту представителя КГБ ставило как бы под контроль возможную не прогнозируемую ситуацию. А именно такая ситуация стала складываться буквально через пятнадцать минут после взлета вертолета.

Поступило сообщение о том, что корабль произведет посадку с перелетом от расчетной точки на сто двадцать один километр. Было понятно, что к моменту приземления мы не успеваем. А тем временем снежные заряды все чаще били в лобовое стекло вертолета. По мере приближения к месту посадки погода ухудшилась. Свет включенных фар вертолета, отражаясь от снега, создавал белый экран. Пришлось их выключить и лететь в полном мраке, ориентируясь только по приборам. На земле — ни огонька. Вертолет в кромешной темноте летел над просторами зимней Казахской степи. По информации самолета наведения мы приближались к району посадки. Штурман сообщил, что радиокompас схватил сигналы корабля, и теперь мы уверенно приближались к месту приземления. И вдруг штурман, глядя на карту, встревоженно доложил: «Мы приближаемся к большому озеру Тенгиз. Вероятно, посадка произошла на его поверхность». Кто-то на борту вертолета пошутил: «Все по закону. На борту моряк. Значит должно быть приводнение. И Рождественский станет адмиралом Тенгизским». Шутка не вызвала ни у кого улыбки. Все понимали необычайную сложность ситуации. Тем временем вертолет сквозь мрак приближался к месту приводнения спускаемого аппарата. В том, что это именно приводнение сомнений не было. И как бы подтверждая это в шлемофонах слышался голос Вячеслава Зудова:

— Я... Судя по качке, мы приводнились.

— Да и волнение порядка двух-трех баллов, — подтвердил Валерий Рождественский.

Командир вертолета подполковник Богатырев по просьбе автора этих строк — представителя Центра подготовки космонавтов— передал:

— Готовьтесь к действиям после приводнения. Снимите скафандры, оденьте гидрокостюмы. Оценим обстановку и будем вас эвакуировать.

— Вас поняли. Готовимся к эвакуации, — подтвердил Зудов.

Вертолет проскочил над спускаемым аппаратом, не обнаружив его. В снежной мгле, мы не увидели вспышки проблескового маяка. По затухающим сигналам радиомаяка определили, что вертолет удаляется от спускаемого аппарата. Необходимо было спуститься к аппарату, чтобы оценить возможность эвакуации. Но тут стало понятно, что это исключительно опасно. Во-первых, на борту вертолета не было плавательных средств. Надувные лодки забыли в Аркалыке. Не думали, что придется работать на воде. Начальник оперативно-технической группы подполковник Силаев растерянно смотрел на всех, кто был на борту вертолета. В глазах его был плохо скрываемый страх. Он понимал, что это его промах. Не проверил перед вылетом. Глаза его встретились с моими.

— Ведь ты их готовил к выживанию. Одевайся и готовься к спуску.

— А почему он? — вмешался в разговор Николай Чекин. — Вы не взяли гидрокостюмы и плавсредства, а он будет отдуваться в случае чего?

Представитель КГБ был прав. В случае неудачи я становился виновником.

— Сейчас, Коля, не до выяснения отношений. Надо спасать ребят, — я начал вытаскивать гидрокостюм «Форель» из укладки. Вертолет вновь приблизился к месту приводнения спускаемого аппарата (СА). На этот раз сквозь мглу мы все-таки увидели вспышки проблескового маяка. Командир вертолета Богатырев включил поисковую фару. Перед вертолетом снова возник белый экран из снега. В этом матовом ярком падающем снеге пропали вспышки проблескового маяка. Сквозь снежную круговерт свет не пробился к поверхности озера и не позволил увидеть спускаемый аппарат. Кроме того, создавалось ощущение, что вертолет находится в огромном снежном коме. Богатырев выключил фары и попытался зависнуть над вспышками СА. Это ему не удалось. Я одетый в гидрокостюм, сидел на обресе двери вертолета в подъемном устройстве-кресле, прикрепленном к лебедке. Вертолет водило из стороны в сторону. Проблесковые огни вспыхивали то под нами, то справа. Несколько попыток Богатырева зависнуть над СА не увенчались успехом. Сделали еще круг над озером и снова попытались зависнуть, опять безуспешно. Горючее было на исходе. К этому времени к озеру подтянулись еще несколько спасательных вертолетов и они тоже беспомощно кружили, постепенно вырабатывая горючее. Мы совершили посадку на берегу с почти пустыми баками. Из спасателей превратились в пассивных наблюдателей. Силаев развернул командный пункт, и только фиксировал тщетность попыток оказать помощь космонавтам.

Выработав горючее, вертолеты один за другим садились вокруг нас. На одном из этих вертолетов оказались лодки и гидрокостюмы. Спасатели с тремя лодками устремились к озеру. На одной из них был командир вертолета Николай Чернавский, который ночью добрался до спускаемого аппарата. Остальные застряли в ледяных ловушках — заторах.

А тем временем на борту спускаемого аппарата происходили драматические события. Попавшая в отверстия барометрического блока горько-соленая вода, замкнула контакты реле, которое подало команду на ввод в действие запасной парашютной системы. Выстрел пиропатронов, отбросивших крышку парашютного контейнера, вызвал тревогу экипажа. И тревога оказалась не ложной. Вывалившийся запасной парашют сработал как якорь и резко увеличил крен корабля, что в свою очередь привело к тому, что отверстия дыхательной вентиляции оказались под водой. Прекратилась подача забортного воздуха, а системы регенерации выработали свой ресурс и почти не давали кислорода. Через два часа после отстрела запасного парашюта у экипажа появились первые признаки кислородного голодания, которые переходили в удушье от накапливающегося углекислого газа. Периодически выходившие на связь Зудов и Рождественский тяжело дышали, в микрофоны прорывались хрипы, голоса становились неузнаваемыми.

Спускаемый аппарат выбрался
из ледяной горько-соленой жижи

Командир корабля Вячеслав Зудов сообщил, что экипаж переоделся в гидрокостюмы и готов покинуть СА. Но и тем, кто был на борту и нам, было ясно, что это невозможно. При открытии люка, находящегося на две трети в воде, в аппарат хлынет поток воды, который космонавты не смогут преодолеть и утонут.

Приближалось утро. Снежные заряды прекратились, открыв звездное небо. Сразу похолодало. Температура снизилась до минус двадцати двух градусов. Выработавшие горючее вертолеты Аркалыкского спасательного комплекса застыли недалеко друг от друга. Спасатели и вертолетчики жгли костры, пытаясь согреться. Противный едкий дым от горящих старых покрышек, найденных на берегу, стелился над землей.

Рождественский, хрипя доложил, что от удушья потерял сознание Зудов. Приближалась драматическая развязка. Находившийся в резиновой лодке у спускаемого аппарата командир вертолета МИ-6 капитан Николай Чернавский, замерзал. Он ничем не мог помочь экипажу. В разыгрывавшейся трагедии становилась очевидной неспособность спасательной службы и ее неспособность управлять сложной ситуацией.

Забрезжил рассвет. Связь с экипажем космического корабля прекратилась из-за того, что обледеневшая антенна оказалась в воде. Незнание усиливало тревогу.

И вдруг послышался рокот вертолета. Он приближался. По бортовому номеру мы определили, что вертолет прилетел из Караганды. Пилотировал его один из опытейших вертолетчиков-спасателей подполковник Николай Кондратьев — начальник Карагандинского спасательного комплекса. Вертолет сел. Кондратьев предложил Силаеву забраться в вертолет, но тот наотрез отказался. Выскочивший из вертолета фоторепортер ТАСС Альберт Пушкарев, увидев меня, крикнул Кондратьеву:

— Бери Давыдова! Если кто и выдернет ребят, так это он. Он соображает, да и готовил их к таким делам.

Я со своей укладкой поднялся в вертолет. Пушкарев и Чекин остались на земле.

— Держись, старик! Там наши мужики. Их надо спасти, — напутствовал Николай Чекин.

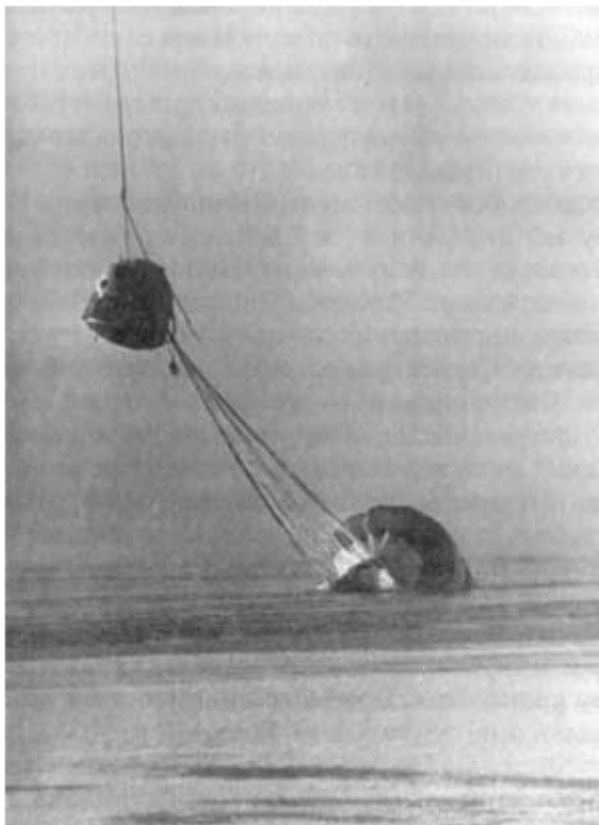
Через несколько минут вертолет завис над спускаемым аппаратом. На борту кроме меня, был водолаз-спасатель и врач-морьяк. К сожалению, я не запомнил их фамилий.

Осмотрели спускаемый аппарат сверху. Его положение на воде исключало эвакуацию космонавтов на борт вертолета.

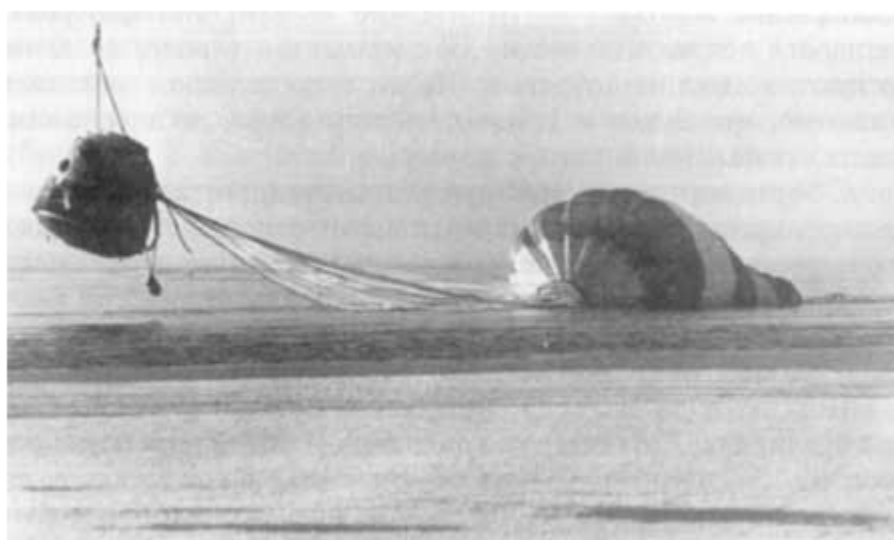
Спустили водолаза-спасателя вместе с надувной лодкой. Сообщение водолаза неутешительно — изменить центровку аппарата нет возможности, люк находится в воде,

до замка открытия люка не добраться. По перестукиванию с экипажем понятно, что Зудов и Рождественский живы, но нужно спешить, чтобы не опоздать с помощью.

С борта вертолета опустили толстый капроновый фал, водолаз закрепил его за трос стренги парашютной системы. Выход только один: срочно буксировать спускаемый аппарат вместе с экипажем на берег. Но такая буксировка запрещена инструкциями по эвакуации экипажей космических кораблей вертолетами.

Буксировка вертолетом аппарата с парашютом удалась.
Несмотря на страшную силу наполненного ветром и водой купола,
который камнем тянул вниз

Незадолго до полета в Феодосии проводились испытания по буксировке спускаемого аппарата с экипажем на борту вертолетами и катерами. Отработали методики, определили режимы буксировки с тем, чтобы люк не выбило напором воды, и экипаж не утонул. Я участвовал в этих испытаниях, и теперь мне было понятно, что спасти экипаж «Союз»

можно только методом буксировки. Но эти рекомендации по результатам испытаний еще не были внесены в действующие инструкции спасателей, и нарушение их при неблагоприятных обстоятельствах могло довести до суда и тюрьмы.

Времени на раздумье и согласования с руководством полета не было.

Я предложил Николаю Кондратьеву начать буксировку:

— Инструкцией запрещено! — парировал Кондратьев.

— Ну, и что, будем ждать пока они задохнутся? Коля, там наши товарищи! Неужели, выполняя инструкции, мы дождемся их гибели, — убеждал я. — Будем держать скорость семь километров и все будет нормально, я проверял.

— А ты думаешь долго можно лететь с такой скоростью? Двигатели перегреются! Сами гробанемся! — говорил Кондратьев, продолжая удерживать вертолет над спускаемым аппаратом.

— Так что? Будем ждать пока они задохнутся? Прощения нам с тобой, Коля, не будет!

— Борттехник, врач, вы свидетели, представитель Центра подготовки космонавтов мне приказывает буксировать аппарат.

— Если бы я мог тебе приказать! Я тебя прошу, умоляю! Ты командир и только ты, к сожалению, можешь принимать окончательное решение. А ответственность я готов с тобой поделить. И в присутствии экипажа повторяю, что настаиваю на буксировке — другого решения нет. Либо жизнь, либо смерть.

Кондратьев перевел вертолет из режима висения в режим медленного движения вперед. В распахнутую дверь я наблюдал, как спускаемый аппарат выбрался из ледяной горько-соленой жижи и пополз за вертолетом. Метров двести аппарат двигался, сбрасывая с себя ледяную корку. Кондратьев в напряжении смотрел за прибором скорости, выдерживая названную мной скорость — семь километров. Он периодически выглядывал в полураскрытую шторку кабины. И хотя в нее врвался холодный воздух, на лице Кондратьева от напряжения выступили капельки пота. И вдруг непредвиденное. Было ощущение как будто вертолет ударился обо что-то вязкое, и его бросило вниз ко льду озера. Кондратьев не растерялся, среагировал, удержал вертолет от падения. Какая-то неведомая сила тащила его назад, ко льду полузамерзшего озера. Этой неведомой и огромной силой, едва не погубившей нас, оказался шестисотметровый купол запасного парашюта, который, выскочив из контейнера ночью, опрокинул спускаемый аппарат, и нарушил центровку, а теперь, выбравшись из воды на поверхность, порывом ветра наполнился и дернул нас к поверхности озера. Только опыт и мгновенная реакция Кондратьева спасли нас от катастрофы.

Вертолет напрягся, преодолевая страшную силу наполненного купола парашюта. Кондратьев продолжал пилотировать машину и буксировать аппарат с парашютом. Он не смалодушничал. Не приказал обрубить буксировочный капроновый фал, хотя это было бы оправдано в данной ситуации.

Мы медленно приближаемся к берегу, уже различимы машущие нам руками фигурки людей. Они все ближе и ближе. Через остекление кабины вертолета вижу Николая Чекина, показывающего, куда нужно вытащить аппарат. И вот он на суше. К нему с разных сторон спешат люди. Кондратьев скомандовал борттехнику отцепить фал. Сделав круг, производим посадку в пятидесяти метрах. Выскакиваю из вертолета и бегу к аппарату. Там уже много людей. Кто-то из врачей уже внутри.

И вот из люка появилось измученное бледное лицо Вячеслава Зудова. Он улыбается. Его спускают на землю, и следом вытаскивают Рождественского. Видок у него тоже не ахти. Никогда не отличавшийся румянцем на щеках, Валерий Рождественский сейчас бледен, как снег, под глазами черные круги. Удушье и углекислый газ сделали свое. У обоих от холода озноб, стучат зубы. Медики укладывают их на носилки, снимают гидрокостюмы, одевают в летное зимнее обмундирование и унты, не позволяют подниматься. Подбегает Альберт Пушкарёв — фоторепортер ТАСС. Медики его близко не подпускают:

— Неужели они в историю войдут лежащими и дрожащими?! — возмущенно кричит мне в лицо Пушкарёв.

— Иосиф, подними их и поставь к аппарату. Пусть они будут космонавтами, а не... дохляками.

Я поднимаю Славу и Валерия и веду к кораблю. Предлог простой: они должны передать мне борт-документацию. Космонавты становятся у аппарата, а я тем временем опускаюсь в люк корабля. Достаю документы, магнитофон «Малыш». Выбираюсь из люка, и в это время — вспышка фотоаппарата. Это Пушкарев фиксирует счастливый финал драматического полета. Видок у меня хуже, чем у спасенных. Но о том расскажет фото.

Герои Тенгизской эпопеи

Второе рождение экипажа

Однако тенгизская эпопея этим не кончилась.

С бортовой документацией я прилетел на космодром на семнадцатую площадку города Ленинска (Байконур), где располагалась гостиница «Космонавт». Сюда с места посадки были доставлены Зудов и Рождественский для подготовки предварительного отчета о полете. Представители промышленности и ЦУПа на совещании попытались было взвалить вину за неудачу полета на экипаж, а стало быть, появился бы прецедент — не присваивать звания Героя Советского Союза. Заранее оговорюсь, что по существовавшему на тот момент положению о космонавтах было записано, что за выполнение первого космического полета присваивалось звание Героя Советского Союза и звание летчик-космонавт СССР. Оба эти звания и особенно первое давали значительные жизненные и общественные привилегии и преимущества. Поэтому некоторые рвались в первый полет, а там уж можно было и не летать, а стричь купоны всю жизнь.

А пока разбирались с событиями неудачного полета в Военно-воздушных силах (ВВС), анализировали неудачные, если не сказать преступные действия поисково-спасательной службы. Пытаясь спасти запятнанную честь мундира ПСС, ВВС доказало, что все делалось правильно, что в той сложной ситуации по другому поступать было нельзя. И вместо того, чтобы наказать виновных, их представили к правительственным наградам.

На аэродроме Чкаловский и Медвежьих озерах, неподалеку от него решили провести показательные учения с некоторым повтором ситуации на озере Тенгиз. Руководил учениями Главнокомандующий ВВС, Главный маршал авиации Кутахов П.С. Никакого подобия Тенгизу не получилось. Занялись показухой друг перед другом — дескать все умеем, все можем, все имеем для спасения людей.

А первый экзамен Валерий Рождественский
и Вячеслав Зудов сдавали на море

Мы с генералом Береговым Г.Т. подготовили доклад с показом всех недостатков, имевших место на о. Тенгиз — слабой выучкой спасателей, недостаточной оснащенностью ПСС, а самое главное неготовностью летного состава ВВС к действиям в экстремальных условиях после вынужденной посадки в различных климатогеографических зонах. На опыте тренировок космонавтов, анализе научно-исследовательских работ мы показали, что можно сократить потери ВВС при ведении боевой подготовки и боевых действий при полном овладении летным составом искусством выживания. Был дан анализ подготовки летчиков многих стран и, прежде всего США, Англии, Франции и Германии к действиям в экстремальных ситуациях. Но ни Береговому, ни мне выступить не дали. Главком ВВС Кутахов, возглавлявший ЕГА ПСС СССР (Единую Государственную авиационную поисково-спасательную службу), либо куда-то торопился, либо ему надоели выступления представителей ПСС об их возможностях и недостатках, и поэтому был предельно краток.

— Мне все ясно и понятно. Кто еще имеет свои суждения и предложения, присылайте в письменном виде. Через месяц соберемся снова, чтобы решать, как строить мост — вдоль или поперек, — резюмировал он и закрыл совещание.

Больше к этому вопросу не возвращались. А дальше был Афганистан, где сложили головы многие десятки летчиков из-за неподготовленности к выживанию и слабости ПСС.

Затем приступили к раздаче наград и взысканий. Мой непосредственный начальник, полковник Воробьев Л.В. настаивал на том, чтобы на меня наложили взыскание за то, что на борту спасательного вертолета вмешивался в действия экипажа. От наказания меня спасла фраза второго пилота вертолета капитана Олега Нефедова.

— Счастье Зудова и Рождественского, что у нас на борту оказался подполковник Давыдов — представитель ЦПК, иначе быть бы им в Кремлевской стене.

Конфликт разгоревшийся между мной и Воробьевым был разрешен начальником управления — космонавтом Георгием Шониным и начальником ЦПК Береговым. Было решено создать новую службу... Так, впервые в ЦПК появилось подразделение с очень длинным названием: самостоятельное отделение испытаний средств аварийного спасения (САС), приземления, поиска, эвакуации и подготовки космонавтов к действиям после вынужденной посадки в экстремальных условиях различных климатогеографических зон.

Ценою каждой вышеназванной задачи были жизни космонавтов, успехи или неудачи космических полетов. А задачи эти надо было решать группе специалистов из 11 человек.

И мы их решали.

Утренний звонок Нади, секретаря Берегового, не предвещал ничего хорошего: «Иосиф Викторович, командир собрал совещание и срочно вызывает Вас. Думаю, Вас ждут большие неприятности. Из-за чего — не знаю, но это, скорее всего, связано со вчерашним приездом Глушко. В кабинете у командира все его замы, начальники управлений и служб. Поспешите, пожалуйста!»

Быстро собравшись и прихватив с собой кое-какие документы, я направился к штабу Центра. По дороге мысленно перебирал в памяти всевозможные ситуации в последний период работы, стараясь припомнить допущенные промахи и не находил причин для столь неожиданного вызова «на ковер» и встревоженного голоса Нади, которая всегда очень доброжелательно относилась к нашим трудным делам, и чем могла помогала. Мы ее в шутку называли: «Надежда — наш компас земной». В приемной Надя сразу показала на дверь Берегового — мол, заходите.

Я вошел. Береговой сидел за столом, сдвинув на переносице мохнатые брови. Взгляд его был жестким и решительным. Зная его характер, я понял, что меня ждет пренебрежительный разговор. По сочувственным взглядам присутствующих я понял, что все уже было решено до моего прихода, и вызван я только для официального объявления мне взыскания. Вот за что только, я пока не представлял.

Глаза мои на какое-то мгновение встретились с глазами Павла Поповича. Прикрыв пальцами одной руки губы, он показывал, чтобы я помалкивал, а второй из-под стола показывал кулак: Держись, мол! Этот жест Поповича несколько меня приободрил.

— Садись и слушай, — голос Берегового не предвещал ничего хорошего.

Я подсел к главному инженеру Центра Шувалову Олегу. Тот тихо зашептал скороговоркой:

— Держись! Совещание о тебе и твоих тренировках по выживанию с бабским экипажем на море. Кто-то пожаловался по поводу ваших выводов и заключения по результатам тренировок.

Мой мозг стремительно раскрутил ситуацию вокруг этих тренировок. Постепенно я, кажется, начинал понимать, что к чему. Я оказался в жерновах сильных мира космонавтики, выяснявших свои приоритеты с помощью сенсационных космических полетов...

...После смерти Главного конструктора ОКБ «Энергия» Сергея Павловича Королева его место на короткое время занял академик Василий Павлович Мишин, «прославившийся тем», что при нем и не без его вины погиб космонавт Владимир Комаров. После катастрофы «Союза-1» место Генерального конструктора ОКБ «Энергия» по решению Политбюро ЦК КПСС занял давний соперник Королева академик Глушко Валентин Петрович.

Лавры Королева, связанные с запуском Первого искусственного спутника Земли, первого космонавта Юрия Гагарина и всего первого, что произошло при Королеве, видимо, не давали покоя академику Глушко. Возглавив ОКБ «Энергия», он начал многочисленные кадровые перестановки и всякие реорганизации на фирме, в том числе предполагались серьезные изменения и в программах космических полетов. Одним из нововведений стала разрабатываемая программа сенсационного, по мнению Глушко, полета космического корабля с чисто женским экипажем. Очевидно, ему вспомнились годы, когда так звучно и эффектно освещались в прессе и по радио полеты наших женщин — летчиц Валентины Гризодубовой и Марины Расковой. Хотелось такое же звучание придать и полету в космос экипажа, в составе которого были бы только женщины. И такой экипаж был подобран. Это Светлана Савицкая — командир экипажа, выдающаяся летчица-испытатель, уже побывавшая в космосе, и двое членов экипажа: врач — Елена Доброквашина и бортинженер — Екатерина Иванова. Все трое были увлечены космонавтикой и на протяжении ряда лет готовились к космическому полету, но, правда, в составе мужских экипажей. Благодаря чисто женской организованности, пунктуальности и ответственному подходу к выполняемой работе, уровень летной и технической подготовки этого экипажа был по отдельным показателям даже выше, чем у мужских экипажей. Светлана Савицкая — летчик-испытатель, установившая несколько мировых рекордов на различных типах самолетов, известная рекордсменка-парашютистка.

Лена Доброквашина — кандидат медицинских наук, сотрудник Института медико-биологических проблем, участница многих уникальных испытаний и исследований, проводимых в этом институте.

Катя Иванова — кандидат технических наук. Мечта о космосе овладела ее воображением, когда она еще училась в старших классах школы. Девочкой-школьницей она впервые появилась в Центре подготовки космонавтов с необычной и смелой просьбой принять ее в отряд. Ей вежливо отказали, сославшись на ее возраст и отсутствие специальных знаний. «В космос должны летать ученые», — сказали ей, сдерживая улыбку. — «Вот выучишься, защитишь диссертацию, тогда и приходи. Возьмем». Она так и сделала. За семилетний срок закончила школу с золотой медалью, потом институт с Красным дипломом и защитила диссертацию. И ее взяли в отряд — сами же обещали, что ж тут поделаешь.

Это были смелые, целеустремленные, готовые на любые испытания и проверки, молодые женщины. И профессиональный, и интеллектуальный уровень подготовки женского экипажа был вполне достаточным, чтобы выполнить непродолжительный космический полет самостоятельно без мужской поддержки. Но загвоздка оказалась в другом: никто не мог дать гарантии, что посадка спускаемого аппарата с женским экипажем непременно будет «сухой». Именно поэтому программой предусматривались тренировки экипажа на случай вынужденной посадки спускаемого аппарата на море. И вот тут-то еще раз подтвердилась простая истина, что физические возможности женщин все же ниже, чем у мужчин. И особенно их хрупкость проявилась во время морских тренировок на выживание.

Известно, что три четверти планеты — моря и океаны. Поэтому тренировка на случай аварийной посадки на море проходила в условиях, максимально приближенных к реальным. На тренировке, имитирующей возможную ситуацию, экипаж должен был покинуть спускаемый аппарат, находящийся на плаву в море не более чем за 42 секунды, поскольку считалось, что через 42 секунды он мог затонуть. Мужчины во время тренировок укладывались в эти нормативы. Смешанные экипажи, в состав которых входила одна женщина, тоже выполняли эту физически тяжелую тренировку, когда нужно было в скафандрах выскочить в штормовое море из корабля, прихватив с собой двенадцатикилограммовый НАЗ (носимый аварийный запас) и бортовую документацию. Эта задача оказалась не под силу женскому экипажу из-за их чисто физических возможностей. Многократные повторы тренировок не дали результатов. Женский экипаж не укладывался в жесткие временные нормативы. Отчет о тренировках был объективен. Вывод был таков: в случае вынужденной посадки на море в экстремальной ситуации женский экипаж не сможет покинуть спускаемый аппарат и погибнет либо весь, либо частично.

Под этим выводом после детального анализа и многочисленных перепроверок результатов подписался автор этих строк, отвечавший за тренировку. Заключение, подписанное заместителем начальника Центра подготовки космонавтов по летно-космической подготовке генералом Алексеем Леоновым, было предельно категорично. Из-за невозможности покинуть спускаемый аппарат в случае приводнения космического корабля посылать в полет женский экипаж нецелесообразно. Полет может быть выполнен только в смешанном составе, при наличии хотя бы одного мужчины. Отчет утвердил начальник Центра подготовки космонавтов генерал Г.Т. Береговой.

Узнав об этом, женский экипаж обратился с жалобой к главному идеологу этого полета — Генеральному конструктору академику Глушко. Всем, кто готовил этот полет, было ясно, что проку космонавтике он не принесет, ничего нового не даст. Ясно было, что это чисто престижный полет: только советские женщины могут совершить первыми такой подвиг. И тут появилось основание остановить ненужную трату сил и средств.

Но не тут-то было. Авторитет академика Глушко, как Генерального конструктора и члена ЦК КПСС был велик. И с этим авторитетом он приехал в Центр подготовки космонавтов к генералу Береговому. Разговор был достаточно жестким. Из него следовало, что задачей Берегового и Центра является подготовка космонавтов, а не определение участников и состава экипажей.

Вернемся теперь к совещанию в кабинете Берегового.

С моим появлением Георгий Тимофеевич завершил разговор по вопросам меня не касавшимся. Мы смотрели в глаза друг другу. Присутствующие с интересом наблюдали за этим поединком глаз:

— Ну, что скажешь, Давыдов?

— По поводу чего? — с видом непонимания ответил я вопросом на вопрос.

— Что прикидываешься дурачком? Все ты понимаешь! Из-за твоего отчета я вчера наслушался всякого. За такие отчеты наказывать надо.

Поскольку все присутствующие знали, о чем идет речь, Береговой прошелся по ним глазами, ища поддержки. Но не нашел. И тут на выручку пришел Борис Волинов:

— Из своих тренировок Давыдов сделал вотчину, принимает слишком самостоятельные решения, берет на себя слишком много и стал неуправляемым. Надо призвать его к порядку.

Береговой приподнял брови:

— Все так думают?

— Нет, не все, — в разговор вступает Алексей Леонов. — А Бориса Валентиновича я просил бы придержать свое мнение при себе, когда здесь я, отвечающий за летно-космическую подготовку.

Береговой одобрительно кивнул и все-таки добавил:

— Отчеты нужно писать умно, тонко и грамотно, а за такие нужно наказывать.

Береговой проводил свою линию и искал поддержки, но не в лице Бориса Воынова. Ему в первую очередь нужна была поддержка заместителей, а они молчали. И одобрения от них он не услышал.

— Ну, что будем делать? — Береговой взглядом переходил с лица на лицо. Когда его взгляд остановился на Климукe — начальнике политотдела, тот дипломатично предложил:

— Давайте дадим слово Давыдову. Пусть объяснит сам.

Я поднялся и взглянул на Берегового. В его глазах я неожиданно увидел одобрение и поддержку. Нужно было максимально концентрированно и кратко высказать свои доводы:

— Хотелось бы сначала ответить полковнику Воынову по поводу вотчины из тренировок по выживанию. Он глубоко заблуждается. Это наше общее дело. И если посмотреть приказы по тренировкам, то будет видно, что руководителями тренировок были заместители командира Николаев, Леонов, Попович. И становым хребтом был мой отдел. За безопасность тренировок отвечал я, поэтому и принимал решения самостоятельно. Методики отрабатывал отдел, и проверяли их на себе специалисты отдела, как испытатели. И я вместе с ними. Мы шли на предельно допустимые условия, проверяя на себе правильность наших установок. А во время тренировок космонавтам давали щадящий режим, исключая возможность потери здоровья, но зато позволяющий в натуральных условиях ощутить реальную экстремальную ситуацию. Думаю, что мы поступали правильно, и космонавты верят нам, потому что опыт тренировок уже пригодился при выполнении космических полетов.

Теперь по поводу отчета о тренировках женского экипажа. Любой отчет, как бы хорошо он ни был сделан, можно дорабатывать — что-то исправлять, добавлять. Могут быть не совсем корректные формулировки. Но существо отчета о подготовке женского экипажа к действиям в экстремальных условиях после приводнения остается прежним. Женщины, ослабленные космическим полетом, а мы это знаем, не смогут в штормовом море покинуть спускаемый аппарат в установленное время. Гибель экипажа черным пятном ляжет на нашу космонавтику и затмит славу первого полета Гагарина. Престижа этот полет не добавит, а опозорить может. Я готов доработать отчет, но от выводов не откажусь.

— А я не откажусь от заключения, — решительно добавил Алексей Леонов.

— Есть другие мнения, предложения? — спросил Береговой, глядя на присутствующих.

Поднялся Володя Ковалёнок. Ему легче всего было выступать. В этот момент он уже не был подчиненным Берегового, так как закончил академию Генерального Штаба и получил назначение на высокую должность. На совещании он оказался случайно.

Другая ситуация — иной и разговор.
Г.Т.Береговой и И.В.Давыдов

— Георгий Тимофеевич, вот вы сейчас накажете Давыдова, и он перестанет работать в полную силу, будет работать с оглядкой. Глядя на него также будут работать его подчиненные. Кто от этого проиграет? Космонавты и их подготовка. А тренировки по выживанию позволяют космонавтам проверить себя на стойкость, а главное сработаться в экипаже. Когда ты в экстремуме думаешь о состоянии здоровья и психики своего товарища, больше чем о своем, вот тогда и рождается надежный экипаж. Когда не отворачиваешься брезгливо, видя блюющего собрата, а сочувствуешь и думаешь, как ему помочь, появляется психологическая совместимость. И этому учит Давыдов, кстати сам, прочувствовавший и проверивший все на себе. Наказать дело нехитрое, а вот помочь и поддержать сложнее. Отбить охоту работать проще простого. И я от имени космонавтов поддерживаю «обвиняемого», — с улыбкой добавил Ковалёнок. — Держись, старик, мы тебя поддержим.

Я взглянул на Берегового и увидел, как он одобрительно кивнул на выступление Коваленка, но слова были другими:

— Ты тут из него героя сделал, а его наказывать надо.

Неожиданно для всех и для меня тоже довольно резко поднялся Андриян Николаев. Всегда спокойный и уравновешенный он выглядел чуть взъерошенным. Даже привычка немножко с акцентом растягивать слова ушла из его речи, и он решительно сказал:

— Товарищ, командир! То взыскание, которое Вы определили Давыдову, наложите сначала на меня. Я принимал участие в проведении многих тренировок, верю Давыдову, как специалисту и большому энтузиасту своего дела. Поддерживал и буду поддерживать его.

Береговой с удивлением смотрел на своего первого заместителя. Таким запальчивым он его видел впервые.

Лед тронулся.

— Я тоже готов разделить взыскание с Давыдовым, — вступил в разговор Павел Попович. — Как заместитель по испытаниям и научно-исследовательской работе я считаю, что методики тренировок апробированы и выверены в испытаниях и

экспериментах, научно обоснованы и входят в программу подготовки космонавтов. Неоднократно выступая в качестве руководителя тренировок, я видел с какой любовью и преданностью относится Давыдов и его подчиненные к своему делу. От этого во многом зависит безопасность полетов.

Я, стоя, слушал выступающих и чувствовал, как кровь стучит в висках. Горела и растрескивалась до крови ладонь левой руки от нейродермита, приобретенного после спасательной операции на озере Тенгиз, когда погибали Зудов и Рождественский. Это была реакция на нервные всплески. Тенгиз мне достался дорого, но об этом отдельный рассказ. В голове шумело, появилось чувство изжоги.

— Садись, а то еще подрастешь! — с усмешкой проговорил Береговой.

Я сел, а мысли крутились хмурые: «Неужели Береговой ничего не понял? Неужели ради собственного престижа, или из-за желания сорвать злость за вчерашнее унижение со стороны Глушко он разрядится на мне взысканием?

Но Береговой не торопился. Он смотрел и ждал других высказываний...

— Я свое мнение выразил в отчете и его заключении. Буду отстаивать его на любых уровнях и поддерживать Давыдова. Свою подпись под заключением я снимать не собираюсь. — Леонов повернулся ко мне и улыбнулся:

— У Центра есть свое мнение по поводу полета чисто женского экипажа. Оно обосновано и методически, и научно.

После 307-часовой «корриды» с невесомостью.
Даже таким крепким мужикам, как Олег Макаров и Леонид Кизим
каждый полет (а это уже третий!) дается совсем нелегко.
Экипаж «СоюзаТ-3» (Геннадий Стрекалов где-то рядом) снова на родной земле

21 июля 1975 г.

Приземлились после расстыковки с «Аполлоном»

Алексей Леонов и Валерий Кубасов.

Съемку-отчет о посадке ведет Иосиф Давыдов

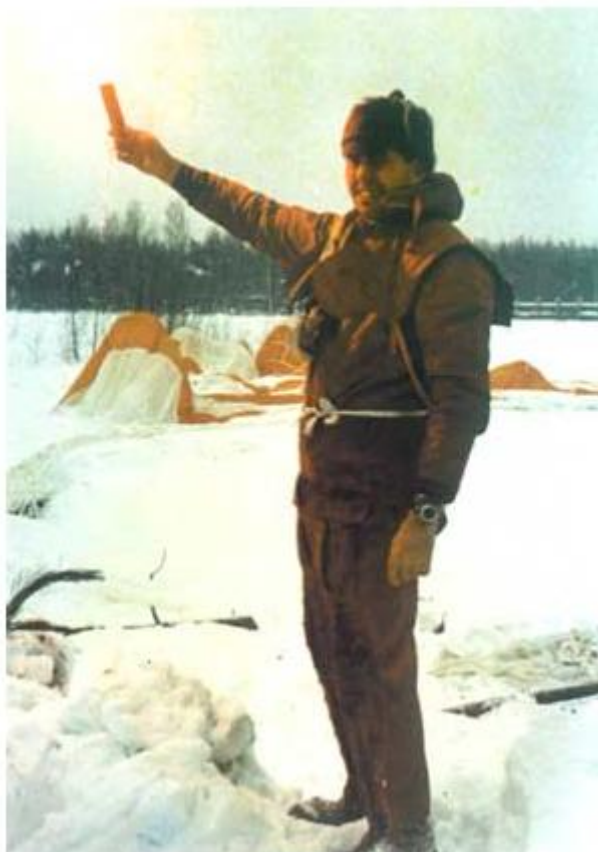
Дипломатично высказался Климук:

— Лично мне во всех полетах подготовка, которую проводил Давыдов, пригодилась для психологической совместимости и взаимопонимания.

Береговой откинулся в кресле, положив руки на стол.

— Мнение всех выслушал. Принимаю решение, — он сделал паузу. Благодарность объявим в другой раз, а отчет нужно подкорректировать...

Только теперь я понял, для чего собрал совещание Береговой. Ему нужно было единство во мнении руководства Центра. Но мне эта «коррида» далась нелегко. После совещания с острым приступом стенокардии я из своего кабинета был доставлен в реанимацию госпиталя Бурденко.

Он уже был Героем Советского Союза,
Героем Великой Отечественной войны,
Заслуженным летчиком-испытателем СССР,
когда начал готовиться к полету в космос.
Этот уникальный человек — Георгий Тимофеевич Береговой,
будущий начальник Центра подготовки космонавтов.
На тренировке по выживанию

Жизнь на нитке троса

Воспоминания о пережитом страхе не могут не вызывать отрицательных эмоций. Если же воспоминание связано со страхом потерять жизнь, то долго думаешь, стоит ли этот факт оставлять на бумаге. Вертолет висел почти над вершинами деревьев, раскачивая кроны и срывая воздушным потоком слабые и сухие ветки высоких елей и поднимая вьюгу из снега и иголок.

Командир вертолета Альберт Каток повис над маленьким просветом в высокоствольном лесу, где на ограниченной площадке копошились люди в космическом снаряжении.

Летчик по радио получил сообщение о том, что с этой площадки нужно произвести эвакуацию человека. Ювелирно работая органами управления вертолетом, Алик Каток сделал зависание так, чтобы лебедка оказалась над проплешиной среди высоких стволов деревьев. Борттехник подцепил кресло к крюку (гаку) лебедки и прицельно стал опускать его в этот зеленый колодец из сосен и елей. Когда кресло коснулось земли, я подтянул его к себе и одел, как одевают брюки. Затем застегнул замок фиксации ремней и отмашкой руки показал, что можно поднимать. Борттехник включил электропривод лебедки, и она потянула меня вверх. В момент отрыва от земли получился рывок, который раскачал меня, и по мере подъема меня начали хлестать концы веток крон деревьев. Одна из веток зацепилась за мою одежду и начала накручиваться на трос, который подтягивал меня к вертолету. Рукой движением вниз я показывал экипажу, что меня нужно опустить, но мои жесты не были поняты, и лебедка тянула меня вверх вместе с веткой, которая к счастью

оборвалась и дала дополнительный рывок, увеличивший раскачку. Но благо, что это уже произошло за вершинами деревьев. Вдруг я почувствовал легкую встряску, пришедшую к моему телу через трос и кресло. За встряской начались короткие рывки, такие, как ощущаешь, когда рвешь в руках крепкие нитки или не тонкую леску. Мне стало понятно, что это рвутся нитки стального троса. Я снова условным жестом показал, что меня нужно опускать. И в тот момент, когда борттехник, поняв меня, включил лебедку на опускание, от меня стремительно стала уходить земля с уменьшающимися по размеру фигурками моих товарищей на площадке подъема. Вертолет набирал высоту. Рывки по тросу продолжались. С каждым таким рывком я понимал, что с лебедкой происходит что-то ненормальное. А тем временем высота увеличивалась, а вместе с ней и угол раскачки. На опущенном на полную длину тросе меня выносило под переднюю сферу кабины пилотов так, что я видел их лица, а затем проносило мимо открытой двери фюзеляжа, где были видны испуганные лица борттехника и бортмеханика. Понимая, что мой возврат к земле с помощью лебедки уже невозможен, они включили ее на подъем.

По мере приближения к вертолету угол раскачки уменьшался, а количество мелких рывков увеличивалось. А вместе с рывками нарастала тревога и страх.

И вот уже совсем рядом лица вертолетчиков. Они руками стараются удержать трос от раскачки. И это им удается. Разворотом кронштейна лебедки они поворачивают меня к себе спиной и усаживают на обрез вертолетной двери. И в этот момент последняя нитка закусенного троса обрывается, и он, распушаясь, как колючая проволока, обрывком повисает на лебедке.

— Везучий ты. Еще мгновение и кранты, — говорит кто-то.

Сижу на кресле и с трудом перевариваю происшедшее. С высоты трехсот метров я упал бы на частокол вершин деревьев.

Пока летели на аэродром Вышнего Волочка, в районе которого мы проводили эти эксперименты по выживанию и по эвакуации из высокоствольного леса, я до конца осознал, каков мог быть финал. Только сейчас подобрался страх, хорошо, что только сейчас. Увидев это по выражению и цвету моего лица, борттехник предложил глотнуть из фляжки и запить водой. Что я и сделал. После этого появилось желание с кем-нибудь объясниться. Командиру экипажа Альберту Катку борттехник успел доложить о происшествии. Когда я сунулся в пилотскую кабину, он повернул ко мне свое добродушное лицо. И хотя в глазах его была тревога, он улыбнулся и протянул мне руку:

— Еще поживем, старина.

— Зачем же ты стал набирать высоту, — возмутился я, подсовывая ему под нос кулак.

— А ты знаешь, лучше уронить тебя было с трехсот метров, чем с тридцати. Меньше мучился бы. А отвечать одинаково, — съюморил Каток.

Чтобы не сорвать дальнейшие эксперименты, мы, сговорившись, не доложили руководству ЦПК о случившемся. Как говорится, эту «ЧеПушку» мы счастливо проехали и продолжали работы после замены лебедки.

Через двое суток вертолет был готов к продолжению работ, и мы с Юрием Тимофеевым пошли в эксперимент с повтором ситуации, которая сложилась после вынужденной посадки в заснеженную тайгу экипажа «Восход-2» Павла Беляева и Алексея Леонова.

В процессе этого эксперимента мы с Юрием отработали рекомендации по выживанию в заснеженной морозной тайге с использованием средств НАЗа и подручных средств на местности. Одновременно мы получили опыт по эвакуации травмированных космонавтов из высокоствольного леса, когда посадка вертолета вблизи невозможна, а обстановка требовала принятия экстренных мер. Наши рекомендации пошли в инструкции Поисково-спасательной службы ВВС.

Кроме того, появились рекомендации в методики подготовки космонавтов. Опыт испытаний и экспериментов дал нам навыки, которые мы перенесли на организацию тренировок с гарантией безопасности. Теперь каждый из космонавтов выполнял по несколько подъемов на борт вертолета в режиме висения из труднодоступной местности: высокоствольного леса, болота и распадков гор и оврагов.

Впереди предстояло провести подобную работу по подъему с воды на борт вертолета.

К концу мая, когда потеплела вода в озерах, в расположении ракетной части ПВО недалеко от Звездного городка, мы решили отработать методику подготовки космонавтов по подъему с водной поверхности в различном космическом снаряжении: в скафандре «Сокол-К» и гидрокombineзоне «Форель».

Одновременно необходимо было выработать рекомендации по эвакуации ослабленных космонавтов с водной акватории с помощью вертолетов ПСС ВВС различных типов: МИ-8, МИ-6 и МИ-14. Кроме МИ-14 ни один из них не был приспособлен для посадки на воду, а стало быть, эвакуацию можно производить только с режима висения.

Соседи-ракетчики приняли нас радушно и всем, чем могли, помогали. Командир полка полковник Аникин живо откликнулся на участие в наших делах. Инженер полка Саша Товарков, начальник штаба Володя Власенко и замполит Семен Дёмочка сделали все от них зависящее, чтобы подготовить нам полигон для испытаний. Ради нас они оборудовали мостки и подступы к озеру, чтобы можно было привезти и опустить на воду спускаемый аппарат. Солдаты полка, помогавшие нам, делали все с удовольствием и от души старались выполнить любое указание и просьбу. Они становились причастны к тому, чем гордилась Родина. Это была трудная, но счастливая пора...

Работу нужно было провести быстро с тем, чтобы успеть к морским испытаниям СА проверить наши методики и подготовить космонавтов к предстоящим полетам.

К нашей работе активно подключились зилоты. Их «Голубые птицы» были своего рода для нас палочкой-выручалочкой. Вместе с нами они проверяли свои машины в различных экстремальных условиях — погодных и климатических.

С помощью «Голубых птиц» мы доставили СА на озеро. Они же являлись главным страхующим звеном, обеспечивающим безопасность испытаний и тренировок.

С момента, когда с благословения Володи Комарова с помощью Алексея Леонова и при поддержке Георгия Берегового начал заниматься проблемами безопасности космического полета на выведении, посадке и после посадки, я взял за правило все, что мог, проверять на собственном опыте, чтобы ни космонавты, ни мои подчиненные не могли мне задать упрекающий вопрос: «А ты сам пробовал?»

Вот и сейчас мне предстояло покинуть СА и подняться с воды на борт вертолета.

Предстояло провести подобную работу по подъему из воды на борт вертолета.

Процедура покидания СА на тихой воде озера не вызвала особых трудностей, а вот когда перед моим лицом закипела вода от лопастей вертолета, я понял, что не так просто поймать гак с отвесом в пять килограммов.

Вертолет снизился над водой, и, заглубив трос с отвесом, как удочку, подводил ко мне крюк (гак), который предстояло закрепить за специальные капроновые петли, расположенные на гидрокостюме «Форель». В этой водной круговерти я никак не мог поймать трос с тем, чтобы из воды за него вытащить крюк. Водная пыль, поднятая вертолетом, слепила и забивала глаза, не давала дышать.

Опытный вертолетчик Николай Климов сделал уже два захода, чтобы «поймать» меня на крюк. Долго висеть он не мог из-за условий работы двигателя над водой.

С подплывшей ко мне страховочной лодки ЛАС-5М, где сидели врач и спасатели, на борт вертолета передали мою просьбу не подводить ко мне крюк на тросе, а накрыть меня воздушным конусом.

Николай Климов мгновенно сообразил, что надо делать. И уже в следующем заходе он повис надо мной и стал опускаться, накрывая меня воздушным потоком, отгоняющим от моего лица брызги и волну. В центре этого воздушного конуса оказался крюк, который я легко зацепил за капроновые петли, и по моей команде отмахом руки борттехник включил лебедку и втянул меня в кабину. Набором статистики занялись мои товарищи: Володя Гайдуков, Юрий Тимофеев, Виктор Комиссаров, Виктор Федоров.

Многочисленные подъемы в гидрокостюме «Форель» и в скафандре «Сокол-К» позволили отработать рекомендации по подготовке космонавтов. После нескольких таких тренировок страх проходил, и появлялось желание повторить их. Мы до того уверовали в безопасность проводимых работ, что без сомнений вслед за испытаниями начали тренировки космонавтов.

И эта уверенность чуть не погубила одного из космонавтов Николая Рукавишникова.

В мерах безопасности было строго сказано, что ни в коем случае нельзя притрагиваться к крюку, пока он не коснется воды, ибо накопленное на поверхности вертолета статическое электричество может сильно ударить или даже убить.

Все это четко усвоили и ждали, когда крюк с грузилом опустится в воду.

Когда на тренировке был Коля Рукавишников, я находился рядом с ним на страховке на плаву. Вертолет завис над нами. Крюк с грузилом на тросе заглубился. Коля подплыл к нему. В это время вертолет дал на несколько метров просадку, и грузило ушло глубже. Коля вытащил крюк из воды, зацепил его за специальные петли и дал отмашку рукой на подъем. Ему и невдомек было, что слабина троса может мертвой петлей затянуть и захлестнуть его.

Когда лебедка потянула Николая, я увидел, что трос оказался на ноге и сползает в промежность. Сейчас вертолет дернет и разрежет гидрокостюм и человека тросом. Но вертолет, слава Богу, не дернул, а лебедка плавно опрокидывала Рукавишникова головой вниз. Я вовремя успел сдернуть с его ноги режущую удавку, но страху натерпелся больше, чем Николай.

С этого момента мы учли такую жестокую возможность в простейшей ситуации покалечить или загубить человека. Устройство крюка было доработано круглым оранжевым поплавком, повышающим внимание и исключаящим заглубление троса. Опыт пришел неожиданно, но вовремя.

На подвеске под вертолетом — И.В.Давыдов

Понимая, что космонавт, оказавшийся на плаву, сильно ослаблен космическим полетом и стрессовой ситуацией после посадки, мы пришли к выводу, что он не сможет поймать трос и зацепить гак за подъемные петли скафандра или гидрокостюма.

Обсудили новый метод эвакуации и тут же приступили к его проверке и набору статистики.

Существо метода сводилось к тому, что не сам спасаемый должен был подводить под себя на плаву спасательное кресло или цеплять за петли на скафандре или гидрокостюме гак (крюк) подъемного устройства, а спустившийся с вертолета прямо на терпящего бедствие подготовленный к этой операции спасатель. Для набора статистики по этому методу в этой работе приняли участие специалисты моего отдела Юрий Тимофеев, Виктор Федоров, Владимир Гайдуков, Михаил Коновалов, Евгений Шустов.

Эффект превысил ожидаемый. Операция по извлечению из воды потерпевшего бедствие в зависимости от применения спасательного устройства (кресла или крюка) занимала от сорока секунд до полутора минут, в то время как ранее применяемый и утвержденный наставлениями и приказами метод не имел норматива по времени. А на практике был рассчитан на случай, если спасаемый был активен и мог сам себе помочь. В противном случае на воду нужно было спускать спасательную лодку с гребцом и врачом, поднимать в лодку спасаемого, и потом проводить эвакуацию уже из лодки.

Поскольку законодательным правом введения новой методики и инструкции обладал Государственный Научно-испытательный институт имени В.П.Чкалова, возникла необходимость доказать это тем его специалистам, которые утвердили уже существующую методику.

Предстояли морские испытания очередной модификации корабля «Союз», в процессе которых появлялась возможность проверить методику спасения с воды вертолетом на глазах у наших оппонентов.

О кулуарной борьбе с доказательством «чей козырь старше?» рассказывать долго и бессмысленно. Спор неожиданно решился сам собой.

Методику спасания с воды вертолетом решил увидеть своими глазами начальник Феодосийского филиала Института имени Чкалова генерал Пресняков Александр Васильевич — Герой Советского Союза, награжденный за мужество, проявленное в годы Великой Отечественной войны.

Это взвешенный, спокойный и решительный человек.

Мы вместе с ним вышли в море на катере. Александр Васильевич, как старший летный начальник, руководил полетами вертолетов, проводящих испытание по подъему с поверхности моря людей, терпящих бедствие, в том числе и космонавтов. Проверялась методика, уже отработанная специалистами его Филиала по самостоятельной эвакуации с воды терпящих бедствие, так и со сброшенных на воду надувных лодок. Проверка методики Центра подготовки космонавтов не предусматривалась. Руководивший испытаниями полковник Гилев Александр Григорьевич, идеолог своей методики, любую другую отвергал.

Однако с его испытателем майором Иваном Юдиным и его дублером капитаном Георгием Назаренко, находившимися на борту вертолета, мы оговорили возможность проведения эксперимента ими лично в том случае, если с катера последует команда выполнять задание по методике № 2.

Эксперименты по первой методике начались сразу при полете вертолетов МИ-8 и МИ-6.

В вихре воды и воздуха, поднятого лопастями вертолетов, зависающих над «терпящими бедствие», испытатели хлебали воду, опрокидывались надувные лодки. По несколько раз вертолеты заходили на одного и того же спасаемого, ибо длительное висение приводило к перегреву двигателей.

Вместе с полковником Гилевым я стоял на мостике рядом с генералом Пресняковым и наблюдал за этой водно-вертолетной круговертью, периодически приводившей к большой мере риска и для тех, кто был в воздухе, и для тех, кто был на воде.

Александр Васильевич начал нервничать и раздражаться, считая, что ошибки в пилотировании допускают летчики. Я предложил ему нашу, уже проверенную методику.

— Яйцо решило учить курицу, — съерничал Гилев. Однако Александр Васильевич мгновенно оценил ситуацию и задал вопрос:

— Что я должен сейчас сделать?

— Дать команду майору Юдину, находящемуся на борту вертолета, выполнять задание номер два, — сказал я.

— Такого задания не было и Юдин выполнять его не будет, — резко оборвал меня полковник Гилев.

— А вот мы сейчас проверим, — улыбнулся генерал Пресняков и потянулся к микрофону. — Я первый. Юдину выполнять задание номер два.

Командир вертолета подтвердил, что Юдин указание Первого понял и готов выполнять его.

Вертолет завис над «терпящим бедствие» и с обреза его двери выглянул Юдин и в спасательном костюме быстро на лебедке опустился к спасаемому. Быстро зафиксировав на его одежде крюк от троса лебедки, он отмахкой руки дал команду на подъем. Сам Юдин остался на воде и поплыл к очередному «терпящему бедствие», а спасаемый через тридцать секунд находился в кабине вертолета.

Все манипуляции по подъему трех человек с воды заняли четыре минуты, а затем и сам Юдин поднялся на вертолет.

— Так кто здесь курица, а кто яйцо?! — не без иронии проговорил генерал Пресняков, с улыбкой глядя в глаза Гилеву.

— Надо еще и еще раз проверить этот метод и быстро внедрить его в Поисково-спасательную службу ВВС. Надеюсь, у вас больше споров не будет. Юдину объявить благодарность, а мы в кубрике отметим удачу сегодняшнего дня, — сказал Пресняков и стал по трапу спускаться с мостика.

Мы последовали за ним...

В дальнейшем метод, отработанный для спасения космонавтов с успехом был проверен Поисково-спасательной службой ВВС для всех терпящих бедствие на воде. И

наверняка многие, оставшиеся в живых люди, даже добрым словом не вспомнили тех, кто прокладывал первыми эту дорогу жизни. Перед ними были те непосредственные исполнители, которые спускались как ангелы-хранители с неба, чтобы увести их от смерти. Я в этом очерке решил вспомнить тех, кто стоял у истоков жизни, которая теплилась в нитках троса спасательной лебедки вертолета, в мужестве испытателей и мастерстве и профессионализме вертолетчиков.

Полет продолжается

Пойдут в космические дали корабли, постоянными спутниками Земли станут орбитальные станции. И в каждой из этих сверхсовременных машин будут частицы труда, доблести и мужества Юрия Гагарина, Владимира Комарова, Георгия Добровольского, Владислава Волкова, Виктора Пацаева. Они будут присутствовать в каждом космическом свершении своих друзей. Их полет продолжается...

**Президент Академии Наук СССР,
трижды Герой Социалистического Труда
академик М.В. Келдыш**

I

С утра размокропогодилось. Низкие плотные облака закрыли рассветное солнце и посыпали землю противной моросью серого холодного дождя. Зябко поеживаясь, летчики один за другим выскакивали из автобуса и, не задерживаясь, пробежали в штаб полка, где расположилась летная комната.

— Эх, только бы полетов не отбили! — глянув на хмурое небо, сказал один из них.

— Кто же в такую погоду летает, Жора? Опять «загорать» весь день будем. Пошли в шахматки сгоняем! — предложил Добровольскому один из его товарищей.

Но в шахматы «гонять» не пришлось. В летной комнате на доске висела карта района полетов, и оперативный дежурный сообщил, что полеты состоятся.

Летчики оживились: слышались веселые голоса, шутки, смех. Все не скрывали радости. Уже целую неделю непогода держала их на земле. Грозы и туманы нагоняли уныние и тоску. Но сегодня, наконец, хмарь пошла на убыль. И вот командир полка поставил задачу: перехватить за облаками рассеянную группу бомбардировщиков «противника», а затем провести учебные стрельбы по наземным целям. По сложным метеоусловиям такая комбинированная задача — не из легких. Но все радовались возможности полетать.

Георгий по лесенке поднялся к кабине, сдвинул фонарь и быстро нырнул внутрь. Заботливый техник чистой ветошью смахнул с его кожанки капли воды и закрыл за ним фонарь. Сквозь стекающие по остеклению кабины полосы воды Георгий видел напряженное лицо техника, его мокрый комбинезон. Добровольский быстро пробежал глазами по приборной доске. Все в порядке: машина готова к вылету. Подняв большой палец, а потом двумя руками изобразив рукопожатие, летчик дал понять, что доволен подготовкой самолета.

Георгий включил зажигание, и двигатель в первый момент протяжно взвыл, а затем быстро вышел на установленный режим. Несколько минут летчик гонял его, убеждаясь в том, что самолет в небе не подведет. Прильнув лицом к стеклу, он показал технику, что можно убирать колодки.

Теперь только тормоза сдерживали движение стреловидной машины. Георгий увеличил тягу, а затем отпустил педаль. Освободившийся от пут истребитель сдвинулся и плавно покотился по рулежке, разбрызгивая колесами лужицы и поднимая двигателем веер воды за хвостовым оперением.

На старте истребитель снова замер. Добровольский дал двигателю взлетный режим. Теперь самолет напоминал стрелу на туго натянутой тетиве. Георгий отпустил тормоз, и

машина сорвавшись с места, стремительно набирая скорость, помчалась по пузырящейся от дождя бетонке. Еще мгновение, и самолет врезался в пелену облаков над аэродромом.

Георгий любил полеты в такую погоду, точнее в непогоду. Истинное удовольствие, даже наслаждение доставляло ему ощущение силы пилотируемой им машины. Еще одна-две минуты, и, разорвав мглу, она вынесет его к чистому голубому небу. А пока внимание и еще раз внимание, ибо, потеряв ориентировку в этом водовороте дождя и тумана, можно перепутать, где верх и низ. Теперь все доверие не собственным ощущениям, а приборам. Еще несколько минут полета, и лобовое стекло посветлело. Воздушный поток смахнул остатки капель дождя. Поредели облака, и в их разрывах появились голубые окна. Георгий отклонил ручку на себя и, прицелив нос своей машины в одно из окон, добавил обороты. Истребитель круто полез из белесого колодца к голубому небу.

Временами ему приходилось врываться в причудливые облачные скалы, рассекал диких животных, которые вставали на его пути из сказочного ада к небесам. Все эти образы, созданные вихрением облаков, легко рисовало его воображение.

Любил он еще в детстве, лежа на берегу моря, наблюдать облака, как появляются и рушатся громады замков и крепостей, как переплетаются в смертельной схватке гигантские чудовища. И теперь каждый раз, пробивая облака, он улыбался своим детским фантазиям.

Георгий отвлекся от приборов. Он видел все разраставшуюся ему навстречу синеву и уверенно вел к ней свой истребитель.

В шлемофоне слышались целеуказания оператора наведения. Истребитель Добровольского приближался к расчетной точке встречи с «противником». Появление перехватчика из клубов облаков было неожиданным для бомбардировщика, и он, не успев осуществить маневр, был схвачен «огнем» фото-кинопулемета, зафиксировавшего победу. Задача выполнена, но впереди еще одна: надо точно выйти на полигон и провести штурм наземных целей. Самолет снабжен полной боевой укладкой снарядов и патронов для пушек и пулеметов, на подвесках — ракеты.

Он круто наклонил машину, и, послушная воле пилота, она вновь устремилась в хаос облаков, из которых вырвалась несколько минут назад. Вот и нижняя кромка облаков. Под истребителем поплыла земля. Георгий скользнул глазами по карте и быстро нашел ориентиры. Самолет находился на боевом курсе. Скоро полигон. Георгий повернул истребитель и приготовился к стрельбе. На полигоне — останки фашистской техники: танки, пушки, самолеты, бронекопья дотов. По ним и нужно стрелять.

Первая цель на пути Добровольского — ржавая громада «тигра». Он нажимает кнопку пуска ракет и с удовольствием отмечает, как они ударили в эту громаду. Несколько проходов над полигоном. Боекомплект израсходован. Полигонная команда по радио сообщает, что самолет с бортовым номером Добровольского отлично выполнил задачу. Георгий ведет свой истребитель к аэродрому. Вниз по прямой ленте бетонных плит автострады бегут кажущиеся игрушечными автомобили. В полях работают люди. Закинув головы, они какое-то время провожают глазами красноразвешенный самолет. Вспугнутое свистом турбины, лениво поднялось на ноги стадо коров, отдыхавшее после водопоя. И ничто не напоминало, что меньше чем десять лет назад здесь прошла война.

Небо Германии... Сколько раз в юности Жора Добровольский мечтал, чтобы тучи над ней превратились в огнедышащие, чтобы испепелили все на этой земле, превратили ее в мертвую пустыню.

— Земля врагов?! — эта мысль не нашла отклика в памяти, хотя в каких-то ее ячейках хорошо сохранились события прошлых лет, жестоких лет. Неся сейчас службу здесь, на этой земле, он многое успел понять, увидеть другими глазами. И шедевры Дрезденской галереи, и печи Бухенвальда.

— Нет, теперь это земля друзей. Земля Карла Маркса и Эрнста Тельмана, Альберта Эйнштейна и Генриха Гейне, Розы Люксембург и Карла Либкнехта, немецких интернационалистов в Испании...

Но ведь было время, когда он люто, всей своей мальчишечьей душой ненавидел эту землю, по которой в парадном строю начинали свой марш дивизии захватчиков, с которой

пришли слова «гестапо» и «эсэсовцы». Ему было за что ненавидеть ее: отсюда пришло нашествие...

Полет продолжается

II

Затемнение погрузило улицы Одессы в густой мрак южной ночи. Корабли Черноморского флота встречали вражеские бомбардировщики шквальным огнем. Небо высвечивалось разрывами снарядов и пулеметными трассами. Когда немецким самолетам не удавалось прорваться к порту, они беспорядочно бросали бомбы на город. Рушились здания, гибли люди.

Войну Жора встретил тринадцатилетним мальчиком

Семьдесят три дня защитники Одессы — бойцы Красной Армии, моряки Черноморского флота и народные ополченцы — отбивали натиск врага.

Однако положение на фронтах было крайне тяжелым. Захватчики угрожали Москве и Ленинграду. Одесский фронт оказался в глубоком вражеском тылу. Верховным Главнокомандованием был отдан приказ об эвакуации войск Одесского оборонительного района в Крым. Защитники города незаметно снялись с позиций и на кораблях ушли в море. Только отряды прикрытия продолжали вести бой, создавая видимость сражения на всем фронте.

Утром фашисты разобрались, что перед ними пустые окопы, но и тогда они не сразу решились вступить в город: ждали подвоха.

В этот день Жоре чудом удалось ускользнуть из дома. Забежал за приятелем. Свистнул. Но вместо Игоря высунулась из окна его мать и велела Жоре немедленно отправиться домой. Хотя идти одному боязно и скучно, но любопытство взяло верх, и Жора подворотнями направился к центру города, чтобы посмотреть на фашистов. На углу одной из улиц застрекотали мотоциклы. Жора затаился в подъезде ближайшего дома и сквозь щель в двери наблюдал. Несколько мотоциклов с колясками появилось из-за массивного углового здания. Автоматчики настороженно вглядывались в пустынную улицу. И вот, когда они почти поравнялись с Жорой, из противоположного дома выскочил моряк в тельняшке с перебинтованной рукой.

— Нате вам, гады, за Одессу! — крикнул он и швырнул в оторопевших гитлеровцев гранату. После взрыва два мотоцикла опрокинулись, и несколько фашистов замерли на мостовой, но живые немедленно открыли огонь из автоматов. Пули ударили в грудь

моряка. Бинты и тельняшка мгновенно пропитались кровью. Моряк сделал еще несколько шагов. Почти в упор разрядил в него автомат подбежавший солдат. Враги подобрали своих раненых и убитых и понесли к подъехавшему грузовику. Некоторое время гитлеровцы стояли над телом моряка, о чем-то переговариваясь. Потом один из них показал на ближайший балкон.

Несколько солдат зашли в подъезд. Было слышно, как они выламывали дверь в какую-то квартиру, потом раздались истошный крик женщины и короткая автоматная очередь. Солдаты вышли на балкон и спустили веревку. Стоявшие внизу накинута петлю на шею моряка, а те, что были наверху, подтянули веревку и завязали ее за перила балкона.

Жора почувствовал, что от ужаса у него онемели ноги, и он не мог ими пошевелить. А по улице тем временем ехали грузовики с солдатами, обгоняя их, мчались мотоциклисты. Жора сполз в подвал и там дождался наступления темноты. Увиденное не только ошеломило, но и ожесточило его. От злости и ненависти сжимались кулаки. Он плакал от бессильной ярости.

Домой добрался почти к полуночи, измученный пережитыми событиями дня. Бледная как полотно, заплаканная мать даже не нашла сил, чтобы отругать его. Она просто обхватила свое дитя за шею и зарыдала. Так в обнимку они и заснули. Матери Жора о виденном им в городе ничего не рассказал и весь следующий день сидел дома, притихший и печальный.

На третий день после прихода фашистов в город с Люсдорфского шоссе поползли черные клубы дыма, неся с собой зловонный запах горелого мяса. «Сиди, сыночек, — в слезах шептала мать, — видишь, что делают супостаты...» И она рассказала Жоре то, что слышала от соседок: согнали фашисты в пустые пороховые склады на Люсдорфском шоссе тьму-тьмущую людей, облили их бензином и подожгли. Вот откуда она, эта черная гарь...

Прибежали соседские ребята, позвали Жору: «Айда с нами! Вчера, слышал, несколько моряков на Нерубайском кладбище насмерть против тыщи фашистов дрались. Сами погибли, но фрицев дохлых целыми грузовиками потом возили...»

Мальчишечье любопытство снова взяло верх над недавно пережитым страхом, и Жора вместе с ребятами опять сновал по городу.

Жора с самых ранних, точнее, школьных лет был влюблен в свой город, в его кипучую жизнь в порту, где постоянно стояли суда, вернувшиеся из дальних походов, неведомых и зовущих таинственностью заморских стран. Теперь порт был безлюден, пирсы захламлены и разбиты авиабомбами, причалы пустынные. И только несколько фашистских кораблей на рейде жерлами пушек уставились на Одессу.

Под вечер, возвращаясь домой, ребята увидели, как по улице на бешеной скорости, шарахаясь от тротуара к тротуару, а порой и заскакивая на него, мчался тяжелый пятнистый грузовик. Немногочисленные прохожие спешили спрятаться в ближайшей подворотне или в подъезде. Пацан лет семи, переходивший улицу, при виде машины метнулся на тротуар. Грузовик погнался за ним. Мальчишка закрыл лицо ладошками и закричал. Грузовик отбросил его буферами и, переехав задним колесом, остановился. Из кабины вылезли двое солдат. Один из них был явно испуган, другой мерзко хохотал. Они подошли к безжизненному телу мальчика.

— Сдох, — удовлетворенно гаркнул по-русски солдат с эсэсовскими нашивками на рукаве, оборачиваясь к нескольким прохожим, в ужасе замершим неподалеку, и полез в кабину. Второй — бледный и хмурый, последовал за ним. Грузовик помчался дальше. Мальчугана подобрали прохожие, а на мостовой осталась лужа крови.

— Собаки! Бешеные собаки! Гады! Их надо уничтожать! — крикнул вдогонку грузовику Жора.

— Попробуй, уничтожь голыми-то руками, — возразил приятель.

— Языки проглотите, салаги! А то по башке получите, — неожиданно раздался голос сзади. Ребята обернулись. Рядом стоял здоровенный парень. Жора сразу узнал его. Это он как-то ночью, во время бомбежки, выхватил у него ведро с песком, чтобы потушить зажигалку.

Не дожидаясь исполнения угрозы, ребята драпанули. Дома Жора предложил Игорю:

— Давай шкodu какую-нибудь фрицам устроим, чтобы меньше разъезжали, а когда оружие достанем, кого-нибудь из них вообще кокнем.

Этим же вечером двое пареньков как тени проскользнули вдоль большой колонны автомашин, стоявших на улице. Убедившись, что охраняет их всего лишь один солдат, ребята шмыгнули в ближайший двор.

— Я им шины попротыкаю, а ты на шухере стой. В случае чего — свистни и тикай, — тихо говорил Жора.

— Давай, только быстрее! — согласился Игорь, боязливо оглядываясь по сторонам.

В дальнем конце колонны запиликала губная гармошка. Это охранник, удобно устроившись на подножке, наигрывал веселую мелодию. Жора, крадучись, шел от машины к машине, осторожным движением прокалывая шилом автомобильные скаты. С легким шипением спускали они воздух, и машины начали медленно оседать. Постепенно Жора приближался к охраннику.

— Дальше не пойду, — решил Жора, когда до солдата оставалось четыре грузовика, и с размаху воткнул шило.

С резким, как выстрел, звуком лопнула камера. Жора со страху присел на мгновение, а потом задал стрелкача. Задворками, перелезая через заборы, удирал он. И хотя погони не было, ему казалось, что вот-вот его настигнут. Прибежал в условленное с товарищем место. В коленках неприятная дрожь. Вскоре появился и Игорь, у которого тоже зуб на зуб не попадал.

— Хо-хо-л-одно что-то, — клацая зубами и заикаясь, говорил он.

Немного успокоившись, начали подтрунивать друг над другом.

— А мне кажется, после того, как лопнула камера, фриц тоже решил, что в него стрельнули, и, наверное, сейчас штаны меняет, — смеялся Жора.

Утром ребята с чердака соседнего дома решили полюбоваться результатами вечерней вылазки.

Фашисты, злобно ругаясь, снимали с грузовиков колеса и клеили камеры. Видно, они куда-то спешили, потому что часто приходили офицеры и кричали на солдат. Спустившись с чердака, проходными дворами друзья двинулись к дому. И вдруг чья-то цепкая и сильная рука схватила Жору. Он даже вскрикнул от боли. Скосил глаза и увидел все того же парня. Рванулся. Но силы явно были неравны. Игоря как ветром сдуло.

— Не рыпайся. Машины — это ваша работа? — спросил парень.

Жора молчал.

— Я отпущу. Только ты сразу не драпай. Поговорить надо, — сказал парень и разжал пальцы. Жора отпрыгнул в сторону, но не убежал.

— Подойди ближе, не буду же я орать на весь двор. Жора приблизился, и парень шепотом начал говорить:

— Про машины я догадался. Это ваших рук дело. Потому хочу доверить тебе тайну. Хочешь нужным людям помочь? Слышал, какие они дела делают? Бьют фашистов, но им помощь нужна. Оружие надо. Сведения об этих гадах нужны: где располагаются, что строят, сколько их приезжает и уезжает, какие у них корабли.

Жора внимательно слушал. Конечно же, он хочет и готов им помогать. Согласился сразу. Парень назвал место, куда приносить оружие и записки со сведениями о врагах, и предупредил:

— Смотри, о нашем разговоре никому ни слова. Даже лучшему другу.

У Жоры были припрятаны патроны и гранаты, которые он стянул с брички полиция, зашедшего в лавку. Через несколько дней, выменяв у ребят еще гранат и патронов, начал их небольшими партиями переправлять в указанное место. Оттуда его приношения регулярно исчезали. Парня он больше не видел, но однажды в условленном месте прочитал написанное мелом: «Молодец!»

В городе почти ежедневно устраивались облавы, повальные обыски. Под видом поисков партизан фашисты врываются в квартиры, грабили людей, отбирая вещи, продовольствие. А после того, как советские подрывники взорвали здание на улице Энгельса, в котором размещался штаб оккупантов, фашисты несколько дней подряд

хватали и вешали всех, кто попадал в облавы. В этот период они уничтожили около двадцати тысяч жителей Одессы.

Кровавым террором фашисты хотели запугать советских людей, ослабить их сопротивление. Но они жестоко просчитались.

В городе продолжали действовать партизанские отряды, диверсионно-разведывательный отряд В.А.Молодцова-Бадаева, подпольный обком партии, который руководил этой борьбой.

Ночные вылазки партизан, убийство офицеров и солдат, пущенные под откос воинские поезда, взорванные железнодорожные линии порождали страх у фашистов. И все новые усилия они направляли на ликвидацию партийного подполья и партизанских отрядов, на ужесточение своего «порядка».

...Конец ноября в Одессе был пасмурным и холодным. Пропахшие порохом тучи низко стелились над землей. Время от времени они сыпались мелким дождем или хлопьями снега, которые пронизывающий ветер швырял в лицо людям. В один из таких дней фашисты гнали через Одессу последних защитников города, сражавшихся до последнего патрона. В изорванных тельняшках, полуголые, в окровавленных бинтах шли босиком по булыжной мостовой моряки. По бокам этой колонны вышагивали с автоматами наперевес конвоиры с собаками. Даже израненные моряки были страшны врагам, и они связали их ржавой проволокой, которая впивалась в тело.

Жора и Игорь стояли на тротуаре. На лицах мальчишек было столько страдания, что один из моряков крикнул:

— Не горюйте, хлопчики! Запоминайте. Скоро придет время: передадим мы эту мерзость, чтоб по Одессе нашей не ходила!

Один из конвоиров ударил моряка прикладом по спине. Он покачнулся, но не упал, а сильно закашлялся, и на губах появилась кровь.

Много, ах как много боли и обиды скопилось в сердцах мальчишек! Жгучее чувство мести не давало им покоя, и они наперебой высказывали друг другу мысли о том, как бы покарали Гитлера и всех фашистов. До Гитлера было далеко, но вот одного из врагов они заприметили. Он частенько ездил на велосипеде мимо кладбища, где в полуразрушенном склепе мальчишки собирались, чтобы обсудить план возмездия.

Ездил он уверенно, без опаски. Винтовка висела за спиной, он насвистывал веселые песенки. Настроение у него было радостное, так как он ездил к женщине, которая радушно принимала врага. Для начала мальчишки решили отомстить ей и на калитке написали: «Здесь живет продажная немецкая овчарка».

Но это не возымело должного действия. Немец продолжал приезжать. Весь его наглый, самодовольный вид и открытая веселость бесили мальчишек. Была у них граната, но бросить ее в фашиста они не решались, потому что на взрыв прибегут другие, да и не было уверенности, что граната не убьет их самих. И тогда решили сделать все тихо. Для репетиции соорудили из мешка, набитого соломой, чучело. Притащили его на то место, где ездил гитлеровец, и проверили возможность неожиданного нападения. Договорились о времени.

И вот настал день мести. Жора и Игорь сидели в засаде. Они издали услышали скрип педалей велосипеда и веселую мелодию, которую насвистывал немец. Вскоре над забором появилась его пилотка с фашистской эмблемой. Руки Жоры судорожно сжимали лом. Чем ближе враг, тем сильнее и чаще стучит сердце. Жоре даже казалось, что немец услышал его стук и прекратил насвистывать свою песенку. Еще мгновение — и он, повернув за угол, увидит мальчишек. Жора выскочил навстречу фашисту и что было сил ударил ломом по голове. Немец тяжело рухнул на землю, а рядом со скрежетом и лязгом, упал велосипед. Друзья не оглядываясь, бросились наутек. Бежали долго.

— Хватить драпать! Никто не гонится, — остановил друга Жора. Его всего трясло мелкой противной дрожью. Одной гадиной меньше стало. Это им за моряков.

— Надо еще выслеживать и давить их, — подтвердил такой же трясущийся Игорь.

И хотя словами друзья старались поддержать друг друга, но пережитые события долго еще не давали успокоиться.

Домой вернулись поздно. Мать бранилась. И от этой брани становилось как-то спокойнее на душе. Ночью снились кошмары, а утро приносило облегчение и радость. Радость от того, что уничтожили врага, который больше не будет стрелять ни в красноармейцев на фронте, ни в людей на улицах Одессы.

— У меня такое чувство, — говорил Игорь Жоре, — будто мы убили страшную ядовитую змею, которая могла укусить нас или наших родных.

Первая победа вселила уверенность, и они уже стали строить планы, как подорвать целую машину с солдатами.

...Однажды Жора принес в условленное место добытые патроны, но увидел, что ранее положенное в тайник еще не взято. Несколько дней ходил и проверял, но перемен не было: патроны никто не брал.

Как-то на обратном пути он увидел Игоря, с которым уже долгое время не встречался. Друг отвел его в сторону и спросил:

— Помнишь парня, что тебя тогда захомутал?

Жора утвердительно кивнул.

— Видел я его сегодня.

— Где, где? — торопливо спросил Жора.

— На Греческой площади. Привели его фашисты вешать. Побитый весь, еле на ногах держался. На груди фанера и написано: «Бандит. Диверсант». Так он, пока еще на ящик втаскивали, кричал фрицам: «Всех вас, гадов, перебьем! Придет Красная Армия, освободит Одессу!» А потом петлю надели и ящик выбили... Герой он, оказывается, а мы думали — полицей.

Жора был ошеломлен, и приятель это заметил.

— Ты что, Жорка, знал его? — допытывался он. Но так и не дождался ответа.

Ночью Жоре приснился парень, но был он живым и с красным знаменем бежал к тюрьме спасать беззащитных людей...

Голод и холод заставляли бегать по городу возмужавшего за два года гитлеровской оккупации паренька. Нужно было помочь матери прокормиться и обогреться. Все, что можно выменять или продать, было использовано. Временами помогала тетка. Тяжело приходилось...

Жизнь в городе с каждым днем становилась все более опасной. После Сталинграда оккупанты начали лютовать пуще прежнего, а после разгрома на Курской дуге просто озверели: каждодневные облавы заканчивались массовыми расстрелами за городом, по улицам разъезжали душегубки. Но ни одна из уцелевших подпольных групп не прекратила своей деятельности. Подпольщики издавали патриотические листовки, в которых призывали народ к борьбе с врагом, уничтожали живую силу оккупантов, выводили из строя их технику, руководили саботажем на предприятиях.

Все чаще и чаще появлялись над Одессой красnozвездные самолеты. Объектами бомбардировок были порт и вокзал, через которые фашисты подвозили войска и вывозили награбленное.

Приближалось седьмое ноября 1943 года. Жора чувствовал, что это событие не должно пройти бесследно: живы Одесское подполье, катакомбы, они дадут знать о себе. И он искал с ними связи.

Канун праздников... Подпольщики с огромным воодушевлением встретили весть об освобождении Киева. В ночь с 6 на 7 ноября 1943 года в оккупированной Одессе над Успенским собором, на колокольне церкви на Пушкинской улице взвились красные знамена.

Полет продолжается

III

За гибель моряков, за угнанных в Германию парней и девушек, за расстрелянных стариков и женщин Жора твердо решил отомстить — непременно убить эсэсовского офицера. Ему было известно, что фашисты с нашивками «СС» на мундирах отличаются

особой жестокостью. Там, где совершались наиболее зверские казни и насилие, всегда были солдаты и офицеры с этой эмблемой смерти: череп и кости. Про себя он думал, что если каждый советский человек, даже ценой своей жизни, уничтожит хотя бы одного фашиста, то их не останется на нашей земле.

Теперь он не расставался с пистолетом системы «беретта», снабженным полной обоймой. Пистолет подарила ему соседская девушка Марина. Откуда она его взяла — одному богу известно было. Об этом Жора не рассказал даже закадычному другу, хорошо понимая, что привлекать безоружного Игоря к охоте на эсэсовца очень опасно. Он считал, что после выстрелов ему одному убежать будет легче.

Перед Днем Красной Армии в феврале 1944 года Жора направился в намеченное для засады место, но по дороге попал в облаву. Район был оцеплен. Жора попытался выскочить из мышеловки: знал все проходные дворы. Патрули преследовали. Он пожалел выбросить пистолет и патроны. Сзади слышались свистки. Жора нырнул в спасительную подворотню, но споткнулся о подножку притаившегося агента гестапо. В следующее мгновение сомкнулись на его запястьях наручники. Обнаружив при обыске пистолет, гестаповцы стали избивать Жору: повалили, пинали ногами. Подбежали патрули. Переговорив между собой, они толкнули его к стене и вскинули автоматы. Сейчас прогремят выстрелы. Жора, преодолевая боль от ударов по животу разогнулся и приготовился к самому худшему.

Тут подошел кто-то в гражданском, что-то сказал, и солдаты опустили оружие. Избивая на ходу, Жору подтащили к машине, набитой захваченными во время облавы людьми, оглушив прикладом, его швырнули, как мешок, в кузов.

Очнулся в тюрьме. Повели на допрос. Там снова били жгутами из резины и проволоки. Пытались выяснить сообщников. Жора молчал. Соседи по камере помогали залечивать раны от побоев. Через несколько дней Жору повели на суд. Острые ребра наручников врезались в запястья, и при каждом движении рук раны болели.

Суда фактически не было. Зачитали приговор: ввиду несовершеннолетия вместо расстрела приговорен к двадцати пяти годам каторжной тюрьмы. Из выходившего во время оккупации в Одессе фашистского листка «Молва» Мария Алексеевна узнала о судьбе сына.

»Добровольский Георгий из Одессы (Ближние Мельницы, Пишенин переулок, дом 5). Приговорен к 25 годам каторжных работ за хранение револьвера (система «Беретта»). Револьвер был в пригодном для действия состоянии».

После вынесения приговора каторжан начали гонять на работу. Мысль о побеге пришлось оставить, потому что водили и возили их под усиленным конвоем и солдаты стреляли без предупреждения. К тому же каторжный труд землекопов на полугодном пайке отнимал последние силы. Люди едва добирались до нар, чтобы забыться тревожным и тяжелым сном. В камере было сыро. Тусклый свет небольшой лампочки освещал измученные лица. Одному из заключенных на допросе отбили легкие. Он харкал кровью и на глазах сгорал от чахотки. Вскоре он не смог ходить на работу, и его унесли. Его судьба была всем понятна.

Мария Алексеевна, как могла, старалась помочь сыну. Сама, не доедая, собирала по крохам кое-какие посылочки ему, но чаще всего ее передачи не доходили до Жоры. Он быстро слабел. Выручали собратья по неволе. Они делились тем немногим, что имели сами, поддерживали едой, где-то раздобыли старый свитер и рваную телогрейку, которые спасали истощенного паренька от промозглых февральских ветров. Вот тогда-то Жора впервые узнал цену товариществу. Только сообща можно было выжить в таких нечеловеческих условиях.

Уже много дней Жора не видел матери и ничем не мог успокоить ее. Он хорошо понимал, как ей сейчас тяжело. Собственное бессилие угнетало.

Много передумал, беспокойно ворочаясь на сырых нарах. Да, пожалуй, он был единственной радостью в жизни мамы, Марии Алексеевны. Случилось так, что она одна осталась с двухлетним сынишкой на руках и всю свою нежность и ласку отдавала только ему. Припоминал, как в редкие часы, свободные от работы и домашних забот, она рассказывала ему сказки, водила к морю.

Он любил, когда мать после трудового дня, подстелив под себя рядно, присаживалась на берегу отдохнуть, а ему позволяла играть с прибором. Видно, уже с тех лет пробудилась в нем неистребимая жажда простора, которую порождает необозримая синева.

Он часто спрашивал об отце. Мать объясняла, что отец уехал выполнять трудную и опасную работу, а поэтому вернется не скоро. Тимофей Трофимович Добровольский, чекист, находился на боевом посту. О сложных взаимоотношениях отца и матери Жора со временем узнал от товарищей и перестал мучить ее вопросами. Он старался быть внимательным, чтобы хоть как-то облегчить и скрасить ее жизнь. Мать была ему другом.

Однажды он явился с большой шишкой на лбу. На вопрос матери хмуро ответил:

— В воду неудачно сиганул, о дно ушибся.

Матери соседских ребят уже не раз жаловались Марии Алексеевне, что Жора заманивает мальчишек прыгать со скал.

Ощущение полета у него всегда вызывало неопишное чувство восторга. Вот и сегодня кто-то из ребят показал ему выступ на скале, с которого никто пока не рисковал прыгать. Прямо под выступом — мелководье, и лишь метрах в пяти от берега — впадина, в которой дно не просматривается...

Жора разбежался и несколько секунд ласточкой летел в воздухе, а потом, скользя по воде, не долетев до впадины с полметра, проехался лбом по жесткому песчаному дну. На какое-то мгновение в глазах потемнело, потом радужный свет заполнил все вокруг. Выскочил из-под воды, глотнул воздух.

— Ну что, Жорка, больше сигать не будешь? Охоту, небось, отбило? — ехидно смеясь, выкрикнул кто-то из ребят.

— Буду, — выдохнул Жора, по уступам взбираясь на скалу к ребятам.

— Брось ты это, — посоветовал один из пацанов, — высота-то какая, ужас! Разбиться ведь можно!

Нет, теперь Жора доказывал уже не ребятам, а себе. Отступить — значит струсить. Он должен подавить чувство страха, которое вселяла эта скала ребятам, а теперь после прыжка, и ему. Разбег — и Жора прыгнул не в воду, а в небо. Секунду длился полет, но за это время он успел увидеть голубизну небосклона на линии горизонта, переходящую в синь моря. «Долетел», — мелькнуло в голове, и он юркнул во впадину, подняв небольшой водяной фонтан. Несколько рывков — и он на поверхности. Отдышался. Страх побежден. Еще пара прыжков — и другие мальчишки тоже осмелели.

Возвращаясь с моря домой, Жора думал, как объясниться с матерью. И вот объяснение произошло:

— Тебе себя не жалко, так меня хоть пожалей! Ведь ты у меня один. Да и от людей совестно жалобы слышать, что их мальчишек дурному учишь, — сердито говорила мать.

— Дурному я их не учу. Я их от страха отучаю.

Он от души не желал доставлять матери лишних хлопот. Чтобы не приходилось ей выслушивать лишний раз жалоб учителей, Жора старался лучше учиться и не шалить. Да и время-то было такое, что мальчишки серьезнели и мужали быстро.

Тревожное было время. С теплоходов, приходивших из борющейся Республиканской Испании, снимали на носилках раненых детей. Среди них были и испанские пионеры...

Они сходили на берег с подвязанными руками, на костылях, с забинтованными головами. И не верилось, не хотелось верить ребятам из солнечной Одессы, что где-то за морем убивают и калечат людей.

Тепло встречали одесситы раненых испанцев и бойцов интернациональных бригад. Радость встречающих, музыка оркестров, цветы и радушие возвращали улыбки на сумрачные лица испанских детей.

Во время одной из таких встреч Жора подошел к пареньку-испанцу, повязал ему свой алый галстук и приколот к рубашке значок с изображением Ленина. Мальчик приветливо улыбался и что-то живо говорил на своем языке. Жора не понимал. Тогда испанец снял с головы голубую пилотку с алыми кисточками и надел ее Жоре, жестами показывая, что это подарок.

Мальчишки с соседних улиц приходили посмотреть и погладить пилотку. Ведь она была на настоящей войне, и невдомек было детворе, что скоро, уже очень скоро страшная беда ворвется и в наш дом, многих обездолит, сделает кого сиротами, кого калеками.

...1939 год. Радио и газеты сообщали о боях на наших дальневосточных границах, на Халхин-Голе и озере Хасан. В санаториях города появились военные, прибывшие на отдых после лечения в госпиталях. И большая жестокая война на гусеницах немецких танков уже неумолимо подкатывалась к нашим западным границам.

Героическими усилиями бойцы интернациональных бригад, в том числе и наши летчики, пытались задержать движение коричневой чумы... И все-таки она ворвалась в нашу страну, ворвалась в Одессу.

...И вот Жора, здесь в сыром подвале. Болят руки, ноги, ломит все тело. А каково там ей, его маме. Кто ее успокоит, поможет кто? Мучительные раздумья отгоняли сон, и только на рассвете, когда нужно было подниматься на работу, одолевала дрема.

А Мария Алексеевна в который раз помногу часов простаивала в толпе других матерей у тюрьмы, чтобы узнать судьбу своего ребенка, чтобы хоть одним глазом увидеть его. Ведь каждый день, каждый час смерть может оборвать его жизнь.

Однажды ей повезло. Ворота тюрьмы открылись, и из них выехал крытый грузовик. Следом за ним два мотоцикла с пулеметами в колясках. В грузовике — заключенные...

— Мама, мамочка! — услышала Мария Алексеевна родной голос Жорика. Она метнулась к грузовику — там сын... Он сидел на задней скамейке в рваной телогрейке, приподняв руки, и мать увидела наручники, охватившие детские запястья. Мария Алексеевна побежала за набиравшей ход машиной, чтобы как можно дольше видеть сына.

— Мамочка, не беспокойся. Все будет хорошо. Я вернусь! — крикнул Жора.

— Сынок, сынок, сыночек!.. — с отчаянием звала мать, продолжая бежать. Она видела побледневшее, осунувшееся лицо сына. Споткнувшись, с криком упала на булыжную мостовую, проползла несколько метров по грязи и, судорожно рыдая приподнялась на колени. Она смотрела вслед удалявшемуся грузовику. Сердце Жоры разрывалось от страданий.

...Много лет спустя, вспоминая свою встречу с матерью у ворот тюрьмы, Георгий Добровольский говорил, что ничего более страшного в своей жизни он не видел, что долго ночами ему являлась во сне мать, распростертая на дороге, а в ушах стоял ее отчаянный крик...

С этого дня побег стал его единственной целью. Он хотел увидеть свою исстрадавшуюся мать, утереть слезы на ее лице, погладить добрые родные руки. Каждую ночь он мысленно совершал побег: полз в темноте через тюремный двор, а потом, оказавшись на свободе, бежал, бежал... И от этого, забываясь в коротком сне, начинал тяжело дышать, кричать. Соседи по камере будили его.

С воли в тюрьму проникали радостные вести: Красная Армия громит захватчиков и приближается к Одессе. Об этом можно было судить и по поведению оккупантов. Они все чаще пускали в ход оружие, расстреливали заключенных за малейшую провинность. Массовые расстрелы стали ежедневными. Жандармы группами выводили заключенных из тюрьмы на казнь. Однажды тюремную ночь вдруг всколыхнула песня комсомольцев-подпольщиков, но автоматные очереди оборвали молодые голоса.

Слухи о наступлении советских войск, об эвакуации захватчиков росли и ширились. Оккупанты, готовясь к бегству, грабили город, стараясь вывезти все, что только можно. Тюремщики тоже искали путей к наживе и ничем не гнушались. Родственникам группы заключенных удалось за несколько золотых колец да кое-какие позолоченные побрякушки подкупить тюремщика. Вместе с этой группой 19 марта 1944 года удалось бежать и Добровольскому.

За стенами тюрьмы Жора попал в объятия материного брата дяди Володи, который и устроил этот побег. Он быстро потащил племянника за угол, где уже ждал извозчик, втокнул в фургон. Дядя спрятал Жорика у знакомых на окраине города. Вскоре сюда пришла и мать. В изорванной фуфайке, исхудавшего и побледневшего, увидела она своего сына. Прижав к груди его голову, плакала, плакала от счастья.

— Ну, успокойся, мамочка. Ведь все кончилось хорошо, — уговаривал Жора, вытирая слезы на лице матери. Она увидела гноящиеся рубцы от наручников. Ее родные, огрубевшие от тяжелой работы руки быстро нашли йод, бинты, нежно смазали и забинтовали запястья.

Никогда весна не пьянила его так, как в этот раз. В Одессу она ворвалась шумно, ярко, заливая солнцем и теплом небо, море, людей. Вместе с весной в город шло освобождение. В результате обходного маневра конно-механизированных соединений, фронтальной атаки пехоты и танков, а также активных действий партизан, утром 10 апреля 1944 года Одесса была полностью освобождена от фашистских войск.

Бросили якоря и встали в порту на внешнем рейде корабли Черноморского флота, еще вчера громившие вражеские укрепления и топившие фашистов в открытом море. После короткой передышки, пополнив запасы снарядов и горючего, они снова двинутся в поход к берегам Румынии и Болгарии.

А через город непрерывным потоком все шли и шли на Запад машины вслед за бегущими фашистскими армиями.

На призывные пункты потянулись подросшие за годы оккупации мальчишки, избежавшие угона в фашистскую Германию. Сюда же пришли попытать счастья не достигшие призывного возраста Игорь и Жора. Парни они были рослые, но на военкома это не произвело особого впечатления. Он посоветовал не мешать ему и идти учиться в школу. Ребят такой поворот событий не устраивал. Они настырничали, требовали, чтобы их взяли в армию. Уставший от многих забот, военком убеждал, убеждал и, наконец, рассвирепел не на шутку. Он демонстративно стал расстегивать широкий армейский ремень. Пришлось ретироваться.

— Слушай, Жорка! А давай сами, втихаря, возьмем, да и тиканем на фронт. Оттуда-то нас уже никто не выгонит. А там глядишь, и в Берлин попадем, посмотрим, как Гитлера и других фашистских главарей казнить будут, — размечтался Игорь.

Предложение товарища Жоре понравилось, и они стали готовиться. Выменяли и сложили в котомку буханку хлеба, щепоть соли и банку румынских мясных консервов. Оставив родным записки, что вернутся после победы, отправились на вокзал. Они подходили к теплушкам и просили взять на фронт, но никто не принимал их всерьез, просьбы их успеха не имели. Тогда они решили действовать самостоятельно. Незаметно забрались на крышу вагона. Чтобы не свалиться во время движения поезда, обвязались веревкой, а свободный ее конец привязали к выступающей вентиляционной трубе. Изрядно продрогшие в своих старых телогрейках, голодные и холодные, утром следующего дня прибыли на станцию, где, видимо, всего несколько дней назад проходили бои. Дальше поезд не шел. Пришлось слезать.

Свой небогатый провиант они давно съели, и потому едва уловимый запах гречневой каши с тушенкой приманил их. Ведомые этим запахом, они забрели в расположение полевого госпиталя. У походной кухни сутился широкоплечий пожилой мужчина в тельняшке. Двое раненых помогали ему подносить нарубленные дрова, сваленные в кучу неподалеку. Подхватывая по одному полену забинтованными руками, они приносили их и укладывали у топки. Повар в тельняшке подбрасывал поленья в огонь, который очень быстро их пожирал. Игорь и Жора подошли и остановились в нескольких метрах от кухни. Повар заметил ребят и сварливо закричал:

— Ну, чего уставились, битюги! Раненые таскают, а они смотрят!

Окрик сработал как команда. Ребята быстро перетаскали поленья к кухне. Оставались только неразрубленные чурбаки, в один из которых был воткнут топор. Повар не спеша помешивал кашу, и от запаха ее у Жоры аж в глазах темнело: так хотелось есть.

— Может и чурбаны порубать?! — предложил Игорь.

— А то как же?! — удивился повар, будто это самой собой разумелось.

Ребята по очереди кололи чурбаны и таскали дрова поближе к печке. Возле нее они стали укладывать поленницу. За работой почти забыли про еду, но когда после некоторого сопротивления развалился под топором последний чурбан, мальчишки вдруг снова почувствовали острый приступ голода.

— А ну, подходи сюда, хлопцы! — уже вполне дружелюбно позвал повар. Два наполненных ароматной кашей котелка с торчащими из них ложками стояли на траве.

— Смотрите, не торопитесь, а то рты пообжигаете, — сказал повар, показывая на котелки. Мальчишки мигом уселись на траву. Усиленно дуя на ложки с кашей, они одну за другой поглощали их с неимоверной скоростью. Солдаты не приставали с расспросами, сочувственно смотрели, как два тощих паренька жадно уплетали содержимое котелков.

— Изголодались, шельмецы! Во, как трескают! — радовался повар.

— Да, я такую вкусную кашу в первый раз в жизни ем, — с трудом переводя дух, выдохнул Жора, облизывая губы. Повар многозначительно оглядел раненных бойцов. Знайте, мол, как вас кормят! А мальчишкам добавил еще по черпаку в котелки. От сытной горячей пищи слабый румянец проступил на щеках. Сон смыкал веки, и они, приткнувшись друг к другу, заснули тут же на траве.

Из палаток, позвякивая котелками, тянулись к кухне раненые, кто, постанывая от боли, кто весело переговариваясь. Но, увидев спящих мальчишек, все старались не шуметь.

— Та, их сейчас пушкой не разбудишь, — сказал молодой солдат и в подтверждение своих слов нарочно стукнул ложкой по котелку над ухом у ребят. Те испуганно подпрыгнули.

— Спите, хлопчики, спите, — снова уложил ребят повар. — А тебя вот сейчас половником по башке огрею, будешь знать, — пригрозил он неудачливому экспериментатору.

Усталость от длинной дороги, физической работы и плотная пища сделали свое дело: мальчишки снова повалились на траву и засопели, спросонья что-то бормоча. Проспали до вечера. Повар успел за это время накормить всех раненых обедом и начал готовить ужин. Проснулись ребята от дружного залпа тяжелых гаубиц, расположившихся в нескольких километрах отсюда. И сразу загрохотало далеко впереди, там где был фронт. Это началась артподготовка.

Канонада длилась около часа, а потом так же внезапно смолкла, как и началась.

— Опять наши в наступление пошли, — пояснил повар. — Ну что, выспались? — Мальчишки согласно кивнули.

— Откуда ж вас сюда черт занес, а?

— С Одессы мы, дядько! — ответил Игорь.

— А по каким таким делам? — удивился повар.

— Фашистов хотим помогать бить! — горячо воскликнул Жора.

— Ишь, чего надумали, пострелы, — воевать им захотелось! Учиться надо, а не воевать! Теперь уж и без вас как-нибудь фрицев добьем. Вона, как драпают! Домой вам надо, вот что! Матери-то, поди, с ума там сходят. Дело себе, вишь, какое нашли — фрицев бить!

— А что? — Его вот, — указывая на Жору, заговорил Игорь, — сперва расстрелять хотели, а потом передумали и на двадцать пять лет каторги решили упечь. Так он с тюрьмы-то сбежал и теперь гадам отомстить за все хочет.

Глаза повара округлились от удивления, да и остальные бойцы, услышав слова Игоря, с интересом слушали. Они знали о зверствах в гестаповских застенках, но видеть живого человека, побывавшего в их лапах, не многим приходилось.

— Расскажи, хлопец, как было? Что они с людьми-то там делают? — наперебой расспрашивали солдаты.

— Что рассказывать-то? Плохо там было, страшно. Людей жуть как мордовали, и почти каждую ночь кого-нибудь на расстрел уводили, — хмуро глядя на Игоря, проговорил Жора. Воспоминания явно не доставляли ему удовольствия. Солдаты это поняли и прекратили расспросы.

— А на фронте вам все равно делать нечего. Есть кому с фашистами посчитаться. Сегодня у нас в палатке переночуете, а завтра — домой. И так матерям горя хватает. И не думайте драпать. А то дам команду, вас все равно найдут, да еще и всыпят по первое число. Поняли? — Слова принадлежали молодому майору-танкисту с забинтованными ногами. Уже более спокойно он добавил:

— Надеюсь, меня не заставите на костылях вас бегать искать?

Это был, пожалуй, самый веский довод — подвести человека, раненого в боях, они, конечно же, не могли и покорно поплелись к палатке. Утром за ранеными пришла машина для отправки их в тыловой госпиталь. Среди них был и майор-танкист. Майор настоял, чтобы мальчишек тоже взяли. По его просьбе их посадили на санитарный поезд, направлявшийся в Одессу. Когда прибыли в город, танкист при прощании взял с них слово, что они будут навещать его в госпитале. Это был якорь, на который он их прочно посадил.

Вернувшись домой, Жора не узнал мать. Она сильно осунулась и как-то сразу постарела. В волосах появилась густая седина. Сколько же боли доставил он самому дорогому человеку! Боль и усталость этих дней так навсегда и осталась в глазах матери Жоры Добровольского.

Мать не ругала его. Она просто сидела, опустошенная переживаниями этих страшных для нее дней и ошеломленная радостью встречи. Жора это видел и не находил себе места от угрызений совести. Он дал себе слово, что больше никогда не будет огорчать мать.

Мать работала. Ей, как и всем работающим, выдавали карточки, но по ним давали мало продуктов, их совсем не хватало для Жориного растущего организма. Жора прекрасно видел, как мать всячески старалась подсунуть ему лишний кусок, выкраивая из своего скудного пайка, и строго следил, чтобы этого не происходило, разоблачая ее маленькие хитрости.

Как говорится, голь на выдумки хитра. Найти оружие или взрывчатку в те годы было довольно просто. Оказалось, что гранаты могли сослужить хорошую службу при добывании рыбы — ими можно было ее глушить. Несколько раз Жора приносил домой довольно богатый улов. Мать готовила рыбу, конечно, не зная, как эта рыба добывалась, а то ни за что не пустила бы сына на этот страшный промысел. Одни гранаты проблемы кормежки решить не могли. Когда они кончились, пришлось искать новый способ добывания рыбы. И вскоре он был найден. Мальчишки как-то пронюхали, что в море, недалеко от берега, лежала затонувшая немецкая баржа со снарядами. Достать их из трюмов было непросто. Те снаряды, что находились поближе, перетаскали быстро. А в глубь трюмов нырять боялись: можно было заблудиться и не найти дорогу назад. А без воздуха-то долго под водой не посидишь. Кто-то предложил привязывать к руке ныряльщика веревку, и когда тот возьмет снаряд и дернет за нее, вытаскивать его наверх. Способ опробовали и утвердили. Работа закипела. За короткий срок десятки снарядов были вытащены на берег. Мальчишки постарше и поопытнее научились их разряжать. Нашли где-то ящик с запалами и детонаторами. Взрывчатку от снарядов закладывали в консервную банку, туда же вставляли детонатор с коротким концом бикфордова шнура.

Задача сводилась к следующему. Нужно было, обнаружив косяк рыбы у берега, быстро зажечь бикфордов шнур и швырнуть банку. После взрыва собирать улов. Одна такая рыбалка чуть было не кончилась трагически. Жора с приятелем брели по берегу, выслеживая косяк кефали, играющей у камней. Блестящая чешуя искрилась на солнце через толщу воды. Жора приготовил банку. Чиркнула спичка и струйка огня побежала по шнуру к детонатору. Но в это время косяк рыбы что-то спугнуло, и он стремительно умчался в море. Все произошло так неожиданно и быстро, что Жора на мгновение растерялся. Пропадал заряд, добытый с таким трудом. Жора все никак не мог решиться расстаться с ним. Еще секунда, и банка рванула бы у него в руках. Товарищ резко выбил ее и на лету поддал ногой, крикнув: «Жорка, ложись!»

Взрыв произошел в воздухе. На мальчишек дохнуло жаром, оглушило, но, к счастью, ни один осколок не попал в них. Спас выступ скалы, с которой они готовились бросить банку. Случай этот напугал, но ребята не отказались от такого способа ловли. Появились опыт и осторожность. Шнур теперь закрепляли с подстраховкой, так, чтобы, в крайнем случае, можно было выдернуть его.

Первый год после освобождения был трудным не только в отношении пропитания, но и в отношении учебы в школе. Приходилось наверстывать то, что было пропущено в годы оккупации. А догонять не просто, да и чуть-чуть неловко, ведь в классе с ним теперь учились дети много моложе, а числиться в переростках было не очень приятно. Но матери

очень хотелось, чтобы сын закончил школу. И сын старался изо всех сил. Однако, нет-нет, да и мелькнет мысль пойти туда, где училось большинство его сверстников — в ремесленное или мореходку.

Прошел год. Наша армия стремительно приближалась к Берлину. Из сводок Совинформбюро было видно, что война подошла к завершению. И все-таки день победы пришел как-то неожиданно. На рассвете девятого мая жители Одессы проснулись от грохота артиллерийской канонады. Все выскочили на улицу. Из громкоговорителей, установленных на улицах, знакомый голос Левитана сообщил долгожданную весть — Победа! Победа! Люди плакали, смеялись, целовали и обнимали друг друга. Воздух вздрагивал от выстрелов тяжелых пушек. Это боевые корабли на рейде салютовали Победе. Военные, у которых было при себе оружие, тоже палили в воздух. От этой стрельбы, от грохота пушек никому не было страшно. А вечером в небо взлетели разноцветные ракеты, которые вместе с прожекторами подсвечивали флаги на боевых кораблях. Город вместе с кораблями сиял тысячами огней. Одесса праздновала Победу. Жора и Игорь пришли на Греческую площадь. Люди несли цветы к могилам замученных и расстрелянных одесситов, к тем местам, где пали лучшие сыны города-бойца. И рядом с огромной радостью, с торжеством и всеобщим ликованием была тихая скорбь о тех, кто не дошел до этого солнечного майского утра, но чьи жизни проложили к нему дорогу.

* * *

... Эти странички из жизни Георгия Добровольского в годы войны были написаны автором незадолго до полета «Союз-11». Перед отлетом Добровольского на космодром я дал ему их посмотреть.

Прочитав, он улыбнулся, потом нахмурился: — Рассказано довольно правдиво, но все было гораздо прозаичнее и совсем не выглядело геройством. Просто все мы — и ребята, и взрослые — ненавидели врагов и в меру сил и возможностей старались освободить Советскую землю. Мне, считай, повезло. Выкрутился. А скольких ребят и девчат недосчиталась Одесса! Война оставила так много жестоких отпечатков... — И Добровольский, видимо, инстинктивно потер запястья рук, а потом добавил:

— Да, нужно вспоминать те времена, чтобы люди ничего не забыли и не позволили вновь повториться тому кошмару...

И как бы подтверждая слова, сказанные на земле, из космоса прилетело обращение экипажа пилотируемой орбитальной научной станции «Салют» к участникам Великой Отечественной войны, ко всем гражданам земного шара, в Советский комитет защиты мира, в Советский комитет ветеранов войны:

«...В день 30-летия вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз обращаемся через вас ко всем участникам Великой Отечественной войны, ко всем советским людям, ко всем гражданам земного шара.

Вот уже более двух недель мы находимся в просторах космического океана и убедились, насколько прекрасна наша небольшая бело-голубая планета. Не укладывается даже в мыслях, что на этой планете может быть война, несущая горе миллионам людей. С борта станции «Салют» призываем еще теснее сплотить ряды борцов за мир, раз и навсегда сказать «нет» войне!

Экипаж станции «Салют»: Добровольский, Волков, Пацаев...»

Полет продолжается

IV

Как большинство одесских ребят, Жора мечтал стать капитаном большого корабля и бороздить на нем необъятные морские просторы. Но в «мореходку» поступить не удалось. Однажды прибежал Игорь Кириллов и на весь Пишенин переулочок заорал:

— Айда в летчики! Спецшкола открылась. Форма красивая и кормить будут!

Вместе с товарищем Добровольский подал заявление. Опрометчивым и неожиданным это решение назвать нельзя. Небо, в котором летал любимец школы, а теперь уже Герой

Советского Союза и Народный Герой Югославии Женья Горелик, манило ребят: ведь туда устремился лучший из лучших. И не исключено, что этот факт стал решающим, когда Жора вместе с Игорем Кирилловым пришли в спецшколу. Там сразу все понравилось: и форма, и занятия, и преподаватель с орденами на груди.

С первых дней учителя старались заинтересовать ребят, рассказывая о бесстрашии и мужестве воздушных бойцов. Общеобразовательные предметы, обязательные для десятилетки, в школе разумно сочетались со специальными — историей авиации, изучением основ конструкции самолета, его оборудования; изучали и стрелковое оружие: автомат и пистолет. Преподаватели умело прививали ребятам любовь к небу.

Разболтавшиеся за время оккупации мальчишки, захваченные новым и интересным, превратились в усидчивых и внимательных учеников. Зато, выскочив за пределы школы, они давали волю своим мальчишеским страстям. Частенько эти вольные походы превращались в «сражения». Как ни странно, тогда вспыхнула «вражда» между спецшкольниками и ребятами из мореходки. Встречи их нередко превращались в жестокие потасовки. И только появление милиции или патрулей ставило всех на свои места. И те, и другие разбегались врассыпную.

Однажды, когда Жора шел домой, его перехватила группа ребят из мореходки. Впору было задать стрекача, но терять престиж спецшкольника ВВС не хотел. Отмахиваясь, он отступал к подъезду ближайшего дома. Неожиданно из подъезда вышли двое военных: моряк и летчик. В одно мгновение летчик сцапал двух парней из мореходки, моряк ухватил Жору:

— Сопляки! Дружить надо, а вы друг друга колотите, как оголтелые! А еще моряки! Кодлой на одного! Не стыдно? — говорил офицер-моряк.

— Выручать друг друга надо, а не драться. Если б не Коля, — продолжал он, указывая на летчика, — давно кормили бы мы рыбу уже. А он в тумане нашел нас и надувную лодку сбросил, и харч, а потом корабли навел...

Ребята стояли, опустив головы. Когда офицеры отпустили ребят, один из мореходки протянул руку Жоре:

— Давай краба!

Жора обменялся рукопожатиями со своими недавними противниками. После этого случая «междоусобицы» сразу, конечно, не прекратились, но если в одной из готовых к драке сторон оказывался Жора или его новые приятели из мореходки, все, как правило, кончалось без конфликта. И хотя Жора по-прежнему с чувством зависти смотрел вслед уходящим кораблям, в нем укрепилось твердое решение стать летчиком и обязательно истребителем. Это решение начисто вытеснило мечты о капитанском мостике. Короткие спецшкольные годы вдохнули в Жору и его товарищей стремление владеть небом. Впереди их ждало летное училище.

Юность комсомольская моя...

Жора поехал поступать в Чугуевское военное авиационное училище. Спецшкольникам ВВС предоставлялись привилегии, и Жора без особого труда поступил.

Жизнь тут началась с того, что пожилой старшина построил курсантов и повел на аэродром. На летном поле он скомандовал — садиться прямо на траву. У стоявшего неподалеку самолета копошились люди. Потом мимо курсантов прошел молодой подполковник с несколькими рядами орденских планок. Он приветливо улыбнулся ребятам. Когда подполковник подошел к самолету, старшина уважительно сказал:

— Вот вам зараз покажугь, що це воно таке — авиация...

Взревел мотор. Самолет быстро и легко взлетел. А потом в воздухе над аэродромом происходило такое, от чего у ребят дух захватывало. Полковник блестяще выполнял фигуры высшего пилотажа. Восторгу курсантов не было предела...

«Теперь впереди небо, и только небо», — думал Добровольский. Но — ошибался. Прежде чем подняться в небо, предстояло еще много, очень много трудиться и довольно часто делать то, чего вовсе не хотела его вольнолюбивая натура. Строевая подготовка, караулы, наряды на работы — все это было ему совсем не по нутру. Он думал, что в училище курсантов сразу начнут учить летать, а не ползать по земле, окапываться, уметь разбирать и собирать автомат и пистолет.

При случае, если ему удавалось, он норовил улизнуть от чистки картошки, уборки казармы и от нарядов. Нередко работу приходилось делать за него товарищам. Естественно, что это ребятам надоело, и они решили проучить Жору.

В пятнадцати километрах от училища курсанты колхозникам помогали убирать урожай. Поработав немного со всеми, Жора куда-то исчез и появился только к концу дня с торбой жареных семечек. Отсутствие Добровольского не прошло незамеченным, и, когда он пришел, ребята обступили его. Он тут же стал предлагать полакомиться семечками. Некоторые «клюнули» на эту удочку, но большинство хмуро потребовало объяснений. Жора решил отделаться дежурной шуточкой, что, дескать, у медведя четыре лапы и пусть он работает. Но шутка не прошла. Курсанты были возмущены:

— Частенько за тебя вкалывать приходится. Баронов у нас в восемнадцатом году перебили и разогнали. В машину его не брать. Пусть тут ножками поработает, протопает пешочком до училища.

Когда усаживались в грузовик, Жору-таки не пустили в кузов. Машина стала удаляться, а Добровольский остался один на утопавшей в сумерках грязной проселочной дороге. Горькие размышления: в сущности, ребята правы. Это был жестокий урок. Жора топал по дороге. Противно чавкала грязь под сапогами.

«Видать, здорово насолил я хлопцам, если они так поступили», — думал он, оценивая события последних месяцев.

Дорога уходила в темноту. Рассчитывать на попутную машину здесь не приходилось, и он продолжал месить грязь. Вдруг вдаль послышался рев мотора, и из-за косогора выскочили огоньки фар. Навстречу шла машина. Жора отступил на обочину, чтобы его не забрызгало грязью. Грузовик затормозил рядом, и из кузова к Добровольскому потянулись руки товарищей-курсантов. Они вернулись за ним. Комок подступил к горлу Жоры: это они, его друзья... С этого дня он по-новому взглянул на свое отношение к службе, на своих товарищей, на жизнь вообще.

Курс молодого бойца подходил к концу, и у курсантов приняли присягу на верность Родине. Всю осень и зиму изучали общеобразовательные предметы: математику, химию, физику, историю. Весной приступили к спецпредметам: теории полета, штурманской подготовке, теории воздушной стрельбы и бомбометания. Упор в занятиях делался на знание самолета и его оборудования.

С нетерпением все ждали начала практических занятий — и дождались. С удовольствием копался Жора во «внутренностях» самолета: разбирался в двигателе, изучал расположение приборов. Вскоре курсанты знали назначение и последовательность включения каждого тумблера. Проверяли друг друга: один из товарищей закрывал глаза, другие наблюдали, как он вслепую выполняет полетные операции. Благо, тумблеров на УТ-2 было немного, да и приборов тоже...

Пережитые за день события нередко являлись Жоре во сне. Однажды сосед по койке Дима Кравчук проснулся ночью. Свет синей дежурной лампочки падал на лица безмятежно спящих ребят, в открытом освещенном дверном проеме было видно дежурного. Тишину нарушали чье-то бормотание и мощный с пересвистом храп. Жора лежал раскрытый, сбитые набок волосы частично прикрывали лицо. Руки его совершали какие-то странные движения.

Присмотревшись, Дима понял, что Жора во сне выполнял упражнения по управлению самолетом: вот он включил зажигание, выждал, пока мотор наберет обороты, отпустил тормоза, отклонил закрылки, взял на себя ручку, работал педалями. А потом, нажав гашетку, приговаривал: «На тебе «гад», на!»

— А знаешь, Дима, мне действительно приснился полет, я стрелял по «юнкерсу». Пошел на таран и стукнул его по хвостовому оперению, — рассказывал утром Жора. — Не дождусь, наверное, когда начнем летать. Порой мне кажется, что если не научусь летать, то просто умру.

Неудивительно, что курсантам ночами снились воздушные схватки, ибо на тактических занятиях преподаватели с моделями в руках воспроизводили различные ситуации воздушного боя, показывали возможные маневры. Курсантов учили на примерах выпускников училища — прославленных летчиков — трижды Героя Советского Союза Ивана Кожедуба, совершившего триста тридцать боевых вылетов и уничтожившего шестьдесят два самолета, и дважды Героя Советского Союза Арсения Ворожейкина, сбившего пятьдесят две вражеские машины. «Атаковать, как Кожедуб, сбивать, как Ворожейкин» — такие заповеди получали курсанты Чугуевского училища. Жора Добровольский впитал в себя формулу боя Ворожейкина: «6 против 100 — сбито 12, потеря 0».

До первых полетов было еще далеко. Жора изнывал от ожидания. Однако вскоре появилась своеобразная отдушина для курсантов, бредивших небом и полетами: началась парашютная подготовка. Теории было немного. Освоили укладку парашюта — и в небо. Радости не было предела. Во-первых, это был уже полет, пусть пока не твой полет, но все-таки ты — в небе. Во-вторых, предстояло впервые проверить себя в настоящем деле.

Взлет. Набор высоты. Отступать некуда. Теперь только вперед: на крыло самолета. Ободряюще улыбается летчик-инструктор. Но бодрости что-то не чувствуешь, когда

начинаешь выбираться из кабины: какой она в эти секунды кажется родной и надежной! И вот ты на крыле. Нужно только отпустить руки, и воздушный поток сам сорвет тебя и понесет на испещренную квадратами полей землю. Но не тут-то было. Руки, как клещи, впиваются в поручень, нет сил оторвать их. Вот уже второй раз махнул летчик: «Пошел!».

Нужно сломить себя. Побороть этот холодящий страх, рождаемый свистящим в ушах ветром и разверзшейся под ногами бездной. Не всем это удавалось с первого раза. Делали по несколько заходов, прежде чем будущий летчик находил в себе мужество шагнуть в небо, провалиться в его синеву.

Жора Добровольский еще в детстве — на скалах у моря — подготовил себя к первому прыжку. И все-таки, когда самолет набрал высоту и нужно было выйти на крыло, у Жоры перехватило дыхание. Бешеный свист ветра, рокот мотора и высота ошеломили. Повелительный жест инструктора — и курсант Добровольский оттолкнулся от привычной тверди самолета. Тугой воздушный поток подхватил и закрутил его.

Кувырок, потом другой, третий. Мгновенно вспомнил наказ инструктора по парашютной подготовке: нужно прекратить вращение и только после этого дернуть за кольцо, чтобы не замотаться в купол парашюта. Разбросал руки, — вращение прекратилось: он плашмя, лицом вниз, летел к земле. Дернул кольцо. Рывок. Из поля зрения исчезли земля, в глаза плеснуло солнце.

Несколько секунд раскачивался под куполом, как ванька-встанька. День был тихий, безветренный, ясный-ясный. Такой, что с высоты на много километров вокруг все видно.

Двумя рыже-черными жуками у лесопосадки расползся тяжелый ожог земли, так и не начавшей плодородить, даже через три года после нанесенной ей раны. Видны окрестные деревеньки. От них расходятся в поля тропинки. Большой наезженный шлях пересек деревеньки и устремился вдаль, где виднеются дома Чугуева. Все это успел рассмотреть Жора, пока приближался к земле. Если на высоте ему казалось, что он снижается медленно, почти парит в воздухе, то теперь земля стремительно бежала на него. Добровольский сгруппировался, как учил инструктор-парашютист, и приготовился к встрече с земной твердью. От легкого толчка присел и тут же распрямился. Парашют опускался прямо на него, и чтобы не запутаться в стропах, Жора отскочил в сторону. Быстро собрал парашют в сумку и направился к инструктору.

— Курсант Добровольский первый парашютный прыжок выполнил, — доложил Георгий.

— Первый, но, надеюсь, не последний. Молодец! — похвалил инструктор. — Только в следующий раз постарайся не кувыркаться.

Жора понял, что инструктор видел его ошибку, но оценил правильность действий при ее устранении.

Жора не упускал малейшей возможности лишний раз прыгнуть с парашютом. Однажды подвернул ногу, постарался скрыть это, но инструктор заметил и не допустил его к повторному прыжку. Всегда жизнерадостный и смешливый, Жора грустно сидел в стороне, наблюдая, как товарищи готовятся к прыжкам.

И вот пришел долгожданный день практических занятий на аэродроме. Казалось бы, обычное дело: запуск двигателя. Но первый запуск собственными руками был волнующим моментом. Ведь только после того, как застучит его мощное сердце, самолет готов к полету, а до этого он представляет собой мертвое сооружение...

Добровольский забрался в кабину. Все нужно делать самому, а внимательные глаза инструктора будут следить за каждым твоим движением.

Жора включил зажигание. Мотор, медленно раскручивая пропеллер, чихнул. Жора добавил газ. Лопасты пропеллера замелькали быстрее, быстрее. И вот они превратились в светлый искрящийся диск с желтой каемкой. Мотор вышел на режим.

Потом были сотни и тысячи запусков и остановок двигателей, сначала поршневых, потом реактивных, но первый запомнился на всю жизнь. Вспоминая об этом много лет спустя, Добровольский говорил, что он всегда с радостью ждал мгновения, когда оживал самолет и с удовольствием слушал, как, выходя на режим, двигатель запевал свою ровную рокоющую мелодию.

Полеты! Это слово завладело всеми помыслами и стремлениями курсантов Чугуевского училища. Ждали их с нетерпением. Наконец радостный день пришел. И хотя взлет и посадку осуществлял инструктор, курсанты были счастливы и тем, что им самим позволяли положить машину в разворот, набрать высоту и снизиться. Впервые Жора Добровольский ощутил, пусть пока еще не полностью, свою власть над машиной: она уже выполняла его волю. Тренировочные полеты давали ощутимые результаты: курсанты постепенно приобретали уверенность в своих силах.

Теперь Жоре не терпелось избавиться от опеки инструктора, который в любое время мог вмешаться в управление самолетом.

И он захлебывался от счастья первого самостоятельного взлета, от неопишуемой радости, что он — капитан корабля, пусть маленького, зато — в самом огромном, самом захватывающем и волнующем океане!

С этого дня, пожалуй, и начался летчик Георгий Добровольский. Если по теоретическим дисциплинам Жора пока ходил в середнячках, то в технике пилотирования он преуспевал. На аэродром он приходил всегда в чистом отутюженном комбинезоне, собранным, серьезным, и обычное его балагурство в дни полетов как рукой снимало. Жора внимательно вслушивался в объяснения инструктора, ловил каждое его слово, каждое движение. Полетное задание он до тонкостей отрабатывал на земле, а в воздухе безошибочно повторял то, к чему так тщательно готовился.

Курилка на аэродроме — место, где не только рассказывают байки и анекдоты. Нередко здесь можно было почерпнуть те драгоценные крупницы летного опыта, о котором не узнаешь на лекции в аудитории и на инструкторских занятиях. Хотя Жора не курил, он часто сидел в компании заядлых курильщиков, внимательно прислушивался к оброненным как-то невзначай, без назиданий и наставлений, советам «стариков», наматывал на ус, при случае стараясь проверить их в небе. Тем, что ему одному из первых в группе разрешили летать самостоятельно, Жора гордился, конечно, но никогда не бахвалился своим умением и при случае всегда готов был помочь сокурсникам.

Как в письме, так и в полете у каждого человека свой почерк. Георгий пилотировал машину несколько жестче и резче, чем другие летчики. В жизни он любил предельные режимы, когда человек с полной остротой воспринимает окружающие события, когда сильное эмоциональное напряжение требует мгновенной реакции, быстрых и точных решений. Этого он хотел и в небе. Он стремился к тому, чтобы самолет был послушен пилоту так же, как человеческое тело послушно мозгу.

— Машина должна быть слита с человеком и послушна ему. По-моему, к этому стремятся все авиаконструкторы, но, к сожалению, не всем это удастся, — убежденно говорил Жора.

Весной, как только сходил снег, курсанты перебирались в летние лагеря, где летали с полевого аэродрома. Начинались самые напряженные и самые интересные месяцы в жизни училища. На курсантов, помимо учебно-тренировочных полетов, ложилась обязанность по охране самолетов. Через два дня на третий ходили в караул. Недалеко от стоянки самолетов, у взлетного поля, находилась бахча, охранял которую старый дед. Бывший солдат любил курсантов и баловал их, выдавая по несколько арбузов на караул, чтоб полакомились. В ответ ребята чем могли помогали ему: поливали бахчу, сносили арбузы и тыквы в кучу, чтобы легче было грузить на подводы и машины.

Но больше всего деду льстило, когда над бахчой снижался самолет и помахивал ему крылом. Старик из-под козырька старенькой армейской фуражки слезающимися от солнца глазами провожал серебристую птицу и махал ей вслед узловатой жилистой рукой. Однажды на вытяжном парашютике сбросили ему фляжку со студеной водой. Старик очень обрадовался посылке. А когда он узнал, что это сделал Жора, то проникся к нему еще большей любовью и нередко выделял ему персональный арбуз, который тут же с помощью друзей превращался в груды корок. Жора импонировал старику и своим внешним видом.

— От це ж вояка, — восторгался он, глядя на любимца в хорошо подогнанной форме.

В этом отношении Жора Добровольский действительно мог служить эталоном. Всегда подтянутый, выбритый, подстриженный, сапоги и пуговицы надраены до блеска.

Весь он, ладный и стройный, не мог не вызывать симпатии. Ну, а пуговицы, которые он от частой чистки «протирал насквозь», стали даже предметом насмешек. Но подначки не действовали.

Приятно было смотреть на него и девушкам, которые с интересом следили, как он легко и непринужденно танцевал. А та, которой он уделял больше внимания, считала себя вообще счастливицей.

Спали в летних лагерях под старым навесом, из-под которого за зиму вытащили сено. В одну из ночей произошло чрезвычайное происшествие. Кто-то из ребят спросонья толкнул сваю, поддерживавшую крышу. Прогнившая за много лет кровля от толчка начала рушиться. Курсанты, как мыши, бросились врассыпную. Жора с криком «Полундра!» едва увернулся от рухнувшей верхней балки. Балка упала на изголовья кроватей двух курсантов, которые по счастливой случайности оказались в карауле. Досыпали под открытым небом. Утром восстанавливали колхозное добро и поздравляли счастливиц, коих миновала злая судьба.

Осенью, получив летнюю закалку, перекочевали опять в Чугуев и начали готовиться к полетам на новом истребителе.

А через месяц Жора получил десятидневный отпуск для поездки к отцу, которого перевели служить в Одесскую область.

— Везет же Жорке! — радовались товарищи.

Встреча с отцом была радостной и вместе с тем грустной. Радостно было после многих лет разлуки встретить родного отца, поговорить с ним, посоветоваться о дальнейших жизненных планах. И немного грустно от того, что у отца была теперь новая семья. Отец удочерил девочку Люду. Георгий впервые увидел родного ему по отцу маленького крепыша — брата Сашу, к которому быстро привязался.

Десять дней отпуска промелькнули быстро. Жора вернулся в училище в прекрасном бостоновом костюме, с золотыми часами на руке и полным чемоданом сластей. В этот же день состоялся курсантский пир, и чемодан вмиг опустел.

Костюм и часы по тем временам были большой роскошью, и Жора предложил их, как и другие вещи, сделать общим достоянием коллектива. Давал их, когда товарищи отправлялись на свидание. Возвращаясь как-то с такого свидания, один из ребят попал в передрагу. Его встретили три «лба» и «предложили» скинуть костюм и снять часы. Рассказывая потом курсантам об этом случае, он говорил:

— Были бы вещи мои, отдал бы не глядя — ведь стоят три мурла наготове... Но как подумал, что отдам коллективную ценность, аж жарко стало. И решил я пойти в «лобовую атаку». Хрястнул головой в подбородок самого здорового. Он завалился. И я с правым креном в ближайший переулочек юркнул и полный газ дал. Драпанул от них...

Прижимистость, страсть к вещам, жадность не характерны для летчиков вообще, а Жоре Добровольскому они были просто чужды. Так уж заведено у курсантов: посылки из дому становились общими. Сообща их «курочили». Разыгрывали, кому что, и устраивали небольшие товарищеские пиры. Жора был дружен со многими ребятами, были и такие, которым он отдавал особое предпочтение. Но вот однажды произошло разочарование. Проходя в городе по скверу, он вдруг увидел знакомое лицо. Хотел окликнуть, но воздержался. Один из его близких приятелей сидел на скамейке, закрытой ветками сирени, и жадно уплетал содержимое посылки. Жора подошел и молча остановился перед ним. Приятель поднял глаза и все прочел на лице Добровольского.

— Посылку, в конце концов, мне прислали. И я вовсе не обязан отдавать ее. Все равно всех не накормишь, — оправдывался тот.

Жора молча повернулся и пошел прочь. С этого дня, пожалуй, он стал требовательнее к себе, и к тем, кто шагал с ним рядом по жизни.

Шли месяцы напряженной учебы. Росло мастерство курсантов-летчиков. Приближалось время, когда они должны были сдавать экзамены Государственной комиссии. К ним готовились особенно тщательно. И, конечно же, наиболее ответственным и важным был экзамен по технике пилотирования. Сдать его на «хорошо» и «отлично» было непросто. Не затянуть взлет или, наоборот, раньше времени не задрать машину, не набравшую скорость, не «скользить» при посадке и выполнить комплекс

упражнений на высоте — вот, пожалуй, то небольшое, что должен уметь и знать выпускник. Но сколько труда вложено в это «немногое»!

Добровольскому экзамен по пилотажу дался легко. Впрочем, никто иного и не ожидал. Да и сам Жора, залезая в кабину, не особенно чувствовал экзаменационное волнение. Полетное задание было рассчитано на среднего курсанта, а он давно перешел этот рубеж в технике пилотирования. Жора уверенно и четко выполнил все упражнения и получил отличную оценку. Характерно, что в воздухе Добровольский был настолько собран и строг к себе, что не допускал никаких отступлений от норм, которые требовались при выполнении задания. Он очень дорожил правом летать и очень боялся, чтобы какая-то оплошность не лишила его этого права. Пижонство и лихачество в воздухе карались жестоко.

...Экзамены позади. Курсанты ждут приказа о присвоении им воинского звания — лейтенант. А пока в городских ателье шьют для выпускников обмундирование. Это событие тоже волнующее и радостное. Добровольский заботился, чтобы первый офицерский мундир сидел на нем красиво. Товарищи и командиры с откровенным удовольствием любовались его молодцеватым видом.

Полет продолжается

V

И вот настал, наконец, долгожданный миг: курсантов построили и зачитали приказ Министра обороны. С этого момента они становились кадровыми военными.

Георгия Добровольского направили в авиационную часть, расположенную недалеко от моря, к огромной, надо сказать, его радости.

В полку хорошо встретили молодых летчиков. Служило здесь немало бывалых фронтовиков, прошедших трудные годы войны. Они старались передать молодежи свой опыт. Сначала «старики» показывали учебный бой сами. Это были захватывающие поединки, в которых требовалась выдержка, смелость и немалая физическая выносливость.

Потом «старики» стали натаскивать — «выводить в люди» — молодежь. В одном учебном бою на хвост истребителя Добровольского «сел» самолет «старика», изображавшего противника. Жора видел, что через несколько секунд преследователь выйдет на дистанцию огня и с помощью фотокинопулемета проведет атаку.

Хотелось, очень хотелось уйти от поражения... Еще в училище Жора старался физически подготовить себя к перегрузкам в небе: занимался гантельной гимнастикой и штангой, прыгал с вышки в воду, плавал. Ну, а выдержке и смелости научила его хоть и короткая, но достаточно полная испытаний жизнь...

Трудно тягаться с мастерами воздушного боя. Но сегодня непременно надо победить: завтра день рождения, и нужно до него «дожить».

Добровольский почти до упора отклонил ручку управления вперед, вводя самолет в крутое пикирование, стараясь за счет увеличения скорости уйти от преследования. Но не тут-то было. «Старик» повторил маневр и не отставал. Теперь только эффективный боевой разворот мог спасти. Его самолет выходит из пикирования, но то же самое делает и самолет «противника».

Нет, старого воробья на мякине не проведешь! Нужно сделать что-то необычное. Добровольский резко взял ручку на себя, круто ломая пологую кривую полета. Истребитель послушно выполнил волю пилота. Перегрузки обрушились на летчика, вдавили в кресло и продолжали нарастать. Веки отяжелели и, казалось, напоззли на глаза, грудь сдавило. Всем своим существом Жора чувствовал, как сердце толчками с трудом перегоняет ставшую тяжелой, как ртуть, кровь. В глазах мельтешат светлые искорки. Такое в воздухе у Добровольского было впервые. Самолет круто лез в безоблачную синеву. Где-то на вершине этой горы перегрузки стали спадать, и в самой верхней точке пилот почувствовал какое-то сладостное облегчение. Все тело стало вдруг невесомым. Тогда Георгий еще плохо представлял себе состояние невесомости. Полупетля с

переворотом позволила Добровольскому занять в небе такую позицию, что он поменялся ролями с «противником» и начал его преследование. Вскоре самолет «старика» оказался на перекрестии прицела. Жора нажал гашетки, и строгая лента фотокинопулемета зафиксировала финал этой воздушной схватки в его пользу.

— Вот чертяка! — восторгался «старик» во время разбора полетов. — Дожал-таки меня! Я, было, потянулся за ним, но в глазах потемнело. Пришлось ручку от себя отдавать. Пока очухался, смотрю, он уже у меня на хвосте сидит. «Салаги» скоро нас зажимать станут!

Были на первых порах и промахи. Ранним утром, когда погода, как говорят в авиации, «миллион на миллион», отрабатывали взлет-посадку. Элементы — сложные в технике пилотирования. В курилке от «стариков» Жора слышал, что за лихачество во время взлетов и посадок авиация заплатила самой большой кровью. И сделал вывод: надо быть очень внимательным. Георгий в совершенстве отработал это полетное упражнение и выполнял его всегда отлично. Вот и сегодня он произвел несколько взлетов и посадок. Появилась уверенность, а за ней незаметно и коварно подкралась самонадеянность. Остался последний на этот день полет. Взлет совершил по всем правилам, правда, несколько раньше, до набора скорости, задрал машину. Самоанализа, как это делал всегда, не произвел. При заходе на посадку обнаружил, что промазал, но из чувства самолюбия на второй круг не пошел. Довернул машину и круче, чем это положено, на большой скорости начал подход к полосе. Произвел выравнивание, но посадку не рассчитал и несколько раз «скозлил». В общем-то, со стороны все выглядело не так страшно. Небольшая «пенка» и все. Зарулил на стоянку. Пожилой техник самолета укоризненно качал головой.

— Думал, в субботу хоть домой вовремя уйду, но после такой посадки полсамолета придется разобрать, чтобы посмотреть, не полопались ли трубопроводы, нет ли трещин в подшипниках шасси, — хмуро выговаривал он Добровольскому.

Жора покраснел. Вспомнил училищные разговоры по душам о работе техников и механиков. Нелегкая работа у технического состава. Днем и ночью, под дождем и в холод техники делают все, чтобы самолеты были исправны и всегда готовы к полетам. Не раз видел Жора, как усталые «технари» только идут с работы, когда летчики уже успевают отдохнуть, поиграть с детьми, помочь женам. Эти трудяги авиации не покидали аэродрома до тех пор, пока были хоть малейшие сомнения относительно исправности самолета.

Острота завязла в зубах. Стыдно. Нужна была отдушина, которой нередко для него являлось любимое с детства море. После разбора полетов, где ему еще раз напомнили о неудачной посадке, Жора на попутной машине поехал на пляж. Еще к полудню ветер над аэродромом усилился и сейчас еще больше крепчал. Стоя в кузове грузовика, Жора предвкушал встречу с любимой безбрежной стихией.

Он любил посидеть на берегу, поразмышлять под рокот прибоя. Сегодняшние полеты оставили горечь и неудовлетворенность собой: было над чем подумать. Поднимаясь на холм, за которым открывалась уже береговая черта, он слышал, как тяжело дышит штормящее море. И вдруг оттуда донеслись тревожные крики. Жора ускорил шаги.

С вершины холма он увидел в пенных водоворотах голову девушки, которая, выбиваясь из сил, боролась с ревущими накатами. Размышлять было некогда. Жора, сбросив на ходу одежду, уверенно прыгнул под самый гребень волны и, вынырнув, тут же подхватил тонущую. Поймав более слабый накат, он вместе с девушкой выбросился на берег. Но море не собиралось расставаться со своей жертвой, и откатывающаяся волна вновь потащила их в хрипящий галькой пенный бурун. Подбежавшие люди помогли удержаться, подхватили девушку, вытащили на берег. Некоторое время она была без сознания. Видимо, успела наглотаться воды, да и напугалась. Жора подросел очень вовремя. Вскоре ее привели в чувство и увезли на «скорой». Скрипнул на зубах песок, и, несмотря на недавнее огорчение по поводу неудачного полета, была и радость сегодняшнего недаром прожитого дня.

Полет продолжается

VI

Прошло много лет. Летная служба Добровольского продолжалась, но теперь в группе советских войск в Германии. Служба за рубежом предъявляет особые требования к офицеру, и особенно к офицеру-летчику.

И Георгий Добровольский делал все, чтобы соответствовать этим требованиям. Он, как губка, вбирал в себя опыт, накопленный летчиками-«стариками», и делился им с более молодыми.

Именно в это время местная газета всю вторую страницу посвятила Георгию Добровольскому, поместив очерк под названием «Верность присяге». Вот выдержки из него.

...Летчик Добровольский безупречно служит любимой Родине.

Жизнь и боевая учеба старшего лейтенанта Добровольского — яркое свидетельство того, как надо выполнять военную присягу.

Во всех своих делах и поступках летчик руководствуется правилом: всегда на своем посту быть полезным Родине.

...Летная книжка — своеобразная биография летчика. В ней регистрируется каждый его шаг в небо. Отметки «отлично» и «хорошо», чаще «отлично».

Старший лейтенант Добровольский имеет немалый опыт, отлично владеет техникой пилотирования. Являясь командиром экипажа, старший лейтенант Добровольский умело воспитывает подчиненных. Личным примером показывает, как надо нести службу за рубежом родной земли.

«Честно служите своему народу, никогда не отступайте от священной клятвы», — учит он подчиненных...

Однажды к нему обратилась редакция газеты с просьбой выступить и поделиться с летчиками своим опытом воздушного боя.

И вот под рубрикой «Говорят мастера воздушного боя и снайперской стрельбы» появилась статья уже капитана Георгия Добровольского «Осмотрительность — важнейшее качество летчика». Добровольский писал:

«...Особенно важна осмотрительность в боевой обстановке».

Недаром фронтовики говорили: «Первым увидел врага — значит победил». И это понятно. Летчик, первым обнаруживший самолет противника, имеет ряд преимуществ перед ним. Он может занять более выгодное положение для атаки, как по направлению, так и по высоте, а значит — и скорости. При этом он имеет возможность использовать средства маскировки и нанести врагу удар внезапно, поразив его с первой атаки...

Труд постоянный, упорный, вдохновенный, помноженный на высокое сознание долга перед Родиной, сделал Добровольского отличным летчиком. В 1954 году его приняли в Коммунистическую партию. Это было большим событием в жизни Георгия.

Месяцы на чужбине тянутся томительно, длинно, особенно когда из-за непогоды, либо по каким-то другим причинам временно прекращаются полеты. Он любил полеты, любил, когда двигатель на форсаже, поддержанный пороховыми ускорителями, стремительно выносил самолет на большую высоту. Любил Георгий полеты и в сырую погоду, с противным морозящим дождем, когда разрешали летать в сложных метеоусловиях. В это время как-то особенно обостряются чувства. И прямо-таки наслаждение доставляли ему мгновения, когда истребитель, рассекая пелену промозглой облачности, выскакивал в синеву неба, чтобы выкупаться в лучах солнца.

Приближения отпуска пилоты ждали с нетерпением. Ведь отпуск — это родная страна, встречи с близкими, друзьями.

...Георгий как летчик и командир-воспитатель начинает остро ощущать недостаток теоретических знаний. Приходящая в полк молодежь была более подкованной. Самообразования Георгию не хватало. Добровольский решает поступить в Краснознаменную Военно-воздушную академию. К этому времени он уже служит в Прибалтике. Женат. Обучает молодых летчиков, много и увлеченно летает сам. Но чтобы поступить в академию, тоже нужны знания. И вот теперь в семье двое учащихся:

Людмила перевелась из Одессы на заочное отделение Ленинградского университета, а Георгий начал штудировать подготовительную программу для поступающих.

Приземлился...

И труд не пропал даром. Добровольский сдал вступительные экзамены в академию и начал учиться. Учеба давалась нелегко, но тем приятнее были победы.

Георгию везло на встречи с хорошими людьми. В полк прибыл молодой инженер-лейтенант, недавно закончивший академию имени профессора Н.Е. Жуковского. Очень скоро Михаил познакомился с капитаном Добровольским.

Впоследствии, вспоминая об этой встрече, Михаил говорил:

— Я не знаю чем, но Жора как-то в положительную сторону отличался от других летчиков. Мне сказали, что меня ищет капитан Добровольский, хочет получить консультацию по математике. Летчики все шли в кожанках, но я почему-то сразу угадал Добровольского. Что бросилось в глаза? Пожалуй, внешний вид: очень подтянутый, даже щеголеватый. Мы познакомились.

Дружба Георгия и Михаила положительно влияла на обоих. Они очень много читали, обмениваясь потом мнениями о прочитанном, спорили, шутили. Любили приятели, собравшись вместе перед каким-нибудь праздником, написать в стихотворной форме приветствия; писали и посвящения ко дню рождения товарищей. Четверостишия порой были настолько точными и меткими, что превращалось в своеобразный полковой фольклор. Но основным, конечно, в семье Добровольского была учеба. До поздней ночи светилось окно в их доме. Нередко забегал после работы на этот огонек Михаил. Делился новостями, рассказывал две-три смешных истории, а потом подсаживался к друзьям, помогая им разобраться в сложных математических выкладках. Миша и сам много работал: готовился к защите диссертации. В условиях строевого полка это почти невыполнимая задача. Но он успешно шел к цели.

Георгий и Людмила, чем могли, старались скрасить холостяцкий быт своего друга: подкармливали его домашними пирогами, поили чаем с душистым вареньем.

В 1959 году хлопот в семье прибавилось, но добавились и неповторимые радостные переживания: родилась дочь. Георгий после полетов прибежал к родильному дому с огромным букетом цветов, но, как и следовало ожидать, к Людмиле его не пустили.

Переговоры велись через посредничество дежурной медсестры. На другой день вместе с передачей к Людмиле попало его письмо:

«Милуська, радость моя ненаглядная!

Как вы себя там чувствуете, как аппетит и настроение? Говорят, у вас очень жарко. Как тебе, наверное, тяжело лежать в эту духотищу! Я готов ругать свое любимое лето на чем свет стоит и даже разлюбить его за те дополнительные мучения, которые оно приносит вам. Никакого внимания не обращай, есть ли у тебя аппетит или нет. Ты когда кушаешь, то думай о нашей девочке, о ее аппетите (неужели у нас уже есть кто-то, кто не просто просит кушать, а даже требует!), и я уверен, что ты даже будешь просить добавку! Мне понравились вчерашние переговоры с участием посредника (все как положено на настоящей дипломатической арене) в отношении того, как назвать нашу девочку. Ведь это просто колоссально: обязанности, первый отчетный шаг перед будущим, первая ответственность! Прошу дать последнее интервью для опубликования в печати!!! Маринка, да? Я, например, вчера остаток дня и сегодня называю ее только так и, кажется, даже не на шутку привык! Имя чудесное и звучит хорошо. Ты написала вчера, что она плачет. Все это неправда! Девочка наша по разным пустякам не станет расстраиваться и хныкать. Маринка просто радуется жизни и поет от всей души!

Георгий с женой Людмилой и дочерью Мариной

Сегодня я чувствовал, как она, в первый раз в своей жизни, держала вместе с тобой кулачки за благополучие в моих полетах. И, конечно, все было исключительно хорошо: мои «черти» летали на «отлично с плюсом» и никаких неполадок ни с техникой, ни с организацией полетов не было!..

Я не верю в то, что она еще не говорит «папа». Ты скрываешь от меня, признайся!..»

Посылая по поводу рождения дочери телеграмму отцу, Георгий писал:

Добровольскому Т.Т

Я дочь родил. Ура! Ура!

Папа Жора.

Время шло. Жила семья. Рос ребенок. Незабываемы дни, когда дочь впервые, подтянувшись, стала в кроватке, впервые сказала: «Мама, папа!» Придерживаясь за палец отца, топала по комнате, ползком на четвереньках, смешно подтягивая под себя ноги, залезала под стол и оттуда звала отца последовать ее примеру. Когда дочь укладывалась спать, вместе переделав все мелкие и крупные дела по хозяйству, Георгий и Людмила садились за учебники.

Добровольский в срок отправлял в академию контрольные и курсовые работы. Они возвращались зачтенными. Помимо чисто академической программы, Жора интересовался новинками в авиации, изменениями в тактике воздушного боя. Все, что считал полезным, старался проверить в воздухе и, если получалось, тут же рассказывал и объяснял товарищам, а при необходимости и показывал. В этот период шло освоение новой техники, отрабатывались приемы дальнего всепогодного перехвата с помощью самых современных стрелковых радиолокационных прицелов. Приобретя опыт, командир звена старался добиться, чтобы все звено летало, как он.

Он всегда был в окружении людей, любил их, и они отвечали ему взаимностью.

Последний год учебы в академии был особенно напряженным. И вот Георгий возвратился в часть с академическим дипломом. Неожиданно его вызвали в политотдел и предложили должность заместителя командира по политчасти без отрыва от летной работы.

Он согласился.

Казалось бы, забрался в кабинет и безвылазно работай, работай... Забудь о том, что есть ручка и педали управления истребителем, о том, как от движения рычагов сектора газа радостно набирает обороты турбина и разгоняет стремительно и легко послушную тебе машину. Ведь теперь ты, прежде всего, должен думать о людях, об их радостях и невзгодах. Но именно люди со всеми их прекрасными качествами и недостатками сидят под прозрачными колпаками фонарей уходящих в небо истребителей: стоя на земле вблизи старта, можно видеть их напряженные, сосредоточенные лица в шлемофонах и кислородных масках; они копошатся во внутренностях самолета, подготавливая его к вылету; сидят за баранкой топливозаправщиков и специальных машин; снаряжают ракеты и подвешивают бомбы; прыгают с парашютами. И, конечно же, основное место приложения их усилий — аэродром. Вот куда, в основном, и переместил свое рабочее место, свой кабинет новый замполит Георгий Добровольский. Летая в строю звеньев, эскадрилий полка, замполит чувствовал, что он не теряет летного мастерства и не порывает тесных уз с живым организмом части.

День замполита настолько насыщен, что, кажется, не передохнуть. При четкой организации своего времени он успевал летать, принимать участие в жизни подразделений, организовывать досуг личного состава, побывать с Людмилой в кино и театре и, конечно же, поиграть со своей любимицей — дочерью Маринкой. Стиль работы нового заместителя командира по политической части основной массе людей пришелся по душе, действительно помогал им работать, решать многие вопросы жизни, быта. Они всегда могли рассчитывать на реальную помощь и заботу замполита. Но были и такие, которым это стиль оказался не по нутру: если раньше отлынивание от общественных поручений, плохие взаимоотношения в семье можно было объяснить большой занятостью на аэродроме, переутомлением и т.д., то теперь отговора не проходила — ведь в аналогичных, а может быть, в еще более жестких условиях работал замполит. Приходилось таким перестраиваться, что заметно отразилось на общем климате жизни части. Вспоминая этот период, Людмила говорила, что Жора очень уставал, но эта работа приносила ему большое удовлетворение. Он весь сиял, светился каким-то внутренним светом, если в течение дня ему удавалось сделать что-то доброе людям, и тогда он об этом с удовольствием рассказывал жене. Но бывали дни неудачные, когда ему не удавалось,

например, найти общего языка с человеком. Приходя вечером домой, Жора был задумчивым и грустным. Он подвергал тщательному анализу свои действия, сказанные слова. Почему его не понял человек, чем он его мог обидеть? Что сделал не так?

При всем своем человеколюбию замполит был достаточно строгим. Георгий Добровольский не мог спокойно пройти мимо разгильдяйства, чванства, подлости, лодырничества, люто ненавидел подхалимов и наушников. Сталкиваясь с людьми, не лишенными этих качеств, он говорил с ними открыто, не скрывая неприязни и своего отношения к подобного рода недостаткам.

А в семье, несмотря на многие сложности и трудности в работе, Жора оставался ровным, чутким и внимательным. Его теплые и хорошие письма брату помогали тому правильно входить в жизнь. Тем более, что Саша был пленен юношеской мечтой Жоры стать моряком, и все его помыслы были направлены к «дальним огням маяков».

Людмила говорила как-то своей подруге: «За всю нашу жизнь он ни разу не сорвался, не нагрубил, не оскорбил меня, хотя, конечно, я не всегда была права. Он мягко и беззлобно умел парировать мои нападки. Сводил на нет ссору или беспредметный спор, а потом, когда буря утихала, мы вместе смеялись над глупостью и нелепостью стычки. С ним легко дышалось и хорошо жилось...»

* * *

...Большой неожиданностью для всего человечества был первый космический старт Юрия Гагарина. Летчики, в общем-то, чувствовали, что близится этот час, но не думали, что придет он так быстро. С волнением обсуждалось это событие в среде авиаторов. За первым стартом последовал взлет Германа Титова. В заоблачные выси вырвались совсем молодые пилоты. И каждый летчик где-то внутренне примерялся: а мог бы он полететь в космос?..

Внутренняя примерка не прошла и мимо Добровольского, но написать рапорт с просьбой направить в отряд космонавтов он не решался: считал, что делать это очень нескромно, и в свои тридцать два года думал, что, наверное, уже староват для полетов в космос. Но чувство неудовлетворенности, чувство хорошей зависти осталось.

Обычные будни замполита части иногда прерывались вызовом в округ на совещания командиров и политработников. Георгий Добровольский спокойно относился к этим вызовам: он был уверен в своей работе. Бытует мнение: если вызывает большой начальник и неожиданно — значит, жди неприятностей. И вот такой вызов последовал в начале 1962 года. Вызывал командующий. В приемной пришлось немного подождать. Пригласили в кабинет. Вошел, и в лоб был встречен неожиданным вопросом: «Как у тебя здоровье?» На какое-то мгновение замешкался, соображая, какая взаимосвязь между вызовом и здоровьем, но ответил спокойно: «Здоровье хорошее. Не жалуюсь. Готов выполнить любое задание».

Командующий улыбнулся и сказал: «Вот мы тут посоветовались и решили рекомендовать тебя в отряд космонавтов». Командующий, чуть сощутив глаза, наблюдал за Добровольским. Ему давно нравился этот вдумчивый пилот с хорошей выправкой, о котором очень хорошо отзывались товарищи по работе, командиры и подчиненные.

— Ну, что с тобой? Согласен? Или подумать тебе надо? — удивленный заминкой, проговорил генерал. Георгий ответил:

— Согласен! Я просто не могу сказать в ответ ничего, настолько это для меня неожиданно. Я очень рад!

Несколько ошарашенный вышел Добровольский из штаба — настолько действительно неожиданным все было. Просто не верилось, и он боялся расплескать эту радость, до конца еще не осознав ее сам. В части рассказал пока только другу Мише. Тот искренне порадовался за него.

И опять работа, работа, с радостями и невзгодами. Но не было дня, чтобы он не вспоминал о разговоре с генералом. Дни шли, а вызова все не было. «Может быть, передумали или забыли, — мелькала мысль. — Ведь таких, как я — тысячи». Огромным усилием воли он все-таки сумел отключить себя от мыслей о космосе и продолжал работать, летать и заниматься всеми делами, за которые отвечает замполит. Только жена и Миша видели, как погрустнели его глаза.

И все-таки, когда чего-то очень ждешь, как правило, ожидаемое бывает неожиданным. Вызов пришел. Собрав небольшой дорожный чемодан, Георгий Добровольский уже в который раз отправился в столицу. Правда, раньше он бывал в Москве проездом, потом ездил в академию. Теперь он ехал на новый экзамен, который должен был круто изменить всю его дальнейшую жизнь.

Полет продолжается

VII

Госпиталь расположился в довольно тихом, уютном месте. Лишь редкие автобусы и легковые машины нарушают тишину улиц, да где-то вдали слышен перестук колес и гудок электрички.

Честно говоря, с детства Жора не питал особых симпатий к медицине и медицинским учреждениям. «Хорошие люди медики, но хотелось бы всю жизнь прожить без их помощи», — говорил он.

И вот сейчас он должен пройти маленькую деревянную проходную, предварительно показав вахтеру направление, и отдать всего себя в ведение медицины. Георгий был наслышан, что проверка при отборе в космонавты проводится настолько тщательно, что могут обнаружиться какие-нибудь скрытые дефекты в здоровье, которые не замечали врачи раньше, при прохождении ВЛК — врачебно-лётной комиссии. Пессимисты даже пугали: «Будешь проходить комиссию на космонавта, а снимут даже с лётной работы»...

Такие случаи были, и Георгий о них знал.

Проходная позади. Сдал дежурной медсестре личные вещи. Переоделся в госпитальное белье, получил халат и тапочки. И сразу стало как-то не по себе. Кругом в таких же халатах ходили люди. Были тут летчики, прибывшие на обычную ежегодную ВЛК, были уже списанные с лётной работы пилоты, пожилые люди, проходящие комиссию на предмет увольнения в запас, и больные, проходившие курс лечения.

Георгий присматривался к окружению: наверное, среди них есть и ему подобные. Обратил внимание на одного рослого летчика, но тут же решил, что таких длинных, наверное, в космонавты не берут. Впрочем, приглядевшись, Георгий понял, что они примерно одного роста. Привлекла в этом белокуром с вьющимися волосами человеке с мужественными чертами лица какая-то внутренняя собранность и целеустремленность. «Наверное, все-таки мы по одной причине здесь», — решил Георгий.

Разговорились. «Владимир Шаталов», — представился новый знакомый. Вскоре выяснилось, что они даже служили некоторое время в одном округе. Причина пребывания в госпитале у них действительно была одна и та же. Присмотревшись, убедились, что здесь таких немного.

Пошли тревожные дни, когда каждый мог познать горечь несбывшейся мечты: малейшее отклонение в здоровье от нормы — и возникнет непреодолимая преграда.

Началось со сдачи анализов. Они в норме. Значит, первая ступенька в барьерном беге по медицинским лабораториям позади. Сколько еще препятствий?! Об этом знали только врачи, которые «наизнанку выворачивали» организм: осматривали, просвечивали, прослушивали. Когда осматривал хирург, обратил внимание на шрамы на запястьях рук.

— Что это? — спросил он.

— Следы из далекого детства, — грустно улыбнувшись, сказал Георгий.

Врач не допытывался, но потребовал, чтобы Жора повращал кистями, согнул и разогнул по очереди все пальцы, и, убедившись в отсутствии дефектов, медицинским неразборчивым почерком написал заключение. В конце можно было прочесть: здоров.

Подходя к дверям каждого нового кабинета, Жора чувствовал, как сердце начинает отсчитывать шаги. «Неужели за этой дверью находится стена, через которую не перепрыгнешь?» — каждый раздумал он.

Но вот пройдены все кабинеты. Врачи единогласно решили, что его организм здоров. Отмучился?! Нет. Теперь предстояли специальные исследования, после которых, можно

сказать, лишь приоткрывалась дверь в отряд космонавтов. А ведь именно здесь вполне здоровые ребята срезались. Значит, кроме здоровья, нужны были еще какие-то качества.

Человеческий организм способен воспринимать огромное количество информации, поступающей к нему через органы чувств, перерабатывать ее, запоминать и при необходимости применять в определенных условиях. Но при этом он может по-разному реагировать на показания приборов и сигнализаторов. У одних людей скорость реагирования высокая, у других замедленная. Это и проверяется во время исследования на специальных тестах.

Одним из наиболее сложных экспериментов была проверка на черно-красной таблице Шульца. Сложность выполнения задания заключалась в том, что на таблице, разбитой на сорок девять квадратов с двадцатью пятью черными цифрами и двадцатью четырьмя красными, нужно было производить подсчет суммы, состоящей из черной и красной цифры, при этом сумма должна быть равна двадцати пяти. Черные цифры шли в возрастающем порядке, а красные в убывающем. Кроме всего, при проведении эксперимента вводились дополнительные световые и звуковые помехи в виде отсчета этих же цифр, но в ином порядке. Необходимо большое усилие воли испытуемого, чтобы отстраниться от всех помех и избирательно вести правильный отсчет. Сбившись однажды, нужно не растеряться и продолжать эксперимент.

Когда Добровольскому объясняли условия и поставили задачу, он мысленно настроил себя на то, что находится в полете и выполняет сложный всепогодный перехват, когда нужно отключиться от хаоса звуков и шумов, врывающихся в уши через шлемофон, все внимание сосредоточить на приборах. Правильный внутренний настрой позволил ему пройти и через это испытание. Правда, после него в глазах рябило. Георгий почувствовал испарину на лбу, неприятно прилипла майка к спине между лопатками.

Психологических проб было много. Одна из них — на проверку зрительной памяти. Испытуемому показывали более десятка приборов с разной ценой деления шкалы. Необходимо было быстро прочесть показания приборов, а потом выйти в другую комнату и нарисовать их, изобразив положение стрелок на шкалах. В кабине самолета при выполнении полета летчик успевает отслеживать показания многих приборов. Он как бы каждое мгновение мысленно фотографирует приборную доску. Зрительная память пилота помогла Добровольскому пройти и эту пробу. Но и это был еще не конец.

Еще и еще продолжались испытания. И на запоминание текста, и на запоминание пропущенных букв, слов при наличии острого дефицита времени. Тут не только смекалка нужна была, но и эрудиция, чтобы после вставленных букв не получилось вместо «орел слетел с высокой скалы из-за туч» — «осел лежал с высокой скалы куч». Иногда получались смешные словосочетания, но испытуемым в это время было не до смеха: терялись баллы, возможно, именно те, которых не хватит, чтобы пройти эту сверхпристрастную и очень строгую комиссию.

Была проверка и на вестибулярную устойчивость. Добровольский не укачивался ни на качелях, ни во вращающемся полосатом «барабане» даже при воздействии электрических раздражителей на вестибулярный аппарат.

«Он у меня по-моряцки загрублен и качку не воспринимает», — говорил Жора много лет спустя.

Но в этот день, то ли от волнения, то ли от перенапряжения экзаменационной обстановки, но «тошнотики» ощущались, хотя кроме него самого никто ничего не заметил. Последний медицинский экзамен, которого, впрочем, Георгий Добровольский не очень боялся, — центрифуга. С перегрузками он неоднократно сталкивался во время полетов на истребителе при выполнении фигур высшего пилотажа и при проведении учебных воздушных боев. Правда, поговаривали, что не так страшна центрифуга, как ее «шпионы» — датчики, наложенные на испытуемого и соединенные с записывающей аппаратурой. Они могли уловить сбой дыхания, кратковременную потерю сознания, которую не ощущает даже сам человек, перебои в сердечной деятельности под воздействием перегрузок.

Георгий влез в кабину центрифуги. Она чем-то напоминала кабину самолета. Затянута привязная система. Медики и инженеры покинули зал, где должна раскручиваться

капсула. Оставшись наедине с необычным аппаратом, Георгий еще раз мысленно воспроизвел операции, которые ему необходимо выполнять, и приготовился к эксперименту. Было слышно, как включились механизмы, приводящие в движение центрифугу. Медленно, как бы нехотя, сдвинулась кабина и начала разбег по окружности зала. Скорость вращения нарастала. По мере ее увеличения Георгий чувствовал, как тело плотнее вдавлируется в сидение, и, казалось, какая-то неведомая сила хочет расплющить его и подогнать под обводы кресла. Руки отяжелели, и с большим трудом ему удавалось оторвать их от подлокотников. Казалось, они прилипли и при поднимании за ними тянется густая клейкая масса. Серая пелена подступала к глазам. Потом она сменялась алой пеленой и снова серой. Чувствовалось, как кровь, будто в сосуде, то приливает к голове, то отливает к ногам. Но это не ново, все он уже не единожды прочувствовал в полете. Разница только в длительности ощущений. Ему казалось, что воздействие перегрузок на центрифуге гораздо более растянуто, чем в самолете. Вдруг скорость вращения начала падать. «Неужели медики досрочно прекратили эксперимент, потому что датчики уловили отклонения от нормы?» — мелькнула мысль. Ведь в самолете и при выведении из пикирования он чувствовал гораздо большие перегрузки...

— Все в порядке. Переносимость отличная, — успокоил врач, уловив тревожный взгляд Георгия.

Потом — дополнительные проверки окулиста и отоларинголога, невропатолога и хирурга. Однако чувствовалось, что все уже позади. Добровольский прошел все туры медицинской экспертизы. Врачи довольны. У медиков нет возражений. И вот Георгий снова на вокзале. Поезд мчит его к месту службы, а на душе все-таки тревожно: «А вдруг это еще не все?! Вдруг еще потребуются какие-то проверки?»

Мелькают полустанки и станции больших городов, где клокочет жизнь. Скорее домой. Там ждут жена, дочь, друзья; там кипит своей неумной работой аэродром. После такого перерыва придется получать вывозные на спарке. Он уже мысленно чувствовал себя дома. А там все было действительно так, как он себе представлял: ждали все, кто ему близок и дорог.

Полеты, работа на время вытеснили томление ожидания. Миша, который был посвящен в события, происходившие в Москве, вспоминал, что Георгий как-то преобразился: ходил веселый, жизнерадостный; добрая открытая улыбка не сходила с его лица.

Незадолго до отъезда в Центр подготовки космонавтов пришел приказ о присвоении Добровольскому очередного воинского звания — майор.

А вскоре по приказу из Москвы семья начала готовиться к переезду. Перед отъездом Георгий предложил Мише сфотографироваться на память.

— Будешь знаменитостью — не забывай, — смеялся Миша, — а забудешь — у меня останется вещественное доказательство, и я тебе напомню.

Георгий знал цену дружбе. Со своими товарищами он постоянно поддерживал связь и добрые контакты, не ленился писать письма, которые были проникнуты таким вниманием, что друзьям, даже не любителям писать, совестно было не отвечать.

Полковые друзья тоже не забывали бывшего своего замполита. Ко дню рождения прислали сувенир: над планетой Земля мчится космический корабль. И написали: «Жми, Жора!». В ответном письме он писал: «Передай, пожалуйста, всему личному составу: «Служу Советскому Союзу!», а [Борису Петровичу](#), что я очень тронут вниманием».

Отец и сын Добровольские

Мише Георгий писал: «...У меня не всегда все идет гладко. Иногда лучше, а иногда и хуже других. Как всегда в таких случаях я внутренне очень переживаю, сам себя терзаю и подвергаю все страшному анализу...»

Новое место службы Добровольского называли Звездным. Участь в Военно-воздушной академии, Георгий не раз проезжал эти места.

Именно здесь всего в нескольких домах поселились космонавты с семьями и многие из тех, кто принимал активное участие в подготовки звездных стартов.

Жизнь в Звездном началась с занятий по общекосмическим дисциплинам, а потом по теории космического полета, конструкции космических систем, астронавигации и т.д.

На экзаменах и зачетах преподаватели порой удивлялись, как за такое короткое время слушатели успевали впитать в себя столько знаний. Вспоминая этот период в учебе, Добровольский говорил: «Наше желание слетать в космос было столь высоко, что все, что в нас впахивали преподаватели, умещалось, как в растягиваемую емкость, и не проливалось. Мозг насыщался, но не перенасыщался потоком знаний».

Не только теорией космонавтики были заняты слушатели. Здесь, в Центре подготовки космонавтов, из них готовили всесторонне грамотных и физически закаленных и тренированных людей, готовых к большим физическим и моральным перегрузкам. Физподготовка была целенаправленной — для развития выносливости, вестибулярной устойчивости, координации тела, быстроты реакции.

Космонавты бегали по пересеченной местности, ездили на велосипедах, играли в хоккей, футбол, волейбол, теннис. Для выработки вестибулярной устойчивости использовались специальные снаряды: батут, качели... И, что особенно радовало Георгия, наряду со специальными тренировками будущие космонавты много летали на самолетах разных типов и прыгали с парашютом.

Более всего полюбили Добровольскому спортивные тренировки в бассейне. С трамплинов различной высоты можно было выполнять прыжки в воду, делая при этом ласточку, спад, перевороты, причем движения его были красивые, отточенные. Здесь с ним соперничать мог только Герман Титов.

С нетерпением ждал Добровольский и парашютных прыжков. Прыгал он всегда спокойно, уверенно, без тени сомнения. Инструктору, руководившему прыжками, нравилась техничность Георгия. Задания на прыжки непрерывно усложнялись: с продолжительной задержкой, на точность приземления, прыжки в воду. Георгий выполнил норму парашютиста-спортсмена первого разряда.

Покидая госпиталь после комиссии, Добровольский думал, что еще не скоро вплотную опять столкнется с врачами.

Но дотошные врачи отсутствовали только при проведении специальной космической, чисто технической подготовки. В остальных случаях они были постоянно рядом, организм космонавтов находился под их неусыпным контролем. И это еще не все. Целый комплекс тренировок проводился врачами и при их участии. Если в госпитале Добровольский миновал такую «экзекуцию», как проверка на «жаропрочность», то в Центре подготовки космонавтов он попал в руки врача, руководившего тренировками в термокамере.

Предполагалось, что в случае отказа системы терморегулирования на борту космического корабля, космонавту в пределах примерно часа (до выполнения посадки) придется работать в исключительно тяжелых условиях, когда температура в кабине может подняться до шестидесяти — семидесяти градусов. При тщательном контроле за состоянием организма космонавта врач в термокамере знакомил будущих исследователей космоса с влиянием на него больших температур. При этом предлагал выполнять даже некоторые задания.

Георгий вышел из термокамеры похудевшим на несколько килограммов, а потом, за обеденным столом с удовольствием восполнял потери холодным квасом, заботливо приготовленным поварами летной столовой.

Взятые на другой день анализы подтвердили, что организм Добровольского стойко перенес температурные перегрузки. Начался тренаж и исследования на беговой дорожке, где, обклеенный медицинскими датчиками, с маской на лице для отбора выдыхаемого воздуха, космонавт приравнивался к меняющемуся ритму убегающей из-под ног резиновой черной площадки. Но все эти приборы и тренировки в термокамере, барокамере, на беговой дорожке и тренажерах по закалке вестибулярного аппарата не шли ни в какое сравнение с сурдокамерой, о которой Георгий много уже слышал. Это камера полной изоляции и тишины. Знатоки утверждали, что состояние одиночества, оторванности от внешнего мира позволяет заглянуть человеку поглубже в себя.

Полет продолжается

VIII

В терминологии врачей, занимающихся проблемами подготовки к космическому полету, существует понятие «сенсорный голод». Это состояние человека вызывается отсутствием или недостатком информации от раздражителей, поступающей в мозг из внешней среды. Как показали эксперименты, этот «голод» способен подвергнуть человека ничуть не меньшему испытанию, чем голод из-за отсутствия пищевых припасов.

Георгий раньше читал об американских экспериментах, в которых у людей из-за неподвижности или однообразия движений и поступающей информации начинался нервный психоз, появлялись галлюцинации, психические расстройства, терялось чувство времени. Испытуемые, участвовавшие в таком эксперименте, как правило, просили прекратить его досрочно. По-иному подошли к этому вопросу советские ученые. Они предложили испытуемым ритм жизни, приближенный к реальному космическому полету, когда человек, находясь один в замкнутом пространстве корабля, выполняет все присущие для сложившейся ситуации операции и действия. Важно, чтобы в непривычных условиях тишины и одиночества космонавт верил в необходимость того, что делает.

Ребята, ранее побывавшие в сурдокамере, делились с Георгием впечатлениями. Каждый человек реагировал по-своему. У одних неожиданно прорезался талант к рисованию, другие пробовали свой голос, чего никогда до «сурды», как окрестили сурдокамеру, не делали, третьи стали писать неплохие стихи, четвертые осваивали технику письма левой рукой. Но все это — в часы досуга. В остальное время они активно действовали, выполняя задания по программе.

Незадолго до посадки в сурдокамеру Добровольский заглянул в пульттовую лабораторию, где инженеры и врачи подготавливали аппаратуру к работе. Он с любопытством осматривал новшества радио и электроники для проверки психофизического состояния испытуемых. Настроение у него было очень хорошее, и он шутил:

— Всю эту технику хотите направить против одного, и к тому же замурованного в тишине человека?! А скажите, доктор, вот я отсижу в этой камере и уже тогда полечу?

Врач засмутился. Добровольский прекрасно понимал, включение его в состав экипажа — не во власти врача, к которому он обратился.

И вот Георгий на пороге сурдокамеры. Последнее шутливое прощание с инженерами и техниками, обслуживающими эксперимент, напутствие врача-психолога, руководителя работ.

— Девушки, не забудьте традицию: я очень люблю цветы, — шутит Добровольский, обращаясь к лаборанткам.

Действительно, уже стало традицией — выходящего из эксперимента космонавта, как после полета, встречать с цветами.

Щелкнули замки двери, прочно отгородившей Георгия от окружающего мира. Он с некоторым любопытством осматривал свое новое местожительство. Здесь предстояло провести десять дней.

«Вот на гауптвахте я, кажется, не сидел. А «губа» подходящая!» — подумал Георгий.

В этом несколько вытянутом, прижатом с потолка помещении, напоминавшем барокамеру, в которой ему уже приходилось сидеть, были довольно комфортабельные условия, и оно совсем не напоминало камеру гауптвахты, а скорее — кабину большого транспортного самолета типа «Антей». Множество приборов, сигнальных лампочек, тумблеров и кнопок находилось на пульте, возле которого стояло удобное кресло. Взгляд Добровольского скользнул по приборам. Пока их стрелки спокойно застыли на нулевых отметках, но скоро приборы и лампочки оживут. Они будут единственными и беспристрастными свидетелями того, какую человек, ступивший сюда, проявит смекалку, быстроту реакции, выдержку, понимание. Проверяется его память, его чувствительность, его восприятие окружающей обстановки. А пока Георгий продолжал осматривать камеру.

Справа от входа, в углу, — холодильник. В нем хранится запас пищи на все десять суток. Недалеко от холодильника санузел. Во всю ширину камеры топчан, покрытый толстым поролоном. Но простора так мало, что все разом умещается в поле зрения. Рядом со столом удобное мягкое кресло с откидывающейся спинкой. Кресло из серии тех, что устанавливаются в салонах пассажирских самолетов. Справа, внизу у столика, смонтирована трехступенная ручка управления для выполнения ряда операций, запланированных программой эксперимента. Слева от ручки закреплен телеграфный ключ. Георгий отстучал имя дочери — Марина — и задумался: как мир полон условностей! Такое родное имя можно, оказывается, превратить в точки и тире. Глаза почему-то время от времени останавливаются на вмонтированных в стену видеоокнах. Эти телеглаза уже начали следить за Георгием. Ему даже показалось, что где-то в глубине за телеобъективами — смеющиеся глаза лаборанток Лиды и Нины.

Георгий уселся в кресло. Время выполнять тесты по программе эксперимента подошло. Он разложил на столике принесенные с собой вещи: справочник по астрономии и математике, стопку белой бумаги, бортжурнал, карандаш и кусок дерева. Теперь можно и поразмышлять на досуге:

— Ну вот, товарищ Добровольский, мы и остались с тобой один на один. Про камеру эту мы с тобой наслышаны. Теперь предстоит все проверить на себе. Оказывается, для того, чтобы полететь в космос, нужно пройти и через это «чистилище». Надо — так надо. Может быть, действительно, в длительном полете придется встретиться с подобной ситуацией. Итак, начнем с бортжурнала.

Георгий от начала до конца пролистал жесткие странички, нумеруя их: во всем должен быть порядок. Сделал первую запись: «26 февраля 1964 года. Среда.

В 13 часов закрыли дверь сурдокамеры. Товарищи «со слезой во взоре» попрощались и пожелали доброго пути. Осмотрелся. Начал готовить для себя записи. В 13.50 закончил наклеивать датчики».

По условиям эксперимента с каждого испытуемого в начале работы снимался фон функционирования различных жизненно важных органов: сердца, легких, мозга. На энцефалограф записывается частота пульса, дыхания, биотоков мозга с тем, чтобы в процессе эксперимента и после его завершения можно было сравнить, как влияют на

человека одиночество и тишина, и таким образом определить психическую устойчивость человека к факторам, которые вполне реальны в космическом полете. Накладка датчиков требует от испытуемого определенных навыков и усердия. В случае неправильной накладки датчиков в сурдокамере мгновенно загоралась лампочка. Приходилось проверять.

Добровольский взял программу эксперимента. Ему достался перевернутый график работы. А это означало, что нужно перестраивать свой организм на новый ритм жизни, когда день превращен в ночь и наоборот. Вот как он сам записал об этом в бортижурнале.

«Проспал всю «ночь», на мой взгляд, вполне прилично. Во всяком случае, выжал не менее 6 часов чистого сна. Чувствую себя отдохнувшим и вполне способным для работы на свой «перевернутый» день.

В свободное время (а его оказалось мало) занимаюсь изучением обозначений, работал с куском дерева, проводил уборку».

Георгий очень строго старался придерживаться запланированного в программе распорядка дня. Чтобы не доставлять лишних хлопот экспериментаторам, он тщательно продумывал, как лучше выполнить тот или иной тест. Справочник по астрономии и математике неожиданно оказался хорошим подспорьем в проверке волевых качеств. Сначала с некоторым усилием он заставлял себя решать астронавигационные задачи, затем стал сам их составлять. Процесс творчества с применением точных математических выкладок увлек Георгия. Здесь, в сурдокамере, сломалось его представление о математике как о науке сухой и скучной, которой он раньше занимался лишь постольку, поскольку без нее не существует космонавтики. Анализируя математические формулы, выводы, он просто восторгался их стройностью и логичностью.

Завершилась комплексная тренировка

Ритм работы, предусмотренный программой, был очень напряженным. И тем приятнее было в свободное время отключиться от всего серьезного, обязательного и расслабиться.

Как он это делал, Георгий описал в бортижурнале.

«В личное время занимаюсь уборкой, тренажем в передаче телеграфных сигналов, решением астрономических задач. Пытался из проволоки и кусочка дерева смастерить игрушку-космонавта, но получился... Мойдодыр. Мойдодыр, так Мойдодыр (а может быть, это только воображение). Во всяком случае, занимался эти два дня. Вчера, когда снимали физиологические параметры, благодаря этому занятию отвлекся от сна. На мой

взгляд, нужно рекомендовать какую-нибудь работу руками, особенно в начальное время перевернутого графика (это, пожалуй, подойдет и для дробного графика)».

Работая в сурдокамере, Добровольский не мог спокойно относиться к недостаткам, замеченным им в организации эксперимента. Творчески осмыслив их, он записывал и сообщал по радио свои рекомендации по нормированию физической нагрузки и последовательности ее применения, по обеспечению испытателя тем минимумом необходимых бытовых средств, который должен быть с ним в космическом полете. Вот как это отразилось в боржурнале:

«1 марта — воскресенье.

Прежде всего — трижды «ура!» первому дню весны. Больше всего люблю весну и лето (я, как тот дореволюционный цыган, три зимы отдаю за одно лето!!!).

Ежедневно вспоминаю немецкий язык. Очень многое забыл. Плохо с произношением. Для этого все, что приходит на память, высказываю вслух. Вот где благодать: ори хоть до седьмого пота на любом языке, никто тебе не мешает! Плохо вспоминать по памяти, если бы разрешили книгу, дело пошло бы куда веселей».

К слову сказать, вскоре после выхода из сурдокамеры Георгий очень серьезно взялся за учебники немецкого языка. И как-то решил проделать психологический эксперимент: подошел в электричке к преподавателю иностранного языка из Краснознаменной Военно-воздушной академии и заговорил с ним по-немецки. Разговор получился. А потом Георгий спросил, сможет ли он сдать экзамен по иностранному языку. Преподаватель не сомневался в успехе. Через несколько дней Добровольский действительно сдал кандидатский экзамен на «отлично»...

«4 марта. Сегодня выполняю указание, полученное до посадки в сурдокамеру: ложиться спать во всей датчиковой амуниции. В воздухе уже запахло концом эксперимента, и никаких там иллюзий, обострения слуха и «прочих разных шведов» так и не появилось. Впрочем, в этом не только я, но и все окружающие и помогающие нам в эксперименте люди, пожалуй, не сомневаются.

Труднее пришлось дежурным сменам, которые не жили по «перевернутому» графику (разве там так поживешь!), а жили нормальным трудовым днем и вместе с тем наблюдали и ночью за мной. Спасибо вам, дорогие друзья, за заботу и внимание!

День за днем проходит размеренно и спокойно. Я даже с уверенностью не могу сказать предельную цифру возможного периода нахождения в сурдокамере. Взгляд же у меня на такие вещи чисто солдатский: сколько нужно будет, с кем-то или одному, столько и буду находиться!

6 марта. Сегодня день рождения Вали Терешковой. Напомнил об этом и просил одновременно поздравить от моего имени...»

За весь цикл работы в сурдокамере Добровольский не имел обратной связи, то есть не знал, правильно ли он выполняет программные управления, психологические тесты. Вся его работа уходила в пустоту, без отдачи. И у него ни разу не зашевелился червячок сомнения. Об этом очень точно сказал летчик-космонавт СССР Евгений Хрунов:

«...Для людей, которые готовят космонавтов и формируют экипажи, не безразлично, как поведет себя человек, если окажется один. Здесь становится видно, кто может принимать самостоятельные решения, а кто, увы, нет. Бывает, что человек все сделает совершенно правильно, но ему обязательно нужно подтверждение, что это так. Если такой «обратной связи» нет, то он сбивается и начинает ошибаться. Другой же не нуждается в такой «подсказке». Это, наверное, и есть будущий командир космического корабля».

Последняя запись, сделанная Добровольским в боржурнале:

«Пишу этот листок уже на свободе. В 8 часов совершенно неожиданно вдруг прогрехотало радио, и меня... поздравили с окончанием опыта. Женщины и на этот раз доказали, что они — пол гораздо сильнее мужского. Совершенно неощутимо для мужчин они смогли решительно пойти на слом моего «перевернутого графика» и доказать, что не только у меня все идет нормально, но и то, что дважды два все же «восемь», и эта цифра для них в марте знаменательная.

По графику я должен был сидеть еще одни сутки, но тогда бы очень много персонала и особенно женщины были бы заняты еще и 8 марта...»

Итак, позади перегрузки на центрифуге, проверки на вестибулярную устойчивость, одиночество. Осталось испытать состояние невесомости и ударные перегрузки посадки. С невесомостью Георгий много раз встречался во время полетов на истребителе при выполнении фигур высшего пилотажа. Но там она почти не ощутима, потому что сидишь, притянутый привязной системой к креслу самолета. При прыжках с трамплина в воду и во время тренировок на батуте невесомость слишком мгновенна, чтобы ее прочувствовать.

В Центре подготовки космонавтов для ознакомления с невесомостью и отработки некоторых действий в ней приспособлен специальный самолет-лаборатория.

В его пассажирском салоне мягкими поролоновыми матрасами обклеены потолок, стены, пол. В общем, не ушибешься, даже если и захочешь. Это и есть «бассейн невесомости». В таком бассейне Добровольскому купаться еще не приходилось.

И вот серебристый ТУ-104 берет разгон и стремительно бежит по взлетной полосе. Мелькают квадраты бетонки. С одной стороны — самолеты, ангары, специальные аэродромные машины, с другой — елки и березы лесного массива.

Набрали высоту. Вышли в РИП — район испытательных полетов. Инструктор дал команду, чтобы космонавты приготовились к началу тренировки. Командир ТУ-104 разогнал самолет. Горка. Вот она — невесомость. Она прихлынула неожиданно. Потеряли вдруг вес руки, ноги, не чувствуется тело. Чуть оттолкнувшись от пола, сразу взлетаешь к потолку и прилипаешь к нему. Усилия одного указательного пальца достаточно, чтобы от одного борта долететь до другого. Можно делать кульбиты, перевороты. Невольно тебя одолевает ребяческое чувство неопишуемого восторга от того, что тело так послушно малейшим твоим движениям и усилиям.

Но вот горка кончилась, и на смену невесомости пришла перегрузка, которая повисшего под потолком Георгия настолько чувствительно приложила к полу, что на поролоне остался отпечаток его тела. Снова разгон и снова горка. Но восторги в сторону — теперь за дело! Нужно освоить в невесомости умение работать с приборами, пить, одевать и снимать костюмы и многое другое.

Тренировки продолжаются. В каждом новом полете Добровольский все больше сживается с невесомостью. Она постепенно становится обычным состоянием, в котором придется, и может быть долго, работать. Но пока это только мечта и пройдут еще годы до ее свершения. Нужно учиться, тренироваться, готовить себя к тому, чтобы при первой необходимости он мог лететь.

Полет продолжается

IX

Ясным утром 17 февраля 1600 года в Риме на площади Цветов за свои бессмертные идеи о строении Вселенной в пламени костра инквизиторов был сожжен Джордано Бруно. Но идеи великого ученого остались жить и яркими искрами пролетели через столетия, зажигая умы людей стремлением познать тайны природы. Это великое стремление породило одержимость Константина Эдуардовича Циолковского, который создал стройную теорию проникновения человека во Вселенную. Идеи Циолковского были реализованы, развиты и воплощены в металл Главным конструктором Сергеем Павловичем Королевым, а первым открывателем звездных трасс стал Юрий Гагарин...

Первые встречи с Гагариным оставили у Георгия неизгладимое впечатление. Вновь прибывшие летчики представлялись командиру отряда. Строгость и официальность армейских ритуалов в какой-то мере сковывают людей. К такой официальной встрече готовился Георгий Добровольский. Но Гагарин, не дослушав рапорта, протянул руку и открыто и добро улыбнулся присущей только ему улыбкой. Рукопожатие, сильное, дружеское, как-то сразу сняло официальность обстановки. Говорили о службе, о полетах на истребителях, о семьях, о жите-бытье. Георгию показалось, будто он давным-давно знает Юрия. Рядом жил, работал, играл в спортивные игры, ходил в кино и магазин обыкновенный человек, а не музейная редкость. Именно этой обычностью Юрий был

необычен. Своим примером он показывал, что слава, которой окружено его имя, является не его личной, а славой всего нашего народа, нашей страны, так высоко поднявшей своего сына над планетой.

Запомнилось Георгию и посвящение в космонавты. Слушатели, среди которых были Добровольский, только что сдали экзамены. И вот кто-то из «стариков», как звали в Звездном ребят-космонавтов из первого гагаринского отряда, предложил пропустить «молодых» через купель. Идея эта, вероятнее всего, принадлежала Алексею Леонову — редактору юмористической газеты «Нептун». Через владения Нептуна — плавательный бассейн — как через последний шуточный экзамен должны были пройти вновь испеченные космонавты.

Веселым и очень человечным входил в жизнь Добровольского командир отряда космонавтов Юрий Гагарин.

...Итак, экзамены по общекосмическим, общеобразовательным дисциплинам сданы. Теперь Добровольский вплотную приступил к изучению принципиально нового космического корабля «Союз», который пришел на смену «Востокам» и «Восходам». Георгий несколько раз бывал на космодроме. Провожал в полет товарищей, поддерживал с ними радиосвязь. Корабль «Союз» постепенно переходил с чертежей в цеха, одевался в металл, обретал живой облик.

Георгий присутствовал при первых беспилотных его пусках. Корабль проходил летные испытания. Проверялись системы аварийного спасения и мягкой посадки. Пока что в пилотских креслах сидели манекены, но скоро их место займут космонавты.

Бывают встречи, которые остаются в памяти на всю жизнь. К таким Георгий относил и свои встречи с Главным конструктором. Сергей Павлович Королев очень любил общаться с космонавтами, делиться задумками, мечтами. Он любил этих отважных ребят, часто приглашал их на технические совещания. Во время одного из них, на котором присутствовал Добровольский, Королев долго сидел молча, подперев кулаками подбородок. Казалось, он задумался и не слушает доклады конструкторов. Но, к удивлению Георгия, когда выступил Королев, стало ясно, с каким вниманием слушал он выступающих, как быстро смог не только определить главное в высказываниях, но и, обобщив все, предложить свою идею.

Еще одна встреча, выросшая потом в многолетнюю теплую дружбу, оставила след в жизни Добровольского. В 1954 году в соседнюю квартиру въехала семья заслуженного летчика-испытателя СССР Героя Советского Союза Георгия Тимофеевича Берегового, тоже зачисленного в отряд космонавтов. Редкий тезка: и имя, и отчество совпадают.

Сосед не кичился своими заслугами, которых у него хватало: и вся война на «летающих танках — штурмовиках Ил-2, и шестнадцать лет работы по испытанию самых современных истребителей.

В отряд космонавтов он пришел на равных правах со всеми и на равных начал осваивать непростую и во многом новую для него профессию. Говорят, что плох тот сосед, который с соседом не ужился. Два Георгия Тимофеевича жили душа в душу. Добровольскому нравилась большая целеустремленность Берегового и неистовая жажда летать. Казалось бы, человеку уже полсотни лет, считай, сколько пройдено нелегких жизненных дорог, полных смертельной опасности, есть большие заслуги, материально вполне обеспечен. Чего еще надо? Но неудержимая жажда быть всю жизнь на переднем крае привела Берегового на самое острие человеческих изысканий — штурм космоса. Видимо, о таких Александр Блок писал: «И вечный бой! Покой нам только снится...».

С первых же дней пребывания в Центре подготовки космонавтов он начал усиленную подготовку. Нужно было во многом изменить свой обычный жизненный уклад, и Георгий Береговой без колебаний пошел на это.

Георгии Тимофеевичи

Береговой был для Добровольского человеком, которому можно было во всем подражать.

Семьи Добровольского и Берегового сдружились. Часто вместе отмечали праздники. К пятидесятилетию своего друга Георгий Добровольский сочинил шуточную балладу. Читались стихи в семейном кругу. Все смеялись от души.

Именинник хранил эту балладу как реликвию.

Береговой был на семь лет старше Добровольского. Всеми своими делами он старался приблизить свой полет в космос. Но прошел год, другой, третий. Отсчитывая их, летчик отчетливо понимал, что скоро может прийти время, когда его возрастной ценз станет препятствием полету. Береговой волновался. Стараясь как-то поддержать друга, Добровольский говорил: «Жора, ведь ты прекрасно знаешь, что тебе, как опытному пилоту-испытателю, поручат самый трудный, самый ответственный полет». И вот день полета Берегового пришел. Но пришел он после нескольких трагических событий.

Первым из них была гибель от пожара в космическом корабле «Аполлон-8» трех американских астронавтов. Это событие потрясло весь мир.

Георгий вспомнил ранее прочитанные в журнале слова одного из погибших — Вирджила Гриссома: «...Профессия у нас опасная, и если с нами что-нибудь случится, это не должно помешать осуществлению программы. Ради освоения космоса стоит рисковать жизнью».

Нет, гибель товарищей не могла сломить волю штурмующих Вселенную.

Январь 1966 года оказался недобрый для нашей космонавтики. Прошел слух, что Сергей Павлович ложится в больницу. Вскоре слух подтвердился. Через врачей узнали, — предстоит очень тяжелая операция. Все верили в здоровье Главного конструктора, и никому даже не приходило в голову, что из больницы он не выйдет...

А тем временем одевался в металл новый космический корабль. Шли стендовые испытания отдельных его агрегатов и узлов. На полигонах проверялась работа отдельных его систем. Новому кораблю было дано название «Союз».

В создание этого современного корабля был вложен талант многих людей во главе с Сергеем Павловичем. Это была перспективная машина, которая в комплексе со знающим, умным экипажем должна была начать планомерное исследование космоса с

решением практических народнохозяйственных задач. Уже закончились беспилотные испытания корабля «Союз». Многие космонавты готовились к полетам на этих машинах. Но первый полет был доверен, конечно, самому опытному, самому подготовленному к такому полету. Выбор Главного конструктора и членов Государственной комиссии пал на полковника Комарова. Друзья по отряду космонавтов радовались за Володю и по-доброму завидовали ему.

Ясным апрельским днем «Союз-1» был выведен на орбиту. Радостный голос Комарова сообщал о том, что он начал работу в космосе. Добровольский с одного из пунктов поддерживал связь с ним. Володя провел испытания корабля и его систем. По радио передал свои замечания, рекомендации. Испытания закончены. Комаров сориентировал корабль, включил ТДУ — тормозную двигательную установку, — и «Союз-1» начал свой стремительный спуск к Земле.

Но вместо радостной встречи всех ждало большое горе. Во время посадки не раскрылся парашют, несший космический корабль после входа в плотные слои атмосферы.

Сообщение о гибели Володи Комарова застало Георгия и еще двух его товарищей-космонавтов в гостинице, куда они приехали после дежурства с пункта управления полетом.

Добровольский стоял на балконе и улыбался прекрасному разливу весны и синеве апрельского утра. В номере зазвенел телефон. Трубку поднял Валентин. По тому, как помертвело его лицо и затряслась трубка в руке, Георгий понял, что с Володией случилась беда.

— Володя погиб! — Валентин повернулся к дивану и спина его начала вздрагивать.

Добровольский окаменело молчал. Потом подошел к товарищу и несколько резко сказал: «Прекрати, Валентин. Ведь мы летчики и должны быть готовы ко всему. А нюни распускать нечего. Я думаю, Володя не простил бы нам этой слабости. Для нас он всегда будет жить!»

...Георгий стоял в почетном карауле, а мимо нескончаемым потоком шли люди. Они пришли проститься с народным героем, несли цветы, рассыпали их у постаментов, на котором стоял портрет Комарова.

Утрата была тяжелой. Но космонавты продолжали подготовку к полетам, конструкторы дорабатывали системы, по которым дал свои замечания Владимир Комаров. Работы было много...

При выборе кандидата на испытание нового корабля «Союз» генерал Каманин предложил полковника Берегового. Он знал его еще с военных лет и очень в него верил.

Узнав о том, что сосед готовится к полету, Добровольский обрадовался: «Наконец-то Жора успокоится. Он заслужил этот полет всей своей жизнью».

Вслед за полетом Берегового в космосе произвели сборку экспериментальной космической станции из кораблей «Союз-4» и «Союз-5» командиры экипажей Волинов и Шаталов, а Хрунов и Елисеев перешли через открытый космос в скафандрах из корабля в корабль.

Спустя некоторое время в космосе оказалась целая эскадра «Союзов». Они проверили возможность взаимного маневрирования. Шонин и Кубасов опробовали первую в мире сварку в невесомости.

Перед космонавтикой вплотную встала задача проверить возможность длительного пребывания человека в космосе. С этой задачей успешно справились Андриян Николаев и Виталий Севастьянов. Тем временем в цехах рождалась первая орбитальная научная станция «Салют». Долго ждал Георгий Добровольский своей очереди: девять лет. Но вот теперь он реально видел ту машину, в которой, он знал по программе, ему и его друзьям придется пробыть почти месяц.

Если в предшествующих полетах космонавты в совершенстве знали корабль «Союз», то экипажу Добровольского нужно было к тому же знать и станцию «Салют», ее оснастку, правила пользования научно-исследовательской и испытательной аппаратурой, а также управление системами жизнеобеспечения. Ведь «Союз» при осуществлении данной

программы являлся всего лишь транспортным кораблем, доставлявшим космонавтов на научную станцию «Салют».

Для работы на станции «Салют» был сформирован экипаж в составе командира подполковника Георгия Добровольского, бортинженера Владислава Волкова, инженера-исследователя Виктора Пацаева. До старта было еще далеко, и экипаж сживался здесь, на земле, стараясь причесмотреться, понять достоинства и недостатки друг друга с тем, чтобы там, в космическом полете, не столкнуться с чем-то неожиданным. В работе, в спортивных баталиях притирались характеры, по возможности вместе проводили досуг.

Они прекрасно понимали, что их совместимость не может исчерпываться только слаженностью в работе. Она должна выражаться и в общности взглядов, и во взаимной симпатии, и в общности интересов. Тогда и труд будет спориться, и отдыхать будет легко и приятно.

Были и совместные командировки — летали в Среднюю Азию. Там должны были проводиться занятия по астронавигации. Под плоскостью самолета, сменяя друг друга, бежали степь, полупустыня, пустыня.

— Не хотел бы приземлиться здесь среди песков, — сказал один из космонавтов.

— Да, радости мало, — согласился Коля Рукавишников, — если подмога не придет, не скоро отсюда выкарабкаешься.

Шутка понравилась

К разговору подключился инструктор, проводивший с космонавтами занятия по действиям в случае вынужденной посадки:

— Если понимать пустыню, знать ее особенности, то можно к ней приспособиться и прожить даже в самом пекле довольно долго, особенно имея НАЗ — носимый аварийный запас — и кое-что из подсобных средств.

— А, по-моему, это пустое дело. Этому учиться не надо, — вставил один из космонавтов Олег, — меня в любую пустыню выброси, я, думаю, и без НАЗа, в чем есть уж сутки-то проживу, а то и больше.

— И верблюд проживет, — сострил кто-то.

— А я считаю, что тренировка такая не помешает. Никогда еще опыт не мешал людям, — заключил Добровольский.

Полемика прекратилась. Каждый занялся делом: кто работал со штурманским оборудованием кабины, кто — с секстантом, кто — с кино— и фотоаппаратурой, которую предстояло взять в космический полет. К вечеру самолет совершил посадку на аэродроме небольшого азиатского городка. Солнце скрылось, начало темнеть, но температура была плюс тридцать четыре градуса — дышать совершенно нечем. Обдав всех пылью, у самолета остановился автобус.

Ехали быстро. Окна в автобусе были открыты, но даже тугой поток воздуха, врывающийся в них, не приносил прохлады, а, пожалуй, наоборот, сушил губы и неприятно щекотал ноздри.

Расположились в гостинице. Было уже темно, и на бархатно-черном фоне неба проступали звезды, а вокруг на разные голоса в арыках квакали лягушки, трелями рассыпались цикады.

Невольно вспомнилось Подмосковье, где вечерами свежо и так приятно вдыхать запах окружающих Звездный сосен и елей; вспомнилась прохлада очень вкусной воды из домашнего крана. По последнему глотку ее хлебнули из канистры, покидая самолет.

Луна должна появиться где-то около полуночи. Нужно было готовиться к работе.

Инструктор по штурманской подготовке и астронавигации разделил космонавтов на группы. Прихватив таблицы и приборы, каждая группа направилась на отведенную ей площадку, с которой можно было хорошо наблюдать небо. По звездным картам находили созвездия, а потом определяли их местонахождение на небосклоне, проводили астроизмерения восхождения звезд. Эти измерения позволят в полете точно определять положение корабля, ориентировать его, проводить ряд экспериментов.

Работы было много, и требовала она высокой точности, ибо сверка с существующими таблицами могла сразу выявить ошибки в измерениях, а следовательно, определить и уровень знаний каждого. Но не страх получить плохую оценку за свою работу, а сознание ее необходимости и полезности руководило космонавтами. Добровольский работал в паре с Виктором Пацаевым. Георгию нравилось исключительное спокойствие напарника, его уверенность и четкость. Несмотря на кажущуюся со стороны медлительность Виктора, движения его были размеренны и точны.

«С таким не пропадешь. Знает дело и умеет к нему приложить руки. Светлая голова», — думал Добровольский, глядя, как работает его будущий инженер-исследователь.

Через три часа небо начало светлеть. В серой пелене рассвета стали таять звезды, поблекла луна. Космонавты собирали оборудование, производили последние подсчеты и заполняли таблицы замеров... Прогноз погоды обещал очень жаркий день. Надо было успеть хоть немного отдохнуть, пользуясь утренней прохладой.

Днем единственным спасением была река, протекавшая неподалеку. И хотя вода в ней была теплой, все-таки приносила некоторую прохладу.

Вечером организовали рыбалку на канале. Много купались, пока поспевала уха. И вдруг инструктор, взглянув на пески, окружающие канал, предложил:

— Посмотрите, сколько верблюжьей колючки и пустынной акации вокруг! Попробуйте их, пожуйте. Это один из немногих источников утоления жажды в песках.

— Ты нас, наверное, в верблюдов превратить хочешь, — сказал Жора, отгрызая кусочки зеленых колючек.

Космонавты, подсмеиваясь друг над другом, грызли корм двугорбых кораблей пустыни, удивлялись как верблюд может поедать эти колючки, не исколов язык и рот.

Сварилась уха. С удовольствием ели ее, слушая рассказы рыбака, старожила этих мест. Утром следующего дня встали рано. После полудня — возвращение домой. С утра пришел автобус, и вся братия устремилась на рынок за подарками для домашних. От обилия фруктов и овощей разбегались глаза. Коля Рукавишников присмотрел себе узкогорлый глиняный кувшин.

Нельзя сказать, что Жора Добровольский любил позировать перед фотообъективом, но он обожал уникальные снимки. А такие на рынке можно было сделать, например, у горы дынь, в компании с двумя старыми «бабаями» — в надвинутых на самые глаза лохматых шапках. Как тут устоять от соблазна?

Автобус привез всех на аэродром, где уже ждал готовый к вылету самолет. Теперь летели обратно, на запад.

В Центре подготовки космонавтов заканчивалась доработка учебного корабля-тренажера, представляющего собой кабину реального корабля, оснащенную действующим оборудованием. Комплексом имитаторов создаются различные условия космического полета, обеспечивается работа устройств и систем корабля. Все этапы полета моделируются на электронно-вычислительных машинах. Здесь можно увидеть и звездное небо, и красочные картины родной планеты, просматриваемые как бы с космических высот, и работу всех систем сигнализации и индикации, которые действуют в полете. Слаженный коллектив инженеров и техников готовит аппаратуру для тренировок. Сколько изобретательности, таланта, а порой и фантазии требуется от этих людей, чтобы создать «космос» в условиях земли.

...Гул ракетных двигателей врывается в уши. Он нарастает. Космический корабль начал свой «разбег» к звездам.

— Включилась вторая ступень, — доложил на Землю командир корабля Георгий Добровольский. Через некоторое время раскрылся головной обтекатель, защищавший корабль от температурных и динамических нагрузок, в иллюминаторы и на экраны визиров хлынул яркий солнечный свет. Сработала третья ступень ракеты-носителя, и в корабле наступила тишина. Закончилось выведение. Теперь по экрану визира навстречу кораблю стремительно мчалась Камчатка, за ней сине-голубой бескрайней равниной расстилался океан. На синей его глади, как след инверсии на небосклоне, оставляет белую полосу большой океанский лайнер. Несколько минут полета — и вот уже видны берега Америки. В разрывы облаков видны зеленые массивы. Густая пелена окутала громады гор, вершины, на которых белизной сверкают снежные шапки. Потом снова вода. Ночь неожиданно нахлынула на корабль, и теперь он как бы повис в океане звезд. Если до входа в ночную зону планеты движение ощущалось по мельканию земных ориентиров, то теперь создавалась иллюзия неподвижности. Мерно отсчитывали секунды бортовые часы космонавта, разворачивался глобус на приборной доске, фиксируя положение корабля над земной поверхностью, цифровой индикатор показывал параметры орбиты корабля.

В кабине рабочая обстановка. Командир Георгий Добровольский ведет связь с Землей, с пунктами слежения. Бортинженер Владислав Волков считывает показания приборов, заносит в бортжурнал, производит подсчеты. Инженер-исследователь Виктор Пацаев работает с научной аппаратурой. Время от времени он просит командира доворачивать корабль, чтобы удерживать в поле зрения звезду. Георгий мягкими точными движениями ручки ориентации выполняет развороты корабля. Виктор доволен: эксперимент идет нормально.

С Земли передали, что произведена коррекция орбиты и корабль «Союз» будет вводиться в зону полета станции «Салют». Слышно было, как сработали двигатели сближения. Добровольский включил радиолокационную станцию, которая должна обнаружить «Салют» и, работая в автоматическом режиме, выдавать команды на двигатели, изменяющие положение станции и корабля относительно друг друга. Вздвогнули и поползли стрелки прибора, показывающего расстояние и скорость сближения космических аппаратов.

Теперь все внимание экипажа сосредоточено на выполнении задачи стыковки. Добровольский и Волков наблюдают за телевизионными и оптическими визирами. Пацаев смотрит в иллюминатор. Где-то там, среди россыпи звезд, должна показаться сверкающая звезда, вознесенная к небу руками людей. Именно ее сейчас и хотят увидеть члены экипажа космического корабля «Союз». Первым различил на звездном фоне станцию «Салют» Волков. Картина эта ему очень знакома: ведь он наблюдал подобную в том полете, когда эскадра «Союзов» в составе трех кораблей осуществляла сближение и взаимное маневрирование. Он указал точку с переменной светимостью товарищам. Они подтвердили, что видят «Салют», и Добровольский доложил на Землю, что станция находится в зоне прямой видимости корабля «Союз».

Продолжается автоматическое сближение. Сокращается дальность, уменьшается скорость. Вот уже четко видны контуры станции: множество антенн, выдвинутый над

верхней плоскостью защитный колпак обсерватории, раскинуты, как крылья, солнечные батареи. Зрелище величественное.

Еще несколько минут сближения, и космические аппараты оказались на расстоянии, когда командиру надлежит перейти на ручное управление и произвести стыковку. Добровольский находит на пульте управления клавишу «ручное причаливание» и нажимает ее. Теперь управление корабля сосредоточено на двух ручках, укрепленных на подлокотниках кресла космонавта. Четкими, точными движениями ручек Добровольский устраняет взаимный крен и тангаж между станцией и кораблем. Ярko светятся сигнальные огни на станции «Салют», по которым заметно малейшее отклонение от нормы в положении корабля относительно станции. Несколько сотен метров осталось до станции, когда вздрогнули и упали на ноль стрелки индикатора расстояния и скорости. Волков продублировал включение автоматики, но стрелки остались неподвижными. Радиолокатор отказал. Теперь успех стыковки целиком зависел от умения и знаний экипажа. Волков и Пацаев по изменениям размеров станции на экранах телевизионного и оптического визиров по специальной таблице определяли дальность и скорость сближения. Это помогало Добровольскому осуществлять маневрирование и управление кораблем.

Приближался самый ответственный момент стыковки — контактирование. Нельзя допустить просчета в скорости. Незначительная ошибка может привести к поломке стыковочного узла, то есть к аварии, а, следовательно, к невыполнению задания. Добровольский снижает скорость сближения почти до нуля, еще раз проверяет точность взаимного расположения и тумблером скорости дает импульс на сближение. Масса станции надвигается на корабль, закрывая собой звездное небо и фон Земли. Еще мгновение, и штырь стыковочного узла корабля лязгнул по приемному узлу станции. На приборной доске загорелся транспарант «причаливание», а через некоторое время — «стыковка окончена». Вошли в контактирование штепсельные узлы, соединившие в единую систему станцию «Салют» и транспортный корабль «Союз».

Непродолжительным разбором (ошибок было допущено мало) закончилась очередная тренировка экипажа Добровольского. Еще не один раз инструкторы будут ставить экипаж в затруднительное положение, вводя сложные отказы, устранение которых возможно только при совершенном знании техники и быстрой реакции на сложившуюся аварийную ситуацию. Так, в каждодневной работе спланировался коллектив первой пилотируемой научной орбитальной станции «Салют».

Предстояло еще провести тренировку по завершающему этапу полета — встрече с Землей. Такая встреча таит в себе тоже определенные опасности. Так, при возникновении аварийной ситуации в космосе экипаж должен выполнить немедленный сход с орбиты. В этом случае приземление произойдет в любой незапланированной заранее точке земли, и очень велика вероятность того, что ею окажется поверхность моря или океана. Это тоже предусмотрено конструкцией корабля: он плавуч и устойчив. Но не исключено, что корабль может дать течь или, израсходовав электроэнергию, перестанут работать его системы жизнеобеспечения. Тогда необходимо покинуть аварийный аппарат.

...Группа космонавтов с инструкторами приехала на одно из подмосковных озер для отработки действий после посадки на воду. Среди космонавтов и экипаж «Салюта». В спускаемом аппарате космического корабля, который находится на плаву, неуютно. Инструкторы создали аварийную ситуацию — не работает вентиляция и освещение. Добровольский из-под кресла бортинженера извлек гидрокостюмы. В слабом свете, пробивающемся через закопченные иллюминаторы, трудно разобраться, где чей. По специальным меткам каждый определил свое снаряжение.

Сначала Пацаев и Волков помогли облачиться в гидрокостюм Добровольскому, сидящему в центральном кресле, а затем он пришел на помощь товарищам. В кабине и до этого было не холодно, а после надевания теплой одежды и гидрокombineзонов стало совсем невмоготу. Вентиляторы не работают. Душно. Пот выступает на лицах, струйками неприятно бежит по телу. Скорей бы на свежий воздух, на простор этого уютного, окруженного березами и елками озера. Но торопиться нельзя. Нужно занять в корабле такое положение, чтобы каждый из космонавтов после открывания крышки люка, даже в

случае заливания корабля водой, мог немедленно покинуть его. Вытащили блок НАЗа с лагерьным снаряжением. В нем есть и радиостанция, и сигнальные ракеты, и бачок с водой, и пища, и медикаменты. Его тоже нужно успеть выбросить из аварийного корабля.

Космонавты заняли изготавочную позу. Волков откручивает крышку люка-лаза. Первым выпрыгивает Добровольский, за ним Пацаев. Волков выбрасывает им блок НАЗа и сам покидает корабль. Космонавты сплываются. Чтобы их не разбросало в случае шторма и ветра на море, они скрепляются друг с другом фалом, образуют «плот». Настало время выйти на связь с поисковым вертолетом. Добровольский за фал подтягивает блок НАЗа, извлекает из него малогабаритную радиостанцию и выходит на связь. С вертолета ответили, что космонавтов запеленговали и скоро прилетят к ним. А пока можно перекусить. В специальной герметичной упаковке находятся продукты питания. Съели кекс, сублимированный творог, закусили шоколадом и галетами, а потом из питьевого бачка утолили жажду.

Вдалеке послышался рокот вертолета. Пацаев берет ракету, отплывает на несколько метров от товарищей и пускает ее. Через мгновение ярко-красный шар повис на большой высоте под куполом парашюта. С вертолета заметили сигнал. Теперь нужно показать летчикам направление ветра над озером, чтобы облегчить заход для подбора плавающих космонавтов. Добровольский вытаскивает специальный сигнальный патрон. Рывок за кольцо — и над озером начал стелиться оранжевый шлейф дыма. Пилот вертолета начал снижение для подхода к космонавтам.

Добровольский руководит эвакуацией своего экипажа. Первым поднимается Виктор Пацаев. Струя воздуха, гонимая лопастями вертолета, поднимает на глади озера целый вихрь брызг. Через него нужно проскочить. Пацаев делает несколько энергичных движений — и стена пены и брызг позади. Ловит спущенный с вертолета крюк, цепляет его за специальные петли на гидрокомбинезоне и взмахом руки показывает, что можно поднимать. Через несколько минут он на борту вертолета. Ту же операцию проделывают Волков и Добровольский.

Тренировка окончена. Можно сбросить с себя жаркие резиновые доспехи, в плавках броситься в отраженное в озере небо и наслаждаться свежестью родниковой воды, узкими струйками стреляющей со дня озера в грудь и ноги. Добровольский поплыл в дальний угол озера, где он присмотрел распустившиеся лилии. Это для Людмилы и дочерей.

Полет продолжается

XI

Апрель 1971 года выдался на космодроме на редкость напряженным. К старту одновременно готовились орбитальная станция «Салют» и пилотируемый космический корабль «Союз-10». Это был бывалый экипаж. Командир корабля дважды Герой Советского Союза полковник Владимир Шаталов и бортинженер дважды Герой Советского Союза Алексей Елисеев имели за плечами большой «космический опыт». Инженером-испытателем был назначен Николай Рукавишников.

ТАСС сообщает: «В соответствии с программой исследований космического пространства 19 апреля 1971 года в Советском Союзе произведен запуск орбитальной научной станции «Салют». Станция выведена на орбиту, близкую к расчетной...».

Первый этап грандиозного космического эксперимента состоялся. Впервые в мире на орбиту Земли запущен громадный научно-исследовательский комплекс.

Теперь очередь за космонавтами.

ТАСС сообщает: «23 апреля 1971 года в 2 часа 54 минуты по московскому времени в Советском Союзе стартовал ракетоноситель с космическим кораблем «Союз-10». В 3 часа 03 минуты корабль «Союз-10» выведен на расчетную орбиту спутника Земли, Космический корабль пилотирует экипаж в составе: командира корабля, дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР полковника Шаталова Владимира Александровича; бортинженера, дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР кандидата технических наук Елисеева Алексея Станиславовича и инженера-

испытателя Рукавишникова Николая Николаевича. Корабль «Союз-10» выведен в околоземное космическое пространство».

Как ни старался, не смог удержаться от восторга Николай Рукавишников, когда сошел головной обтекатель, и ни с чем не сравнимая картина открылась перед его глазами. Шаталов и Елисеев переглянулись и понимающе улыбнулись. Им знакомо было это чувство. Они не торопили товарища с началом эксперимента. Ждали, когда он немного придет в себя. Конечно же, то, что предстало наяву, ни в коей мере не было сопоставимо с рассказами летавших товарищей. После первых двух витков Рукавишников свыкся с условиями полета, с необычностью виденного в иллюминаторы и приступил к выполнению программы. Вместе с Алексеем они начали проверку оборудования. Но основная задача была впереди. Им предстояло найти станцию «Салют», состыковаться с ней и проверить готовность станции к приему экипажа, которому предстояло пробыть в ней почти месяц.

Радиолокационный комплекс «Союз» — «Салют» произвел «захват», и от автоматики пошли команды на сближение кораблей. Вскоре космонавты на фоне освещенной Земли увидели «Салют». Расстояние сокращалось. Когда индикатор расстояния и скорости показал расстояние между космическими аппаратами 180 метров, Шаталов отбил автоматику и перешел на ручное управление. Рукавишников и Елисеев помогали ему: делали контрольные промеры дальности и скорости. И вот уже станцию в непосредственной близости. Еще мгновение и лязгнули стыковочные узлы. После полета космонавты с восторгом рассказывали:

Алексей Елисеев: «...Станция все время была в нашем поле зрения. Вначале довольно медленно, потом быстрее стали расти ее размеры. Она и на Земле очень красиво выглядит, а в космосе — значительно красивее. Там очень ярко светит солнце, и все краски становятся более сочными, насыщенными. Белый цвет прямо-таки сверкает. А такие более или менее нейтральные цвета, как коричневый, желтый, зеленый, в космосе дополняются ярким отраженным солнечным светом...».

Николай Рукавишников: «...Рядом ничего нет земного. И вдруг на расстоянии нескольких десятков метров видишь внушительное сооружение с огромным количеством приборов, всевозможных антенн, стыковочных узлов. И огромными буквами на станции написано «СССР»... Картина такая, что никогда не изгладится из памяти. Зрелище совершенно необыкновенное...».

Пять с половиной часов экипаж космического корабля «Союз-10» проводил исследования и эксперименты по маневрированию, ориентации, стабилизации комплекса. Проверялась работа систем жизнеобеспечения.

После этого дана была команда на расстыковку. «Союз-10» отчалил от станции, и экипаж приступил к ее детальному внешнему осмотру и фотографированию. Осмотр показал, что стыковочный узел не поврежден, нормально функционирует и готов к приемке другого транспортного корабля.

Космическая «ревизия» закончена. Она подтвердила работоспособность всех систем станции и возможность ее служить космическим причалом для другого корабля. Закончив программу второго этапа, космический корабль «Союз-10» совершил посадку в расчетном районе.

А потом была радостная встреча в Москве, прием в Кремле. С нетерпением ждали космонавты, которым предстояло выполнять следующий этап, возможности с «пристрастием» допросить своих товарищей.

В Звездном произошла такая встреча. Шаталова, Елисеева, Рукавишникова забросали множеством вопросов по работе систем корабля, по использованию специальной испытательной и исследовательской аппаратуры.

Вернувшиеся из полета по свежей памяти, в деталях, в тонкостях рассказывали о тех неожиданностях, с которыми пришлось столкнуться, о характере многих явлений, которые пришлось изучать впервые. Задавали вопросы и инженеры, имитирующие условия космического полета на тренажере. В меру своих возможностей они, не считаясь со временем, вносили изменения и делали доработки с тем, чтобы комплексные

тренировки, которые предстояло пройти экипажу Добровольского и дублерам перед полетом, были проведены уже с учетом замечаний экипажа Шаталова.

Тем временем на космодроме шла сборка и подготовка к старту «Союз-11». А станция «Салют» продолжала бороздить космос, выдавая на Землю новую информацию.

Полет продолжается

XII

Как уже говорилось, незадолго до отлета на космодром экипажа автор встретился с Георгием Тимофеевичем в Звездном городке и показал ему написанный очерк. Добровольский прочитал его, сделал ряд поправок, кое-что зачеркнул; произошла непродолжительная беседа. Георгий был против публикации эпизода из его жизни, связанного со спасением девушки: «Брось ты из обычных человеческих отношений делать подвиги. Один человек сделал глупость и попал в беду, другой помог ему в силу своих возможностей выпутаться из нее. А ты — страху какого нагнал! Другие люди, если бы могли, сделали бы то же. Ведь не это самое главное в жизни».

— Ну а что же главное?

— Главное — это полет. Полет вообще и предел, конечно, — космический полет. Впрочем, это тоже не предел желаний и стремлений, но для меня полет в космос — это исполнение самой сокровенной мечты. Мне кажется, если я лишусь этой возможности — это будет самой большой утратой в моей жизни. Меня волнует только одно: вдруг пошлют не нас, а других ребят. Ведь они подготовлены не хуже и тоже достойны доверия выполнить задание. Поэтому я, если хочешь, с некоторым предубеждением смотрю на фоторепортеров и корреспондентов. Впрочем, конечно же, это чепуха. Ну, вот мы и потолковали, пора на тренажер, — закончил разговор Добровольский. — Лучше я на все твои вопросы, и притом с удовольствием, отвечу после полета. Да и впечатлений будет больше. Не обижайся, если что не так сказал...

Перед тем как отправиться на космодром, космонавты держат в Центре подготовки космонавтов последний экзамен. Это трудное испытание, в которое входит комплексная проверка как отличного знания корабля и программы полета, так и общей готовности и слаженности экипажа.

Во время этой проверки изоощряются инструкторы: они строят свои «козни», вводя в работу корабля и систем множество аварийных ситуаций. Дело в том, что во время комплексной тренировки в сокращенном объеме и в сжатый отрезок времени проигрывается почти весь месячный полет. Вот когда проверяется слаженность, взаимопонимание экипажа, когда оттачивается сообразительность, память, быстрота реакции на сложившуюся ситуацию.

И хотя сравнение с часами уже давно стало банальным, но во время комплексной тренировки экипаж в составе Добровольского, Волкова и Пацаева работал, как хорошо отлаженный часовой механизм. Сбоев и остановок не было.

После завершения комплексной тренировки экипаж встречали, как после полета, — с цветами.

...Долгожданный день приближался. Георгий собрал дорожный чемодан. Вечер перед отлетом на космодром он провел в кругу семьи. Устроили возню. Дочери оседлали отца. Смеялись, шутили. Младшая, Наташа, боится щекотки и верещит, когда отец показывает, как ее забодает коза. Перед сном Наташа попросила сказку. Устроившись у постели дочери, Георгий рассказывал о чудовищах морских, о русалках и смелом Иване-царевиче. Наташа, подложив руки под голову, слушала и незаметно уснула. Он поцеловал ее, поправил одеяло и вышел в кухню, где Людмила и Мариша готовили ужин. Когда старшая дочь ушла спать, Людмила спросила:

— Жора, в этот раз — ты?

Он не хотел волновать ее и, как в былые времена, когда улета на космодром дублером, ответил словами песни:

— ...Полетите в следующий раз...

Утром автобус ждал космонавтов на площадке рядом с домом. Вот и все в сборе. Вперед. Открылись ворота Звездного, отсюда начинается дорога в космос. На аэродроме к Георгию подошел тезка — генерал Береговой. Уже все, кажется, сказано и о деталях полета, и обо всем остальном. Деловые разговоры позади. Сейчас шутят: юмор — стихия обоих.

— Будь здоров, Жора! — прощается Береговой и обнимает Друга.

— Все будет в порядке, шеф, — шутит Добровольский.

...Самолет вырулил. Взлет. Курс на Байконур. Гостиница «Космонавт» радушно принимает прилетевших — она как бы предстартовый мост между землей и ракетой. Отсюда уезжают на стартовую площадку обживать корабль, сюда возвращаются отдыхать после полета. Время летит неумолимо.

Первого июня в комнате Добровольского многолюдно. Друзья — космонавты, инженеры, стартовики — пришли поздравить Георгия с днем рождения. Цветы, цветы... На глазах растет стопка книг с дарственными надписями. Кто-то предлагает Георгию оставить автограф на двери своей комнаты.

...И вот этот день пришел. Автобус подошел к гостинице. Все, кто знал о предстоящем старте, вышли проводить космонавтов. Если экипаж Шаталова ехал по зеленой цветущей степи, то теперь в июне она уже желтая, опаленная солнцем, и только жаворонки, как весной, висают в безоблачной синеве. Там, вдали, зажатая в тиски монтажных ферм, стоит светлая огромная заостренная башня. Чем-то отдаленно все это сооружение напоминает телевизионную вышку. Именно к этому сверкающему в лучах солнца сооружению уже не однажды подъезжал Добровольский со своими товарищами. Не один день обживали они космический корабль, который спрятан в изголовье ракеты. Сегодня Георгий смотрит на это сооружение с особым чувством. Ведь теперь предстоит не обживание, сегодня — старт. Исполинская ракета как будто глубоко дышит, окутанная белыми клубами — это через дренажные клапаны просачиваются пары жидкого кислорода. Автобус сбавляет ход и подъезжает к стартовым сооружениям. Здесь много народа: пришли проводить космонавтов.

Заявление перед стартом делает командир корабля «Союз-11». Голос его чуть приглушен. Он взволнованно говорит:

— Дорогие товарищи и друзья!

Сегодня в просторы космоса стартует пилотируемый корабль «Союз-11». Совместно с орбитальной научной станцией «Салют» нам предстоит продолжить комплекс научно-технических исследований и экспериментов по использованию космического пространства в мирных целях. Нам поручено выполнить следующий этап работ, начатых полетом корабля «Союз-10».

От имени экипажа космического корабля «Союз-11» выражаю глубокую благодарность Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза за оказанное нам высокое доверие.

Мы заверяем, что успешно выполним новое почетное задание Родины.

До встречи на родной земле!

Последние напутствия, последние пожелания.

Космический корабль «Союз-11», как и предшествующие корабли этой серии, состоит из двух жилых помещений: орбитального отсека и спускаемого аппарата, который и является рабочим местом во время старта и посадки. Пройти в спускаемый аппарат можно через орбитальный отсек. Пока Добровольский и Пацаев проходят его, Волков успевает создать в кабине уют и комфорт: включено бортовое освещение и вентиляторы.

Последние добрые пожелания инженеров и техников, закрывающих крышку люка.

Теперь экипаж поддерживает связь с Землей при помощи радиотелефонной линии.

Космонавты включают различные системы корабля и проводят их проверку, а тем временем Земля начинает передавать время готовности. До старта остался час. Волков с любопытством смотрит на товарищей. Ему знакомо это предстартовое ожидание. Лица Добровольского и Пацаева невозмутимы. Они внимательно следят за прохождением команд. Взгляды Волкова и Добровольского встретились. Георгий улыбнулся такой счастливой улыбкой, какой Волков никогда у него не видел. Виктор, чтобы скрыть свои

чувства, к товарищам не поворачивается, но и со спины можно догадаться, что его почти всегда серьезное лицо сейчас озаряет улыбка. Владислав заметил это и показал Георгию. Виктор почувствовал, повернулся лицом к товарищам, и все они дружно рассмеялись над одним и тем же, что было понятно в данный момент только им.

На земле шли самые последние приготовления к запуску. Проверялась готовность систем ракеты-носителя, заработали механизмы, которые в точно назначенное время подадут команды на включение различной аппаратуры и агрегатов, будут производить отсечку блоков первой ступени, отстрелят головной обтекатель, подадут команду на раскрытие солнечных батарей.

С земли на борт космического корабля стали поступать предстартовые команды. Космонавты поудобней устраиваются в ложементах, стараются, чтобы тело слилось с ними. По опыту товарищей-космонавтов знают, что в такой позе легче и безболезненнее переносятся перегрузки. Слышно, как отошла кабель-мачта.

— Ну, сейчас махнем! — улыбаясь, говорит Волков. Он наизусть помнит команды, которые сейчас пойдут с центрального поста управления.

Здравствуй, космодром

«Ключ на старт!» — тихо, почти про себя, произносит Владислав предстартовую команду, и тотчас, вторя ему, это же звучит из уст наземного оператора. Георгий повернулся к бортинженеру и понимающе улыбнулся: «А ведь и тебе, Владислав, хочется ускорить эти секунды!».

— Есть ключ на старт! — подтвердил голос другого оператора, исполнившего команду.

— Протяжка один!

— Есть протяжка один!

А вот и последние команды Земли:

— Зажигание!.. Главная! Подъем!

Где-то внизу мощные двигатели, набирая силу, извергают водопад белого огня. Еще несколько мгновений ракету удерживают захваты монтажных ферм. Но вот они, как лепестки, раскрываются. Клубы дыма, пыли и огня окутали основание ракеты, поднялись выше. Еще мгновение — и она появляется из облака, стелющегося над землей. За ней тянется хвост из сверкающего белого пламени. Скорость нарастает. Перегрузки наваливаются на экипаж «Союза-11», вдавливают космонавтов в ложементы. Добровольский пошевелил руками, напрягся. Все тело хотя и потяжелело, но управляемо.

На центрифуге им давали перегрузки и побольше. Экипаж ведет репортаж о своем самочувствии на этапе выведения, о поведении корабля, о работе систем. Отработала и отделилась первая ступень ракеты-носителя. Слышно было, как включились двигатели второй ступени. Выстилая след инверсии, ракета проскочила атмосферу. В стратосфере след потерялся. И только ярко-белая точка от работающих ракетных двигателей долго еще была видна в синеве неба, но и она, наконец, растворилась.

Теперь, когда сопротивление воздуха настолько мало, что не опасно для корабля, произошел сброс головного обтекателя. И тотчас в кабину через один из иллюминаторов устремился солнечный свет, а в другом видно черное, такое необычное в солнечный день небо, усыпанное мириадами звезд.

После отсечки двигателей третьей ступени ракеты-носителя наступила тишина, в которой особенно четко было слышно, как работают механизмы, разворачивающие бортовой навигационный прибор, напоминающий глобус, и отстукивают секунды бортовые часы космонавта. Одновременно нахлынуло волной ощущение невесомости. Космический корабль «Союз-11» вышел на орбиту и начал свой стремительный полет над планетой. А в официальном сообщении ТАСС об этих событиях говорится строгим, лаконичным языком:

«...В соответствии с программой исследования околоземного космического пространства 6 июня 1971 года в 7 часов 55 минут по московскому времени в Советском Союзе стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-11». В 8 часов 04 минуты корабль «Союз-11» выведен на расчетную орбиту спутника Земли.

Космический корабль пилотирует экипаж в составе командира корабля подполковника Добровольского Георгия Тимофеевича, бортинженера Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР Волкова Владислава Николаевича и инженера-испытателя Пацаева Виктора Ивановича. Целью полета корабля «Союз-11» является продолжение комплексных научно-технических исследований в совместном полете с орбитальной научной станцией «Салют».

С экипажем корабля «Союз-11» поддерживается устойчивая радио— и телевизионная связь.

Самочувствие космонавтов хорошее, бортовые системы корабля «Союз-11» работают нормально, в жилых отсеках корабля поддерживаются заданные условия.

Космонавты товарищи Г.Т. Добровольский, В.Н. Волков, В.И. Пацаев приступили к выполнению намеченной программы полета».

Да, они уже приступили к выполнению первых пунктов программы, исполнению огромной работы, к которой они готовились все последние годы.

Прежде всего, предстояло прижиться, адаптироваться к состоянию невесомости, к необычным, ошеломляющим по красоте и величию картинам, которые, словно в гигантском калейдоскопе, в стремительном движении проплывали в иллюминаторах и визире. Первым отвязался Волков. Проверив из спускаемого аппарата состояние орбитального блока — температуру, атмосферу в нем, — он открыл крышку люка-лаза и, как рыба, нырнул в более просторный резервуар. После довольно тесного спускаемого аппарата орбитальный блок космического корабля казался просторным холлом.

Следом за Волковым туда нырнули Добровольский и Пацаев. Не скрывая своего восторга, они плавали в этом аквариуме невесомости: зависали в пространстве между полом и потолком. Впрочем, теперь эти понятия были весьма относительны, ибо на потолке они чувствовали себя не менее уютно, чем на полу, орбитальный отсек открыл новый мир. Четыре больших иллюминатора настолько расширили обзор, что, перемещаясь от одного к другому, можно было видеть разнообразнейшие картины, от которых дух захватывает. Кажется, звезды приблизились и прилипли к иллюминатору. Когда-то далекие, а теперь кажущиеся совсем рядом, на этом глубоком черном фоне проплывают знакомые созвездия.

Переместившись к другому иллюминатору, они видят Землю во всей ее красоте. Родная планета с этих высот расцвечена такими красками, такими узорами, что все, виденное доселе, не идет ни в какое сравнение...

Зеленые с синим отливом массивы лесов рассекаются тонкими жилками рек и дорог. Степные просторы расчерчены, как линейкой, на поля. На смену степи появляются желто-серые выжженные зноем пустыни. Горы предстают в сочетании зелени, синевы, серо-черного и белоснежного цветов — это вершины, окутанные покрывалом облаков.

И вот, наконец, то, чего так ждал Георгий. На первом витке он не успел к нему присмотреться: не до того было. Сейчас Тихий океан предстал перед ним всей своей необъятной многокрасочной громадой. Куда ни глянь — слева и справа расстилается сине-голубая водная ширь. И кажется, нет ей конца. Под кораблем океан был аквамаринового цвета. Дальше к горизонту он постепенно темнел и из синего превращался в серо-черный, а на самой линии горизонта, там, где надвигалась ночь, океан был совсем черным, сливаясь с небосклоном. Солнечные блики играли на его поверхности, как на огромном зеркале.

— И все-таки море останется морем, и нам никогда не прожить без морей... — пропел Георгий и обернулся к товарищам. Они понимающе улыбались. Каждый знал, что детство и юность командира прошли у Черного моря.

Оторвавшись от иллюминатора, Георгий проплыл в люк спускаемого аппарата, пробежал глазами по приборной доске. Все показания приборов в пределах нормы. На комбинированном электронном индикаторе вспыхивали засветки цифр и наименования параметров, измеряемых на борту: состав атмосферы корабля, температура, устойчивость работы агрегатов; на электролюминесцентном сигнализаторе, на который выведены наиболее ответственные и важные сигналы от систем, приятно светились зеленые и синие табло. Добровольский закрепился с помощью привязной системы и взялся за органы управления. Ему предстояло развернуть и сориентировать космический корабль на солнце, а потом дать закрутку. В таком положении солнечная энергия через солнечные батареи пойдет в аккумуляторы и электропотребители корабля.

Отточенными движениями с минимальным расходом горючего Георгий выполнил эту операцию. Космический корабль начал медленно вращаться.

Приближался сеанс связи. Добровольский включил нужный канал и, когда корабль вошел в зону радиовидимости, «Янтарь-1» (позывной командира «Союз-11») вышел в эфир и доложил о проделанных экипажем операциях на борту корабля.

Первый рабочий день в основном был посвящен адаптации к условиям космического полета, наблюдениям и фотографированию.

Настало время отдыха. Георгий достал свой дневник и начал первые записи своих ощущений и впечатлений о полете: «Участок выведения прошли нормально. Движение устойчивое. Отлично ощущаются все колебания и вибрации. Колебания небольшие. Перед отделением последней ступени нарастают перегрузки. Затем — хлопок и сразу — тишина, светло в кабине. Часы и «Глобус» включаются спустя несколько секунд.

Сразу после отделения — много пыли. Собирать ее лучше при работающем вентиляторе влажной салфеткой. Сетка вентилятора временами прогибается внутрь, и крыльчатка задевает за сетку. Выключали вентилятор и нажатием пальцев отгибали сетку. Слышны щелчки коммутатора оперативной телеметрии... Дважды входили в связь с Землей.

Приняли сообщение ТАСС о выведении. На борту все в порядке. Все чувствуют себя нормально. После отделения ощущение дискомфорта заключалось в том, что твою голову как бы кто-то хочет вытянуть из шеи. Чувствуется напряжение мышц под подбородком, утяжеление головы в верхней части и затылочной, кажется, что за головой тянутся вверх и внутренности. При фиксации тела в кресле это явление уменьшается, но не пропадает. В этом случае тяжелеет лобная и затылочная части головы. Живот как бы подсасывает вверх.

К движению руками, ощущение всего, с чем приходится работать, к динамике всего тела... привыкаешь сразу.

7 июня 1971 г. Вадим и я спали вниз головой в спальнях мешках в орбитальном отсеке. Виктор — в спускаемом аппарате, поперек сидений, также в спальном мешке. Спали меньше, чем обычно (с 18.30 до 24.00), но впечатление, что выспались. После перевернутого положения голова снова начала «наливаться».

Посмотрели с Вадимом в зеркало, а затем друг на друга и посмеялись: «морды как у бульдогов». Подняли Виктора, провели сеанс связи. На борту — порядок. Вадим предложил растереться влажными салфетками. «Умывшись», приступили к работе».

...Волков дежурил. Первые минуты Георгий не мог уснуть и лежал с закрытыми глазами — сказывалось состояние возбуждения. Он сделал усилие над собой и, как в былые времена, когда хотел быстро уснуть, представил себе море. Темно-синие валы успокаивающе перекачивались по испещренной белыми барашками равнине. И под эти мерные накатывания он быстро уснул.

Спал крепко, но проснулся легко и непринужденно, чувствуя прилив новых сил. Товарищи тоже уже бодрствовали. Гигиенической салфеткой, смоченной специальным ароматным составом, быстро умылся и проделал первый комплекс физических упражнений, предусмотренный программой. После зарядки пришло ощущение голода. Космонавты собрались в орбитальном отсеке. Завтрак съели быстро и с аппетитом. Кофе в тубах, подогретый в специальной печке, придал бодрости.

Экипаж занял свои места в спускаемом аппарате. Земля сообщила, чтобы они приготовились к выполнению коррекции орбиты и сближению со станцией «Салют». Это была наиболее ответственная операция, предусмотренная программой второго дня полета.

Слышно, как сработали двигатели коррекции и причаливания. Прошло немного времени. И вот колыхнулись и застыли, давая показания, стрелки прибора дальности и скорости. Затем дальность стала уменьшаться. Автоматика по мере сближения гасила и скорость. Начался этап сближения.

Точно в центре экрана визира космонавты увидели светящуюся точку. Все происходило, как на недавней тренировке на Земле, с той лишь разницей, что не приходилось ожидать подвоха от инструкторов. Добровольский был предельно внимателен: на тренировке можно было ошибиться и повторить. Здесь, в космосе, ошибка может привести к срыву грандиозной, впервые осуществляемой человечеством программы.

Контур станции приближается и вырастает. Сейчас, пока она еще достаточно далека, «Салют» напоминает альбатроса, распластавшего крылья — солнечные батареи — и парящего в звездном океане на фоне освещенной лучами Солнца Земли. По мере сближения станция как бы обрастала выступающими иглами и чашами антенн, приборов, сверкающих на солнце элементов. И от этого она становилась похожа на какого-то доисторического летающего рыбащера. Но когда до нее осталось менее двухсот метров, станция потеряла сходство с чем-либо земным. Это — грандиозное космическое сооружение, ошестившееся в неведомый мир огромным количеством ясно видимых датчиков, антенн, целым комплексом аппаратуры, предназначенной для специальных, ранее не проводившихся исследований. И от этого величия захватывало дыхание. Вот и сто метров до стыковочного узла, который очень четко виден в оптический и телевизионный визеры. Добровольский уверенно нажимает клавишу «ручное причаливание». Автоматика отключена. Точными движениями ручек управления Георгий завершает этап причаливания стыковкой. На семьсот девяносто пятом витке первого в мире орбитального причала — станции «Салют» — пришвартовался уже второй космический корабль — «Союз-11» с экипажем на борту!

Сигнализаторы на приборной доске сообщили экипажу, что произошло стягивание, соединились электрические и гидравлические каналы станции и транспортного корабля, и образовался единый комплекс «Союз-11» — «Салют». На семьсот девяносто шестом витке космонавты дали команду на выравнивание давления воздуха в бытовом отсеке корабля и рабочем отсеке станции. Теперь крышки люков спускаемого аппарата, орбитального отсека и станции отделяли космонавтов от жилых и рабочих помещений огромного космического дома-лаборатории.

Открыли первый люк. Перешли в орбитальный, «бытовой» отсек. Первым в люк-лаз «Салюта» нырнул Виктор Пацаев. Проверив готовность станции принять экипаж, он сообщил об этом командиру. Волков и Добровольский последовали за ним.

С этого момента на орбите вокруг Земли начала функционировать теперь уже пилотируемая орбитальная научная станция «Салют». Экипаж произвел расконсервацию

и монтаж отдельных узлов и блоков научного оборудования. Обживали новый дом. Это действительно дом диаметром около четырех метров и длиной в двадцать пять метров. Каждый космонавт четко знал свои обязанности. Виктор приступил к «землепашеству». Ему как инженеру-исследователю пришлось выполнять роль ботаника и первого космического агронома — вырастить русский лен, который, по предположению ученых, чувствителен к гравитационному полю Земли; хибинскую капусту, которая в будущем может стать в оранжереях космических кораблей и станций, совершающих длительный полет, основным поставщиком зелени, богатой витаминами; крепис-травку из семейства сложноцветных, на которой предстояло провести генетические исследования — влияние космоса на процесс деления клеток. Вместе с Добровольским Виктор осмотрел свой огород и право первому пустить воду в специальные вегетационные мешки, где находились семена, окруженные питательными веществами, предоставил командиру.

В дальнейшем каждый вечер Пацаев перед «прогулкой» по «бегущей дорожке», которая находилась неподалеку от космического огорода, делал двадцать качков грушей, подавая воду из основного бака к растениям.

В процессе полета за развитием растений следила и автоматическая кинокамера. Каждые десять минут она снимала кадр. Через несколько дней труды Виктора Пацаева увенчались успехом: проклюнулись и дали ростки семена. Среди царства самых современных устройств, электронных и механических систем, рядом с современными телескопами в неведомом мире космоса пробилась первые ростки жизни. В жарких и безводных пустынях трудолюбивые руки человека создают оазисы жизни. Теперь такой оазис подняли руки советских людей к звездам.

Вскоре после доклада Добровольского о начале работы первой пилотируемой станции на борт «Салюта» пришла приветственная телеграмма от руководителей партии и правительства.

Одним из самых важных пунктов программы была проверка приспособляемости организма человека к длительному воздействию факторов космического полета. Космонавты должны были поддерживать состояние тренированности своего организма на очень высоком уровне.

Добровольский время от времени надевал костюм под названием «пингвин», и казавшееся до этого невесомым тело вдруг сразу напрягалось. Если ослабить мышцы, то вмонтированные в ткань амортизаторы тут же подтягивали руки и ноги. Создавалось ощущение неприятной стянутости, хотелось противиться этому состоянию и потянуться так, как это делает человек, находившийся длительное время в неподвижности. Назначение костюма состояло в том, чтобы создать для костей и мышц космонавта такую привычную землянам нагрузку, какую создает тяжесть человеческого тела в условиях земной гравитации. После того, как космонавты привыкли к этим костюмам, они даже спали в них. Кроме того, для поддержания состояния тренированности на борту станции был предусмотрен набор различных амортизаторов, с помощью которых можно тренировать руки, ноги и даже сердце. Приходилось только сожалеть, что в этом космическом «спортзале» не было гантелей и штанги. Впрочем, если бы они были, то любой из космонавтов смог побить здесь, на корабле, самый фантастический рекорд по подъему тяжестей, причем сделал бы это играючи, слабым движением руки.

Для проведения медицинских исследований был выбран пятый день полета. В этот день космонавты проходили полное медицинское обследование. С помощью аппаратуры и датчиков, наложенных на различные участки тела, по каналам телеметрии передали они на Землю интересующие врачей данные. Врачи довольны: никаких отклонений от нормы не обнаружено.

Пришлось космонавтам в этот день побывать и в руках «автоматической медицинской сестры-лаборантки», которая взяла у них на анализ кровь и законсервировала ее с тем, чтобы потом на Земле проверить.

Медицинский контроль и медицинские эксперименты, пожалуй, были самыми неприятными в программе полета. Но космонавты с особой тщательностью выполняли их, ибо знали, что все это очень и очень пригодится для грядущих полетов.

Программа каждого была насыщена до предела. Но прежде чем вникнуть в суть предстоящих космонавтам экспериментов, необходимо хоть в общих чертах представить внутреннюю компоновку станции «Салют». Состоит она из трех как бы состыкованных цилиндров с плавно увеличивающимся до четырех метров диаметром. Между станцией и транспортным кораблем находится небольшой переходной отсек, в котором расположены несколько пультов и блоки астрофизической аппаратуры. В основном отсеке станции расположена приборная доска и командно-сигнальные устройства, позволяющие нажатием клавиш выбирать те или иные режимы работы узлов и систем станции. Здесь же — органы управления системами регенерации, газоанализатора и аппаратуры жизнедеятельности. Если продвинуться вглубь станции от люка транспортного корабля, то можно попасть в астрофизическую лабораторию, в которой проверяются приборы ручной астронавигации.

В переходнике между трех— и четырехметровым цилиндром станции расположена аппаратура для медико-биологических экспериментов и исследований. А дальше, в самом емком четырехметровом отсеке, находятся аппаратура и системы, обеспечивающие работу станции. Кроме того, по обоим бортам разместились в различных контейнерах так называемое бытовое оборудование. Это — и холодильник, и нагревательные приборы для разогрева пищи, и спальные мешки, и специальные гамаки, и шланги для питья воды. Есть здесь оборудование и для личной гигиены. В общем, все для нормальной жизни небольшого дружного коллектива исследователей, начавших небывалый по продолжительности и сложности испытательный космический полет.

Программа космических исследований на станции «Салют» построена таким образом, чтобы проводимые эксперименты и испытания продолжали друг друга и помогали как космонавтам, так и ученым на Земле создать единую цепь ответов на все нужные запросы.

Но есть среди них и особенные эксперименты, с которых как бы начиналась новая область знаний.

11 июня экипаж станции положил начало новой науке — гамма-астрономии, «астрономии невидимого». В обычном представлении людей под астрономией понимает возможность с помощью громадных оптических телескопов видеть звезды далеких галактик. Гамма-излучение несет в себе колоссальную информацию о строении Вселенной, о преобразованиях, происходящих в ней, о громадных океанах энергии.

Однако вести эти исследования с Земли невозможно, потому что наша атмосфера в своей толще проглатывает и не пропускает не только большую часть рентгеновского и ультрафиолетового излучения, но и гамма-излучения. И вот теперь «НИИ в космосе», как с полным правом можно назвать станцию «Салют», ведет такие исследования. В соответствии с программой бортинженер сориентировал станцию и застабилизировал. Инженер-исследователь и командир подготовили к работе, а затем включили гамма-телескоп.

12 июня появились признаки неисправности одного из вентиляторов. Пришлось на время отложить некоторые работы и произвести ремонт. С этим успешно справился Виктор Пацаев. С самого начала полета Георгий Добровольский и Владислав Волков решили обрести вид «морских волков» времен Кортеса и отпустили бороды. Виктор с улыбкой наблюдал за чудачеством товарищей и продолжал регулярно бриться, хотя, казалось, ни на минуту не покидал «персонального» рабочего места, где была установлена аппаратура обсерватории «Орион».

Вот где, наконец, Виктор дорвался до своего любимого занятия! 18 июня весь рабочий день он провел за органами управления астрофизической обсерватории «Орион». Вся система обсерватории укреплена снаружи, а управление ведется из переходного отсека «Салюта». Через специальный шлюз в станции соскальзывают кассеты с отснятой пленкой.

Вся аппаратура обсерватории длительное время подвергалась жестокому испытанию глубоким вакуумом, космическими лучами и температурой, близкой к абсолютному нулю. Сегодня предстояло проверить, как она перенесла воздействие этих факторов.

Редкое фото.
В минуты раздумий Георгий бывал и таким

Добровольский сел за органы управления станцией и по указанию Пацаева сориентировал «Салют» так, чтобы система «Орион» была направлена на созвездие Центавра. Очень точно командир выполнил эту операцию, и, когда станция из света без плавного перехода ринулась в ночную часть Земли, Виктор прильнул к окулярам телескопа. Среди алмазных россыпей звезд он быстро нашел бету Центавра и зафиксировал ее. Теперь можно было смело сказать, что обсерватория стойко перенесла воздействие космических факторов и готова к продолжению экспериментов.

В свободное от специальных астрономических наблюдений и измерений время Виктор Пацаев созерцал открывшийся звездный океан. Здесь, в космосе, небо кажется сплошь усыпанным звездами различной величины. И нет провалов, полной черноты, которые наблюдаются с Земли... Виктор просматривал звездное небо и в своих мечтах уносился к той, неведомой ему звезде, вокруг которой, возможно, вращается планета, где разумные существа тоже с трепетом просматривают и прослушивают Вселенную в надежде принять сигнал братьев по разуму...

Если Пацаева занимали иногда такие далекие проблемы, то Волкова и Добровольского больше волновали задачи насущные. Перемещаясь от иллюминатора к иллюминатору, они проводили фотографирование облачного покрова Земли, фиксируя зарождение циклонов и тайфунов, лесные пожары, распады ледников и горные кряжи. К ним часто подключался и Виктор Пацаев. О наблюдениях, проводимых в течение суток, они сообщали на Землю.

ТАСС в эти дни сообщало: «Выполняя программу шестнадцатого космического полета, командир орбитальной станции Георгий Добровольский продолжал исследование физических свойств земной атмосферы с помощью ручного спектрографа. В этом эксперименте космонавт выполнял спектрометрирование сумеречного горизонта Земли при восходе и заходе Солнца...

...Проводимые на борту станции «Салют» исследования световой гаммы космической зари позволяют уточнить данные о распределении оптически активных компонентов земной атмосферы, определяющих распределение солнечного излучения в атмосфере...

...Экипаж станции продолжал также наблюдение за развитием облачности над поверхностью Земли, движением циклонов и другими метеорологическими явлениями. В частности, космонавты обнаружили и провели фотосъемку циклона в районе Гавайских островов. Через несколько часов развитие циклона наблюдалось вблизи берегов Австралии...»

Полет продолжался... Один трудовой день сменял другой. Были и часы досуга. Пели песни, читали, слушали концерты по заявкам, болели за свои футбольные клубы, интересовались погодой.

19 июня на борту станции «Салют» было необычным. Настроение у всех приподнятое. Еще бы, в их космическом доме — именинник! Сегодня исполняется 38 лет Виктору Пацаеву. Георгий и Владислав едва опередили Землю с поздравлением. Приготовили праздничный стол.

После дня отдыха в начале третьей недели полета космонавты провели очередную работу с орбитальной астрофизической обсерваторией. С помощью визира была «захвачена» в поле зрения одна из звезд созвездия Змееносец. Следящие системы «Ориона» работали отлично.

Владиславу Волкову немало работ приходится выполнять, сидя на «потолке» станции, но от этого его работоспособность ничуть не страдает. Здесь он проводит навигационные измерения. На станции около двух десятков иллюминаторов. У тех, которые свободны от стационарной аппаратуры, можно расположиться с фотоаппаратом и «ловить» наиболее интересные явления. Кроме того, можно, перемещаясь вдоль этих «окон», наблюдать звездное небо, Луну, Солнце, Землю.

В начале третьей недели полета о жизни и быте экипажа на борту станции «Салют» передал свой репортаж Владислав Волков:

«Началась третья неделя нашей работы на орбите, но сама станция «Салют» — в космосе два месяца. Счет ее витков превысил внушительную цифру — 1000. Мне повезло, счетчик показал, так сказать, юбилейное число во время моего дежурства. Как это было?

Командир экипажа Георгий Добровольский и инженер-испытатель Виктор Пацаев отдыхают — спят. Из спальных мешков торчат одни головы. Удобно в этих постелях — иной раз и вставать неохота.

До тысячного остается еще один виток. Вот он начался — девятьсот девяносто девятый. Через несколько минут «Заря» будет вызывать нас на связь. Вслушиваюсь в шумы и треск радиопомех. Наконец сквозь них скорее угадываю, чем различаю слова: — «Янтарь!» Я — «Заря», на связь!

Выжидаю с минуту. Теперь вызов слышен отчетливо и ясно.

— «Заря»! Я — «Янтарь-2», слышу вас отлично! — выхожу в эфир.

— «Янтарь-2»! Как у вас дела? — спрашивает Земля.

— Как у нас дела? Нормально. Только вот когда друзья спят и не с кем перекинуться словом, чувствуешь себя не совсем уютно в этом огромном космическом доме. Впрочем, подобное ощущение, наверное, знакомо каждому, кто хоть раз дежурил в одиночку или стоял вахту, как скажут моряки.

Но сейчас я разговариваю с Землей и чувствую себя почти как дома. Узнаю, что погода «внизу» стоит неважная — пасмурно, ветер, дождь. А здесь, на орбите, в иллюминаторах — слепящее солнце, а Земля плотно укутана облаками.

— Дождя у вас нет? — шутит «Заря».

— Нет у нас дождя. Нет ничего земного вокруг — одна космическая красота.

— Вам готовят передачу «С добрым утром», — сообщают на борт.

— Вот это — приятная новость. Магнитофонная музыка, которую «крутят» для нас, уже порядком надоела. Почему-то она не очень пришлась нам по душе. Так что обещанной передачи мы ждем с нетерпением. Тем более, что рассчитываем услышать исполнение наших заявок. Интересно, как мы с командиром выглядим в новом для нас бородатом виде на телевизионном экране. По-моему, у меня отрастает довольно-таки

странная борода, какого-то татаро-монгольского типа. Правда, я мало ей уделяю внимания.

— Как прослушивается коротковолновый радиодиапазон? — интересуется «Заря».

— Хорошо прослушивается, особенно в западном полушарии, на экваторе. До чего же приятно становится на душе, когда где-нибудь над Южной Америкой слышишь в эфире родную речь.

— За растениями наблюдаете?

— Еще бы! Даже чаще, чем предусмотрено программой. К этим зеленым росточкам у нас на «Салюте» отношение особое. Они как бы связывают нас с далеким и невыразимо близким земным миром. Ухаживаем за своим «космическим огородом» заботливо и старательно. Растут наши овощи хорошо.

— Поливаете аккуратно? — с притворной серьезностью допытывается «Заря».

Шутники. Попробовали бы поливать в невесомости. Гораздо легче воду в решете носить.

Сеанс связи подходит к концу. Следующий состоится уже на тысячном витке. Сколько еще спать моим друзьям? Неужели один я и встречу тот момент, когда на счетчике глобуса появится единица с тремя нулями?

Смотрю график расписания: нет, не один, ко мне присоединится командир экипажа. Ему заступать на дежурство, вести связь с «Зарей». Через полчаса «поплыву» его будить.

Мы знаем: тысячный виток начнется в 00 часов 44 минуты 44 секунды 20 июня. Последние минуты неотрывно следим за показаниями бортовых часов. Есть! Потекли секунды юбилейного витка.

— «Янтарь!» Я — «Заря»! На связь!

Георгий отвечает, и я вижу, как он улыбается.

Командир экипажа принимает поздравления из Центра управления полетом.

На новогоднем балу

Мы прекрасно понимаем, что с юбилейным витком надо поздравлять не одних нас — всех советских исследователей космоса, десятки, сотни, тысячи людей, тех, кто вложил свой труд, свое умение, свои знания в создание совершенной космической техники, тех, кто днем и ночью дежурит на Земле у пультов и установок, обеспечивает полет. Нам выпало на долю принять участие в завершении этого огромного труда успешной работой на орбите. Мы стараемся выполнить все как можно тщательнее, полнее, получить как можно больше новых данных, необходимых нашей науке, технике, народному хозяйству...»

Программа проводимых работ приближалась к завершению, экипаж готовил станцию к консервации. Накануне Георгий Добровольский провел телерепортаж. Он говорил: «Проделана очень большая работа, исключительно важная по своему научному содержанию работа. У нас заканчивается более чем трехнедельный полет. Сейчас экипаж проводит подготовительные работы для спуска. Проходит укладка оборудования, документации, части научной аппаратуры в транспортный корабль. На Землю пойдет очень много интересного материала, который с нетерпением ждут ученые, инженеры, техники, рабочие».

И вот пришел день, когда космонавтам предстояло покинуть первый звездный причал, созданный на орбите Земли, перейти в транспортный корабль и, расстыковавшись, отойти от такой гостеприимной и родной станции, которая на протяжении почти месяца была им домом и рабочим местом.

Космонавты еще раз проверили, все ли взято со станции, перевели системы и аппаратуру в автоматический режим: ведь станция и после их посадки еще долго будет передавать на Землю информацию.

Перед тем как покинуть станцию, Добровольский, Волков, Пацаев по старому русскому обычаю присели... Поднялись, выключили внутреннее освещение отсеков и, мягко оттолкнувшись, через проходной отсек пронырнули в бытовой блок транспортного корабля. Здесь космонавты сняли сослуживший свою службу тренировочный костюм «пингвин», переоделись в полетные костюмы. Вошли в спускаемый аппарат. Бортинженеру предстояло закрыть крышку люка-лаза. Волков вращал штурвал закрытия крышки до тех пор, пока не сработал сигнализатор, подтвердивший, что крышка зафиксировалась.

Космонавты подгоняли привязную систему, затягивались. Сообщили на Землю о готовности к расстыковке. Земля дала «добро». На командно-сигнальном устройстве Добровольский выбрал программу «расстыковки» и нажал кнопку исполнительной команды. Было слышно, как заработали моторы, расслабляя механическую связку станции и транспортного корабля. И когда механические захваты отпустили стыковочный штырь, Добровольский включил двигатели на отстыковку от станции. Конструкции «Салюта» начали постепенно удаляться. Ощущение сравнимо, пожалуй, с тем, когда большой океанский лайнер отходит от причальной стенки.

После проведения тренировок в пустыне
на крыльце заставы у пограничников.

Слева направо: Олег Макаров, Николай Романтеев,
Лев Воробьев, Иван Фадеевич Одинцов, Георгий Добровольский,
Виктор Пацаев, Николай Рукавишников, Петр Климук, Юрий Шутов,
Иосиф Давыдов — во втором ряду

Все больше и больше от «Салюта» уходил «Союз-11». Вот уже станция яркой точкой растворилась в океане звезд.

Георгий Добровольский ориентировал корабль для включения ТДУ — тормозной двигательной установки, которая уменьшит скорость и позволит кораблю опуститься на Землю. Приближались к южной оконечности Африки. Командир вместе с бортинженером еще раз проверил правильность ориентации. Бортовой навигационный прибор показал, что пора идти на спуск. Добровольский включил ТДУ. Было слышно, как проработала положенные ей секунды двигательная установка, и через некоторое время начали расти перегрузки. Корабль входил в плотные слои атмосферы. По командам автоматики должен произойти отстрел приборно-агрегатного и бытового отсеков. Автоматика сработала четко. Пироболты отбросили от спускаемого аппарата ненужные теперь отсеки космического корабля.

И вдруг... Что это?! Со свистом и шумом из спускаемого аппарата стремительно выходила атмосфера корабля. Вакуум, как вихрь, обрушился на космонавтов...

...В тяжелые дни прощания с погибшими героями — Добровольским, Волковым, Пацаевым — в советской печати было опубликовано письмо, подписанное верными друзьями и соратниками погибших. Они писали:

«Покорение и освоение космоса — этого нового неизведанного мира — было бы немыслимым без подвигов. И мы знаем, что путь покорителей звездных далей усыпан не только лаврами. Это прежде всего дело, требующее огромного напряжения человеческих сил, глубоких знаний, мужества, воли.

...Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев отдали свои жизни, беззаветно выполняя почетное и ответственное задание. Но не только скорбь владеет нашими сердцами. Гордость за то, что они сделали для нашей Родины на космической орбите. Решимость продолжать их дело, столь нужное человечеству.

...Каждый из них был для нас дорог и близок как товарищ, как человек, с которым мы вместе служили одному общему делу. И потому сегодня каждый из нас чувствует как бы двойную ответственность за претворение в жизнь наших общих планов. За себя и за них.

Центральный комитет нашей партии, Советское правительство, наш народ могут быть уверены в том, что каждый из нас — и те, кто уже летал в космос, и те, кому еще предстоит впервые подняться на высокую орбиту, сделают все для того, чтобы еще более упрочить и возвеличить немеркнущую космическую славу нашей социалистической Родины.

Впереди — новые старты и бескрайний звездный мир! Мы готовы к полету».

Заказное убийство в космосе

Незадолго до полета корабля «Восход-2» и первого выхода в открытое космическое пространство Алексея Леонова в космосе, выполняя совершенно секретное задание по испытанию систем и шлюзовой камеры, погибал неназванный космонавт Андрей Первозванный. Погибал мужественно, как летчик, спасая командира и общечеловеческой важности эксперимент. Он согласился на это высшей степени опасности задание — испытание систем по выходу в открытое космическое пространство — понимая, что это новый, доселе неисследованный шаг в деле космонавтики.

Андрей не имел связи с прямым выходом в эфир: сброс информации на Землю шел через закрытые кодированные каналы систем связи корабля.

Запуск нового корабля с экспериментальной, разворачивающейся как гармошка шлюзовой камерой прошел успешно. На орбите установили шлюзовую камеру в рабочее положение. Проверили ее наполнение воздухом. Командир корабля проконтролировал работу всех систем шлюза и открыл люк корабля. Теперь уже только люк шлюза-тоннеля разделял экипаж от космического пространства. Предстояло проделать еще две операции, чтобы напрямую соприкоснуться с космосом. Нужно было войти в шлюз, закрыть люк корабля, разгерметизировать шлюзовую камеру и открыть ее люк, ведущий прямо в космос.

Андрею Первозванному предстояло проделать две последних операции, наблюдая за работой систем скафандра по мере наступления в шлюзе космического вакуума.

По внутрикорабельной связи оба космонавта вели переговоры, проверяя работу систем, а командир и телеметрия отправляли информацию в Центр управления полетом.

Все предварительные операции прошли успешно, механизм люка открыл прямую дорогу в космос. Андрей, легко оттолкнувшись от корабля, медленно поплыл по тоннелю к люку, увлекая за собой кабель связи и страховочный капроновый фал. И вот он у обреза люка. Высунулся из шлюза, а руки цепко держались за его обрез. Потрясающей красоты бездна развернулась перед глазами космонавта.

Андрей — опытный парашютист, каждый раз, готовясь к прыжку у люка самолета, испытывал желание не покидать эту надежную вибрирующую от моторов твердь. Однако он достаточно легко преодолевал этот спортивный мандраж, потому что уже имел опыт. Шагать же в трехсоткилометровую пропасть на скорости свыше восьми километров в секунду до него еще никто не пробовал. Нужно сосредоточить внимание на пальцах рук, дать им команду разжаться, чуть-чуть оттолкнуться, как учили на тренировках в «бассейне невесомости» — самолете ТУ-104, специально оборудованном для этих работ.

Раздутый избыточным давлением скафандр сковывал и стеснял движения. Андрей, медленно разминая пальцы рук, чувствовал как его плавно выносит из шлюзовой камеры. Легкое движение от шлюза и он поплыл. Рядом извивался, как живой кабель связи, капроновый фал. Теперь он находился в свободном парении, превратившись в маленький космический корабль со своими системами обеспечения жизни. Он стал спутником большого корабля, в котором находился его друг и командир, наблюдавший за ним через объектив телекамеры и передававший информацию на Землю.

Андрей упивался красотой родной планеты, которая стремительно неслась под ним, показывая ему как на уроке географии горы, моря и океаны. Он был счастлив, он был первым...

— Пора возвращаться, Андрей! — голос командира вывел его из состояния эйфории. — Действуй, как учили!

— Будь спокоен, командир. Не подведу!

Андрей излишне резко потянул за фал, его тут же закрутило и понесло под корабль. Командир потерял его из виду и встревожился:

— Ты где?

— Сейчас устраню закрутку и подтянусь к шлюзу, — успокоил Андрей.

Плавными мягкими движениями Андрей собирал в руки фал. И вот он на обресе шлюзовой камеры. Нужно пройти ее и войти в корабль. Развернулся и пошел ногами вперед в люк, как предусматривалось инструкцией и как отрабатывали во время тренировок. Но раздутый скафандр не пускал. С помощью регулятора попытался сбросить давление. Не получилось. И сразу дурные мысли полезли в голову.

— Командир, войти не могу, скафандр не пускает.

— Передохни и снова попробуй.

Командир в наушниках шлемофона слышал тяжелое, учащенное дыхание Андрея.

Корабль тем временем уходил из зоны радиовидимости с территории СССР.

— Командир, ухудшается работа систем жизнеобеспечения, становится душно. Буду пробовать входить головой, — почти хрипел Андрей.

— Пробуй, все пробуй! Только не волнуйся. Я подстрахую тебя, Андрюша. Буду готовиться к выходу.

Андрей развернулся и попытался протиснуться головой в шлюз, но раздутые избыточным давлением плечи скафандра не пускали.

Ситуация резко обострилась. Он старался втиснуться, вытянув руки вперед и хватаясь за выступы на конструкции шлюзовой камеры. Это привело к заклиниванию.

И как будто в дополнение к этому резко снизилась подача кислорода. Дышать стало тяжело. Все тело от избытка углекислоты покрылось холодным потом, который, стекая по лбу, слепил глаза.

По приборам командир оценил обстановку:

— Держись, Андрюша, что-нибудь придумаем.

Он быстро включал и выключал тумблеры, готовил разгерметизацию корабля с тем, чтобы выйти из шлюза и помочь товарищу.

В это время Андрей лихорадочно оценивал ситуацию. Мозг с трудом подавлял липкий страх нормального человеческого инстинкта самосохранения. — «Это смерть!» — Готовился ли он к ней? Нет, не готовился. Он хотел жить и не на смерть летел в этот космический полет, а ради жизни красивой и светлой.

— Держись, Андрюша, я иду на помощь! — Слова командира вырвали его из надвигающегося ужаса и включили механизм мужества. Он вспомнил разговор с Главным Конструктором накануне старта:

«Андрей! Если после выхода или в шлюзе случится непредвиденное, и ты не сможешь вернуться в корабль, ты же знаешь своего командира. Он не бросит тебя. Пойдет на выручку. Разгерметизирует корабль, а это значит, что ряд систем откажут в глубоком вакууме. И тогда гибель обоих, корабля и очень длительная остановка в космических исследованиях. Только ты сможешь принять правильное решение: одна или две жизни. Здесь нужно быть мужчиной».

— Командир, прекрати разгерметизацию корабля. Я принял решение.

Воля мужчины, летчика возобладали над липким чувством смертельного страха. Он вытащил из кармана скафандра специальные бокорезы, подтянул фал, связывающий как пуповина его с кораблем. Как мог спокойно произнес последние слова для магнитофона.

— Прощай, командир! Прощайте люди!

Прощайте, родные мои! Живите долго!

В следующее мгновение резким нажатием бокорезов он перекусил фал и провода, соединявшие его с кораблем, вырвал плечи из цепких объятий шлюза и сильно оттолкнулся.

Услышав голос Андрея, командир глянул на экран телевизора, где просматривалась шлюзовая камера, и увидел пустоту, в которой как змея извивался фал, а в открытый люк поползло черное безмолвие Космоса...

Да простит меня читатель за эту фантазию о воле и мужестве, в которую я вас позвал.

Все в реальном полете было гораздо прозаичнее. И спустя тридцать лет от великого свершения человечества — выхода в открытое космическое пространство, благодаря желанию некоторых, уж не знаю, как и назвать их, мерзавцев и подлецов, от этого подвига повеяло смрадом заказного убийства, так популярного в наше время.

Я предлагаю читателю разобраться в истинных мотивах и развеять эти мразь и смрад, которыми попытались некоторые «горе-участники космических исследований» оклеветать в печати добрые имена Главного Конструктора Сергея Павловича Королева и Героя Советского Союза летчика-космонавта Павла Ивановича Беляева.

И сделано это было как удар ножом в спину исподтишка в День Космонавтики 12 апреля 1995 года, т.е. тридцать лет спустя после этого легендарного полета.

У Гебельса в его теоретических разработках о практических приемах пропаганды, говорится: главное вовремя оболгать и обгадить порядочного человека. Потом он может потратить всю жизнь, чтобы отмыться. И не исключено, что ему ее не хватит. Если же человека уже нет в живых, то такая задача по силам только тем, кто знает истину, способен о ней рассказывать и защитить добрые имена оболганных. Попытаюсь это сделать с помощью фактов и людей, достоверно знавших эти события. В «Литературной газете», вышедшей в этот день под рубрикой «Тайны космонавтики» читаем броское название «Сможешь отстрелить Алексея?» — якобы Главный конструктор Сергей Павлович Королев жестко спросил об этом командира корабля Павла Ивановича Беляева перед первым в мировой истории выходом человека в открытый Космос.

Читал дальше статью и не верил, что это написал полковник медицинской службы запаса Ростислав Богдашевский. Как же нужно было ненавидеть на протяжении многих лет то дело, которому он посвятил столько лет своей жизни, как нужно было ненавидеть двух прекрасных людей, которых уже нет с нами, и они не могут защитить себя, чтобы публично оболгать их и обвинить в подготовке убийства в Космосе.

Чтобы читатель мог представить как происходил этот **«сговор» на заказное убийство** приведу дословно выдержки из публикации в «Литературной газете».

Ростислав Богдашевский: «Вспоминаю некоторые «нюансы». На тренировках экипажа присутствовало много разного и всякого начальства. После ее окончания я «раздел» космонавтов (снял медицинскую экипировку), провел врачебный осмотр (медконтроль) и остался в так называемой «темной комнате», что рядом с кабинетом врача, приводить в порядок их «медицинскую амуницию». И, естественно, ничего не знал о том, что Сергей Павлович Королев попросил дать ему возможность поговорить тет-а-тет с космонавтами. Ему и предоставили кабинет врача, в котором никого не было. Так я невольно оказался свидетелем разговора Сергея Павловича сначала с Беляевым, а потом с Леоновым.

Учитывая то, что и Королева и Беляева уже нет с нами, а также то, что впоследствии, когда Павел Иванович умирал в госпитале имени Н.Н. Бурденко от обширного перитонита и буквально за несколько часов до того, как уйти в забвение, рассказал мне об этом разговоре, я его привожу практически дословно.

Прежде чем продолжить цитировать Богдашевского о сговоре на убийство в кабинете врача, позволю себе дать маленький комментарий к уже прочитанному.

Известно, что Главный Конструктор Сергей Павлович Королев провел несколько лет в сталинских концлагерях в том числе и под Магаданом. Неужели искушенный в лагерной конспирации человек позволил бы подслушивать кому-то разговор тет-а-тет и не заглянул бы в соседнюю комнату, где, затаившись, сидел Богдашевский?

И еще более отвратительно читать это, потому что людей нет в живых, а совесть — «горе космического врача» позволяет ему вкладывать в их уста сговор на убийство. Ради какой дешевой сенсации нужно так оскудеть душой, чтобы нагло врать на мертвых?

Как мог Павел Иванович Беляев исповедоваться перед человеком, которого не только не пускали к нему в палату, но даже не допускали в то отделение госпиталя, где проводилась операция? Об этом свидетельствуют начальник отделения госпиталя им. Н.Н. Бурденко полковник медицинской службы Гулякин Михаил Федорович и жена космонавта Татьяна Филипповна Беляева, бывшая у постели мужа до последнего его дыхания.

Снова возвращаюсь к «подслушанному» (придуманному зачем-то) Богдашевским разговору.

«СП (Сергей Павлович): «А теперь, ПИ (Павел Иванович), проверяю твою готовность. Что будешь делать, если Алексей не сможет войти в шлюз?»

ПИ: Во время тренировок на невесомость при полетах на самолете лаборатории ТУ-104 я отрабатывал такую нештатную. Он, Алексей, имитировал бессознательное состояние и я затаскивал его в шлюз и далее в СА.

СП: А если у тебя ничего не будет получаться, сможешь отстрелить Алексея вместе с ШК (шлюзовая камера)?

Долго молчал ПИ, а затем сказал, что уверен в себе, и такого не может быть.

Подумав немного, СП, как умел говорить только он, выразил не столько словами, сколько всем своим видом (Богдашевский из темной комнаты «увидел» «свой вид» Королева), сказал: «Что же», — спрашивал о твоей готовности ПИ, не зря. — «К полету не готов. Иди» С минуту молчал ПИ. Я представляю, что творилось у него на душе. А затем сказал: «Если потребуется, я смогу это сделать». После этого последовало Королевское: «Спасибо».

Трудно найти слова, чтобы комментировать этот придуманный Богдашевским диалог. Сколько цинизма и безнравственности он вложил в слова двух прекрасных мужественных зрелых людей, прошедших через горнило жизни, испытавших на себе боль унижения и предательства (Королев) и офицера-фронтовика (Беляев).

Задаю вопрос Заслуженному летчику-испытателю Герою Советского Союза Марку Галлаю, члену Государственной комиссии по пуску корабля «Восход-2»: «Мог ли быть такой разговор?» Ответ был однозначным: «Нет, конечно, нет. Нужно знать Сергея Королева. Могу лишь добавить, как член Госкомиссии, что с самого начала программа полета не держалась в секрете, и ее должны были сообщить сразу же после старта «Восхода-2». Значит, сохранить в тайне гибель Леонова не удалось бы. Вся статья — это бред безнравственного человека».

Тот же вопрос дважды Герою Советского Союза, заслуженному летчику-испытателю, летчику-космонавту, фронтовику Береговому Георгию Тимофеевичу. Он ответил: «Думаю, что это выдумка Богдашевского. Так ставить задачу Королев не мог. Тем более не верю, что Беляев принял бы его условие. Если бы Беляев вернулся один, лучшее, что он мог бы сделать, это застрелиться на месте посадки».

На этом можно было бы, пожалуй, и закончить разговор о заказном убийстве в Космосе, когда «мафиози» Королев С.П. предлагал «киллеру» Беляеву П.И. звание Героя Советского Союза и летчика-космонавта за готовность при определенных условиях уничтожить товарища.

Но желание обгадить этих людей, которых уже нет с нами, появилось и у Михаила Реброва — военного журналиста, сделавшего свои карьеру, имидж, капитал на космонавтике. Самое парадоксальное, допустил его к этим благам Сергей Павлович Королев. Его репортажи под рубрикой «Штрихи к портрету» выходили о каждом космическом полете. Он прославлял космонавтов и космонавтику в своих книгах совместно с Каманиным Н.П. и Шаталовым В.А. — так легче было их проталкивать. Ну, а теперь, когда крестная для него мать космонавтика в загоне, он решил подоить ее путем обливания грязью.

Читаешь его очерк «У кого ключ от тайны» в написанной им книге «Космические катастрофы» и думаешь: вот он нашел еще одну жилу, только теперь не золотую, а помойную — зловонную. Начал почему-то опять же с Королева С.П. и Беляева П.И.

Правда, обстоятельства другие. Если у Богдашевского разговор Беляева и Королева подслушан из темной комнаты, то у Реброва он происходил перед самой посадкой в корабль не столь прямолинейно и без слухачей. После вынужденной посадки в тайге зимой «Восхода-2» у членов экипажа, пока их искали, было время поговорить. Вот этот разговор якобы со слов Алексея Леонова, записанный Михаилом Ребровым, я привожу дословно:

«-О чем тебе говорил Сергей Павлович? — Алексей вернулся мучившему его вопросу.

— Когда? — вяло спросил Беляев.

— Перед посадкой, на Байконуре...

Павел не умел, да и не хотел врать. Он сначала молчал, долго и трудно. Потом начал неторопливо:

— Он спросил: понимаю ли я, чем может обернуться эксперимент по выходу? Говорил, что психологически все очень непросто. Эйфория, потеря контроля над собой, необдуманные подсознательные действия... Если случится вдруг такое — все насмарку. И эксперимент, и корабль, и экипаж...

Беляев повернул лицо. Их глаза встретились.

— Он ничего не говорил напрямую, он как бы подводил меня к мысли о возможном провале. Я понял его тревогу и понял, как трудно ему говорить. Под конец он спросил: «Ты знаешь, что делать, если он — то есть ты — не сможешь вернуться?» Я сказал: «Знаю»...

Алексей почувствовал, как в рукава и за воротник заползает холодок, течет за шиворот с заиндеветших, лохматых веток. Захотелось распрямиться, потереть онемевшую спину, побежать в темноту, но только не думать об услышанном. «Я был заложником случая» — пульсировало в мозгу. — Заложником!» Ему вдруг стало не по себе. Сознание не хотело воспринимать услышанное. Слова Беляева отозвались болью, страхом, какой-то щемящей обидой. Зябкой судорогой он стряхнул вдруг сковавший его страх. Нет, не о жизни и смерти он думал тогда. «Сговор! Обман! Ради чего?» Чувство безысходного отчаяния сдавило сердце. «Я не так понял, я не так понял», — внушал он себе, больно закусив губы.

— Значит, стрелял бы в меня? — прервал молчание Алексей.

— Как я мог в тебя стрелять? — ответил вопросом Павел. — Ты что — спятил?»

Хочу сразу ответить чисто по технике исполнения «приговора». Даже, если бы Беляев был морально и психологически готов к убийству Леонова, он не смог бы это сделать, ибо достать пистолет «Макарова», находившийся в НАЗ (носимом аварийном запасе) можно было только после приземления. Как стрелять в Космосе из личного оружия никто не знал, куда полетит пуля в невесомости тоже, а отдача после выстрела могла привести к непонятной реакции на это корабля. А, главное, чтобы выстрелить в Леонова нужно было разгерметизировать корабль, выйти в шлюз, подойти к люку, подтянуть за фал Леонова и уже после того нажать на спусковой крючок пистолета, что не так просто сделать в раздутом скафандре, где понижена чувствительность пальцев.

И такую возможность предполагает много лет пишущий о космонавтике журналист — инженер-выпускник из академии Жуковского. Стыдно читать эти строки. Опять безнравственная погоня за сенсацией.

К слову сказать, в процессе подготовки к полету предусматривалась нештатная ситуация, когда выходящий космонавт не может вернуться в шлюз. В проверке и разработке методики спасения принимали участие легендарный летчик-испытатель Герой Советского Союза Сергей Николаевич Анохин и инженер-испытатель завода «Звезда» Виктор Павлович Ефимов. Отрабатывался выход командира с последующей доставкой потерпевшего даже в бессознательном состоянии в корабль.

Я начал очерк с фантазии, близкой к реальности. И если бы Сергей Павлович вел разговор о возможной неудаче, то принимать решение о самопожертвовании мог бы и

должен был только сам Леонов. Сговора за его спиной быть не могло. Не такие они люди — Сергей Королев и Павел Беляев. Вечная им память!

Чтобы поставить точку в этой истории я обратился к Леонову с вопросом о правдивости двух очерков и его сопричастности к их содержанию. Леонов ответил: «Нигде, ни при каких обстоятельствах, я не рассказывал о возможном сговоре Сергея Павловича Королева и Павла Ивановича Беляева по возможности уничтожения меня в случае неблагоприятного стечения обстоятельств в эксперименте по выходу в Космос. Я уверен, что командир либо спас меня, либо погиб бы вместе со мной. Другого решения не было. А те, кто способны оболгать даже самое святое, достойны просто всеобщего презрения и, прежде всего Ростислав Богдашевский, придумавший этот бред — «подслушанный разговор».

Экзамен на морозостойкость

Спускаемый аппарат космического корабля «Союз-24», прорвавшись через огненную плазму, бушевавшую на его днище и теплообмазке, с закопченными иллюминаторами повис на парашютной системе приземления. Яростное шквальное пламя, полыхавшее за корпусом корабля, с температурой до 3000°C сменилось после ввода парашюта на высоте десять километров от поверхности земли почти шестидесятиградусным морозом.

По мере приближения к снежному покрову Казахской степи обшивка корабля остывала. Космонавты Виктор Горбатко и Юрий Глазков готовились к встрече с землей. Их предупредили, что в районе посадки температура воздуха опустилась до минус тридцати градусов и сильный порывистый ветер поднимает снежную поземку, которая затрудняет поисковую работу вертолетов.

Из-за некоторых неполадок в работе системы управляемого спуска корабль отклонился от расчетной точки приземления, где уже барражировали вертолеты поисково-спасательной службы. Теперь их перенацеливали на тот район, куда опускался СА. Виктор Горбатко приоткрыл планку страховки над кнопкой «отстрела парашютных стренг» и положил палец на кнопку с тем, чтобы в момент срабатывания ДМП — двигателей мягкой посадки вовремя нажать ее. Сигнал от высотомера включил ДМП, которые, почти как взрыв, сработали под днищем корабля. Горбатко тут же нажал кнопку. Вертикальная скорость снизилась почти до нуля. И все-таки из-за наличия боковой скорости, вызванной ветром, корабль сделал несколько кульбитов с подпрыгиванием. После чего он застыл на неглубоком снежном покрове степи. Кульбиты и подпрыгивания болезненно отразились на телах космонавтов, хотя система амортизации кресел и ложемент значительно смягчили боковой удар.

И все же в голове чувствовалось это сотрясение. Аппарат замер на грунте на боковой поверхности, и космонавты в очень неудобной позе повисли на привязной системе кресел.

Подождали в надежде, что к СА подойдут спасатели и врачи, откроют люк и помогут освободиться от привязной системы. Прислушались. Голосов не слышно, шума вертолетных двигателей тоже. Тишину за бортом корабля нарушали работа внутрикорабельных вентиляторов. Попытались по системам связи вызвать поисковиков. Эфир молчал. Дальше висеть в такой позе было невозможно, затекали и немели руки и ноги, болела голова.

— Ну, что, Юра! Сесть-то мы сели, но что-то никто не торопится нас встречать. Надо самим принимать меры и выкарабкиваться, — с присущим ему спокойствием сказал Виктор Горбатко и начал помогать бортинженеру расстыковать привязную систему.

Освободившись от ремней привязной системы, Юрий Глазков вывалился из ложемента и почти упал на Виктора.

Оказавшись верхом на командире, Юрий начал освобождать его от привязной системы, а затем стал крутить штурвал люка-лаза СА на открытие. В образовавшуюся щель дохнуло холодом и снежными искрами. Юрий открыл люк.

— Слезай с меня быстрее, а то задушишь, — торопил Виктор Горбатко.

Юрий сползал через открытый люк на снежный покров. Холод обдал запотевшее лицо. Вслед за бортинженером в люк высунулся и командир. Осмотрелся. Никаких признаков жизни и поисковых вертолетов. Где-то в высоте слышен далекий гул ретранслятора-самолета АН-12, который первый вступил с ними в связь на этапе парашютирования.

Глазков на четвереньках отполз от аппарата метров на двадцать, рассчитывая таким образом увеличить обзор.

В это время произошел отстрел крышки антенны радиостанции, которая посылает в эфир сигналы маяка для радиокompасов поисковых вертолетов. Рядом с антенной заработал проблесковый светоимпульсный маяк. Таким образом, системы корабля, действующие после посадки, стали в режим радио и светосигнальных ориентиров.

— Юра, возвращайся в корабль, а то околеешь.

Глазков пополз к кораблю, но ослабленный полетом ткнулся лицом в снег.

Командир выбрался из корабля, подполз к бортинженеру и помог ему забраться в СА, а затем сам с большим трудом втиснулся в кабину.

Тонкое влажное белье и капроновая оболочка скафандров не защищали от холода, и космонавты изрядно продрогли. Тепло спускаемого аппарата, служившего им надежным укрытием от опасностей космоса, теперь помогало им на земле от тех экстремальных условий, которые подкинула родная планета.

Космонавты стали готовиться к выживанию, доставать и распаковывать блоки носимого аварийного запаса с условным наименованием «Гранат-6». Извлекли из блоков радио и светосигнальные средства, отстегнули укладки с полетными и теплозащитными костюмами.

Космонавты понимали, что если спасатели не придут через два часа, то при таком морозе и ветре спускаемый аппарат быстро выстудится и тогда дальнейшее нахождение в скафандрах будет невозможно: холод через капрон и тонкое влажное белье доберется до тела.

А эфир продолжал молчать. Несколько раз открывали люк, высовывались в надежде услышать работу двигателей вертолета. Но только свист ветра да снежные заряды врвались в кабину спускаемого аппарата.

Нужно было думать, как в этом маленьком объеме перевернутого аппарата снять скафандры и переодеться в шерстяные полетные и теплозащитные костюмы.

После длительной невесомости даже вес собственного тела воспринимался обременительно, и движения вызывали одышку и головокружение. Поэтому приходилось любые движения по переодеванию проводить короткое время с передышкой. К счастью через час с небольшим они услышали работу автомобильного двигателя, и через несколько минут к СА приблизилась «Голубая птица» — машина высокой проходимости специального конструкторского бюро завода имени Лихачева. Врачи и спасатели помогли космонавтам выбраться из СА и перенесли их в теплый салон спасательной машины.

С помощью радиосредств «Голубой птицы» и сигналов «Маяка» спускаемого аппарата удалось навести вертолет.

Когда винтокрылая машина, совершив посадку, подрулила к «Голубой птице», врачи и спасатели переместили космонавтов в теплую кабину вертолета, который тут же взлетел и взял курс на Джезказган.

Так завершился сложный и опасный полет на станцию «Салют-5», на которой была впервые проведена операция по замене атмосферы станции и в натуральных условиях космоса проверена методика восстановления и ремонта станции в случае разгерметизации.

Но посадка в холодную заснеженную степь в сложных метеоусловиях, затрудняющих поиск даже на штатных полигонах, подтвердила необходимость совершенствования специальной теплозащитной одежды и снаряжения, позволяющих выжить космонавтам в экстремальных условиях отрицательных температур, когда быстрой помощи ждать неоткуда.

На эти же мысли наталкивали аварийные посадки в горы «Союза-18-1» с Лазаревым и Макаровым на борту, а также на «Союзе-23» Зудова и Рождественского в озеро Тенгиз.

О том, что холод в экстремальной ситуации после посадки — не друг, было понятно. Но как защититься от него, не имея достаточно места в корабле для объемного и тяжелого снаряжения, предстояло решить специалистам-профессионалам. Здесь нужно было найти разумное сочетание опыта народов Севера, альпинистов и полярников. Созданное теплозащитное снаряжение нужно было загнать в минимальные объемы и веса...

За решение этой задачи взялись специалисты завода «Звезда» — конструкторы защитного снаряжения для летчиков и космонавтов. В качестве испытателей, способных оценить это снаряжение, выступали специалисты Центра подготовки космонавтов (в том числе и сами космонавты), Института авиационной и космической медицины, КБ «Энергия» имени С.П.Королева. Предстояла трудная работа...

У меня, как человека, чье раннее детство и юность прошли в теплом климате, холод Севера никогда не вызывал положительных эмоций. Но как говорят, южного человека всю жизнь гоняла специфика работы по северам. И если бы не тепло и доброта душ северян, то экзотика Севера оставила бы у меня только ассоциации о чем-то болезненном и неприятном. Когда-то Георгий Добровольский — командир корабля «Союз-11», погибший от разгерметизации спускаемого аппарата при возвращении на Землю, жизнерадостный одессит говорил: «Я как дореволюционный цыган променял бы три зимы на одно лето».

Испытания проводились в самый лютый мороз

Но работа есть работа, и я взялся за организацию работ по испытанию теплозащитного снаряжения космонавтов в натуральных экстремальных условиях и разработке методики подготовки космонавтов в случае вынужденной посадки в этих условиях. Завод «Звезда» в лице ведущего специалиста фирмы Драя Николая Ивановича предложил для этих целей несколько видов костюмов для защиты от холода: ТЗК-10, ТЗК-12, ТЗК-14 — на шерстяной, пуховой и синтепоновой основе.

Различались они по теплозащитным характеристикам, но отвечали требованиям веса и объема, определенным разработчиками кораблей.

Ускорить процесс выполнения этих работ по выживанию космонавтов в условиях низких температур подталкивала высокая вероятность попадания в них в случае вынужденной посадки, теоретически в каждом космическом полете, в Южном и Северном полушарии.

Вдаваться в подробности создания костюмов и поиска для них самых современных материалов не буду. Хочу рассказать о проведении испытательных и научно-исследовательских работ и непосредственных участниках их.

Изучение исследований в холодовых условиях, просмотр научно-популярных и художественных фильмов по выживанию на Крайнем Севере и в высокогорье давал

эмоционально-психологический фон и настрой на проведение работы. Просмотр фильмов выстраивал зрительный ряд постановки экспериментов с применением спускаемого аппарата и огромного купола парашюта, на котором идет возврат к земле из космоса.

Итак, об испытаниях. Начали с того, что решили повторить ситуацию Горбатко и Глазкова. Но исходными данными взяли уже выстуженный спускаемый аппарат. Сначала решил попробовать сам. Из-за моих габаритов подобрать для меня снаряжение на этот раз не удалось. Пришлось импровизировать сочетание ТЗК — теплозащитного костюма, гидрокостюма ГК «Форель» и парашютной ткани, которой обмотался сам и выложил из нее гнездо на креслах СА. Шесть часов пребывания в металлической гробнице дали полное эмоционально-психологическое представление о состояниях человека в этом замкнутом объеме, да и еще в тесном снаряжении.

Теперь я понимал, что ждет моих товарищей, добровольно согласившихся пойти на суточный эксперимент, в котором проверялась физиология (темпы замерзания отдельных органов человеческого тела) и психология. Уходя от сугубо научных и медицинских терминов, можно сказать, проверялась стойкость, мужество и преданность делу испытателей

Надо сказать, что в первом эксперименте мы не учли, что на холоде при замерзании человеческий организм выделяет намного больше углекислоты, чем в нормальных условиях.

Итак, в первый эксперимент в выстуженный СА на сутки залезли два испытателя из Института авиационной и космической медицины: Олег Бычков — врач, кандидат медицинских наук и инженер Вячеслав Перфилкин.

Они участвовали во многих испытаниях по выживанию летчиков в экстремальных условиях Крайнего Севера. Олег защитил по этой тематике кандидатскую диссертацию. В свое время он проходил комиссию на космонавта, но не судьба. Славка Перфилкин, как испытатель и человек, был любимцем первого отряда космонавтов. Гордился дружескими отношениями с Юрием Гагариным, Андряном Николаевым, Павлом Поповичем.

Первые шесть часов они четко выполняли задание на эксперимент. Каждый час открывали крышку люка СА, проветривая его от скопившейся углекислоты. После каждого такого проветривания в уже итак застуженный аппарат врывалась порция холода, от которой стучали зубы.

Пока вновь своим дыханием удавалось нагреть атмосферу СА, опять накапливался углекислый газ.

И снова приходилось проветривать...

К ночи усилился мороз и ветер. Аппарат лежал на грунте так, что ветер дул прямо в люк. Сама крышка люка и штурвал ее открытия настолько промерзли, что к ним прилипали руки даже в перчатках.

Чтобы не околевать при проветривании, Олег решил изменить методику эксперимента и оставил люк чуть приоткрытым. Но студёный воздух врывался в эту щель. Олег считал, что в этом случае проветривать надо реже и рассчитывал на свое чутье при передозировке углекислого газа. В аппарате они расположились так, что Славка оказался на крышке люка-лаза, накрытой многослойным куском парашюта, чтобы избежать прямого контакта и переохлаждения...

Пока сидели первые восемь часов, переговаривали обо всех делах, многое вспоминали, делали какие-то физические упражнения. Поток решили по очереди дежурить и через каждые два часа по заданию выходить на связь с группой экспериментаторов, обеспечивавших эту работу.

В часы своего очередного дежурства Перфилкин не заметил, как навалился на крышку люка и закрыл даже ту маленькую щель, через которую поступал свежий воздух степи и истекал углекислый газ. Он не заметил, как заснул от теплого удушья.

Когда через очередных два часа на девятнадцатый час эксперимента экипаж СА не вышел на связь, мы побежали к аппарату. Пронизывающий морозный ветер гулял по замерзшей Казахстанской степи, закручиваясь у аппарата. Мы подбежали к СА и позвали: — Олег! Слава!

Отзыва не было, и зловещая тишина говорила о беде...

Стали стучать по люку, днищу СА. Молчание. Попытка открыть крышку люка не увенчалась успехом. Она была чем-то прижата, а, прилагая усилия к открытию, мы могли травмировать экипаж.

Снова стучим, кричим. И вдруг слышим глухой голос Олега:

— Славка спит. Разбудить не могу. Задыхаюсь. Он лежит на люке. Сдвинуть его нет сил. Толкайте, как можете.

Мы налегли на крышку люка. Огромным усилием нескольких человек мы сдвинули крышку с лежавшим на ней без сознания Перфилкиным. Холодный воздух, хлынувший в аппарат, привел его в чувство. Он сполз с крышки люка, и мы открыли дорогу к нашим испытателям.

Дальше все было прозаичнее. Олег и Слава полностью пришли в себя. Проанализировали сложившуюся ситуацию. Внесли поправку в задание на следующий эксперимент, в который пошли другие испытатели.

Следующий этап испытаний и исследований предстояло провести на Крайнем Севере в районе поселка Советский вблизи от города шахтеров Воркуты.

Здесь в качестве испытателей выступали военные космонавты.

К работе в Воркуте готовились тщательно. Она была прологом к первым арктическим тренировкам космонавтов, их действиям в экстремальных условиях, и продолжением научно-исследовательской и испытательной работы.

Одновременно планировалось провести испытание комплекса спасательных машин «Голубые птицы» при очень низких температурах, глубоком снеге разной плотности, полярной ночью в отрогах Полярного Урала. А главное — в тесном взаимодействии с космонавтами, для обеспечения безопасности полетов которых и был создан комплекс.

Самолет ИЛ-76 Центра подготовки космонавтов со спускаемым аппаратом, «Голубой птицей» (ПЭУ-1М) бригадой испытателей и снаряжением для проведения работ совершил посадку на ледовый аэродром Северный вблизи Воркуты.

Заполярье встретило нас лютым холодом. Стрелка термометра опустилась ниже - 50°C. Чего хотели, того и получили. Нас радушно встретили руководство военной базы, города и шахтерского объединения «Воркутауголь». По распоряжению командира базы полковника Лысака Дмитрия Антоновича нам помогли быстро разгрузиться и предоставили помещение для размещения техники, снаряжения и гостиницу для всей нашей группы.

Исследование возможностей человека на выживание

К программе испытаний и исследований предстояло приступить без адаптации, как будто мы пошли на вынужденную посадку из космоса и попали в экстремальные условия.

Сразу же начали готовить людей и технику к эксперименту. Полярная ночь распахнула над аэродромом и городом звездное небо с проблесками и сполохами северного сияния. Большинство из участников бригады испытателей были на Крайнем Севере впервые. Одни восторгались новизной ощущений, другие воспринимали окружающую обстановку с осторожностью и тревогой.

Правда, радушие северян эту тревогу гасило. А явившийся к нам из поселка «Советского» директор шахты Юн-Яга (что в переводе с языка Коми означает Светлый Ручеек) Анатолий Лаухин предложил сразу поставить в режим круглосуточного дежурства шахтерскую парную на случай переохлаждения испытателей в процессе экспериментов.

Лаухина за неординарность поведения при решении дел на шахте прозвали «Красный директор», что в ту пору звучало почти как анархист. На самом деле это был передовой директор, который смело вводил новшества на шахте и в поселке. Он импонировал нам своей решительностью, стремительностью и высоким профессионализмом, а главное желанием помочь в решении наших задач. В ту пору эти задачи были для всех советских людей общими задачами страны. И никто взамен не требовал денег или каких-то выгод. Мы в свою очередь встречались с шахтерскими бригадами, делились своими заботами и рассказывали о космонавтике. Детям и семьям шахтеров показывали спускаемый аппарат и снаряжение космонавтов, давали возможность сфотографироваться. В ту пору в Воркуте действовала школа «Юных космонавтов», и мы старались рассказать мальчишкам и девочкам о буднях и трудностях космонавтики.

Итак, назавтра начало первого эксперимента со слабым теплозащитным снаряжением, но с первоначальной работой в аппарате, разогретом до состояния, в котором он совершает посадку.

В этот эксперимент идут первыми космонавты-испытатели Владимир Алексеев и Николай Порваткин. Мы в шутку называли их «железяками».

За что? За участие в наших экспериментах, в которые не только космонавты, но и многие испытатели старались не идти из-за боязни потерять здоровье.

Медицинский контроль не дал противопоказаний для участия в первом эксперименте «железяк».

А мороз все крепчал. Корабль прогрели и вывезли в тундру. Вскоре туда на «Голубой птице» привезли космонавтов. Облачившись в скафандры, как бы после полета, Алексеев и Порваткин заняли место в корабле. Вокруг аппарата на снегу разложили купол парашюта.

Володя и Николай после непродолжительной адаптации в салоне начали снимать скафандры, а затем по мере остывания стали одевать пакет одежды из ПК-10 (полетного костюма), ТЗК-10 (теплозащитного костюма) и ГК «Форель» — гидрокостюма.

После десяти часов пребывания в корабле стало холодно как в склепе. Согнутые в малом объеме аппарата испытатели начали чувствовать, как немеют ноги, теряют чувствительность отдельные части тела. Вылезли на снег, чтобы размяться, но тут их быстро достали мороз и ветер. Вновь нырнули в аппарат, но там уже тоже был колотун. Правда, не сравнимый с забортным: внутри -5°C , за бортом -45°C . Чтобы не задохнуться в СА (учли опыт Бычкова и Перфилкина в Тюра-Таме), люк держали приоткрытым.

Через двенадцать часов датчики температуры, наклеенные на тела космонавтов, начали показывать первые признаки переохлаждения.

По связи запросили самочувствие.

— У нас комфорт, — сообщил командир условного экипажа Володя Алексеев.

Глядя на приборы, врачи Олег Бычков и Коля Филатов с сомнением качали головой.

Олег посмотрел свои таблицы по ранее проведенным экспериментам в летном обмундировании и сказал:

— Не думаю, что у них комфорт. Ну, что ж подождем — увидим.

Не только «железки» выдерживают критические температуры.
Александр Волков и Анатолий Соловьев в Заполярье

Старший в группе космонавтов Евгений Хрунов, тоже взглянув на таблицы температур, прокомментировал:

— Хорошо смотреть «Приключения на Крайнем Севере» Джека Лондона по телевизору, сидя в теплой гостинице, а не в темноту ночи через иллюминатор спускаемого аппарата, в котором -10°C и кругом обжигающий металл. Что-то мудрит Алексеев!

Прошло еще два часа. Показания приборов говорили о том, что переохлаждение приближается к критическим параметрам.

На вопрос о самочувствии Алексеев снова повторил, что у них комфорт и можно продолжать эксперимент.

Мы стали сомневаться в правильности показаний хорошо оттарированной и проверенной аппаратуры: может быть в ней идет сбой от перемены места? Готовили аппаратуру в Москве, а здесь Воркута — 69-я параллель.

Еще через час наши сомнения развеял досрочно вышедший на связь Николай Порваткин.

— Если у него (Алексеева) комфорт: пусть сидит. А я пошел к черту...

Все, сидевшие в комнате, где работала громкоговорящая связь, рассмеялись, а кто-то сказал:

— Одна «железяка» сломала другую.

Через минуту после этого Алексеев с юмором висельника сообщил, что под комфортом он имел в виду комфорт в минус пятой степени.

— Я тебе покажу комфорт в минус пятой, — взяв микрофон, с негодованием сказал Женя Хрунов. — За такие шуточки морду бьют.

«Голубая птица» с врачами и экспериментаторами стремительно подъехала к аппарату. Очоченевшим «железякам» помогли выбраться наружу. И уже в теплом салоне спасательной машины космонавты, клацая зубами, пили горячий чай. А машина мчалась к шахте Юнь-Яга, где в три часа ночи работала парная. В разогретой до +120°C сауне смуглое тело Коли Порваткина покрылось мурашками. Даже через полчаса пребывания в этом пекле он еще периодически клацал зубами.

Финалом этого эксперимента была простуда Порваткина, и он до конца работ в Воркуте так и не был допущен врачами к эксперименту, хотя очень рвался. Но он чем мог помогал бригаде экспериментаторов. Алексеева простуда миновала. Он ссылаясь на то, что его уберегла гимнастика йогов, которой он занимался в корабле, и способности экстрасенса.

Мы готовили следующий эксперимент за пределами аппарата. Предусматривалось выживание с применением парашюта, подручных средств (имеется в виду снег) и снаряжения, находящегося в корабле.

В эксперимент должны были идти Евгений Хрунов и Володя Алексеев.

Опыт отсидки в корабле был получен. Он показал, что можно сидеть до тех пор, пока работают системы вентиляции. После разрядки аккумуляторов и прекращения работы всех систем, нужно покидать аппарат и, используя парашют и подручные средства, зарываться в снег, чтобы не замерзнуть и продлить время выживания на случай непогоды, замедляющей время прихода спасателей на вертолетах или спасательных машинах.

Этот элемент методики должны были отработать Хрунов и Алексеев.

Одев полный комплект теплозащитной одежды, космонавты с блоками НАЗа из теплого салона «Голубой птицы» вышли на снег и начали работу. Предстояло сделать укрытие в сугробе. Мороз и пронизывающий ветер сразу вцепились в лица и руки. Достав из НАЗа нож-мачете, Евгений и Володя начали делать берлогу, в которой предполагалось отсидеть двенадцать часов.

Резали кирпичи настоевого снега и выкладывали его в бруствер со стороны ветра, создавая таким образом, защиту от ветра. Пока работали, даже начинали потеть. Поэтому приходилось останавливаться, но тут мороз напоминал о себе и требовал, как можно быстрее создать укрытие. После двух часов работы удалось в какой-то мере защититься от ветра.

Алексееву перед выходом из «Голубой птицы» советовали снять специальные штурманские часы на металлическом браслете, чтобы уменьшить пережим кисти и убрать дополнительный источник холода, коим являлся металл. Володя проигнорировал совет. И теперь часы, зажатые манжетой гидрокостюма «Форель», уменьшили доступ крови к кисти, что вызвало быстрое охлаждение и замерзание пальцев. Для того, чтобы теперь их снять, нужно было оголить обе руки. А это значит, что остудить их и лишить работоспособности. Чтобы проделать эту операцию, Алексеев запросился в «Голубую птицу». По условиям эксперимента этого делать нельзя. Допустил пенку в своих действиях — сам и расплачивайся. Об этом ему не без юмора напомнил Хрунов:

— Ну, что йога! В какой степени у тебя комфорт? Давай вкалывай, тогда не замерзнешь!

Информация от датчиков на теле космонавтов показывали, что их тепловое состояние действительно хорошее и вносить коррективы в график эксперимента пока не надо.

После тирады Хрунова Алексеев начал работать более интенсивно. Скоро они по пояс были в снегу, и стенка из снежных кирпичей надежно защитила их от ветра. Но в укрытии становилось все холодней. Решили проверить температуру и страшно удивились: если на поверхности было -38°C , то в укрытии термометр показывал почти -50°C . Это был феномен. Объяснить его удалось с помощью метеорологов. Оказывается, накануне нашего прилета в Воркуте, и особенно в предгорьях Полярного Урала, где находился наш аэродром, почти неделю держалась отрицательная температура, близкая к минус шестидесяти. Толща снега промерзла и накопила холод, который держался в ней. И мы в процессе этого эксперимента поняли, что не каждый раз нужно зарываться в снег. Лучше строить проверенный народами Севера домик «иглу» из нарезанных кусков снега. И этому искусству предстояло научиться, а затем учить этой науке космонавтов. Опыт, полученный в двух первых экспериментах, показал, что нужно умело сочетать выживание с применением СА со строительством укрытия из снега. Кроме того, утепление СА с помощью снега, которым обкладывают днище, и парашюта, натянутого над СА в виде палатки, позволяет создать зону, защищенную от ветра.

Все это в последующих экспериментах проделали испытатели Виктор Федоров, Сеня Семенов, Володя Сабуров, Евгений Шустов.

Получился учебный фильм, который вошел разделом в общий фильм «Жизнь в твоих руках». Первыми опробовали на себе наши методики группа летчиков-испытателей, проходивших подготовку по программе «Буран», Игорь Волк, Римас Станкявичюс, Виктор Заболотский, Сергей Тресвятский.

Им в процессе тренировки достались не только лютый холод, но и пурга со шквальным ветром.

Подводя итоги этой тренировки, руководитель группы «буранцев» Игорь Волк говорил:

— Выбравшись из этой тренировки, чувствуешь себя мужиком. Мы бывали в разных передрыгах. Но полученный здесь опыт если не пригодится нам как космонавтам, то уже сейчас полезен как летчикам-испытателям.

В дальнейшем в разные годы эту тренировку в экстремальных условиях прошли почти все космонавты. И когда американских астронавтов привезли в Тикси, они отмечали, что получили хорошую закалку мужества.

Идет постройка в сугробе «берлоги»,
в которой необходимо отсидеть двенадцать часов

После тренировки — время подвести итоги

Во время одной из экспедиций в Воркуту на тренировки наших космонавтов напросился Яцек Палкевич, известный польский журналист, который пропагандирует проблему выживания человека в экстремальных климатических и погодных условиях. В основном он организовывал экспедиции в жаркие и тропические страны. Попав с нашими испытателями и космонавтами в Воркуту, он напросился на тренировку. Он одел свое собственное снаряжение и подсел к экипажу наших космонавтов, которые находились на холоде уже вторые сутки. Поначалу Яцек Палкевич много позировал перед фотоаппаратами и телекамерами, которые от холода переставали работать. Когда же нужно было выживать в холоде, его хватило только на шесть часов. По объективным и субъективным показателям врачи вынуждены были прекратить его тренировку, а наши ребята выполнили ее до конца.

В этих тренировках холодом ковалось мужество, которое так нужно в космических полетах.

К слову сказать, испытанные в Воркуте теплозащитные костюмы пригодились в космосе, когда Владимир Джанибеков и Виктор Савиных после очень трудной стыковки с неуправляемой погибающей станцией «Салют-7» вошли в нее, там был лютый холод. Космонавты извлекли из НАЗа теплозащитные костюмы и, находясь в них, оживляли и согревали станцию. Приятно было слышать из космоса слова Владимира Джанибекова:

— Спасибо создателям и испытателям ТЗК-14. Без этой классной одежды мы бы здесь замерзли...

О том, как создавался этот костюм, как подбирались материалы и конструировалась модель, можно было бы рассказать большую историю. Но все это остается за кадром большого дела, которое называется Космонавтика. На виду были те, кто находился на острие атаки...

После сообщения с борта реанимированной станции «Салют-7» у нас с Николаем Драем появился повод произнести тост: «Выпьем за нас и наших друзей, которых нет с нами, но которые хорошо о нас думают!»

Случилось, как предсказал

В конференц-зале Центра подготовки космонавтов собрались специалисты и руководство Центра на разбор неудавшегося полета. Это был откровенный разговор космонавтов со специалистами Центра, проводившими подготовку экипажа и участвовавшими в обеспечении полета, поиске и спасении с места аварийной посадки. Первым на трибуну вышел Василий Лазарев — командир

— Рассказывать о полете особенно нечего. Полет длился чуть больше четырех минут, и кроме отрицательных эмоций мне он ничего не принес. А вот поговорить о том, что было после посадки нужно. Первого, кого мы вспомнили после открытия люка — это Иосифа Давыдова. Все случилось, как он предсказал...

В зале многие заулыбались, а кто-то с юмором громко сказал: «Так это он все и подстроил. К стенке его!»

Шутка вызвала общий смех, но руководивший совещанием помощник Главнокомандующего ВВС по подготовке и проведению космических полетов генерал Шаталов взглядом остановил его и произнес:

— О посадке корабля и действиях экипажа следует поговорить, и извлечь уроки.

Что же произошло на старте, и как действовал экипаж?

Пожалуй, этот старт подвел черту под моим спором с начальником. Зинченко считал, что готовить космонавтов к действиям после вынужденной посадки в экстремальных условиях не надо. Его формулой было: захотят жить — выживут. Нужно научить пользоваться средствами НАЗа — носимого аварийного запаса, а там пусть принимают решение по обстановке — не маленькие.

Во всем мире боевая подготовка летчиков, а в США, в том числе и астронавтов, включала курс подготовки к выживанию в экстремальных условиях различных климатогеографических зон: в жаре пустынь и тропиках, на акваториях морей и океанов, при низких температурах зимы северных широт и в неблагоприятных условиях кислородного голодания и холода высокогорья. Такое обучение позволяло резко сократить небоевые потери летного состава.

Идея психологической подготовки имела целью устранение двойного стресса: во-первых — от воздействия аварийной ситуации в воздухе или в космическом полете, и, во-вторых — от воздействия экстремальных погодных и климатических условий после вынужденной посадки. Если психологическую отработку по первому варианту осуществить практически невозможно из-за широкого спектра непредсказуемых обстоятельств, то ко второму можно готовить, выбирая натурные экстремальные условия. Таким образом, снималась ситуация двойного стресса. Мировой опыт показал, что такая подготовка спасла многие тысячи летчиков от гибели, особенно в процессе боевых действий.

Подготовка к выживанию требует достаточно больших материальных затрат. Но это ничто по сравнению с потерей такого высококлассного специалиста, как летчик и, особенно, космонавт (астронавт), на обучение которого тратится несоизмеримо больше средств, чем на подготовку к выживанию. А сколько горя приносит гибель летчика или космонавта его семье, его близким, его друзьям и товарищам.

Итак, долгий спор о необходимости всесторонне готовить экипажи к выживанию был решен этим полетом в пользу мировых тенденций.

Ну, а теперь все по порядку. Что же случилось, и почему финал, к счастью, не стал трагедией?

За несколько дней до старта вместе со специалистами мы прилетели на семнадцатую площадку. Так называлась гостиница «Космонавт» в городе Ленинск (в прессе — Байконур, в простом обращении — Тюра-Там). Здесь на площадке проводится предполетная подготовка основного и дублирующего экипажей, отобранных на конкретный полет. Здесь же проходит и последняя Государственная комиссия, которая принимает окончательное решение на полет конкретного экипажа или конкретного космонавта.

Этап предполетной подготовки очень напряженный; идет корректировка бортовой документации и программы полета, работа не на тренажере а на живом корабле в МИКе (монтажно-испытательном корпусе), подгонка снаряжения и многое, многое другое.

Каждый раз с большим трудом приходилось добиваться двух часов для проведения занятий по НАЗу (носимому аварийному запасу) и практическому применению светосигнальных, радиотехнических средств, необходимых в первую очередь на случай вынужденной посадки.

Проводя занятия с Лазаревым и Макаровым, я проложил по карте трассу выведения и пошутил:

Если даст отказ [вторая](#)
Мы в Алтае, иль в Китае.
Если третья откажет -
Здравствуй Тихий океан.

По инструкции космонавты после посадки должны нажатием кнопки отстрелить стренги парашютной системы, чтобы на суше корабль не потащило ветром, а на море, чтобы парашют не послужил якорем, опрокидывающим и затапливающим спускаемый аппарат.

— Вася, Олег, не торопитесь отстреливать вторую стренгу. Определитесь по возможности, где сели. Если на воду — стреляйте немедленно. Если на сушу и в горах — не стреляйте, ибо можете покатиться в тартарары.

На полигоне во время испытаний парашютной системы при отстреле двух стренг аппарат катился под уклон. А это ощущение, как будто с горы летишь в пустой бочке. При большом уклоне это смертельно опасно, — наставлял я их.

— Ну, ты и нагонишь страху. Ничего этого не будет, — с ехидцей прокомментировал Олег Макаров.

— Пусть вам никогда моя наука не пригодится, — этими словами как и всегда я закончил занятия.

Не дожидаясь старта, здесь, на космодроме в ОТГ ПСС (оперативно-технической группе поисково-спасательной службы) оставался Володя Гайдуков, мы перелетели в Караганду, где базировалась основная группа спасателей, обеспечивающая трассу выведения и дежурство во время полета.

Перед вылетом в Караганду у меня состоялся разговор с Николаем Драем [Драй], ведущим конструктором завода «Звезда», на котором разрабатывалось и испытывалось снаряжение космонавтов. Судьба свела нас еще на испытаниях техники на полигонах под Феодосией, потом мы готовили космонавтов к выживанию в экстремальных условиях, были и в составе оперативно-технической группы поисково-спасательной службы на вероятных местах посадки в Казахстане.

— Слушай, Старый, в Казахстане весна, по телевизору обещают тепло. Что из шмоток будем брать? — спросил Николай.

— Друг мой, Колька, бери что потеплей. С Казахстаном весной шулки плохи. А рюкзаки возить самолеты, вертолеты и машины будут — посоветовал я.

На Чкаловском аэродроме, откуда летели в Караганду, легко, по-весеннему одетые офицеры из ПСС с насмешкой смотрели на наши объемистые рюкзаки.

— Это вы шмоток набрали, чтобы подстилать на траву, на солнышке загорать?

— Ничего, позагораем! Лишь бы дуба не врезать! — отвечали мы.

Прилетели. Разместились в гостинице.

На следующий день назначена проверка готовности самолетов, вертолетов, спасательной техники к работе. Накануне старта проводятся учения на готовность спасательного комплекса.

И вот пришло время старта корабля «Союз-18» с космонавтами Василием Лазаревым и Олегом Макаровым. За час до старта поднялись в воздух самолеты сопровождения старта АН-12, им нужно набрать высоту 10 тысяч метров. Нижний этаж за двадцать минут до старта занимают вертолеты. Обычно после старта и до выведения корабля на орбиту, то есть в течение пятнадцати минут вертолеты барражируют, а затем идут на посадку и находятся в режиме дежурства, пока идут два первых витка корабля вокруг Земли.

И вот мы в воздухе на борту МИ-6 с группой спасателей и руководством оперативно-технической группы. Двадцатая минута. Старт корабля прошел, но нам посадки не дают. Кружим вокруг Караганды. И вдруг неожиданная команда, взять курс на Семипалатинск.

Лица командира экипажа и начальника ОТГ встревожены. Ясно, что-то случилось. Но что? Никто не знает. Все пассажиры МИ-6 молча смотрят друг на друга. В глазах тревога. Через час полета в пассажирскую кабину выглядывает командир и радостно кричит:

— Живы! Повисли на краю пропасти в горах.

Все облегченно вздохнули и заулыбались. Каждый начал прикидывать свои возможности и степень участия в предстоящей спасательной операции.

Держим курс на Семипалатинск. Чем ближе к нему, тем больше снега на земле. После Караганды, где пробивалась свежая травка, надоевший за зиму снег не вызывает восторга: тем более, что он уже не только на земле, а бьет в лобовое стекло и постепенно окутывает вихрящейся пеленой вертолет. Видимость земли даже с высоты триста метров плохая. Приближаемся к Семипалатинскому аэродрому. Вышедший из кабины бортинженер сообщил, изображая дрожащего человека:

— В Семипалатинске колотун — минус семнадцать градусов и снегопад. К тому же нас никто не ждет.

Положительных эмоций эта информация ни у кого не вызвала, тем более, что все были по-весеннему одеты в плащи. Никто, кроме нас с Николаем к такому повороту событий не был готов.

К моменту посадки мы переоделись, резко сократив содержимое рюкзаков, еще три часа назад вызывавших насмешку у наших товарищей. В раскрытую дверь вертолета дохнуло холодом. Подъехавшие автобусы повезли нас в гарнизон. По дороге узнаем, что в результате отказа третьей ступени ракеты-носителя сработала система аварийного спасения, и корабль приземлился в труднодоступной горной местности вблизи районного городка Алейска.

Приехали на командно-диспетчерский пункт (КДП) авиационной воинской части, базировавшейся на аэродроме Семипалатинск.

Информация неутешительная. Через АН-12 ретранслятор, который поддерживает связь с экипажем космического корабля, уточнили, что спускаемый аппарат находится на краю пропасти и не упал только потому, что купол парашюта зацепился за деревья. Находиться в аппарате небезопасно. Поэтому Лазарев и Макаров сняли скафандры, переоделись в теплозащитный костюм (ТЗК-10) и гидрокостюм «Форель». С помощью средств НАЗа — носимого аварийного запаса на отколовшемся от аппарата куске теплозащиты разожгли костер.

Приближались сумерки. С подлетевших самолетов АН-12 стали готовиться к десантированию парашютно-десантные группы (ПДГ), в состав которых входили врачи. О готовности к десантированию сообщили космонавтам.

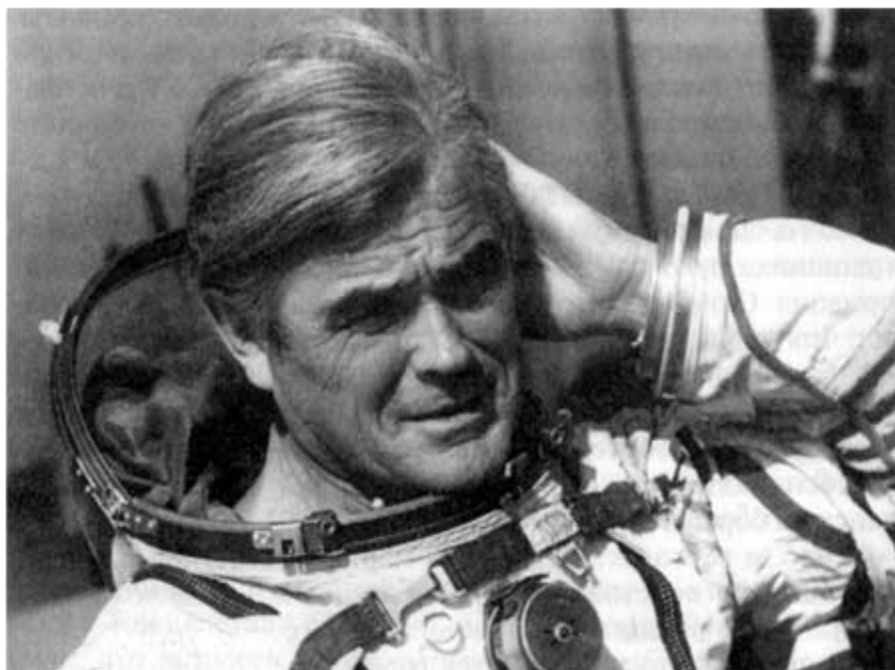
— Я категорически возражаю против десанта. Как парашютист-инструктор считаю, что можно с большой вероятностью погубить людей. Кругом скалы, снежные завалы и возможны лавины. Кроме того, ветер метров пятнадцать в секунду. Всех разбросает. К нам никто не подобрется, да еще и погибнет кто-нибудь, — резко потребовал Лазарев. — Мы до утра как-нибудь продержимся, а там можно будет подняться на вертолет.

Как летчик и парашютист Василий Лазарев понимал, что в таких условиях прицельное десантирование невозможно, а жертвоприношение космонавтам было не нужно.

Самолеты АН-12, сменяя друг друга, продолжали барражировать над местом посадки, с них видели горящий костер космонавтов, периодически выходили с ними на связь, передавали информацию в Москву. Оттуда в Семипалатинск из штаба ВВС вылетел главный инспектор по технике пилотирования вертолетов, чтобы определить возможность зависания в горах с целью подъема космонавтов на борт. Ночью спасатели разрабатывали различные варианты эвакуации космонавтов. Я с врачом Анатолием Чикановым отрабатывал возможность спуска с помощью лебедки, чтобы затем помочь космонавтам подняться на вертолет в режиме висения.

К утру прибыл главный инспектор, и мы тут же вылетели к месту нахождения экипажа и спускаемого аппарата. Визуально определили, что спускаемый аппарат и космонавты «сидят» на высоте 1200 метров на обрывистом склоне горы с поэтическим названием Теремок-3. На малой высоте несколько раз пролетали над ними. Чтобы

показать направление ветра на месте посадки, Олег Макаров зажег сигнальный оранжевый дым. Подлетели навстречу ветру. Главный инспектор по технике пилотирования, управлявший машиной, попытался сделать зависание. Вертолет дал просадку, и инспектор резко увеличил скорость. Его решение было однозначным: выполнить зависание в горах на высоте 1200 метров невозможно и крайне опасно.

Василий Лазарев — командир экипажа

К десяти часам утра прилетел самолет из Тюра-Тама с Заместителем Главкома ВВС маршалом Ефимовым А.Н. и генералом Шаталовым В.А. Не вмешиваясь в действия руководства спасателей, они наблюдали за ходом событий.

Наша высадка с врачом Анатолием была отложена и считалась возможной только в крайнем случае. А пока приняли другое решение: посадить на лед речки Уба, находящейся у подножья горы Теремок-3, вертолет с группой спасателей и снаряжением. Высадка прошла успешно. Чтобы сократить время, решили атаковать Теремок-3 в лоб, считая что 1200 метров не такая уж высота, которую нужно бояться. К сожалению, среди группы спасателей не оказалось ни одного опытного альпиниста. И дилетантство в таком серьезном деле чуть не кончилось трагедией. Лобовая атака по склону горы вызвала снежную лавину, которая и засыпала всю группу. Вторая группа спасателей, высадившаяся на р. Убе, бросилась выручать своих товарищей. Откопали. Слава богу, обошлось без жертв. А тем временем на горе развивались события по своему сценарию. К космонавтам прилетел и завис недалеко от них вертолет МИ-4 геологов. Руководство ВВС категорически запретило поднимать космонавтов по лестнице, спущенной с вертолета. И тогда с МИ-4 спустился лесник-проводник. Он подошел к космонавтам и раскурил с ними папиросу дружбы из портсигара, спрятанного в телогрейке.

Время шло. Маршал начал нервничать и отдавать команды. Нервозность увеличивалась. Мы с Анатолием вновь предложили свой вариант высадки в режиме висения, и в случае удачи эвакуировать космонавтов. Наше предложение резко и грубо было отвергнуто. Никто не хотел брать на себя ответственность за космонавтов. Про то, что мы добровольно рискуем, никто не думал. Мы молча спрятались за одним из громоздких пультов. И вдруг из динамика руководителя полетов донеслась любопытная информация. Один из вертолетов, летавших над Теремком-3 сообщил, что в зоне полетов появился неизвестный вертолет с бортовым номером 74. Этот вертолет с ходу завис над космонавтами и лесником. В динамике снова послышался доклад:

— Вертолет с бортовым номером 74 завис над космонавтами. Космонавты отправили сначала лесника, а затем сами поднялись на борт.

— Что за вертолет? Чей он? — маршал резко повернулся к руководителю полетов. — Немедленно узнать и доложить! — интонация не предвещала ничего хорошего.

И вдруг из-за пульта раздался голос:

— Это китайцы. Организуйте преследование.

Это глотнувший полстакана спирта Анатолий съехидничал в обиду на то, что ему не дали выполнить его долг.

Маршал не успел разродиться взысканиями за эту шутку. В динамике послышался доклад:

— Борт вертолета 74 из авиации Сибирского военного округа. Командир экипажа Султан-Галиев.

Решительность молодого летчика спасла космонавтов. Эта решительность, спасла еще много жизней в Афганистане, за что Султан-Галиев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Пожалуй, на этом можно было бы и закончить рассказ о финале полета корабля «Союз-18», которому прибавят индекс «Союз-18-1». Но случилось так, что подробности старта, выведения и посадки мне рассказал Василий Лазарев ночью в пустыне Кызыл-Кум, в районе тригонометрической точки Кум-Султан, что в переводе означает Царские Пески. Там во время проведения тренировок космонавтов в пустыне мы стали участниками и свидетелями драматических событий. Но об этом другой рассказ.

А сейчас о полете «Союз-18». Где-то за барханами находились слушатели-космонавты, с которыми Лазарев прилетел на тренировки. Он в это время был назначен в отряд космонавтов руководителем группы молодых слушателей.

Звездное небо над головой и спавшая к ночи изнурительная жара пустыни располагали к разговору и откровенности.

— Завтра закончим тренировки. Арбузов поедим, пивка попьем, — мечтательно сказал Лазарев, когда мы поднялись на Кум-Султан.

— А ты знаешь, Вася, ведь тренировки по выживанию сдвинулись в плюсовую сторону после вашего краткосрочного полета. Теперь их четко планируют. И пример тому — наше присутствие здесь.

— Это я настоял, чтобы предварительно проводили такие тренировки, а потом уже в составе штатных экипажей. В таких тренировках ребята проверяют себя, а мы их. Когда в жизни сталкиваешься с неприятными событиями, через которые проходил раньше, появляется иммунитет к страху и трудностям.

— Скажи, вас тогда с Олегом крепко прижало? Когда наибольший мандраж был до или после?

— Понимаешь мандраж наступил, когда мы попали в Тюру (Тюра-Там) и стали разбираться, что же произошло. Тогда поняли, что запросто могли сыграть в ящик. Старт прошел нормально. Перегрузка росла плавно и нельзя сказать, что здорово давило. Мы и похлеще проходили на центрифуге. В первом полете мы все уже опробовали и теперь спокойно ждали, когда сойдет головной обтекатель, чтобы поглядеть на землю. Почувствовали по снижению перегрузки, как отошли «боковушки» (первая ступень ракеты-носителя). Когда стала набирать тягу вторая, у меня появилось какое-то предчувствие беды. Не знаю, чем это объяснить. Скопил глаза на Олега. Он спокоен, но лицо слишком бледное, хотя румянцем он никогда не отличался. Перевел взгляд на приборы. Все нормально. И тут началось продольное покачивание. Амплитуда увеличивалась. Такого в первом полете не было. Мне, как летчику, привыкшему управлять ситуацией в небе и влиять на свою судьбу, было неприятно чувствовать свою беспомощность и невозможность как-то повлиять на ход событий. Еще через десяток секунд стало ясно, что ракета дает сбой, а стало быть, произойдет что-то непредвиденное. И даже, когда автоматика дала команду на работу САС (системы аварийного спуска) не верилось, что полет сорвался. Срабатывание пиропатронов подтверждало, что автоматика работает на спасение экипажа. Сошедший головной обтекатель выпустил на волю корабль и открыл иллюминаторы, через которые в кабину ворвался солнечный свет. А затем

корабль, наклонившись вдоль продольной оси, пошел на спуск. Выстрелы пиропатронов подтвердили, что корабль разделяется на части. Пироболты отбросили от спускаемого аппарата (СА) бытовой (БО) и приборно-агрегатный отсеки (ПО). На какое-то короткое время наступившая невесомость резко переходила в перегрузку. Двигатели СУС — системы управления спуска, старались удержать СА от кувыркания, но им не удавалось выдержать пологую траекторию посадки. Мелькнула мысль: «Если сорвемся на баллистический спуск, перегрузка может и придушить». Мои предположения подтвердились. Тяжесть вдавила в кресло. Чувствовалось как придавливается телом ложемент. По инструкции нужно было наговаривать на магнитофон «Малыш» обо всем, что происходит на борту, но язык не ворочался. Казалось, он прилип к нёбу. В глазах забегали красные шарики. Мысли тоже отяжелели, но, тем не менее, фиксировали, что на таких перегрузках я никогда не бывал. Затем на какое-то время вырубилось сознание. Сколько это длилось я не понимал, но сознание вернулось от сильной встряски. Это вводилась парашютная система. Спуск на парашюте был приятен, потому что вернулось ощущение присутствия собственного тела, собственного я. Глянул на Олега. Он что-то говорил, но я ничего не слышал. Видимо перегрузка отключила на время слуховые центры. Чувствовали перецепку на симметричную подвеску и выравнивание аппарата. Слышали, как отстрелилась лобовая теплозащита днища, как сработал ДМП — двигатель мягкой посадки. Потом был достаточно сильный удар о грунт, и резкое подергивание сменилось мягким покачиванием. В иллюминаторы увидели снег. По твоей рекомендации не стали отстреливать вторую стренгу. А когда открыли люк, то первого кого вспомнили — тебя. Гордись! — сказал Лазарев с некоторой иронией и дружелюбно обнял меня за плечи. — А дальше делали, как ты учил.

На космодроме, разбирая телеметрию поняли, что перегрузка могла нас и задушить, какие-то секунды она дошла до двадцати шести. Вот тогда и остановились у нас с Олегом сердца, а потом снова затикали.

Слово о друге

Сообщение о том, что Юрий Малышев завершил свой земной путь застало меня в военном госпитале имени академика Вишневого, где я залечивал старые травмы, полученные за годы работы испытателем.

Сразу нахлынули воспоминания об этом сдержанном, спокойном и очень добром человеке с открытым лицом и радостной улыбкой. Не могу и не хочу говорить о нем «был» и в прошедшем времени...

В моих ушах еще звучит его живой бархатный голос и громкий раскатистый смех. Я так и вижу его чуть прищуренные глаза с искоркой-хитринкой. Они становятся такими перед тем, как он выдаст на гора очередной анекдот или какую-нибудь смешную, но жизненную историю.

Я расскажу вам, мои дорогие читатели, всего лишь о нескольких эпизодах, нескольких мгновениях из жизни дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Юрия Васильевича Малышева, жизни яркой и непростой, достойной отдельной книги, которая, хочется надеяться, когда-нибудь и будет написана.

...Проводились тренировки космонавтов по действиям экипажей в случае вынужденной посадки в горах в экстремальных погодных условиях.

С восходом луны экипаж Юрия Малышева должен был занять исходную позицию в горах, там, где вполне мог оказаться спускаемый аппарат после нештатного приземления.

Место, надо сказать, даже днем вызывало сложное чувство, в котором восторг перед красотой и величием горной мощи смешивался со страхом от возможности упасть и разбиться в пропасти. Правда, чтобы уменьшить боязнь у испытуемых, бригада, обеспечивавшая тренировки, предусмотрела все меры безопасности, в том числе и от неожиданного камнепада и лавины.

Площадка, которую выбрали для тренировки, была ограничена неприступными скалами и резким обрывом в ущелье. На дне его в каменной теснине билась и ревела река.

В общем как в нашей песне:

*Внизу река ревет, как бешеная львица,
А сверху снег идет с дождем и камнепад...*

Все это космонавтам из условного экипажа Юрия Малышева предстояло увидеть в свете полной луны в течение тех двадцати минут, пока ночное светило не ушло за гребни гор...

Но трансляция чемпионата мира по футболу уже началась.

Все участники этих тренировок в горах: и космонавты, и испытатели — были яростными болельщиками. В домике базового лагеря, из которого предстояло уйти, светился голубой экран телевизора.

Мужики с мольбой в глазах смотрели на меня и на Юрия.

— Ну, что будем делать? — в вопросе Юрия Малышева, как мне показалось поначалу, явно звучала просьба: «Надо уважить ребят».

Я, было, дрогнул: мне и самому очень хотелось досмотреть матч. Но дело есть дело.

— Понимаешь, Юра, исходную позицию придется занимать в полной темноте. А карабкаться в потемках и трудней и опасней, — сказал я.

— А кто это утверждает, что вынужденная посадка в горах будет в полнолуние? Чем трудней, тем интересней! А ответственность за безопасность я готов поделить с тобой. Лады?! — Юрий протянул мне руку.

К испытаниям готовы!

Юрий Малышев, Александр Иванченков, Жан Лу Кретьен.
Иосиф Давыдов на обресе спускаемого аппарата

Под одобрительные возгласы присутствующих мы обменялись крепким рукопожатием. Все вновь повернулись к телевизору и добавили звук. Не отпуская мою руку, Юра вполголоса сказал:

— Пусть поймут, что за удовольствие надо платить.

Матч закончился. Одевшись в космические доспехи, взяв блоки носимого аварийного запаса и скрученный кусок парашюта, космонавты и инструкторы покинули домик. С порога нырнули в кромешную тьму. Фонарь разрешилось зажигать только в

исключительных случаях. В потемках мы карабкались по узкой горной тропинке, иногда почти по-звериному переходя на четвереньки. Инструкторы днем многократно прошли этот маршрут, поэтому знали его особенности, космонавты же шли вслепую, ориентируясь только на предупреждения своих учителей.

Когда добрались до выбранной площадки, я задал вопрос Юрию Малышеву — командиру условного экипажа:

— Что будете делать, Юра?

— Ждать рассвета. Шаг влево, шаг вправо, побег, — съюморил Малышев.

— Замерзнем. Надо дров искать, костер разжигать, — предложил кто-то из его экипажа.

— Кроме камней здесь в потемках ничего не найдешь, а шею свернуть можно. Чтобы не замерзнуть, будем заниматься физкультурой и танцевать на месте, — прервал советчика Юрий Малышев.

— Ну, что ж, Юра, команду. На рассвете продолжайте тренировку по плану и методике. Каждый час выходите на связь. Отвечать вам не будем. В исключительном случае: три красных ракеты. Придем на помощь, но хотелось бы, чтобы она не потребовалась.

— Будь спокоен, все будет как надо! — Малышев в потемках нащупал мою руку, и мы снова обменялись рукопожатием.

Каждый час радиостанция «Прибой-УМК» включалась, сообщая, что в экипаже Юрия Малышева все в порядке. Неожиданностей не произошло. В горах так и не вспыхнули алые ракеты...

Тренировки в горах прошли, что называется, без сучка и задоринки. Вскоре после горной эпопеи Юрий Малышев был утвержден командиром международного экипажа «СССР-Франция», в состав которого включили бортинженера Александра Иванченкова, а космонавтом-исследователем француза — бригадного генерала Жан Лу Кретьена.

Подготовка шла по плану. Во время морских тренировок экипаж Юрия Малышева попал в штормовое море. Кто хоть однажды был внутри спускаемого аппарата на волне, знает, что это такое, когда в замкнутом малом объеме три человека должны изловчиться, чтобы снять скафандры и переодеться в гидрокостюм «Форель». И все это при исключительно сильном воздействии на вестибулярный аппарат, духоте, кислородном голодании, вызванным отсутствием подачи забортного воздуха. Трудней всего пришлось Жан Лу Кретьену. Он едва сдерживал состояние тошноты. Командир Юрий Малышев сделал все, чтобы облегчить работу французского космонавта в этой жесточайшей тренировке.

Когда после завершения действий на плаву экипаж подняли в катер, из Жан-Лу, как из рога изобилия, в адрес командира посыпались хвалебные слова на смеси русско-французского, а там, где не хватало слов, он выражал свое восхищение жестами...

Жан-Лу Кретъен не скрывает своего восхищения действиями командира Юрия Малышева и бортинженера Александра Иванченкова

Экипаж уже выходил на финишную прямую к полету, когда беда подобралась к Юрию Малышеву. Во время УМО — углубленного медицинского освидетельствования у него на кардиограмме выскочили экстрасистолы.

Все это произошло на фоне предыдущего нелicenseприятного разговора с руководством медицинского управления Центра.

Юрия вывели из состава экипажа. Вместо Малышева полетел его дублер Володя Джанибеков, который вовремя вписался в состав экипажа и успешно выполнил полет.

Юрий тяжело переживал этот удар судьбы, но не дрогнул, не сломался. Переживая, пока утихнут внутренние и внешние страсти, Малышев доказал, что по состоянию здоровья может и готов продолжать полеты в космос. Сначала он добился возможности летать на истребителях, а затем вновь приступил к подготовке к полету командиром экипажа «СССР-Индия». На этот раз бортинженером стал Геннадий Стрекалов, а космонавтом-исследователем — космонавт Индии Ракеш Шарма. Как свою беду Юрий Малышев переживал трагедию, разыгравшуюся в жизни индийского космонавта. Незадолго до их полета у Ракеша Шармы умерла от гнойного аппендицита дочь. Юрий бережно и тепло относился к своему товарищу по будущему полету. Замечая его ошибки в действиях на тренировках, он незаметно устранял их.

Советско-индийский полет был выполнен блестяще. Юрий был награжден второй Звездой Героя и высшей наградой Индии.

Он готовился летать и летать. Но есть у военных космонавтов неумолимые враги — возраст и воинское звание. Согласно положению о прохождении воинской службы полковник должен быть уволен в пятьдесят лет. В настоящее время есть к этому положению дополнение, но тогда Юрий Малышев и многие другие военные космонавты с опытом трех-шести полетов были уволены, несмотря на отличное здоровье.

Юрий Малышев попал под этот молох одним из первых. Оказавшись ненужным в деле, которое он знал и любил, этот мужественный и стойкий человек как-то сник.

И тогда нашлись люди, которые потянули его в мутный омут современного бизнеса, используя его имидж и звания в своих корыстных и рекламных целях. Не по душе было космонавту дважды Герою Советского Союза со звездами на груди появляться на экране телевизора в рекламных видеороликах. Он не смог вписаться в новый жестокий и яростный мир. Сердце Юрия Малышева не вынесло этих перегрузок...

Как реквием по Юрию Малышеву могли бы прозвучать слова песни:

*Мы для победы ничего не пожалели,
Мы даже сердце как **НЗ** не сберегли.*

Цветы в буране

На редкость спокойный и удачный тридцатисуточный полет Алексея Губарева и Георгия Гречко на завершающем этапе из триумфа едва не превратился в трагедию. Однако при этом не было ни отказов техники, ни ошибок космонавтов, ни неправильных действий Центра управления полетом, а причиной, едва не приведшей экипаж к гибели, стало совсем другое... К встрече корабля «Союз-17», отстыковывшегося от станции «Салют-4», поисковики готовились особенно тщательно. Это был первый длительный полет после трагедии экипажа корабля «Союз-11».

Основная группа поисковиков-спасателей, обеспечивавших полет, перекочевала из холодной с лопнувшими батареями парового отопления гостиницы «Старт» на аэродроме Караганды в теплую и уютную гостиницу «Ишим» города Целинограда, поближе к расчетной точке посадки корабля «Союз-17». В гостинице этой батарея отопления — как грелка в полный рост. Спасатели отмылись, отогрелись и теперь готовились к завершающему этапу полета. Накануне синоптики дали предупреждение о приближении к Целинограду циклона. По прогнозу он должен был разгуляться десятого февраля — уже после посадки. Но как говорится: синоптики предполагали, а жизнь располагала. Циклон набрал силу и скорость к утру 9 февраля. Порывы ветра достигали пятнадцати-двадцати метров в секунду, что было на пределе допустимого для приземления космического корабля.

На командном пункте поискового комплекса решался вопрос о переносе места посадки в район Джезказгана, где погода была безветренная. Но для этого нужно было сделать еще один — запасной виток полета.

И тут возговорили генеральские амбиции. Руководитель спасательного комплекса в Целинограде генерал Виктор Корсун не хотел уступать право встречи космонавтов и доложил Главнокомандующему ВВС о готовности спасательного комплекса в любых условиях выполнять задачу. За свое честолюбие он готов был заплатить жизнью космонавтов. А Главкому Главному Маршалу авиации Кутахову вроде и все равно: готов — так готов.

А тем временем, час от часу ветер крепчал и, свирепея, бросал на землю заряды снега. Понимая, к чему может привести приземление в таких условиях, я доложил Корсуну о необходимости срочно принять решение о переносе места посадки. Генерал уперся: «Я доложил Главкому о готовности выполнять задачу и буду ее выполнять!».

— Вы должны спасти космонавтов, а не искать и доставлять покойников. При этих условиях посадки и тех, что будут через час, это не выполнение задачи, а убийство! — сгоряча резко сказал я.

— За дерзость я вас сейчас отправлю на гауптвахту! — взъярился генерал.

— Дайте мне связь с Центром управления полетом. Я расскажу, какие здесь метеоусловия. Они могут изменить место посадки, — попросил я.

— Не будет вам связи, а будет губа, — лицо генерала из красного превратилось в багровое.

Я повернулся к человеку в лисьей шапке, стоявшему рядом с генералом:

— Я надеюсь, товарищ полковник, вы не позволите, чтобы в этой ситуации представитель Центра подготовки космонавтов, отвечающий за безопасность экипажа и изъятие бортовой документации на месте посадки, оказался на губе.

Классическое приземление

— Нет, не позволю. И мы с ним сейчас же поедem либо ко мне, либо в обком партии, где есть спецсвязь с ЦУПом, — слова начальника областного управления КГБ слегка отрезвили генерала.

— Ну, и поезжайте. Это ваше право, а я буду выполнять боевую задачу.

Мы двинулись к двери. А в это время из динамика громкоговорящей связи прозвучало: «Корабль включил тормозную двигательную установку над южной оконечностью Африки и пошел на посадку».

Что-то изменилось в лице генерала. Корабль, рассекая огненным шлейфом атмосферу, шел на посадку в нашу зону ответственности. Мы с полковником КГБ переглянулись: теперь беда неотвратимо приближалась к нам.

Тем временем буран крепчал, бросая в окна командного пункта мощные заряды снега. Через сорок минут над этой снежной круговертью целинной степи на высоте десять тысяч метров раскроется купол парашюта и понесет спускаемый аппарат с космонавтами на борту к земле, где смешались в вихре снежные заряды с неба с поземкой, поднятой сильным ветром.

Сейчас все, находившиеся на командном пункте, понимали неотвратимость надвигающейся развязки.

— Что будем делать? — маска решимости сползала с лица генерала. На нем появилась растерянность. Но это было какое-то мгновение, которое уловили, пожалуй, только мы с полковником КГБ. В следующий момент он повернулся ко всем присутствующим и произнес:

— У кого какие предложения применительно к обстановке? Наши взгляды встретились. В глазах генерала был вопрос и одновременно просьба: «Помоги!»

Теперь было не до выяснения отношений.

— Нужно срочно собрать командиров вертолетов. Генерал скомандовал, и вертолетчики через три минуты были в сборе. Все смотрели на генерала:

— Я думаю, все понимают, в каких условиях придется выполнять боевую задачу. А сейчас специалисты дадут рекомендации, как действовать применительно к обстановке.

Голос генерала был жестким, но спокойным. Это придавало всем уверенность. Первым выступил начальник Команды технического обслуживания с фирмы-изготовителя космического корабля:

— Если космонавты не смогут или не успеют отстрелить стренги парашюта, то купол потащит спускаемый аппарат по степи с большой скоростью. И сильными ударами, что приведет к травмированию экипажа, а может быть и хуже. Чтобы избежать этого, необходимо перерезать стропы. Для этого на вертолетах будут клинки. Нужно не рубить стропы, а делать скользящие, режущие движения.

Кто-то из присутствующих прокомментировал:

— Попробуй побегать со скоростью 25 метров в секунду за аппаратом и при этом скользящими движениями перерезать тросы. Да купол и аппарат придушат любого, кто станет у них на пути. А рядом попробуй, бегай! Кто-нибудь пробовал?

Генерал глянул на меня. В голову пришло почти абсурдное, но, пожалуй, единственно возможное в этой обстановке решение.

— Нужно в степи, обогнав по ветру аппарат, сделать заслон из вертолетов, чтобы о них зацепился и погас купол парашюта.

Генерал нашел для себя спасительную отдушину, перекладывая ответственность на чужие плечи:

— Действовать по обстановке. Немедленно докладывать ситуацию. Смело и решительно. А теперь по вертолетам. Время не ждет.

Да, время уже не ждало. После тормозного импульса корабль начал входить в плотные слои атмосферы, разбрасывая с помощью пиропатронов от спускаемого аппарата бытовой и приборно-агрегатный отсеки, которые сгорали при трении о воздух. Спускаемый аппарат с помощью двигателей системы управляемого спуска ориентировался так, чтобы теплозащитное покрытие приняло огонь на себя. В иллюминаторах корабля космонавты видели языки синего пламени, которое постепенно меняло прозрачность жаропрочных стекол, покрывая их копотью. Вертолетчики и спасатели выскакивали из дверей командного пункта и, преодолевая снежные порывы ветра, бежали к вертолетам, которые лопастями еще больше увеличивали снежную круговерть. Мы — это состав оперативно-технической группы — оказались в своем МИ-8. И в тот момент, когда готовились к вылету, на борту вертолета возник инцидент, несколько ошарашивший всех. Дело в том, что в составе нашей оперативной спасательной группы были две молодые женщины: фельдшер и медицинская сестра — реаниматоры из Института медико-биологических проблем: Оля Колдаева и Надя Мешанина.

Командир вертолета капитан Нюнин вышел из кабины. Мы смотрели на него с удивлением: «Почему не взлетаем?»

— Пока женщины не покинут борт вертолета, я взлетать не буду, — твердо заявил капитан.

Такого поворота событий никто не ожидал. Все участники оперативно-технической группы по воинскому званию были старше командира вертолета, но согласно наставлениям и инструкциям в авиации никто не мог ему приказывать лететь.

— Ты что, ошалел, капитан! Дурно шутишь, — жестко проговорил начальник нашей группы.

— Так и под трибунал угодить можешь. Давай, взлетай!

— Трибунал это потом, а сейчас пусть женщины покинут вертолет. Не та погода, чтобы с ними рисковать.

Все растерянно смотрели друг на друга, а вертолет вздрагивал от порывов ветра и работающих двигателей. Неожиданно возникшая ситуация так же неожиданно и разрешилась. Тихо сидевшие две хрупкие девушки вдруг встрепенулись. Миловидная и стройная, но с решительным характером Оля Колдаева подошла к капитану:

— Все оценили твое мужское благородство. А теперь иди в кабину и рули. Ты видишь, какая погода, и посадка корабля будет нелегкой. Если с космонавтами что-то случится, кто им поможет? Ты, что ли?

Довод оказался убедительным. Капитан заколебался. Оля своими тонкими, но цепкими руками повернула его за плечи и подтолкнула в раскрытую дверь кабины:

— Твоя задача, орелик, вовремя прилететь и быстро найти. А потом еще и поближе сесть, чтобы по сугробам не так далеко бежать.

Командир вертолета неожиданно быстро подчинился и уже через несколько секунд вертолет ввинчивался лопастями в снежную круговерть.

Оля вернулась на место, где ее ждала тихая как мышка медсестра Надя Мешанина с Карагандинского командного пункта поисково-спасательной службы ВВС. Две девушки прижались друг к дружке. Из раскрытого на груди у Нади полушубка выглянул букет белых кал, которые девушки приобрели в Целинограде за день до посадки космического

корабля. Они приготовили сюрприз для экипажа, который долго был в космосе. А теперь своим девичьим теплом оберегали нежные цветы от стужи и снежного вихря, бушевавшего над Казахстанской степью.

Вертолет шел в расчетную точку через снежную пургу, а космический корабль прорывался к той же точке через огненный шквал, бушевавший на теплозащитном днище и языками ало-синего пламени лизавшем огнеупорное стекло иллюминатора корабля...

Командир вертолета набирал высоту, стараясь вырваться из этого снежного хаоса, чтобы можно было в небе увидеть огромный купол парашюта, на котором спускался космический корабль, а точнее — капсулу спускаемого аппарата, потому что остальные части корабля сгорели в атмосфере.

Но циклон, наполненный снежными зарядами, надвигался в несколько эшелонов по высоте, и вертолету не удалось подняться над ним.

При подходе к расчетной точке экипаж вертолета услышал радиосообщение самолета-ретранслятора АН-12, находившегося над циклоном за облаками на высоте одиннадцати тысяч метров:

— Вижу след космического корабля. Наблюдаю ввод парашютной системы. Идет спуск на куполе основной парашютной системы.

До земли осталось 10 километров.
Финиширует экипаж Алексея Губарева и Георгия Гречко

И тут же в эфир прорвались голоса космонавтов. Прерванная в огненном шквале связь восстановилась. Космонавты докладывали о том, что идет плавное парашютирование и что состояние у них удовлетворительное. Но в ответ они получили довольно тревожную информацию:

— У земли снежный буран. Скорость ветра порывами достигает 25 метров в секунду. Посадка будет жесткой, приготовьтесь к отстрелу парашюта...

Спускаемый аппарат приближался к верхней кромке циклона. Вот он нырнул в снежные облака и исчез из видимости самолета-ретранслятора, но не попал в зону визуального наблюдения с вертолета. Теперь только приборы радиоконуса вертолета могли обнаружить радиомаяк спускаемого аппарата и навести на него. И вот стрелка радиоконуса качнулась, произошел захват сигнала, указывающего направление на объект. Для экипажа вертолета началась очень трудная и опасная работа: нужно было приблизиться к спускаемому аппарату настолько, чтобы не потерять сигнал и одновременно держаться на таком удалении, чтобы не попасть под купол парашюта и тем самым загубить и себя и космонавтов. В этой ситуации на выручку вертолетчикам приходили высокий профессионализм и интуиция.

В снежной каше вертолет раскручивал спираль вокруг спускаемого аппарата. Нужно было как можно ближе и быстрее сесть рядом с аппаратом: ведь на земле могла

потребоваться экстренная помощь, так как космонавтов ждали вконец освидрепавшие пурга и ветер в степи.

У самой земли вертолет выскочил из нижней кромки облаков почти в тот момент, когда сработали двигатели мягкой посадки. Из-под спускаемого аппарата вырвался огненный сноп, взметнувший столб снега, который тут же унес ветер. В следующее мгновение огромный бело-оранжевый купол парашюта, последний раз дернув спускаемый аппарат, умчался в снежную мглу. А спускаемый аппарат, сделав множество кульбитов, замер на боку метрах в пятидесяти от места срабатывания двигателей мягкой посадки. Да, вовремя Алексей Губарев нажал кнопку отстрела парашюта. Задержись он на мгновение, и тогда он уже не смог бы поймать ее: слишком неудобно она размещалась (после этого полета по настоянию специалистов ЦПК и космонавтов кнопку «отстрел стренг» разместили так, чтобы экипаж мог ее нажать даже во время опрокидывания и кувыркания аппарата).

Улыбка сквозь боль

Вертолет зашел против ветра и через пятнадцать секунд спасатели, проваливаясь по пояс в снегу, бежали к спускаемому аппарату. Люк открыл врач Центра подготовки космонавтов — Виктор Шапарнев. Он помог космонавтам открыть остекление шлемофонов скафандров. Через улыбки радости на лицах Алексея Губарева и Георгия Гречко проскальзывала гримаса боли:

— Ни хрена себе, мягкая посадочка. В голове гудит, как будто по ней кувалдой трахнули! — выдохнул Алексей Губарев.

— Побыстрее бы отсюда выбраться, — глухо, без присущей ему бодрости и энтузиазма проговорил Георгий Гречко.

Виктор Шапарнев осторожно помогал внутри аппарата космонавтам освободиться от привязной системы, выбраться наружу. Они с наслаждением, захлеб вдыхали воздух буранной степи...

Космонавтов положили на носилки и понесли к вертолету. И тут не обошлось без курьезов: споры кому за какую ручку носилок браться, привели к тому, что Георгия Гречко уронили в снег.

Увязая в сугробах, спасатели принесли космонавтов к вертолету и с помощью его экипажа подняли в кабину. По инструкции не разрешалось везти обоих космонавтов на одном вертолете, но второго не было. Да и ждать было некогда...

Когда Надя и Оля помогали космонавтам снимать скафандры, Алексей и Георгий морщились и постанывали. После снятия скафандров стала ясна причина этого. На спине Губарева были видны точечные кровоизлияния, а у Гречко к этому еще добавилось кровотечение из сбитой коленной чашечки. Перед спуском с орбиты он неплотно затянул наколенник привязной системы: за что и поплатился.

Кровь остановили, коленку зафиксировали, переодели в теплое летное обмундирование. Вертолет оторвался от снега и начал набирать высоту. И вот тут работавшие в халатах девушки, глянув друг на друга, подошли к своим лежавшим на сиденьях полушубкам. Распахнув их, они извлекли два букета белых кал и, поднеся их космонавтам, расцеловали их и поздравили с завершением полета.

В жизни Алексея Губарева и Георгия Гречко было много встреч, море цветов, но эти цветы, эти белые калы из снежного бурана они запомнили на всю оставшуюся жизнь.

P.S. Это был от начала и до конца везучий полет. Немного о технической стороне этой везухи в финале. Спускаемый аппарат приземлился в квадрате лесополосы, где ветер был значительно меньше, чем на просторе степи. Двигатели мягкой посадки сработали на самом краю большой ямы, заполненной снегом, что во много раз смягчило первый боковой удар, который мог стоить космонавтам, по крайней мере, здоровья, а может быть и жизни. За эту спасательную операцию все непосредственные участники были поощрены благодарностью Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева.

С генералом Виктором Корсуном мы нашли компромисс: не стали катать друг на друга рапорта и кляузы, а распили пару бутылок водки за благополучный исход этого полета, а потом подружились и еще не раз встречались на финалах космических полетов...

Гимн впереди бегущей

Чествование восьмидесятилетнего юбиляра, одного из выдающихся деятелей космонавтики Олега Георгиевича Газенко проходило в стенах им созданного и взлелеянного Института медико-биологических проблем.

Назначен был ученый совет института с приглашением представителей различных организаций.

Как всегда подтянутый, Олег Георгиевич вышел на трибуну конференц-зала и прочитал на одном дыхании полуторачасовой доклад о становлении и развитии военной медицины от времен Гиппократов до современной военно-полевой и аэрокосмической медицины, в организации которой он принимал самое активное участие.

Свой доклад он сопровождал показом слайдов с диаграммами и рисунками. Спокойный, но в то же время концентрированный и акцентированный доклад вызывал восхищение присутствующих и зал взрывался аплодисментами. Особенно, когда он рассказывал о пилотируемых космических полетах и уникальнейших экспериментах, проходивших на борту специализированных медико-биологических спутников «Бион».

Именно с этим спутником у меня возникли ассоциации с событиями почти пятнадцатилетней давности...

На подмосковной лесной базе командующего Московским военным округом в охотхозяйстве были назначены сборы поисково-спасательной службы ВВС по ознакомлению с конструкцией спутника «Бион» и размещению на его борту биологических материалов и животных, с участием которых в полете проводились уникальнейшие эксперименты.

Цель сборов — научить поисковиков сохранять плоды этих экспериментов до прибытия специализированной бригады медиков и биологов на место посадки спутника в экстремальных погодных и климатических условиях.

Сборы организовал Институт медико-биологических проблем и возглавлял их директор института генерал-лейтенант медицинской службы Газенко О.Г. На поляне в охотхозяйстве развернули надувной мобильный палаточный комплекс, точно такой, какой предстояло разворачивать на местах посадки «Бионов» и космических пилотируемых кораблей в случае необходимости оказания экстренной медицинской помощи космонавтам, вернувшимся из полета.

Надо сказать, что сборы эти проводились вскоре после проведения и внедрения дурацкого Постановления Правительства и ЦК КПСС, проведенного Генеральным секретарем Горбачевым «О борьбе с пьянством и алкоголизмом».

Уже работал молох террора над высокопоставленными руководителями, которые продолжали по старинке завершать различные мероприятия товарищескими застольями. Работал механизм подсиживания и доносов, в результате которого многие руководители лишились своих постов и должностей.

В процессе сборов специалисты ИМБП показывали и рассказывали участникам-слушателям способы и методы обработки материалов «Бионов» после возвращения из полета.

Руководил от военных участников сборов начальник ПСС ВВС генерал-лейтенант Куличев.

Когда показ и рассказ подходил к концу, Олег Георгиевич Газенко, как организатор сборов и радушный хозяин, предложил завершить мероприятие за столом и отведать шашлыков, запах которых уже давно тревожил ноздри проголодавшихся участников сборов.

Генерал Куличев решительно отверг предложение и все офицеры ПСС — участники сборов, глотая слюну, двинулись к ожидавшим их автобусам.

Представители других организаций направились к охотничьему домику, в котором был накрыт стол, и у входа в который на мангале жонглировал шампурами Володя Милявский — участник многих поисково-спасательных экспедиций, которому Олег Георгиевич поручил накормить своих собратьев из других организаций...

Вошли в домик. Рассаживались за столами, на которых стояли тарелки с хлебом, салатом и овощами. Перед каждым стояла бутылка «Боржоми» и граненый стакан. Наличие только «Боржоми» вызывало кислые усмешки. Кто-то ехидно проговорил: «Даже Олег дрогнул!». Но другой голос с пониманием: «Захочешь работать, а не вылететь в отставку, дрогнешь».

Из военных за столом было только двое: Олег Газенко и автор этих строк.

Поднялся Олег Георгиевич. Глянув на скучные лица участников застолья, он заговорил:

— Я полагаю, что здесь находятся только порядочные люди и отрицательных последствий ни для меня, ни для нашего института не будет. А посему не будем нарушать русских традиций!

Все заулыбались и зашумели, когда на столах появились бутылки с водкой и сухим вином.

Забулькала жидкость, наливаемая в стаканы. Перед каждым на стол легли шампуры с подрумяненным, ароматным мясом.

Газенко продолжил:

— Я предлагаю выпить первый бокал за уникальное живое существо, которое когда-то пришло в дом человека и стало его самым большим и верным другом. Это существо было с человеком и в радости, и в горе. Помогало ему выжить, бросалось на выручку. Сколько нас, сидящих здесь за столом, приносило в жертву это существо ради собственных познаний, Сколько их погибло в результате жесточайших экспериментов на центрифугах и в термокамерах, в барокамерах и на ударных перегрузках. Они принимали эти удары вместо человека. И раньше, и впереди человека они ушли за пределы Земли в космос и многие не вернулись...

Я хочу предложить тост за это уникальное, доброе и отзывчивое существо. Я предлагаю выпить за собачку!

В жизни мне приходилось слышать много тостов за здоровье, и за упокой, замысловатых и двусмысленных, юморных и пошлых...

Но этот тост я запомнил навсегда и воспринял его как гимн, гимн **ВПЕРЕДИ БЕГУЩЕЙ...**

В космическом корабле с великим летчиком России

В городе Жуковском под Москвой, который можно назвать колыбелью отечественной авиации, потому что с его аэродромов поднимались в небо практически все новые и новейшие самолеты авиаконструкторов России, в летно-испытательном институте отмечалось столетие со дня рождения Михаила Михайловича Громова.

В зрительном зале и в президиуме торжественного собрания собрался весь цвет нашей авиации, ее прошлое, настоящее и будущее. Знаки «Заслуженный летчик-испытатель» и Звезды Героев были на груди многих участников этого собрания. Засветился киноэкран. В течение тридцати минут промелькнула жизнь легендарного летчика, которого в тридцатые годы, годы бурного и стремительного роста нашей авиации и великих подвигов в небе, называли Пилотом № 1...

После просмотра фильма с докладом о жизни Великого летчика выступил начальник Летно-испытательного института имени М.М. Громова.

Затем начали выступать люди, которые жили и работали рядом с Михаилом Михайловичем Грозовым. Мою память тоже взбудоражило событие, связанное с Грозовым.

Мне повезло. Я с 1963 года служил в Центре подготовки космонавтов и дружил с заслуженным летчиком-испытателем СССР Георгием Тимофеевичем Береговым. Будучи космонавтом ВВС и самым старшим по возрасту в отряде, он с нетерпением ждал своей

очереди на космический полет. Он понимал, что пока не отлетают пилоты из первого набора, Юрий Гагарин — командир этого отряда, не даст опередить их, хотя у Берегового за плечами была война и испытания многих самолетов. Береговой часто приходил на тренажер «Волга», на котором отрабатывались ручное маневрирование и стыковка космических кораблей «Союз». После тренировки он задерживался на тренажере, если было свободное время, и вместе со старшиной Петром Максимовичем Кученковым, который в Испытательном Институте имени Чкалова был у него механиком самолета, вспоминал и рассказывал о многих событиях в авиации.

В ходе таких встреч я узнал, что кумиром юности, позвавшим его в небо, был Михаил Михайлович Громов, фотографии которого часто появлялись на страницах газет. Легендарные перелеты через Северный полюс в Америку, испытание новых самолетов широко освещались в прессе и по радио. Мальчишки все хотели стать летчиками и с упоением рассказывали друг другу о событиях, связанных с небом. Среди них был и Георгий Береговой. Отгремела война. Береговой летал на штурмовике и закончил ее Героем Советского Союза. Это во многом содействовало его стремлению стать летчиком-испытателем.

И вот уже после полета в Космос, когда Береговой стал летчиком-космонавтом СССР и дважды Героем Советского Союза, он решил пригласить кумира своей молодости и показать ему Центр подготовки космонавтов.

Я сидел в президиуме собрания, посвященного столетию М.М. Громова, рядом с летчиком-космонавтом СССР Володией Соловьевым, а память раскручивала события того дня, когда я познакомился с Великим Пилотом. В этот же день произошло знакомство Громова с молодым поколением космонавтов, уже успевших выполнить космические полеты, Володией Соловьевым (ныне руководителем космических полетов) и Алексеем Кизимом (ныне генерал-полковником, начальником академии Можайского).

Встреча двух поколений.

Слева направо: Александр Иванченков, Владимир Джанибеков,
Жан-Лу Кретьен, Михаил Михайлович Громов,
Георгий Филиппович Байдуков, Георгий Тимофеевич Береговой

Мне тоже захотелось поделиться воспоминаниями.

Я вышел на трибуну и, повернувшись к залу, а затем к президиуму собрания, произнес:

— Мне повезло вместе с Михаилом Михайловичем Громовым пилотировать космический корабль.

Зал замер от удивления. Такого публичного трепача никто еще не видел. Все с любопытством ждали.

Я сделал небольшую паузу и продолжил:

— Когда по приглашению в Центр подготовки космонавтов приехал Михаил Михайлович, Береговой, будучи Начальником этого Центра, взялся показать ему тренажерную базу. Вместе они и пришли на тренажер «Волга».

— Сейчас начальник тренажера, профессор стыковки (с некоторой доброй иронией) покажет Вам, Михаил Михайлович, пилотирование космического корабля на наиболее ответственном участке космического полета — сближении и стыковке, — сказал Береговой.

Громов вслед за мной снял обувь и по ковровой дорожке поднялся в корабль и занял место бортинженера. Я показывал ему реакцию космического корабля на работу двигателей причаливания и ориентации, управляемых маленькими аккуратными ручками. Он с интересом наблюдал на экране телевизора и оптического визира маневры кораблей относительно друг друга. После двух стыковок я предложил ему попробовать. Он занял мое место, но ювелирной работы не получилось. Великий Пилот привык к мощному штурвалу, рычагам и педалям самолета.

— Я уже опоздал, — с легким вздохом сказал Михаил Михайлович, покидая кабину спускаемого аппарата. — Но очень рад, что явился свидетелем, когда вокруг шарика первыми махнули наши ребята. Удачи вам в нелегких делах.

Он пожал на прощанье мне руку и вместе с Береговым покинул тренажерный зал.

Вот так мне повезло пилотировать космический корабль с Пилотом номер один.

А теперь разрешите вручить памятную медаль Георгия Берегового жене и другу Михаила Михайловича.

Из президиума поднялась Нина Георгиевна Громова в длинном черном бархатном платье. Под аплодисменты зала я с волнением вручил ей медаль и удостоверение.

Нина Георгиевна рассказала эпизоды о тревожной жизни Великого Пилота и тех счастливых годах, которые она прошла рядом с этим красивым и обаятельным человеком.

Памятный визит

Утренний телефонный звонок летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Владимира Васютина застал меня врасплох:

— Иосиф Викторович, не возражаете, если я сейчас загляну к вам с одним очень интересным человеком, влюбленным в авиацию и космонавтику. Уверен, Вам он очень понравится, и вы с ним найдете общий язык.

Я только что встал. Небрит. Квартира не убрана и не готова к принятию гостей. Жены нет дома. Что делать?

— Встретить могу только рюмкой коньяка и сухой закуской, — второпях проговорил я.

— Я к вам не с дамой иду в гости, а с нормальным мужиком. Он все поймет. По части коньяка не тревожьтесь, а кофе или чаю для беседы приготовьте. Пить нам нельзя. После вас мы едем в аэроклуб. Я договорился вместе с Виктором полетать.

Так я узнал имя своего будущего знакомого. Не прошло и десяти минут, как в прихожей раздался звонок. Я пошел навстречу ранним гостям.

На пороге в генеральской форме стоял Владимир Васютин, а за его спиной показался молодой мужчина с широкой доброй улыбкой и чуть озорным взглядом серых глаз.

Они вошли. Крепкое рукопожатие. С армейской четкостью следует представление:

— Полковник запаса Виктор Кот.

— Прошу любить и жаловать! — улыбаясь, добавляет Васютин. В это время засвистел чайник, и я предложил пройти на кухню, где подготовил легкое чаепитие, но Васютин остановил меня:

— Я рассказал Виктору о вас, наших тренировках в различных экстремальных условиях и о тех трудностях, с которыми вы столкнулись при издании книги. Он душой и телом прикипел к авиации и космонавтике. Поэтому попросил меня познакомить с вами. Дальше вы обо всем расскажете сами.

Виктор Степанович Кот
награжден медалью
«За заслуги перед Космонавтикой»

Я достал из секретера рукопись моей многострадальной книги «Триумф и трагедия советской космонавтики» и уникальные фотографии, связанные с подготовкой космонавтов к действиям в экстремальных условиях и испытаниями систем аварийного спасения и приземления.

Виктор рассматривал фотографии, задавал вопросы. Его интересовали подробности наиболее драматичных событий в космонавтике. Чувствовалось, что ему близко и дорого то, чем многие годы гордилась наша страна.

С болью в голосе Виктор говорил о тех грандиозных потерях России в приоритетах нашей космонавтики, о тех проблемах, с которыми сталкиваются наши люди, для которых многое значит престиж страны.

Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант В.В.Васютин — президент Международного
общественного Фонда поддержки Российской космонавтики,
и член Центрального совета Фонда В.С.Кот

Виктор с готовностью откликнулся на участие в «Международном общественном благотворительном фонде поддержки Российской космонавтики», понимая главные задачи и направления фонда в развитии передовых технологий, в помощи молодежи, которая осваивает космические профессии; ветеранам космонавтики, отдавшим свой ум, талант и лучшие годы жизни стремительному, дерзновенному броску людей в неведомый мир познания Вселенной.

Разговор у нас получился насыщенный, с конкретными перспективами сотрудничества с учетом делового опыта Виктора Кота.

Они торопились на полеты в Тулу. Для этого нужно было почти четыре часа Виктору сидеть за рулем автомобиля, чтобы только на тридцать минут подняться в небо на спортивном самолете и почувствовать радость полета, радость обретенных крыльев.

Прощаясь, Виктор, пожимая мою руку и глядя в глаза, сказал:

— Я думаю, что ваша книга должна увидеть свет, чтобы люди узнали о тех трудных дорогах, которыми шла и идет наша космонавтика о тех событиях, которые были спрятаны когда-то за грифом секретности. И я вам помогу, чтобы эта задумка была реализована. Завтра я улетаю в отпуск, а после возвращения мы завершим разговор об издании книги.

Виктор улетел с женой в отпуск, а я, закончив очерк «Через купель к звездам», в очередной раз отложил рукопись.

Прошел месяц. Я уже стал забывать о том раннем визите, как вдруг, неожиданно для меня Виктор позвонил и напомнил о нашем разговоре

Он вошел в состав «Международного фонда поддержки Российской космонавтики» и возглавил его дирекцию.

Лично мне он помог в издании этой книги, и является ее крестным отцом.

Можно было бы много и долго рассказывать о тех трудностях и подводных камнях, с которыми я столкнулся при издании книги. Но я благодарен Виктору Степановичу Коту за ту огромную моральную и материальную поддержку, которая позволила, спустя много лет, от задумки приступить к ее реализации — завершить и издать книгу.

Творец голубой энергии

Все ждут вспышки зажигания двигателей ракеты. И оно появляется — плещущее пламя предварительной ступени, грохот все нарастает, нарастает, ракета окутывается пламенем и вот, когда грохот уже так силен, что почти нестерпим, ракета плавно поднимается из ферм. Обозначился четкий рисунок слепящего факела. Опираясь на пламя, корпус ракеты бесстрашно уходит ввысь. Зрелище — завораживающее.

Активный участок идет по расписанию.

То и дело слышны доклады: «Полет нормальный!».

Представители «Газпрома» и специалисты космодрома
внимательно наблюдают за стартом «Протона»
со спутником «Ямал»

В небе загорелась еще одна рукотворная звезда. На этот раз с помощью ракеты-носителя «Протон» в космические дали отправился посланец «Газпрома» — спутник связи и вещания «Ямал-100». Его запуск с космодрома Байконур на геостационарную орбиту состоялся 6 сентября 1999 года. И одним из тех, кто участвовал в этом запуске, кто внедряет новейшие космические технологии в деятельность этой многоплановой и многосторонней отрасли хозяйства России стал Богдан Владимирович Будзуляк. В «Газпроме» ныне создано ОАО «Газком», разрабатываются и внедряются совместно с ракетно-космической корпорации «Энергия» проекты запуска спутников, способных решать сложные задачи разведки новых месторождений, прокладки новых газопроводов, экологического мониторинга. При активном участии Богдана Владимировича создается система спутниковой связи и вещания, предназначенная для развития связи и теле вещания «Газпрома» и предоставления современных телекоммуникационных услуг российским и

зарубежным пользователям. Стоит особо отметить, что уже созданные и планируемые спутники не уступают зарубежным аналогам.

Б.В.Будзуляк на космодроме Байконур

Богдан Владимирович Будзуляк родом с Украины. Но он навеки прикипел к российскому Северу, к его необжитым суровым просторам. Здесь загорелась его звезда, прошло становление судьбы и характера. Его профессией стало нести свет и тепло людям. Доказательство тому — газопровод «Ямал — Европа» — артерия жизни, протянувшаяся через замерзшую тундру.

Доказательство тому — проектируемое строительство газопровода по дну Черного моря в Турцию и Италию, создание глубоководных платформ в южных, северных и восточных морях.

Доказательство тому — его практические дела, направленные в наше трудное переломное время на благородные цели помощи «Международному общественному благотворительному фонду поддержки Российской Космонавтики».

Исключительно благодаря Богдану Владимировичу сохранены и переданы в дар Фонда для передвижной выставки «Человек в космосе» удостоверение Первого космонавта Юрия Гагарина для прохода в Главный штаб ВВС и творение скульптора Постникова — бюст Первого космонавта с подлинным автографом Гагарина.

Нет, не приземленный человек Богдан Владимирович Будзуляк. Его ум, сердце и душа устремлены в будущее. Он знает и верит, что будущее за космосом и космонавтикой. Он активно поддерживает идею создания «Клуба любителей космонавтики», идею возрождения школ юных космонавтов.

Он помнит своих товарищей и друзей по трудным дорогам и делам Севера. Поддерживает тех, что шел с ним локоть к локтю. Являясь председателем сообщества «Комибратство», помогает выжить многим из тех, кто не смог адаптироваться в это сложное и трудное время.

У северян существует неписаное правило: человек в беде, человек в нужде — помоги человеку. И если ты это сделал бескорыстно и от души, то твоя доброта, твое благородство тебе и вернутся.

Живет среди нас Человек с открытой душой, обязательный, как настоящий мужчина и преданный друг.

Несколько встреч с Богданом Владимировичем, с его сослуживцами и друзьями навели меня на мысль написать эту короткую зарисовку и поместить ее в книге, которая появилась на свет при помощи и активной поддержке этого человека.

Космодром Байконур.
Богдан Владимирович Будзуляк
со своими друзьями-соратниками
на стартовой площадке

На Севере рекламировать добрые дела не принято, и те, кто их совершил, тут же забывают об этом, но помнят те, ради которых они были совершены.

Проверено на себе

(несколько слов об авторе)

Не нами сказано: кто владеет КОСМОСОМ, тот владеет Миром. Сидя на чурбане для колки дров у себя на деревенском дворике и задумчиво поглядывая на звездное великолепие осенней ночи над головой нельзя думать, что вся эта доступная глазу Вселенная сделает только для нас. Я постарался представить, что всего лишь в одном разьединственном Млечном пути нашей Галактики двести миллиардов звезд — и не смог. А вы, дорогой читатель, можете? Хватит ли Вам воображения на пятьдесят миллиардов Галактик в нашей чудной Вселенной? Да? Но неужели нигде в ней на всем этом необозримом и даже мысленно неохватном пространстве нет равных, подобных нам? Или отличных от нас, но разумных форм жизни?

Ну, нет, — подумалось мне, — наверное, все же не для нас одних создана Господом эта красота и не только нас она радует. И быть может лучше других это чувствуют наши дети. Как-то в самый разгар битвы за сохранение орбитального научного комплекса «Мир» автор этой книги Иосиф Викторович Давыдов, человек удивительной души и не

менее удивительной выдержки и мужества, достал из конверта смятые рубли, монеты, переложенные рисунками детей, и протянул мне:

— Смотри, вот как дети восприняли известие о том, что готовится затопление станции «Мир» в океане, что нет денег на ее спасение. Ребята из художественной школы города Сочи Андрюша Иванов, Зарина Кочконян, ее сестра Диана — да всех и не перечислить — отдали то, что имели. Они отказались от школьных завтраков! Им понятно то, что до взрослых не доходит! — в его глазах блеснули слезы. — Конверт этот передала мне Марина Попович в Фонд поддержки Российской космонавтики

Да, и впрямь дети все-таки ближе нас к небу, чаще смотрят в его глубины и видят, естественно, больше нас.

Кто-то очень верно подметил, что на Родине нашей никогда не бывало легких времен, каждое было суровым по-своему и чтобы не исчезнуть, не погибнуть народу моему приходилось крепко держаться за обычаи и традиции ушедших в мир иной. Перед памятью о тех, о страданиях, принесенных во имя будущего, мы обязаны были выжить. И мы выжили, освоив эту науку, которая уже пригодилась и еще не раз пригодится нам.

Автор этой книги — крупнейший специалист по выживанию в экстремальных условиях и дар выживания в нем, что называется, от Бога. Он прекрасно распорядился этим сокровищем, что так щедро одарили его родители и Природа. Воля случая и воля человека слились в одно целое, и он попал в Звездный городок и отдал лучшие годы жизни космонавтике и космонавтам. Он возглавлял отдел в Центре подготовки космонавтов. Должность его называлась очень длинно: начальник отдела средств аварийного спасения, приземления, поиска, эвакуации и подготовки космонавтов к действиям после вынужденной посадки в экстремальных условиях различных климатогеографических зон. А если попытаться назвать эту громадную многотрудную ответственнейшую работу, связанную с безопасностью тех, кого отправляли на орбиту, то вся она может вписаться в два емких слова Спасатель космонавтов.

Иосиф Давыдов

Люди в отделе не жалели себя. Вместе со своим начальником они работали на пределе возможностей. Определяя, какие нагрузки и в каком объеме может выдержать организм человека, они ставили эксперименты на себе. Это круглосуточная изнуряющая морская качка, когда спускаемый аппарат непрерывно крутит и бросает на волне, ставя испытателя с головы на бок, с бока на другой бок и ноги, а затем снова на голову и все это в тесном замкнутом объеме, в состоянии, когда человека одолевает тошнота и удушье от недостатка кислорода.

Это и испытания на «жаропрочность» в самом жарком месте Советского Союза — в Кум-Султане под Бухарой, это и испытания на «морозостойкость» — предельно низкими температурами, когда один из испытателей, не рассчитав своих возможностей, остался после «отсидки» в ледяном спускаемом аппарате без кожи на руках. Это и многое, многое другое, о чем Давыдов еще расскажет нам.

И те, кто прошел школу Давыдова, и кто полетел, и кто остался на Земле — благодарны ему на его суровую, но такую нужную науку. Он учил умению обходиться ничтожно малым, учил слиянию с природой, риску и хватке истинных охотников и рыбаков, путешественников и аборигенов. Строгий и непреклонный, он не делал скидок ни на молодость, ни на опыт. И все его ученики знали: если им сказано — делай так! — то так и надо делать, потому как (повторюсь) жизнями и здоровьем проверено каждое слово, каждое действие его учения и, прежде всего, проверено на себе.

Он всегда умел и умеет работать истово, увлеченно и самоотверженно. Его честность и прямота, его принципиальность — и это видно по ситуациям, затронутым в книге, — не всегда помогали установлению теплых отношений, но всегда способствовали и способствуют делу, которому он верно и преданно служит и поныне — родной Космонавтике. Именно за это его так ценил начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю.А.Гагарина генерал-лейтенант Георгий Тимофеевич Береговой, ценят его товарищи и друзья. Вот что было написано о нем в послесловии к материалу, опубликованному в «Литературной России»: «Настоящим подтверждаем честность и профессиональную компетентность бывшего начальника службы спасения Центра подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина автора статьи «Заказное убийство в Космосе» полковника запаса Давыдова Иосифа Викторовича. Все, сказанное им в статье, — правда. Горды тем, что с нами длительное время в ЦПК работал человек, поставивший перед собой благородную цель защитить российскую космонавтику и ее Героев от нападков разного рода проходимцев, готовых за тридцать сребренников продать все и вся».

От имени и по поручению членов Благотворительного Фонда имени Первого Космонавта Ю.А.Гагарина это заключение подписали Президент Фонда летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза П.Р. Попович и член Совета Фонда летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза Г.Г. Береговой.

Под этими словами наверняка подпишутся все, кто хорошо знает Давыдова, ибо характеристика эта имеет отношение не только к конкретному случаю, но и ко всей яркой жизни и деятельности замечательного испытателя и неординарного яркого человека.

Подписываюсь и я.

Лауреат Премии Правительства РФ
в области науки и техники,
Член-корреспондент Российской академии
космонавтики им.К.Э.Циолковского
В.А.Привалов

